

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2020 Т.11 № 3

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОТВЕТОВ
НА ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ**

**CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS:
THEORY AND PRACTICE OF COMPARATIVE ANALYSIS OF RESPONSES
TO EXTERNAL AND INTERNAL CHALLENGES**

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

U L R I C H ' S
PERIODICALS DIRECTORY™

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google
Scholar

J-Gate
INDEXED

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2020 ● Т. 11 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледяев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

А.Д. Богатуров, д.полит.н., проф., Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический
у-тет, Анкара, Турция

Александр Жешит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-
Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия

Чарльз Зиглер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США

О.В. Зиневич, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия

Акихиرو Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро,
Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Гэй Кристоферсен, проф., У-тет Джона Хопкинса,
Нинкинский Центр, США-Китай

Айсгуль Кулназарова, Ph.D., проф. международных
отношений и международного права, У-тет Тама,
Япония

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН,
Владивосток, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет),
проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Чинтамани Махатапра, проф., ректор, У-тет им. Джавахар-
лала Неру, Индия

В.П. Макаренко, д.полит.н., д.ф.н., проф. ЮФУ, Ростов-на-
Дону, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГГУ, Москва,
Россия

Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин,
Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия

Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва,
Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянж По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Ши Чиюй, заслуж. проф. политических наук Тайваньского
Национального у-тета и у-тета Сунь Ятсена,
заслуженный национальный проф.

Чжао Хуагэн, проф., Фуданьский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия

Дэжин Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж;
ассоциированный исследователь,
Гарвардский у-тет, США

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №39

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 24,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 29.05.2020
Выход из печати: 30.05.2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2020
© Воскресенский А.Д., 2020
© Сравнительная политика, 2020
© Издательская группа «Юрист», 2020

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2020 ● Vol. 11 № 3

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrentsky, Dr. of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alexei D. Bogaturov, Dr. of Political Science, Professor,
Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Mikhail V. Ilyin, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Relations
and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS

Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Victor P. Makarenko, Dr. of Political Science, Dr. of Philosophy,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Vasily V. Mikheev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chih-yu Shih, Professor (Political Science), National
Taiwan and National Sun Yat-sen University, National
Chair Professor Life-time

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

Lyudmila I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk
State University, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, RAS, Moscow,
Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Wheaton College;
Research Associate, Harvard University, USA

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing,
P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA

Olga V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russia

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No.39 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 24,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 29 May2020
Printed: 30 May2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2020
© Voskressenski A.D., 2020
© Comparative Politics, 2020
© Publishing Group “Yurist”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Russia, China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and after – What Our Future May Be? Summary of the Online International Roundtable Discussion

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

С.К. Песцов, А.Б. Волынчук. Напряженность в международных отношениях: концептуальная основа для сравнительных исследований

В.В. Вершинина. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов

М.Е. Попов. Авторитарный либерализм в современной Европе: методологические подходы и концептуальные модели

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

М.Л. Горбунова, И.Д. Комаров. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира

В.В. Шишков, С.В. Хорошев. Утрачиваемые окраины: российская политика, Украина, Белоруссия в контексте постимперских отношений

В.В. Гончаров, И.З. Чимитова. Межэтническое согласие как перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном уровне (на примере Республики Бурятия)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

А.С. Ващук. От идеи приватизации времени перестройки к радикальной российской реформе: точки зрения отечественных и англоязычных авторов

5 **Russia, China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and after – What Our Future May Be?** Summary of the Online International Roundtable Discussion

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

12 **Sergey K. Pestsov, Andrey B. Volynchuk.** Tensions in International Relations: Conceptual Basis for Comparative Research

25 **Valeria V. Vershinina.** Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches

41 **Maxim E. Popov.** Authoritarian Liberalism in Contemporary Europe: Methodological Approaches and Conceptual Models

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

57 **Mariia L. Gorbunova, Igor D. Komarov.** Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States

75 **Vasilii V. Shishkov, Sergej V. Horoshev.** Borderlands on the Edge of Loss: Russian Policy, Ukraine, Belarus in the Context of Post-Imperial Relations

86 **Vitaly V. Goncharov, Irina Z. Chimitova.** Inter-Ethnic Harmony as a Promising Direction for Strategic Planning of National Security Policy in the Russian Federation at the Regional Level (on Example of Republic of Buryatia)

DISCUSSION

96 **Angelina S. Vashchuk.** From the Idea of Privatization of Perestroika Period to Radical Russian Reform: the Points of View of Russian and Foreign Authors

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Iliia O. Viatkin, Artem V. Maksimov. Inside View on Political History of Russia in the 1990's as a Tool of Demythologization

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

М.Б. Башкиров, М.Е. Антонова. Франция в Арктике: в поисках «места под солнцем»

К.О. Телин. «Стабильность» вместо стабильности: провалы и неудачи государственной политики

И.В. Левакин. Историко-компаративистский анализ бюрократии на основных этапах развития публичной власти

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Monalisha Acharjee. Ethnic Conflicts in North Caucasus

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная онлайн-дискуссия «Ускользающий регионализм Северо-Восточной Азии»

Онлайн-семинар «Внешняя политика Индонезии в период президентства Джоко Видодо»

Лекция профессора Университета Джона Хопкинса Гэй Кристофферсен

Российско-украинский научный контакт

Международный семинар «Взаимоотношения между Востоком и Западом: действительно ли международные отношения все еще отношения?»

Заседание редколлегии журнала «Сравнительная политика»

112 Iliia O. Viatkin, Artem V. Maksimov. Inside View on Political History of Russia in the 1990's as a Tool of Demythologization

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

130 Mikhail B. Bashkirov, Marina E. Antonova. France in the Arctic: in Search of "Places under the Sun"

141 Kirill O. Telin. "Stability" versus Stability: Fails & Losses of Public Policy

153 Igor V. Levakin. Historical-Comparative Analysis of the Bureaucracy at the Main Stages of Development of Public Authority

RESEARCHERS' NOTES

174 Monalisha Acharjee. Ethnic Conflicts in North Caucasus

ACADEME

188 International Online Discussion "Elusive Regionalism of Northeast Asia"

189 Online Seminar "Foreign Policy of Indonesia during the Presidency of Joko Widodo"

190 Lecture of Professor Gaye Christoffersen, Johns Hopkins University

191 Russian-Ukrainian Academic Contact

192 International Seminar "Relations between the East and the West: Are International Relations still Relations?"

192 Editorial Board Meeting

RUSSIA, CHINA, EUROPE, EURASIA AND THE USA: COVID-2019 AND AFTER – WHAT OUR FUTURE MAY BE?

SUMMARY OF THE ONLINE INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Received:</i> 14.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 28.04.2020</p> <hr/> <p>About the author:: <i>Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski</i></p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p> <hr/> <p>Key words: COVID-19; China; Europe; Russia, Eurasia; the USA; international relations</p>	<p>Abstract: Summary of the online international roundtable discussion “Russia, China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and after – What Our Future May Be?” taken place on April, 11, 2020 via Zoom as an online conference*. The topics discussed are: perception of China in different countries, Russian-Chinese partnership, and its Role, US / China / Russia’s changing international role after COVID-19, SARS-Cov-2019/COVOD-2019; COVID-19 and its consequences for international order; China, Europe and the USA political economy models and COVID-19.</p> <p>The conference was organized in the frameworks of the online academic events series of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University: “The World-Eurasia-China Agenda and Regional Problematique. On-Line Discussions”.</p> <hr/> <p>* Theme: Conference Zoom Alexei Voskressenski China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and After – What Our Future May Be? Online Discussion 11.04.2020 05:00 PM Москва https://us02web.zoom.us/j/372427526?pwd=V1p0ZzF4aFRYbnkL0ZGZjhWUEExYz09</p>
---	--

Participants:

Moderator and discussant:

Professor Alexei D. Voskressenski, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Discussants:

Csaba Moldicz, Head of Research, Oriental Business and Innovation Center, Budapest Business School, University of Applied Sciences

Richard Weitz, Senior Fellow at Hudson Institute, Washington D.C. Metro Area

Walter LEE Wan Fai, Programme Leader for Global and China Studies, Research Fellow and Assistant Professor, Public and Social Policy Research Centre, School of Arts and Social Sciences, The Open University of Hong Kong

Chih-yu Shih, Professor, Department of Political Science, National Taiwan University

Eugene Rumer, Senior Fellow and Director, Russia and Eurasia Program Carnegie Endowment for International Peace

Ekaterina Koldunova, Deputy Dean, School of International Relations, Associate Professor, Asian and African Studies Department; Senior Expert, ASEAN Centre, MGIMO University

Literature for the discussion:

– Alexei D. Voskressenski, Mikhail Karpov, Vasily Kashin. *China’s Infinite Transition and Its Limits: Economic, Political and Military Dimensions*. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2020 (forthcoming).

– *The Belt and Road After COVID-19. Possible Post-Pandemic Scenarios for China’s Long-term Foreign Policy Strategy*. By Plamen Tonchev. April 07, 2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/04/the-belt-and-road-after-covid-19/>

– Global Health Security / *RSIS* Commentary. No. 066/2020 dated 8 April 2020.

– Tackling COVID-19: Success or Failure of China’s Governance? By Anu Anwar / RSIS Publications <publications@rsis.edu.sg>

Questions discussed:

1. May China’s development be described as the “Infinite Transition”? What are the consequences of this Russian concept for understanding China?

2. Will China’s transformation be unlimited? What are the criteria for success or failure in present circumstances?

3. What does China’s military modernization mean for the world?

4. Can military help to solve problems within the government’s response?

5. Is China’s medical diplomacy successful?

6. How is China’s international identity changing? What maybe consequences of this process for international community?

7. How the international order may change after COVID-19? How this transformation may influence the USA, China, Europe, Russia and other countries?

8. What may be the role (if any) of the triangular relations USA-Russia-China after COVID-19?

9. How European, US or China political economy model may influence the possibility of the future economic growth in the world?

10. Is there a future for ASEAN in the future political economy and geopolitics? How is the ASEAN states’ perception of China, US and Russia / Eurasia changing in the context of COVID-19 pandemic? Is the Greater Eurasia concept still possible?

Discussion Summary

Like the end of the Cold War, and the terrorist attacks of 9/11, the COVID-19 crisis promises to have lasting effects on the international system or at least on state behaviors. The crisis is likely to be a watershed event, as Eugene Rumer argues, but there is little chance of it transforming the international system or behaviors of individual states. If anything, the pandemic may reinforce the entrenched views of foreign policy elites and their approaches to the conduct of international

relations. However, there are also other options that may be valid.

The end of the Cold War provided a brief – in historical terms – respite from the struggle between democracy and authoritarianism, and less than a generation later geopolitics returned as one of the principal drivers of relations between states. Eugene Rumer argues that the 9/11 attacks only reinforced the U.S. foreign policy establishment’s belief in the virtues democratic governance and importance of promoting it as the answer to the terrorist scourge. According to this perception it is still early in the era of COVID-19 and, probably, other pandemics to follow, to make an appraisal of the actions of the big three – the United States, China, and Russia – current developments already suggest that states will be states, their elites will be guided by their, rather than some common, interests and assessments, and existing behaviors may be even reinforced. Thus, in the United States, the conversation is unfolding about the advantages of democratic governance in handling global pandemics, in Russia legislators are proposing new measures to heighten the political stability but outside Russia these attempts are seen as limiting the impact of the few remaining independent actors in Russian politics. China, having – apparently – managed to stem the spread of the virus, similarly is acting to heighten stability to save the maximum out of the years of reforms while in the USA China blamed for limiting information in the country from reaching foreign or domestic audiences. And in a strange coincidence, as Eugene Rumer pointed out, Russian, Chinese, and U.S. media all continue to spread disinformation about the origins of the virus.

However, as pointed by *Alexei D. Voskressenski*, China’s rising is based on international development principles and not only on “Chinese characteristics,” i.e. international development principles are adapted to China’s specifics, this development is successful, made the country possible to survive American sanctions and proved to be able to successfully overcome pandemic. Russia, though has its own interests, supports China and sees Chinese globalization as an important step to establish real polycentricity of

the world, a tool to de-facto de-westernization of the international system thus enabling more room for Russia's independent national development and more comfortable place in world system.

If we look at COVID-19 from the angle of searching a vaccine as a metaphor of political solution, as proposes *Chih-yu Shih*, there are at least two relational threads in the discussion on COVID-19. One comes from the divides between and within nations, caused by the structures of class, power, and stage of pandemic, as well as discursive practices of civilizational imagination, racial discrimination, and partisanship. The level of personal risk, the ability of self-help, the opportunity of treatment all vary according to these relational settings. The other thread reflects the divide between the virus and mankind. There has been an apparent determination in the public discourse everywhere to conceive of the virus as alien to mankind. However, the virus and mankind belong to the same ecology instead of being external to each other as the public discourse has assumed.

Both divides require certain relational treatments in order to reconstruct the mutual constitution of all sides each falsely conceived of as autonomous entity. The first divide undermines solidarity for any human society to remain mutually beneficial. The second divide falsely externalizes what is actually internal, to the effect of continuously self-estranging. This process of self-estranging needs elaboration.

If the virus were alien to the ecology that supports mankind, quarantine would be the proper solution. Quarantine the virus, then the infected, then the potentially infected, then the heavily infected area, then the nation to which the area belongs, then the race that stereotypically constitutes the nation, and then the civilization that stereotypically characterizes the race – argues *Chih-yu Shih*.

Scapegoating on some selected internal target is inevitable where quarantining fails. Ultimately, however, no quarantine will succeed as the virus and mankind are ontologically connected through their shared ecology. The only solution is to develop antibodies through vaccine. In other words, virus and human have to be mutually constituted to restore ecological

relations in which the virus and mankind achieve harmony.

Asking the first country that fails to quarantine the virus to account for the subsequent failure of others presupposes a (misperceived) human ecology, to which the virus does not belong. This is wrong. Quarantine is at best functional to squeezing time for a vaccine to come to the rescue. Eventually, quarantine is counter-productive as argues *Chih-yu Shih*. Thereafter, with vaccine, the virus in the form of antibody and the body are symbiotic. However, empirical evidence on how countries are fighting virus may contradict his view as some analysts argued.

Vaccine can be a great metaphor of solution. Antibody rebuilds an integral community of virus and mankind. In fact, electoral / partisan rivals often portray the other side of the divide as virus, something alien, obnoxious and contagious. This indicates democratic failure – refusing solidarity. Externalization of a political rival is exactly how we consider and strategize COVID-19. Vaccine practically re-internalizes virus. A political antibody is not unlike an in-between process that mingles mutually externalizing rivals. The incurrence of in-betweenness would explore and develop the potential of post-Westernness to deconstruct the divides and reveal, revise and restore the ecological relations that have already encompassed all sides. So, we may argue that:

* Virus and mankind are related and coexistent through antibody.

* They are ontologically relational wherever antibody develops and constitutes the people.

* Danger actually arises in the long run wherever lockdown dominates their relationship.

* Politics likewise relies on political antibody to accommodate differences, imagined as well as practiced.

* Without political antibody, electoral groups see and treat one another as virus.

* An electoral divide/cleavage is not democratic because it removes political antibody that constitutes all members of the society.

* Democracy is conducive to solidarity only if it produces political antibody of all kinds to relate different people.

* The relationality of antibody is a possible lesson of democratic theory we could acquire from the current pandemic.

* It is also a relational remedy to International Relations theory plagued by the myth of sovereign exclusiveness.

If we try to remove our COVID-19 antibody, (which is impossible) we would jeopardize our lives, the mothering ecology, and the viruses. *Chih-yu Shih* argues that Americans have developed China antibodies for centuries. All kinds of things and practices Chinese have been in the States. They are revisable and always transient and fluid. In the sense that Americans have encountered, adapt to, and transform Chineseness in various ways, they are already immune from the threat of Chineseness. In other words, Chineseness does not cause serious problems in America, believes *Chih-yu Shih*. American Chineseness is like vaccine that was initially acquired from encountered Chineseness. However, American leaders under the 2020 Administration advise that these China antibodies be removed in order to be independent from Chineseness. What would happen to the world is not difficult to tell. Not all Americans, participated in this discussion, agreed with *Chih-yu Shih's* arguments, but it is clearly, if developed further, we may argue that Russia per se is long ago has antibodies to China because of the long-term peaceful relationship thus subverting American arguments of the necessary geopolitical competition between Russia and China in a way this competition already started between the USA and China thus disproving also the argument of impossibility of solid Russian-Chinese partnership. So, an advice to deconstruct Russian-Chinese partnership may mean as well China antibodies be removed in order Russia be independent from Chineseness as argued *Alexei D. Voskressenski*.

A Chinese way to restore relations is, by comparison gift-giving and ritualizing reciprocal play, as was mentioned by *Chih-yu Chi*, who participated remotely through simultaneous e-mailing while his Zoom connection failed by unknown reasons. This has been consistently so throughout a history of several thousand years.

Richard Wietz disagrees with both *Chih-yu Shih* as well as *Eugene Rumer*. His point is

that regarding relations between Russia, China, and the United States, the most important near-term effect of the virus has been to weaken ties between the three countries. For example, the slowdown in economic activity in China combined with the restrictions on travel with China have reduced Chinese-Russian and Chinese-U.S. trade. Now the slowdowns in the US and Russia will have the same impact. Many of these reductions can be reversed as soon as the virus is under control, which may be in a couple years as *Richard Wietz* believes though *Alexei D. Voskressenski* doubts that this may be the case. *Voskressenski* argued earlier and also in a published form that just in contrary – the strengthening of economic ties between the two countries and the coordination of their policies on a regional level may be the economic remedy for the post-COVID-19 epoch. At the political level though, there has not been a major change in their relationship – China and Russia remain closely aligned even in military spheres while US relations with both remain bad. The Chinese and Russian governments have not criticized each other for their mutual restrictions on travel. We also don't see mutual accusations characterizing, for example, Sino-American on who's to blame for the crisis. Thus, for Russia a further globalizing China may be an additional support to overcome economic crises as well as for China to seek more technological independence from the West.

Richard Weitz is less pessimistic in his final conclusions thus disagreeing with his fellow-American *Eugene Rumer*: The crisis could have a greater long-term impact if one of the three states is more adversely impacted. Furthermore, there will be likely further decoupling of the China and U.S. economies, with the United States striving to reduce its dependence on China for its health care and other supply lines. The transatlantic alliance may be weakened due to the U.S.-EU lack of cooperation in their response to the crisis, falls in defense spending, and growing support in some quarters for an authoritarian response to the crisis. And Russian-Chinese partnership, as argued by *Alexei D. Voskressenski*, successfully survived pandemic.

Walter Lee has shared his view on the problem from the perspective of Chinese

international relations. China's transition may be described as the "Infinite Transition" as the Russian academics propose. However, that raises the question of what are the criteria for success or failure in present circumstances? Pandemic is of course tragic, but it is what humankind encounters from time to time in history. Viruses are part of nature. What truly matters in the COVID-19 case is that it comes at a time when the global society is falling deeply into the trap of protectionism, isolationism, populism, exclusion, and xenophobia. Now is not the time to point fingers to each other but to cooperate by strong political will in responding to our common interests in public health and global economy. Lee believes the success of China in fighting the first wave of COVID-19 has strengthened the legitimacy of the Communist Party of China (CPC) and the Chinese government. This is evident from the very strong bottom-up nationalistic sentiment that people have during and after the crisis – despite people also got furious and frustrated about the mismanagement of the Wuhan and Hubei governments at the early stage of the outbreak, the suppression of free flow of information, and the death of "whistleblowers" such as Dr. Li Wenliang. The success of the China case is not just the result of effort made by the government and/or because of the advantages of the "China model" alone, but also that the people have been generally cooperative with and supportive for the very strict quarantine and other public health measures imposed by the authority plus the use of high-technology such as big data and artificial intelligence. This is an interesting lesson for Russia to consider.

As for future leadership of the world, it is still largely unknown. It may depend more on the result of the United States (US) presidential election 2020 than any other factors. Nevertheless, China's response to COVID-19 perhaps is an example to show us a society with solidarity will be able to rebound more quickly than a deeply divided society. A nation has to be strong inside in order to lead outside. If China, the US, and Russia all have solidarity domestically (though by very different means) and they can cooperate for humankind's common good, it would be hopeful that we are able to overcome pandemic. It is interesting that the

Chinese of the Greater China – HK and Taipei – are both more optimistic about the positive impact of China-USA-Russia cooperation for the humankind's common good than as well as some Russians than both Americans who participated in the round-table discussion

The COVID-19 pandemic has a serious impact on Southeast Asia as well, argued *Ekaterina Koldumova*. Thus, the functioning of the intraregional production chains experienced a severe damage. Economic interaction with China is also at risk, she believes. In 2018, Southeast Asia became China's number two trading partner and the downfall of the economic activity in China because of the pandemic will resonate greatly in the region. In the recent months, Southeast Asia itself has been witnessing the symptoms of recession. Some countries like Thailand or Indonesia had to reassess their growth rates forecasts and to suspend military acquisitions. Others, like Vietnam, this year's ASEAN Chair, so far stay as still economically vibrant economies in the region. However, the expert assessments tend to subtract up to 4% of the regional growth against the pre-COVID-19 forecasts as *Koldumova* argues¹.

The current pandemic also puts forward a question about regional resilience among global turbulences. Earlier this year ASEAN found itself on the periphery of the US-China contradictions and the first phase of their trade deal struck in January 2020 definitely did not consider Association's interests.

One of the interesting conclusions of this discussion that one may have is the re-emergence of the three states – the US, Russia and China – at the forefront of international relations though the crucial impact of the Covid-19 pandemic on the international order generally heavily depends on how fast countries lift the lockdowns and the restrictions on people's movement and jump-start the economy. The speed of recovery is to put countries into better

¹ Leaders Support Establishment of ASEAN COVID-19 Response Fund // *The Jakarta Post*, April 14, 2020. Mode of access: <https://www.thejakartapost.com/seasia/2020/04/14/leaders-support-establishment-of-asean-covid-19-response-fund.html?fbclid=IwAR2ManmE8uswW5Xg3j7PhDdZwqbmI4pTcaMO-YT1bQvyRSvFitPEQ5v8luc>

or worse starting positions in the new round of international competition, and that has the full potential to accelerate the already palpable and long-term shifts in the world order. *Ekaterina Koldunova* believes that the rise of China, and isolationist trends in the US foreign policy most likely speed up during the coronavirus and even in the aftermath of the pandemic, seismic economic and political changes are likely to continue and occur, changing the geopolitical relations in the world.

However, personal leadership and later the outcome of the US presidential election might change the course of events or at least slowdown the shifts that are to be observed in the international order. And this likelihood is still there, since we cannot know whether China can efficiently exploit the opportunities deriving from the fact that it is still the factory of the world that can provide the world with medical supplies and the virus could be stopped first in China. Tough it must be admitted that a triumphant attitude of the Chinese could backfire and make the image of a responsible global leader incredible.

At the same time, as *Czaba Moldiz* argued, the question of how to go back to normal until the vaccine is available arises. It is a key question of whether using smartphone applications can help us to lift the restrictions on people's movement by linking free movement with personal health condition before the vaccine elaborated through international collaboration arrives, most likely, as he believes, in 18 or 24 months from now.

Eugene Rumer in this connection stressed that the known and predicted economic consequences of the pandemic have prompted speculation about its impact on the foreign policies of major powers. He raised pointed questions: Will China abandon its Belt and Road initiative? Will Russia pull back from Syria and end its war against Ukraine? Will the United States act more rapidly on its "America first" agenda? For Eugene the answer is probably "no, no, and yes." However, for *Richard Weiss* the answers may be different as for some other participants as well.

At this point, as *Czaba Moldich* believes, supported by *Walter Lee*, China is in a favorable position since Chinese firms are front-runners in

this technology, and the Chinese leadership has more maneuvering room to experiment in order to find the right solutions. And that gives China an advantage over the United States, at least for a while. So, their conclusion supports also all previous arguments of the Russian participants, at least at the moment. However, the distant future is unknown and unpredictable, and new factors may arise to influence the development of the situation.

References:

- Anwar, Anu. Tackling COVID-19: Success or Failure of China's Governance? By / RSIS Publications, 2020.
- Blyth, Mark. The U.S. Economy Is Uniquely Vulnerable to the Coronavirus. Why America's Growth Model Suggests It Has Few Good Options // Foreign Affairs, Monday, March 30, 2020.
- Global Health Security / RSIS Commentary. No. 066/2020 dated 8 April 2020.
- Minxin Pei. China's Coming Upheaval Competition, the Coronavirus, and the Weakness of Xi Jinping // Foreign Affairs, Friday, April 3, 2020.
- The Belt and Road After COVID-19. Possible Post-Pandemic Scenarios for China's Long-term Foreign Policy Strategy. By Plamen Tonchev. April 07, 2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/04/the-belt-and-road-after-covid-19/>
- Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military and Political Dimensions. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2020.

*Prepared for publication
by Alexei D. Voskressenski*

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10032

РОССИЯ, КИТАЙ, ЕВРОПА, ЕВРАЗИЯ И США: COVID-2019 И ПОСЛЕ – КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ НАШЕ БУДУЩЕЕ?

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОНЛАЙН КРУГЛОГО СТОЛА

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 апреля 2020 <i>Принята к печати:</i> 29 апреля 2020</p>	<p>Аннотация: Подведение итогов онлайн-круглого стола: «Россия, Китай, Европа, Евразия и США: COVID-2019 и после – каким может быть наше будущее?», который состоялся 11 апреля 2020 года на платформе Zoom*. Обсуждаются следующие темы: восприятие Китая в разных странах, меняющаяся международная роль США / Китая / России после COVID-19, SARS-Cov-2019 / COVOD -2019; COVID-19 и его последствия для международного порядка; модели политической экономии Китая, Европы и США и COVID-19. Мероприятие организовано в рамках серии онлайн академических мероприятий Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО Университета: «Повестка дня для мира, Евразии, Китая и региональная проблематика. Онлайн-дискуссии».</p>
<p>Об авторе: <i>подготовлено к публикации главным редактором журнала проф. А.Д. Воскресенским</i> e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	<p>* Theme: Conference Zoom Alexei Voskressenski China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and After – What Our Future May Be? Online Discussion 11.04.2020 05:00 PM Москва https://us02web.zoom.us/j/372427526?pwd=V1p0ZzF4aFRYbnlkL0ZGZjhWUEYXZj09 Идентификатор конференции: 372 427 526</p>
<p>Ключевые слова: COVID-19; Китай; Европа; Евразия; США; международные отношения</p>	

Для цитирования: Alexei D. Voskressenski. China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and after – What Our Future May Be? Summary of the Online International Roundtable Discussion // *Сравнительная политика.* – 2020. – № 3. – С. 5-11.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10032

For citation: Alexei D. Voskressenski. China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and after – What Our Future May Be? Summary of the Online International Roundtable Discussion // *Comparative Politics Russia,* 2020, No. 3, pp. 5-11.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10032

НАПРЯЖЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сергей Константинович Песцов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Андрей Борисович Волынчук

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 21 июля 2019 Принята к печати: 11 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы теоретической интерпретации концепта напряженности как необходимого предварительного условия его операционализации и превращения в инструмент прикладного компаративного анализа. Рост напряженности в разных регионах и типах правительств, внутри и между странами является отражением глубоких перемен, которые переживает современный мир. Вместе с тем, число попыток серьезного научного его осмысления и концептуализации, а также операционализации и измерения, остается крайне ограниченным. В первой части статьи представлен краткий обзор предшествующих исследований феномена напряженности в контексте мировой политики и международных отношений. Вторая часть посвящена концептуальному анализу феномена напряженности как особого динамического состояния, присутствующего не только в отношениях конкуренции (война), но и в отношениях сотрудничества (мир), и который, таким образом, выступает более распространенной разновидностью состояния межгосударственных взаимодействий.</p>
<p>Об авторах: Песцов С.К., руководитель Отдела международных отношений и региональной безопасности, Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований, ИИАЭ ДВО РАН e-mail: skpfox@yandex.ru Волынчук А.Б., ведущий научный сотрудник Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований, ИИАЭ ДВО РАН e-mail: i-abv@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: напряженность; мировая политика; международная конкуренция; международное сотрудничество; война; конфликт; мир; партнерство; сравнительный анализ</p>	

Понятие «напряженность» относится к числу привычных и достаточно часто встречающихся в международных исследованиях терминов. И, как это обычно бывает в случае с обычными понятиями, напряженность редко привлекала к себе внимание в качестве самостоятельного (отдельного) феномена, чаще выступая в роли вспомогательного (служебного) термина, используемого для описания специфики международных отношений в различных контекстах. Напря-

женность, таким образом, попала в своего рода «серую» зону между двумя противоположными состояниями – миром (безопасностью) и конфликтом (войной) – этих отношений, которые, как правило, и привлекали основное внимание специалистов в области международных исследований.

В первом случае понятие напряженности оказалось плотно встроенным в словосочетание «разрядка напряженности», характеризующее политику сниже-

ния агрессивности противостояния стран капиталистического и социалистического лагерей в 1950-е – 1970-е годы¹, или, более широко, процесс в системе международных отношений, отличающийся смягчением межгосударственных противоречий. Однако гораздо чаще напряженность привлекала внимание в контексте исследований конфликтов, рассматриваясь в этом случае как один из этапов общей конфликтной динамики или пороговой фазы, разделяющей нестабильность и открытый (вооруженный) конфликт².

При этом нельзя не признать, что оба эти полярные состояния международных отношений являются сравнительно менее распространенными и реже встречающимися в своих чистых проявлениях, в сравнении с напряженностью. Ведь даже отношения мира и сотрудничества не означают полного отсутствия – латентной или спорадически возникающей – напряженности в отношениях между государствами и другими международными акторами. Еще чаще напряженность наблюдается в сравнении с открытыми, вооруженными конфликтами (войнами). Тем не менее, как специфическая разновидность международных отношений в контексте различных их состояний и феноменов, обладающий некоторым набором характеристик, собственной внутренней динамикой и закономерностями эволюционных изменений, напряженность во многих

случаев остается лишенной внимания исследователей.

Наряду с этим, интерес и потребность в более внимательном анализе феномена напряженности актуализируются теми тенденциями, которые в настоящее время все больше определяют стояние и динамику системы мировой политики в целом. В своей совокупности, констатируют разные прогностические исследования, они ведут к «повышению напряженности во всех регионах и типах правительств, как внутри, так и между странами»³. Внутри стран напряженность будет расти как результат общественного давления на правительства, требований обеспечения прочного мира и собственного благополучия в условиях, когда как первое, так и второе все больше зависит от происходящего за границами. Это, в свою очередь будет способствовать повышению напряженности в отношениях между странами, увеличивая риски межгосударственных конфликтов. «Чистым эффектом растущей напряженности внутри стран, между странами и растущей угрозы терроризма становится больший глобальный беспорядок и значительные сомнения в правилах, институтах и распределении власти в международной системе»⁴.

Исследования напряженности: краткий обзор

Несмотря на общий недостаток систематизированных исследований напряженности в международных отношениях, ощущающийся до сегодняшнего дня, интерес к научному осмыслению этого феномена в современных условиях проявился довольно рано. В 1941 году увидело свет исследование Ф. Клингберга, в котором напряженность рассматривалась как разделяющая два государства «психологическая дистанция», величина которой может быть изме-

¹ См., например: Рабуш Т.В. Эволюция идеологической составляющей в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах (1970-1980-е годы) // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 1. С. 75-85. [Rabush, T.V. Jevoljucija ideologičeskoj sostavljajushhej v sovetsko-amerikanskom protivoborstve v regional'nyh vooruzhennyh konfliktah (1970-1980-e gody) (The Evolution of the Ideological Component in the Soviet-American Confrontation in Regional Armed Conflicts (1970-1980's)) // Vestnik SPbGU. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija, Vol. 10, No. 1, pp. 75-85.]

² См., например: Сильван Вите. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации / Международного Комитета Красного Креста. Режим доступа: www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf

³ Global Trends. Paradox of Progress / A Publication of the National Intelligence Council, January 2017. Pp. 31-32. Mode of access: <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Main-Report.pdf>

⁴ Ibid. См. также: Stowell, Joshua. 12 Predictions for Global Geopolitics for 2019 through 2025 – and Beyond. Mode of access: <https://globalsecurityreview.com/world-will-look-like-2025/>.

рена в рамках шкалы «дружественность – враждебность»⁵.

В 1947 году на второй сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Мехико было принято решение о начале реализации масштабного международного проекта систематического исследования напряженности и ее последствий для международной жизни с участием специалистов, представляющих разные социальные науки. Это решение, вдохновляемое желанием помочь в устранении конфликтов, которые способны провоцировать войны, основывалось на предположении, что такого рода исследования будут способствовать «развитию лучшего международного взаимопонимания и устранению напряженности, вызванной предвзятими, стереотипными идеями о зарубежных странах и их жителях...»⁶.

Несмотря на то, что данный проект, как с самого начала признавали его организаторы и участники, не претендовал на то, чтобы дать научный ответ на все, связанные с рассматриваемой проблемой вопросы, исследовательская активность в его рамках и вне их способствовала углублению понимания феномена напряженности в контексте международных отношений⁷. В частности, исследователи пришли к согласию, что общепринятое восприятие напряженности как негативного и патологического феномена вряд ли можно считать адекватным и ее, скорее, следует рассматривать как «нормальную черту жизни при условии, что она не выходит за рамки некоторой интенсивности». А потому «реальная проблема... заключает-

ся не столько в устранении напряженности, сколько в направлении ее в полезные каналы и превращении в конструктивные социальные результаты, предпринимая соответствующие меры для контроля условий, в которых она возникает и факторов, которые на нее влияют»⁸. В этой связи, констатировали Д. Креч и Р. Кратчфилд, неверным будет «концентрация исключительно на проблемах войны: напряженности, существующей в условиях мира, должно быть уделено, по крайней мере, равное внимание»⁹. Чуть позже серьезная попытка представить как можно более полные результаты различных видов исследований в области социальных наук, применимых к исследованию международной напряженности была предпринята О. Клайнбергом. В ней было описано существующее разнообразие методов, с помощью которых социальные психологи попытались анализировать характер негативных установок, способствующих росту напряженности, и причин их порождающих, а также подходы к измерению интенсивности этих установок¹⁰.

В 1955 году модель измерения межгосударственной напряженности, как динамического состояния, располагающегося в многомерном пространстве между полюсами стабильности и конфликта, была представлена К. Райтом¹¹. Ранее, размышляя о том, можно ли оценить, или измерить напряженность, он отталкивался от применения этого термина в физических науках и его отражений в социологических и психологических исследованиях¹². Свой подход к измерению напряженности, основываясь на «предположении, что в формулировании внешней политики важно понимать вос-

⁵ Klingberg, F.L. Studies in Measurement of the Relations Among Sovereign States // *Psychometrica*, 1941, No. 6, pp. 335-352.

⁶ Introduction. The UNESCO Tensions Project. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions*. By the International Sociological Association in collaboration with Jessie Bernardt, T.H. Pear, Raymond Aron, Robert C. Angell. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957. P. 9.

⁷ См. например: Cantril, H. *Tensions That Cause Wars*. Urbana: University Illinois Press, 1951; Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology*. New York: McGraw Hill, 1948.

⁸ Ibid. P. 11.

⁹ Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology*. New York: McGraw Hill, 1948. Pp. 443-622.

¹⁰ Klineber, O. *Tensions Affecting International Understanding*. New York: Social Science Research Council, 1950.

¹¹ Wright, Q. *The Peaceful Adjustment of International Relations: Problems and Research Approaches* // *Journal of Social Issues*, 1955, Vol. 11, Iss. 1, pp. 3-12.

¹² Wright, Q. *The Nature of Conflict* // *Western Political Quarterly*, 1951, Vol. 4, No 2, pp. 193-208.

приятия реальности, образы, стереотипы и определения ситуации лицами, принимающими решения, а не существующие в мире объективные условия», позднее был предложен К. Холсти¹³. Наибольшее внимание при обращении к анализу напряженности, как правило, привлекала проблема идентификации основных причин и факторов ее вызывающих¹⁴. К их числу относились такие перцептивные переменные, как восприятия угроз¹⁵, оценки способностей, намерений, отношений и явного поведения¹⁶. В результате всех этих усилий, понятие напряженности постепенно стало приобретать большую определенность и содержательную строгость. В соответствии с классической трактовкой К. Холсти она стала пониматься как «набор установок и тенденций, таких как недоверие и подозрительность, которые общественность и политики испытывают по отношению к другим»¹⁷.

Однако с какого-то момента импульс, ранее приданный исследованиям напряженности в международных отношениях, стал затухать. Все реже концепт напряженности рассматривался как особый феномен, отдельный от кризиса, с которым он оставался тесно связанным и благодаря чему за ним закрепилась преимущественно негативная коннотация. Больше того, даже в этом качестве он так и не приобрел точного смысла, оставаясь на уровне привычного, но весьма неопределенного в содержательном плане понятия. Как правило, и чаще всего, сегодня

под напряженностью понимается один из этапов процесса общей конфликтной динамики. Примером в этом случае может служить шаблон конфликтного цикла, предложенный экспертами Сети по предотвращению конфликтов Европейской комиссии (*Conflict Prevention Network of the European Commission*) и включающий четыре основных стадии: стабильный мир, нестабильный мир, высокую напряженность и открытый конфликт¹⁸. Одновременно с этим напряженность используется в качестве характеристики, позволяющей разграничивать разные состояния международных отношений¹⁹ или индикатора, посредством которого разделяются фазы процесса эскалации кризисов²⁰. Все эти многообразные интерпретации, в отсутствие необходимой понятийной четкости, зачастую смешиваются, существенным образом осложняя ситуацию.

В последние годы ситуация вновь начинает меняться. В работах отдельных авторов концепт напряженности все чаще начинает выступать в качестве самостоятельного предмета исследования, рассматриваемого в различных контекстах²¹. Специальное внимание специалистов-международников, помимо причин, вы-

¹³ Holsti, K.J.. The Use of Objective Criteria for the Measurement of International Tension Levels // *Background*, 1963, Vol. 7, No. 2, pp. 77-95.

¹⁴ Leifer, M. The Foreign Relations of the New States. Australia. Longman, 1974.

¹⁵ Zinnes, Dina A.; North, Robert C.; Koch, Howard E. Capability, Threat and the Outbreak of War. In: James N. Rosenau (ed.) *International Politics and Foreign Policy*. New York: Free Press, 1961. Pp. 469-482.

¹⁶ Holsti, O.R. The Belief System and National Images: A Case Study // *Journal of Conflict Resolution*, 1962, Vol. 6, pp. 244-252.

¹⁷ Kalevi Jaakko Holsti. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 288.

¹⁸ Human Rights and the Conflict Cycle. Ed. by Omar Grech and Monika Wohlfeld. Malta: Mediterranean Academy of Diplomatic Studies. June 2010. P. 18.

¹⁹ «...С точки зрения степени напряженности, — полагает известный отечественный исследователь международных отношений П.А. Цыганков, — можно говорить о различных состояниях международных отношений: это, например, состояния стабильности и нестабильности, доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.». Цыганков П.А. *Политическая социология международных отношений*. М.: Радикс, 1994. С. 55. [Tsygankov, P.A. *Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii* (Political Sociology of International Relations). Moscow: Radiks, 1994. P. 55.]

²⁰ Learning Package Four Stages of Conflict Development. CRANaplus, October 2011. Pp. 1-3. Mode of access: https://crana.org.au/uploads/pdfs/Other_45.pdf

²¹ См., например: Goldmann, Kjell. *Cooperation and Tension Among Great Powers: A Research Note* // *Cooperation and Conflict*, 1980, Vol. 15, Iss. 1, pp. 31-45.

зывающих и/или способствующих росту международной напряженности, начинает привлекать более широкий круг вопросов, в частности связанных с анализом эффектов, последствий и цены (экономической и социальной) напряженности для сотрудничества и безопасности как в целом, так и в конкретных ситуациях отдельных регионов²². Важным в этой связи является то, что исследователи вновь возвращаются к признанию принципиального для понимания феномена напряженности момента: она не является неразрывно связанной с конфликтом и сама по себе не вызывает его. «Хотя напряженность, – как подчеркивается авторами одного из недавних исследований, – часто предшествует конфликту и всегда включена в него, она не является синонимом конфликта и не обязательно не согласуется с сотрудничеством»²³.

²² He Yinghua; Nielsson, Ulf; Wang, Yonglei. The Cost of Political Tension: An Anatomy / Toulouse School of Economic. Working Papers. No. TSE-484. April 2014. Mode of access: https://www.tsefr.eu/sites/default/files/medias/doc/wp/etrie/wp_tse_484.pdf; Davis, Christina L.; Meunier, Sophie. Business as Usual? Economic Responses to Political Tensions // *American Journal of Political Science*, 2011, Vol. 55, No. 3, pp. 628-646; Lin, Faqin; Hu, Cui; Fuchs, Andreas. How Do Firms Respond to Political Tensions? The Heterogeneity of the Dalai Lama Effect on Trade. Mode of access: <https://www.hhs.se/contentassets/bc7089cd2c364b2cae4c287184ad743b/andreas-fuchs-how-do-firms-respond-to-political-tensions.pdf>; Gawarkiewicz, Thomas; Tang, Yao. The Relationship between Political Tensions, Trade, and Capital Flows in ASEAN Plus Three. Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/e9ed/7596d138bc468b3472645b5537b8e855b8a3.pdf>; Du, Yingxin; Ju, Jiandong; Ramirez, Carlos D.; Yao, Xi. Bilateral Trade and Shocks in Political Relations: Evidence from China. Mode of access: <http://www.voxchina.org/show-3-73.html>; Ayumu, Tanaka; Banri, Ito; Ryuhei, Wakasugi. How Do Exporters Respond to Exogenous Shocks: Evidence from Japanese Firm-Level Data. RIETI Discussion Paper Series 17-E-027. March 2017. Mode of access: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/17e027.pdf>

²³ Hafeznia, Mohammad Reza; Ghorbaninejad, Rebaz; Ahmadipour, Zahra; Ghavam, Abdolali. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // *Geopolitics Quarterly*, 2014, Vol. 9, No 4, pp. 2-3.

Напряженность: концептуализация понятия

Первым шагом в процессе переосмысления и концептуализации понятия «напряженность» в контексте международных отношений является, таким образом, отказ от рассмотрения ее, с одной стороны, как неразрывно связанной с кризисом и/или конфликтом, и, с другой, как отдельного (промежуточного) между сотрудничеством и конфликтом вида взаимоотношений.

Напряженность в контексте международных отношений. Напряженность, скорее, может рассматриваться в качестве особого динамического состояния, присутствующего как в отношениях конкуренции (война), так и в отношениях сотрудничества (мир). А так как и конкуренция, особенно в ее крайних формах, и полностью беспроблемный мир, как показывает практика, являются сравнительно редкими и кратковременными формами взаимодействий, соответственно, напряженность в этом смысле может рассматриваться как «обычное», широко распространенное и чаще встречающееся в реальной действительности состояние взаимоотношений разного рода акторов в системе международных взаимодействий. Безусловно, в конкурентных взаимоотношениях напряженность, как правило, имеет более глубокие корни (причины), отличается большей устойчивостью и вероятностью перерастания в открытые столкновения. Поэтому вполне объяснимым выглядит обращение во всех таких случаях большего внимания на феномен напряженности и неизбежное приобретение им устойчиво негативных коннотаций. Вместе с тем, нельзя не признать, что столь же часто напряженность может возникать и в отношениях с преобладанием сотрудничества, между соседями, партнерами и/или союзниками. Но в этом случае, ей, чаще, придается значительно меньшее значение, как случайности, недоразумению и отступлению от нормы. Однако, с нашей точки зрения, в контексте сотрудничества напряженность также должна рассматриваться как «естественная» характеристика взаимоотношений между акторами (государствами), которая посредством генерирования новых стимулов (вызовов) и

Напряженность в контексте сотрудничества и конкуренции

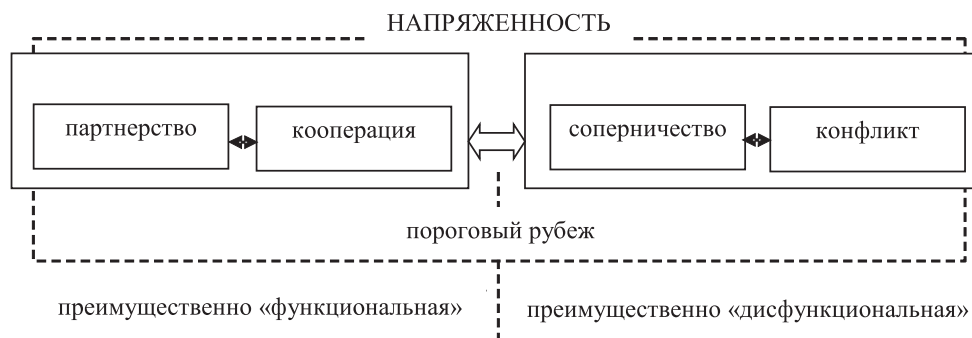

Figure 1. Tension in cooperation and competition contexts

поиску адекватных ответов на них способствует не только развитию отношений между ними, но и поступательной эволюции всей системы международных отношений (см. Рис. 1).

Кроме того, напряженность может также выступать в качестве составного элемента стратегий, связанных с решением как внутренних (мобилизация поддержки, отвлечение внимания, канализация недовольства), так и внешних (привлечение внимания к проблеме, корректировка поведения).

Как было отмечено ранее, пространство двусторонних межгосударственных отношений условно может быть представлено двумя отдельными (базовыми) типами, каковыми являются сотрудничество и конкуренция. Под *сотрудничеством* обычно понимается совместная деятельность сторон в какой-либо сфере для достижения общих целей посредством выработки согласия, объединения ресурсов, обмена знаниями, обучения и т.п. Второй тип взаимоотношений и взаимодействий сторон – *конкуренция* – представляет собой преобладающие отношения противоборства в целях обеспечения преимуществ для реализации односторонних интересов, удовлетворения имеющихся или будущих потребностей. Сотрудничество и конкуренция как два разных типа отношений, в свою очередь, могут быть дифференцированы в соответствии с такими измерениями, как *продолжительность и интенсивность*. Две основные формы сотрудничества в этом

случае могут быть определены как кооперация и партнерство. Кооперация представляет собой объединение усилий и совместную деятельность сторон в отдельных сферах взаимных интересов с разделением ролей и функций для достижения конкретных (ограниченных временем и/или масштабом) целей. Продолжительные кооперационные взаимодействия с увеличением степени их интенсивности способны трансформировать двусторонние отношения в партнерство. Под *партнерством*, таким образом, в данном контексте понимается устойчивое и широкое объединение усилий, опирающееся на систему институтов и механизмов согласования интересов, ориентированное на достижение долгосрочных целей.

На противоположной стороне устойчивая (продолжительная) и интенсивная конкуренция – давние конкурентные отношения – разделяет конфликт и соперничество. *Конфликт* в этом случае представляет форму межгосударственной конкуренции, характеризующуюся отсутствием согласия, столкновением целей, интересов или позиций, которые не могут быть удовлетворены одновременно. Однако противоречия здесь, как правило, касаются отдельных сфер или вопросов и в редких случаях угрожают полным разрушением существующих отношений²⁴.

²⁴ Данное определение отличается от достаточно широко распространенного понимания конфликта как наиболее острого способа разрешения противоречий, связанного

Другой формой конкурентных отношений выступает *соперничество*, которое иногда определяется как «процесс категоризации восприятий, в котором участники определяют, какие государства являются достаточно определенными конкурентами, чтобы квалифицировать их как врагов»²⁵. Полноценное «устойчивое соперничество» предполагает, что (1) две стороны вовлечены в конкурентные отношения друг с другом по одному или нескольким вопросам, которые воспринимаются ими как важные, (2) каждая из сторон считает, что другая имеет враждебные намерения и создает для нее серьезную угрозу и (3) конкурентные отношения сохраняются в течении длительного периода времени и, как ожидается, останутся таковыми в обозримом будущем²⁶.

Межгосударственные отношения редко долгое время остаются в состоянии покоя или статики. В процессе смены их состояний может преобладать позитивный тренд – от конкуренции к сотрудничеству или, в рамках каждого из этих типов, от кооперации к партнерству и от соперничества к конфликту. Столь же возможной является и негативная эволюция – от сотрудничества к конкуренции, от партнерства к кооперации и от конфликта к соперничеству. Хотя, следует признать, что какая-либо жесткая предопределенность отсутствует в любом случае. И, в частности, даже скатывание отношений в состояние соперничества или его сохранения не являются необратимыми. «Если два противника могут решить некоторые из их спорных вопросов мирным путем или если хотя бы один из них не хочет рисковать во-

енизированным конфликтом, то любое негативное восприятие или конкуренция между ними могут уменьшаться, приближая их к мирным отношениям и, тем самым, отдаляя их от непреодолимого соперничества»²⁷. Напряженность в этом случае выступает в роли важнейшего стимула или драйвера эволюционной динамики, способствуя как укреплению взаимных отношений (*функциональная*), так и их возможной деградации (*дисфункциональная*)²⁸. Отличительной особенностью последней, по мнению М. Каплана, является то, что она «...ведет к неверным ориентациям в реальности, предотвращает или препятствует достижению желательных целей или же позволяет добиться их с необычайно высокими затратами». Дисфункциональная напряженность, в общем, считает он, является нежелательной (ведет к нежелательным последствиям), хотя иногда может представлять собой «подходящий инструмент политики»²⁹.

В рамках этой общей схемы динамики межгосударственных взаимодействий могут быть определены несколько принципиально важных пороговых рубежей. Первая рубежная точка разделяет два противоположных – сотрудничество и конкуренцию – типа отношений. Она может быть помещена в середину более широкой промежуточной зоны, определяемой как область формальных отношений, отношений не отличающихся особой теплотой и заинтересованностью, но и не сталкивающихся с острыми противоречиями и взаимной настороженностью (см. Рис. 2).

с противодействием участников, выходящим за рамки правил и норм (См. например: Анцулов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 81. [Antsulov, A.Ia.; Shipilov, A.I.; Konfliktologija (Conflictology). Moscow: IuNITI, 1999. P. 81]). Взаимодействие сторон в такой форме нами определяется как кризис.

²⁵ William, R. Thompson. Identifying Rivals and Rivalries in World Politics // *International Studies Quarterly*, 2001, Vol. 45, Iss. 4, pp. 557-586.

²⁶ Hensel, Paul R. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Forthcoming in Conflict Management and Peace Science*, 1999, Vol. 17, No. 2.

²⁷ Ibid.

²⁸ Выделение двух отличающихся типов напряженности основывается на высказанной в свое время гипотезе М. Каплана о том, что, поскольку в действительности напряженность является неизбежной там, где «имеет место жизнь или социальный прогресс», она может быть как функциональной, так и дисфункциональной. См.: Kaplan, Morton A.. The International Arena as a Source of Disfunctional Tension // *World Politics*, 1954, Vol. 6, No. 4, P. 501.

²⁹ Ibid.

Типы взаимоотношений и (пороговые) рубежи в их динамике

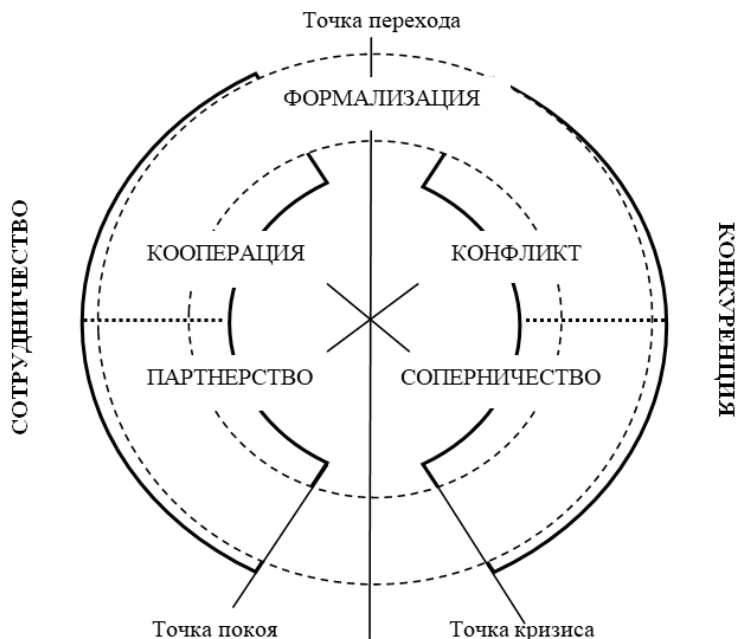

Figure 2. Types of relationships and (threshold) boundaries in their dynamics

Взаимоотношения в этом случае будет отличать относительной высокий уровень напряженности, ниже, чем в ситуации кризиса, хотя и выше в сравнении с ситуацией кооперации. Межгосударственные отношения попадают в эту зону как в случае позитивной динамики (прогресса в конструктивном разрешении отдельных кризисов, разделявших стороны), так и, наоборот, в случае ухудшения взаимопонимания и обострения противоречий в процессе кооперационных взаимодействий. Теоретически переход данного рубежа в ту или другую сторону ведет к трансформации преобладающего между сторонами типа взаимоотношений. На противоположном конце каждого из определенных типов взаимодействий располагаются рубежные точки – «точка кризиса» и «точка покоя», – пересечение которых приводит почти к одинаковому результату – распаду отношений. Однако пути, ведущие к этому, существенным образом отличаются. Негативная динамика и нарастание напряженности в ее дисфункциональной форме способны подвести стороны к кризису, открытому столкновению

(война) и последующему периоду полного прекращения контактов. С другой стороны, к подобному результату может вести и совершенное отсутствие напряженности, свидетельствующее о взаимном падении интереса (потребности, возможности) не только к развитию, но и дальнейшему поддержанию отношений. Последнее можно рассматривать как сравнительно редкий, но теоретически вполне возможный вариант эволюционной динамики межгосударственных взаимоотношений

Напряженность: внутренняя структура. Напряженность обычно возникает как результат рассогласования между потребностями, интересами и ожиданиями сторон и степенью их удовлетворения. Она выступает следствием сначала ощущения, а затем и понимания одной стороной того, что удовлетворения ее потребностей, интересов и ожиданий находится под угрозой, исходящей от другой стороны. Соответственно, напряженность в межгосударственных отношениях понимается как *определённое отношение сторон, характеризующееся беспокойством, неуверенностью, страхом,*

недоверием и выражающееся в эмоциях, суждениях и поведении. Уровень напряженности отражает текущую «температуру» взаимоотношений между акторами (государствами), которых могут объединять как состояние сотрудничества, так и состояние соперничества. Напряженность представляет собой динамическую характеристику, изменяющуюся либо *эволюционно* (последовательно), проходя – от меньших к более высоким – разные стадии эволюции, или же возникает *внезапно* и неожиданно, проявляясь сразу в относительно острых формах. Однако «внезапно» в этом случае чаще означает просто то, что предшествующие (более низкие) стадии вызревания напряженности оказались по тем или иным причинам незамеченными, не привлекали до определенного момента внимания в силу растянутости во времени, не очень высокой значимости отношений между акторами или иных обстоятельств. Другими словами, под любым «внезапным» обострением напряженности, как правило, может быть обнаружен период латентного нарастания соответствующих настроений и взаимных интерпретаций, которые под воздействием того или иного триггера в определенный момент проявляют себя в открытых формах.

Двумя основными формами проявления напряженности выступают *риторическая* (слова) и *фактическая* (дела). Первая, как правило, предшествует второй и определяет динамику напряженности на ее начальных этапах. Эволюционное вызревание (нарастание) напряженности в отношениях между акторами опирается на определенного рода общественные восприятия другого, предубеждения и стереотипы, уходящие своими корнями в историческое прошлое взаимоотношений и питаемые культурными, этническими и религиозными различиями. Восприятия «других» как слабых, отсталых, менее развитых, зависимых или же, наоборот, превосходящих, высокомерных и эксплуатирующих могут долгое время дремать в общественном сознании, пока однажды не окажутся востребованными или разбуженными внутренними потребностями, либо внешними событиями. Операционально рост напряженности в риторической

форме можно рассматривать как перевод неудовлетворенности и страхов из эмоционального в рациональное обличие, движение от интуитивно ощущаемого недовольства к пониманию его причин и источника, каковым становится какой-то «другой».

Нарастание враждебной риторики внутри одного общества, связывающего усиливающееся недовольство с конкретным источником в виде другого общества (государства), даже если некоторое время может оставаться без внимания, на каком-то этапе с неизбежностью приводит к появлению ответной реакции. Напряженность, таким образом, из односторонней неудовлетворенности трансформируется в разновидность двусторонних и нередко, благодаря плотной и сложной системе взаимосвязей современного мира, групповых отношений («охлаждение»). С этого момента риторика, кроме выполнения определенных внутренних функций – рационализации недовольства, идентификации оппонента и мобилизации – все больше начинает использоваться в качестве инструмента достижения цели. В этом случае она выступает в качестве важного средства донесения собственных претензий до оппонента с целью его предостережения и указания на желательность перемен в стратегии поведения. Одновременно с этим, риторика используется и как средство воздействия на международное общественное мнение, как для расширения круга собственной поддержки, так и для предотвращения (дезорганизации) формирования сколь угодно прочных альянсов вокруг позиции оппонента. Наконец, еще одним возможным адресатом риторики в этом случае могут выступать крупные международные игроки («великие державы» и авторитетные международные организации), способные принимать на себя роли если не союзников или посредников, то, как минимум, остаться нейтральными.

В контексте преобладающих отношений сотрудничества конфликты, возникающие между акторами, чаще не выходят за рамки напряженности в ее риторической форме, несмотря на всю ту остроту полемики, которая может иметь место в конкретных ситуациях. Соответственно, напряжен-

ность в этом случае, являющаяся одним из способов разрешения противоречий, может быть определена как функциональная, если она способствует развитию двусторонних связей и укреплению отношений. Контекст доминирующих отношений соперничества существенным образом увеличивает возможность (и вероятность) перерастания напряженности из риторической в фактическую. Отличительной особенностью последней является переход от слов к практическим шагам, предполагающим повышение уровня угрозы для оппонента (открытые приготовления к конфликту) или нанесение ему реального ущерба (санкции, денонсирование договоренностей, разрыв отношений). Риторика здесь начинает играть вспомогательную роль, как инструмент пропагандистской поддержки практических действий, способствуя, тем не менее, ускорению роста напряженности. На этом этапе все еще сохраняется, хотя и уменьшающаяся с течением времени, возможность ее деэскалации. Тем не менее, напряженность здесь все в большей степени превращается в дисфункциональную, благодаря преобладающему сосредоточению сторон на том, что их разделяет (и отличает), а не остающихся, хотя бы минимальных, возможностях компромисса.

В случае международной напряженности, вне зависимости от того, на каком уровне она наблюдается или рассматривается (двусторонний, региональный, глобальный), в качестве основных действующих лиц выступают не отдельные индивиды, а сложные структуры или организованные сообщества, каковыми являются, прежде всего, государства. Это, с одной стороны, указывает на то, что закономерности и механизмы, свойственные индивидуальной напряженности, не могут быть прямо перенесены на сферу международной напряженности. С другой, это обстоятельство требует отдельного рассмотрения при исследовании последней роли двух, олицетворяющих государство, элементов. Таковыми являются общественность (граждане) и официальные представители (лидеры, политики, институты). Очевидно, что вовлеченными в процесс роста или ослабления напряженности во

взаимоотношениях с обществами и политиками другого государства обычно оказываются оба эти элемента.

Дискуссионным остается вопрос о том, отражают действия политиков напряженность, возникающую или формирующуюся в их обществностях, или же, наоборот, напряженность в обществе является следствием политических решений³⁰. Политические лидеры, полагают некоторые, не могут не реагировать на напряженности, возникающие в обществе. Другие же, указывая на традиционно слабую информированность обычных людей о внешнем мире и их растущую дистанцированность от процесса принятия политических решений, убеждены, что общественность, скорее, должна рассматриваться в качестве пассивной и ведомой. Перемены во взаимоотношениях государств, как отмечал в свое время Д. Бернард, «мало связаны с национальными стереотипами или предрассудками, враждебностью или установками любого рода. Национальные стереотипы следуют, а не предшествуют переменам»³¹. Вместе с тем, предположение о минимальном причинном эффекте общественных настроений для международных отношений, вовсе не отрицает их значения полностью. Они, как отмечалось в другом исследовании, «...могут существовать до тех пор, пока объективные события не обнаружат в них нужду» и не актуализируют их функцию обоснования, с тем, чтобы «люди могли убивать, обманывать и предпринимать другие действия, не санкционированные обычным моральным кодексом»³².

Другими словами, не отрицая активной роли политических лидеров и официальных представителей государства в процессах возникновения, эскалации или, наоборот, разрядки напряженности в сфере междуна-

³⁰ Jessie, Bernard. Chapter 1. The Sociological Study of Conflict. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions*. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957. P. 53.

³¹ Ibid. P. 54.

³² Buchanan, W. Stereotypes and Tensions as Revealed by UNESCO International Poll // *International Sociological Science Bulletin*, 1951, Vol. 3, No. 3, p. 528.

родных отношений, следует признать, что общественные фобии и неудовлетворенность могут рассматриваться в качестве первоначальных индикаторов, указывающих на потенциальную возможность возникновения напряженности. Соответствующие общественные настроения, таким образом, редко становятся причиной этого, но являются теми отдельным ростками на поле, которое обещает, при определенном стечении обстоятельств, обильные и дружные всходы неприязни и напряженности. Собственно напряженность начинает ощущаться, когда эти настроения культивируются и трансформируются в политические решения и действия. В этот момент на первый план выходит государство в лице его официальных представителей. Действия последних, сознательно направленные на эскалацию напряженности, до какого-то момента могут опираться на полученный от общественности мандат, однако одновременно ими все больше будут предпринимать усилия с целью развития и укрепления соответствующих общественных настроений в качестве основы нарастающей конфронтации. Таким образом, сначала общественность «позволяет» лидерам обострять отношения, предоставляя им определенную свободу маневра. Затем, раскручивающаяся спираль напряженности достигает некоторого критического порога, когда у политиков возникает потребность в более широкой мобилизации общества как необходимого условия перевода напряженности в открытый конфликт.

Суммируя сказанное выше, можно констатировать, что напряженность напрямую не связана с кризисом, не является его частью или непосредственной причиной. Она, скорее, представляет собой динамическую характеристику (специфическое состояние), определяющую состояние как взаимодействий сотрудничества, так отношений соперничества. Негативные эффекты напряженности обуславливаются ее неконтролируемой эскалацией и превышением некоторых пороговых уровней. Все это с неизбежностью актуализирует в контексте исследований напряженности в международных отношениях И, что принципиально важно, задачу ее измерения и оценки. Эта

задача с самого начала выступала одним из главных направлений при анализе напряженности. Теоретически, как отмечалось многими авторами, она может быть решена с помощью разных подходов и методов. Однако число примеров их практического применения для измерения и оценки международной напряженности остается удручающе ограниченным. Проблема теоретической интерпретации концепта напряженности, которой уделено основное внимание в данной работе, рассматривается авторами как первый и необходимый шаг в деле его операционализации и превращении в действительно работающий инструмент прикладного компаративного анализа.

Литература:

Анцупов А.Я., Шитлов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000.

Рабуш Т.В. Эволюция идеологической составляющей в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах (1970-1980-е годы) // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 1. С. 75-85.

Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994.

Buchanan, W. Stereotypes and Tensions as Revealed by UNESCO International Poll // *International Sociological Science Bulletin*, 1951, Vol. 3, No. 3.

Cantril, H. Tensions That Cause Wars. Urbana: University Illinois Press, 1951;

Krech, D.; Crutchfield, R.S. Theory and Problems of Social Psychology. New York: McGraw Hill, 1948.

Davis, Christina L.; Meunier, Sophie. Business as Usual? Economic Responses to Political Tensions // *American Journal of Political Science*, 2011, Vol. 55, No. 3, pp. 628-646.

Goldmann, Kjell. Cooperation and Tension Among Great Powers: A Research Note // *Cooperation and Conflict*, 1980, Vol. 15, Iss. 1, pp. 31-45.

Hafeznia, Mohammad Reza; Ghorbaninejad, Rebaz; Ahmadipour, Zahra; Ghavam, Abdolali. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // *Geopolitics Quarterly*, 2014, Vol. 9, No. 4.

Hensel, Paul R. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Forthcoming in Conflict Management and Peace Science*, 1999, Vol. 17, No. 2.

Holsti, K.J. The Use of Objective Criteria for the Measurement of International Tension Levels // *Background*, 1963, Vol. 7, No. 2, pp. 77-95.

Holsti, O.R. The Belief System and National Images: A Case Study // *Journal of Conflict Resolution*, 1962, Vol. 6, pp. 244-252.

Introduction. The UNESCO Tensions Project. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions*. By the International Sociological Association in collaboration with Jessie Bernardt, T.H. Pear, Raymond Aron, Robert C. Angell.

Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Jessie, Bernard. Chapter 1. The Sociological Study of Conflict. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions.* Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Kalevi Jaakko Holsti. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Kaplan, Morton A. The International Arena as a Source of Disfunctional Tension // *World Politics*, 1954, Vol. 6, No. 4.

Klineber, O. *Tensions Affecting International Understanding.* New York: Social Science Research Council, 1950.

Klingberg, F.L. Studies in Measurement of the Relations Among Sovereign States // *Psychometrica*, 1941, No. 6, pp. 335-352.

Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology.* New York: McGraw Hill, 1948. Pp. 443-622.

Leifer, M. *The Foreign Relations of the New States.* Australia. Longman, 1974.

Pear, T.H. The Psychological Study of Tensions and Conflict. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions.* Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

William, R. Thompson. Identifying Rivals and Rivalries in World Politics // *International Studies Quarterly*, 2001, Vol. 45, Iss. 4, pp. 557-586.

Wright, Q. The Nature of Conflict // *Western Political Quarterly*, 1951, Vol. 4, No. 2, pp. 193-208.

Wright, Q. The Peaceful Adjustment of International Relations: Problems and Research Approaches // *Journal of Social Issues*, 1955, Vol. 11, Iss. 1, pp. 3-12.

Zinnes, Dina A.; North, Robert C.; Koch, Howard E. *Capability, Threat and the Outbreak of War.* In: James N. Rosenau (ed.) *International Politics and Foreign Policy.* New York: Free Press, 1961. Pp. 469-482.

References:

Antsulov, A.Ia.; Shipilov, A.I. *Konfliktologija (Conflictology).* Moscow: IuNITI, 1999.

Buchanan, W. Stereotypes and Tensions as Revealed by UNESCO International Poll // *International Sociological Science Bulletin*, 1951, Vol. 3, No. 3.

Cantril, H. *Tensions That Cause Wars.* Urbana: University Illinois Press, 1951;

Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology.* New York: McGraw Hill, 1948.

Davis, Christina L.; Meunier, Sophie. Business as Usual? Economic Responses to Political Tensions // *American Journal of Political Science*, 2011, Vol. 55, No. 3, pp. 628-646.

Goldmann, Kjell. Cooperation and Tension Among Great Powers: A Research Note // *Cooperation and Conflict*, 1980, Vol. 15, Iss. 1, pp. 31-45.

Hafeznia, Mohammad Reza; Ghorbaninejad, Rebaz; Ahmadipour, Zahra; Ghavam, Abdolali. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // *Geopolitics Quarterly*, 2014, Vol. 9, No. 4.

Hensel, Paul R. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // *Forthcoming in Conflict Management and Peace Science*, 1999, Vol. 17, No. 2.

Holsti, K.J. The Use of Objective Criteria for the Measurement of International Tension Levels // *Background*, 1963, Vol. 7, No. 2, pp. 77-95.

Holsti, O.R. The Belief System and National Images: A Case Study // *Journal of Conflict Resolution*, 1962, Vol. 6, pp. 244-252.

Introduction. The UNESCO Tensions Project. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions.* By the International Sociological Association in collaboration with Jessie Bernardt, T.H. Pear, Raymond Aron, Robert C. Angell. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Jessie, Bernard. Chapter 1. The Sociological Study of Conflict. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions.* Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Kalevi Jaakko Holsti. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648-1989.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Kaplan, Morton A. The International Arena as a Source of Disfunctional Tension // *World Politics*, 1954, Vol. 6, No. 4.

Klineber, O. *Tensions Affecting International Understanding.* New York: Social Science Research Council, 1950.

Klingberg, F.L. Studies in Measurement of the Relations Among Sovereign States // *Psychometrica*, 1941, No. 6, pp. 335-352.

Krech, D.; Crutchfield, R.S. *Theory and Problems of Social Psychology.* New York: McGraw Hill, 1948. Pp. 443-622.

Leifer, M. *The Foreign Relations of the New States.* Australia. Longman, 1974.

Pear, T.H. The Psychological Study of Tensions and Conflict. In: *The Nature of Conflict. Studies on the Sociological Aspects of International Tensions.* Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1957.

Rabush, T.V. Evoljucija ideologičeskoj sostavljajushhej v sovetško-amerikanskom protivoborstve v regional'nyh vooruzhennyh konfliktah (1970-1980-e gody) (The Evolution of the Ideological Component in the Soviet-American Confrontation in Regional Armed Conflicts (1970-1980's)) // *Vestnik SPbGU. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*, Vol. 10, No. 1, pp. 75-85.

Tsygankov, P.A. *Politicheskaia sotsiologija mezhdunarodnykh otnoshenii (Political Sociology of International Relations).* Moscow: Radiks, 1994.

William, R. Thompson. Identifying Rivals and Rivalries in World Politics // *International Studies Quarterly*, 2001, Vol. 45, Iss. 4, pp. 557-586.

Wright, Q. The Nature of Conflict // *Western Political Quarterly*, 1951, Vol. 4, No. 2, pp. 193-208.

Wright, Q. The Peaceful Adjustment of International Relations: Problems and Research Approaches // *Journal of Social Issues*, 1955, Vol. 11, Iss. 1, pp. 3-12.

Zinnes, Dina A.; North, Robert C.; Koch, Howard E. *Capability, Threat and the Outbreak of War.* In: James N. Rosenau (ed.) *International Politics and Foreign Policy.* New York: Free Press, 1961. Pp. 469-482.

TENSIONS IN INTERNATIONAL RELATIONS: CONCEPTUAL BASIS FOR COMPARATIVE RESEARCH

Sergey K. Pestsov

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Andrey B. Volynchuk

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 21.07.2019 <i>Accepted:</i> 11.12.2019</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the theoretical interpretation of the concept of “tension” as a necessary prerequisite for its operationalization and transformation into a tool for applied comparative analysis. The increase of tensions in different regions and types of government, within and between countries is a reflection of the profound changes that the modern world is undergoing. At the same time, the number of attempts at serious scientific understanding and conceptualization, as well as operationalization and measurement, remains extremely limited. The first part of the article presents a brief review of previous studies on the phenomenon of “tension” in the context of world politics and international relations. The second part is devoted to a conceptual analysis of the phenomenon of “tension” as a special dynamic state that is present not only in competition (war) relations, but also in cooperation (peace) relations, and which, therefore, is a more common type of interstate interactions.</p>
<p>About the authors: <i>Sergey K. Pestsov</i>, Head of the Department of International Relations and Regional Security, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences e-mail: skpfox@yandex.ru <i>Andrey B. Volynchuk</i>, Senior Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences e-mail: i-abv@yandex.ru</p>	
<p>Key words: tension; world politics; international competition; international cooperation; war; conflict; peace; partnership; comparative analysis</p>	

Для цитирования: Песцов С.К., Волинчук А.Б. Напряженность в международных отношениях: концептуальная основа для сравнительных исследований // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 12-24.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10033

For citation: Pestsov, Sergey K.; Volynchuk, Andrey B. Napryazhennost' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: kontseptual'naya osnova dlya sravnitel'nykh issledovaniy (Tensions in International Relations: Conceptual Basis for Comparative Research) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 12-24.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10033

«ДЕРЖАВЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Валерия Валерьевна Вершинина

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 сентября 2019 <i>Принята к печати:</i> 3 февраля 2020</p>	<p>Аннотация: На протяжении последних десятилетий в исследованиях по международным отношениям превалировала тенденция анализировать мировой порядок, преимущественно уделяя внимание анализу роли в нем сверхдержав и великих держав. Менее влиятельные государства, а именно малые и средние державы рассматривались как объекты, не обладающие возможностями влиять на ход международно-политических процессов. Однако с распадом биполярной системы в научном дискурсе стали формироваться новые подходы к анализу сегодняшней расстановки сил в системе международных отношений, один из которых акцентирует внимание на «державках среднего уровня». Концептуальное понимание внешнеполитического поведения держав среднего уровня существенно усложнилось по сравнению с периодом биполярности. В то же время, однако, до сих пор отсутствует четкое определение самого понятия «держава среднего уровня». В связи с чем, при характеристике данных держав разными авторами используются различные показатели. В целом причисление той или иной страны к такой категории часто обуславливается наличием достаточного многочисленного населения, природных ресурсов, экономической и военной силы, политической стабильности, ее формальное признание другими участниками международных отношений в качестве значимого международного игрока и активными действиями самого государства в решении региональных и международных проблем.</p> <p>Исходя из этого, в статье рассматривается концепция «держав среднего уровня», её история развития и проводится сравнительный анализ основных теоретических подходов: иерархический, поведенческий и конструктивистский. В ходе исследования был проанализирован каждый из указанных методологических подходов, на основе чего был сделан вывод о том, что только комплексное применение вышеуказанных подходов позволит сформировать целостное понимание концепта «держава среднего уровня». В статье также рассматриваются отдельные исторические периоды развития концепции, и приводится новая дифференциация держав среднего уровня, согласно которой следует выделять традиционные и новые (зарождающиеся) средние державы. В заключении отмечается, что стремительно набирающее популярность понятие «держав среднего уровня» свидетельствует о постепенном формировании нового мирового порядка, в котором тенденции международной динамики определяются уже не только исключительно ведущими державами, но и не менее влиятельными малыми и средними державами.</p>
<p>Об авторе: аспирант, сотрудник Центра АСЕАН, МГИМО МИД России e-mail: hanoivaleria@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: держава среднего уровня; средние державы; теория международных отношений</p>	

Несмотря на непрекращающиеся в научном сообществе дискуссии о современном мировом порядке¹, следует признать, что

¹ Kissinger, H. World Order. New York: Penguin Books, 2015. 432 p.; The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski, Boglarka Koller.

Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 242 p.; Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. С. 50. [Shakleina, T.A. Rossija i SHA v novom mirovom porjadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh

сегодня происходит трансформация и становление новой международной системы, контуры которой еще четко не определены. Тем не менее, центральную роль в формировании и поддержании современного мирового порядка по-прежнему играют ведущие государства, а среди ключевых характеристик современной системы международных отношений выделяется её иерархичность². Переход к новому формирующемуся миропорядку сопровождается возрастанием свободы действий большинства политических акторов³. В тоже время адаптация государств к условиям сложной социальной системы международных отношений выражается в стратегическом поведении субъектов МО, основанном на соотношении имеющихся предпочтений и наличием средств⁴. Новый складывающийся мировой порядок рассматривается не просто как очередная система международных отношений, а как более или

менее целостное мироустройство, базирующееся на единых основаниях⁵. В результате этих новых тенденций сформировались благоприятные условия для многих малых и средних государств, что позволило им стать самостоятельными субъектами международных отношений.

Эти страны проявляют низкий уровень участия в международных делах, ограничивают свою активность узким кругом внешнеполитических вопросов и ближайшим географическим пространством. Малые и средние страны отдают предпочтение дипломатическим и экономическим инструментам внешней политики, придерживаются принципов международного права и нейтралитета, участвуют в международных организациях и соблюдают международные соглашения. В отношениях друг с другом стараются избегать конфликтов, выступают за сотрудничество, и ориентируются на великие державы в вопросах безопасности, ресурсов и создании партнерств⁶. Тем не менее, усиливающиеся взаимозависимость, расширение экономического измерения международных отношений и неустойчивость в международной системе повышают роль малых и средних государств, а также открывают перед ними новые перспективы в наращивании политического влияния⁷.

soobshhestvah Rossii i SSHA (1991-2002) (Russia and the USA in the New World Order. Discussion in the Political and Academic Circles of Russia and the USA (1991-2002)). Moscow: Institut SHA i Kanady RAN, 2002. P. 50.]

² Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. – С. 52. [Bogaturov, A.D. Sovremennyy mezhdunarodnyj porjadok (Modern World Order) // Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaja politika (Contemporary International Relations and World Politics), A.V. Torkunova (Ed.). Moscow: Prosveshhenie, 2004. P. 52.]

³ Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 178. [Sirota, N.M. Ponjatie «mirovoj porjadok» v sovremennom teoreticheskom diskurse (“World Order” Notion in Modern Theoretical Discourse) // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, No. 3 (29). P. 178.]

⁴ Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект пресс, 2018. С. 40. [Istomin, I.A. Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike (The Logic of the Behavior of States in International Politics). Moscow: Aspekt press, 2018. P. 40.]

⁵ Кувалдин В.Б. Глобализация и новый мировой порядок // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. С. 70. [Kuvaldin, V.B. Globalizacija i novyj mirovoj porjadok (Globalization and New World Order) // Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaja politika (Contemporary International Relations and World Politics), A.V. Torkunov (Ed.). Moscow: Prosveshhenie, 2004. P. 70.]; Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир, 2017. 400 с. [Kuvaldin, V.B. Global'nyy mir. Politika. Ekonomika. Sotsial'nyye otnosheniya (The Global World: Politics, Economy, Social Relations). Moscow: Ves' Mir, 2017. 400 p.]

⁶ Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. 2008. .6. №3. С. 78. [Kudrjashova, I.V. Legko li byt' srednevelikim (Is it Easy to be a Middle-Sized?) // *Mezhdunarodnye processy*, 2008, Vol. 6, No. 3, p. 78.]

⁷ Ibid. С. 81.

Стоит также отметить, что в новой формирующейся системе международных отношений стала меняться мотивация внешнеполитического поведения государств и механизмы их взаимодействия. Традиционно великие державы рассматривались как гаранты сохранения баланса сил, способные корректировать и влиять на внешнеполитическое поведение малых и средних стран. Соответственно с этой точки зрения, малые и средние страны рассматривались как объекты, не обладающие возможностями непосредственного влияния на ход международно-политических процессов, и их изучению уделялось меньше внимания. Однако с развитием региональных и интеграционных процессов, эти страны получили большую свободу действий и, что не менее важно, право выбора собственного пути развития⁸.

В этих условиях внешнеполитическое поведение малых и средних государств стало строиться на базе двух поведенческих стратегий – политики балансирования и примыкания, содержание которых сегодня значительно расширилось. В отличие от традиционной стратегии примыкания, суть которой заключалась во временном сближении малых и средних стран с более сильным игроком, современная политика интеграционного примыкания мотивирована не внешней угрозой, а чаще всего внутренними экономическими интересами государства. В то же время эти страны обладают способностью одновременного проведения политики балансирования и примыкания, поскольку с одной стороны они являются сторонниками интеграции, а с другой – заинтересованы в ее торможении во избежание односторонней зависимости. Другими словами внешнеполитическая стратегия малого и среднего государства заключается в поддержании оптимального соотношения балансирования и примыкания⁹.

⁸ Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств // *Международные процессы*. 2014. Т. 12. №4. С. 89. [Skriba, A.S. Balansirovanie malyh i srednih gosudarstv (The Balancing of Small and Medium-Sized Nations) // *Mezhdunarodnyye protsessy*, 2014. Vol. 12, No. 4, p. 89.]

⁹ Ibid.

Таким образом, для лучшего осмысления сегодняшней расстановки сил в системе международных отношений и понимания международно-политических процессов, как на региональном, так и на глобальном уровнях представляется актуальным рассмотреть концепцию держав среднего уровня, начало формирования которой относится к 1940-м гг. и связано инициативой Австралии и Канады позиционировать себя в качестве держав среднего уровня. Понятие «державы среднего уровня» получило широкое распространение в 1960-е гг. в период трансформации биполярной системы международных отношений. После окончания холодной войны концептуальное понимание внешнеполитического поведения держав среднего уровня существенно усложнилось по сравнению с периодом биполярности. В результате чего в период с 2000 гг. по настоящее время появилось большое количество исследований на тему держав среднего уровня, которые можно разделить на три направления.

Первое включает в себя работы, посвященные анализу так называемых «самопровозглашенных» держав среднего уровня, а именно Австралии и Канады¹⁰. Далее следуют исследования отдельных держав среднего уровня, к числу которых исследователи стали относить: Бразилию¹¹, Вьетнам¹², Германию¹³, Индию¹⁴, Индонезию¹⁵,

¹⁰ Cooper, A.; Higgott, R.; Nossal, K.R. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Vancouver: UBC Press, 2004. 232 p.

¹¹ Burges, S. Mistaking Brazil for a Middle Power // *Journal for Iberian and Latin American Research*, 2013, Vol. 19, No. 2, pp. 286-302.

¹² *Asia's Middle Powers? The Identity and Regional Policy of South Korea and Vietnam*. Ed. By Joon-Woo Park, Don Keyser, Gi-Wook Shin. Stanford, CA: Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2013. 275 p.

¹³ Otte, M.A. *Rising Middle Power? German Foreign Policy in Transformation, 1989-1999*. New York: St. Martin's Press, 2000. 324 p.

¹⁴ Sethi, J.D. India as a Middle Power // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, April 1969, Vol. 25, No. 2, pp. 107-121.

¹⁵ Karim, M.F. Middle Power, Status-seeking and Role Conceptions: the Cases of Indonesia and South Korea // *Australian Journal of International Affairs*, 2018, Vol. 72, No. 4, pp. 343-363.

Иран¹⁶, Малайзию¹⁷, Мексику¹⁸, Таиланд¹⁹, Турцию²⁰, Японию²¹, Южную Корею²² и Южную Африку²³. Третье направление рассматривает саму группу держав и их роль в международных отношениях²⁴.

Однако, стоит отметить, что до сих пор отсутствует общепринятое определение самого понятия «держава среднего уровня», поскольку в разные периоды при характеристике данных держав разными авторами использовались различные критерии. В этой связи представляется необходимым проследить как менялось представление о державах среднего уровня в отдельные исторические периоды и какие теоретические подходы сегодня распространены в академическом сообществе.

¹⁶ Ehteshami, A. Middle East Middle Powers: Regional Role, International Impact // *Uluslararası İlişkiler*, August 2014, Vol. 11, No. 42, pp. 29-49.

¹⁷ Nossal, K.R.; Stubbs, R. Mahathir's Malaysia: An Emerging Middle Power? // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War* / Ed. By Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp. 147-163.

¹⁸ Mares, D.R. Mexico's Foreign Policy as a Middle Power: The Nicaragua Connection, 1884-1986 // *Latin American Research Review*, 1988, Vol. 23, No. 3, pp 81-107.

¹⁹ Freedman, A. Malaysia, Thailand, and the ASEAN Middle Power Way // *Middle Powers and the Rise of China*. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. pp 104-125.

²⁰ Middle Powers in Global Governance. The Rise of Turkey. Ed. By Emel Parlur Dal. London: Palgrave Macmillan, 2018. 275 p.

²¹ Cox, R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, No 4, pp 823-862.

²² Mo, J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, December 2016, Vol. 71, No. 4, pp. 587-607.

²³ Schoeman, M. South Africa as an Emerging Middle Power // *African Security Review*, 2000, Vol. 9, No. 3, pp. 47-58.

²⁴ Cooper, A.; Higgott, R. Middle Power Leadership and Coalition Building: Australia, the Cairns Group, and the Uruguay Round of trade negotiations // *International Organization*, 1990, Vol. 44, No. 4, pp. 589-632.

Исторический обзор развития концепции держав среднего уровня

Работы, датируемые началом 1940-х гг., в большинстве своем отличают попытки определить четкие критерии выделения держав среднего уровня и их роли в новой системе международных отношений. На конференции в Сан-Франциско 1945 г., в ходе которой был закреплён формальный статус великих держав за пятью постоянными членами Совета безопасности ООН, также обсуждался вопрос о статусе держав среднего уровня и их роли в урегулировании международных конфликтов²⁵. Впервые термин «держава среднего уровня» использовался представителями канадской и австралийской делегаций для обоснования своих притязаний на участие в послевоенном переустройстве мира и создании ООН²⁶.

В целом авторы того периода определяли державу среднего уровня как нацию или государство, которое обладает большим влиянием и ресурсами чем малые державы, но не играет такой определяющей роли в системе международных отношений, как великая или сверхдержава. Важной особенностью определений 1940-х гг. было то, что средние державы рассматривались с точки зрения их стремления закрепить за собой особый статус в международных организациях и их оппозиции в отношении чрезмерного контроля великих держав на международной арене. Канадский исследователь Джордж Глазербрук в 1947 г. относил к параметрам, характеризующим державы среднего уровня: 1) их попытки ограничить преобладающее влияние великих держав на международные процессы; 2) тенденцию держав среднего уровня действовать коллективно; 3) укрепление позиций на мировой арене отдельных средних держав²⁷.

Политические лидеры как Австралии, так и Канады также подчеркивали в своих

²⁵ Holbraad, C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984. P. 61.

²⁶ Chapnick, A. The Middle Power // *Canadian Foreign Policy Journal*, Winter 1999, Vol. 7, No. 2, p. 74.

²⁷ Glazerbrook, G.D. The Middle Powers in the United Nations System // *International Organization*, June 1947, Vol. 1, No. 2, p. 308.

выступлениях особую функциональную роль держав среднего уровня в международных организациях. По словам главы отдела ООН Министерства иностранных дел Канады Роберта Джеральда Ридделла «Средние державы – это те страны, которые из-за своего размера, наличия материальных ресурсов, их готовности и способности брать на себя ответственность, обладают влиянием в международных отношениях схожим с великими державами»²⁸. По его мнению, средние державы не обладали теми же ресурсами, что и великие державы для самообороны поэтому относительно большой размер территории, обладание ресурсами и стратегическое значение данных держав ставили под угрозу их безопасность. Исходя из этого, Роберт Джеральд Ридделл заключал, что для средних держав наиболее эффективным способом поддержания собственной безопасности является их участие в различных международных организациях. Он подчеркивал, что державы среднего уровня могут играть более значительную роль в деятельности международной организации, поскольку великие державы в наименьшей степени заинтересованы в деятельности международных организаций и не склонны ограничивать себя их рамками, а малые государства не обладают необходимыми ресурсами²⁹.

Заместитель премьер-министра Австралии Фрэнк Форд в одном из своих выступлений отметил: «необходимо признать, что помимо великих держав существуют другие державы, которые по причине своего географического положения и наличия ресурсов вынуждены будут полагаться исключительно на поддержание мира и безопасности... ряд держав, которые не классифицируются как великие, доказали на протяжении двух мировых войн, что они не только имеют возможности для борьбы с агрессорами, но и стремятся поддерживать мировую безопасность... Данные державы имеют право на особое признание статуса во всех организациях безопасности»³⁰.

²⁸ Ibid. P. 68.

²⁹ Ibid.

³⁰ Holbraad, C. *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan Press, 1984. P. 61.

Тем не менее, несмотря на активное участие Канады и Австралии в создании ООН им не удалось закрепить особый статус держав среднего уровня в рамках данной организации. Канадский исследователь Карстен Холбрад выделял несколько причин по которым этого не произошло. По мнению исследователя, такие факторы, как отсутствие единой позиции среди данных держав и неразработанная программа действий тормозили переговорный процесс. Кроме того, без наличия общепринятого определения или списка стран, относящихся к категории держав среднего уровня, добиться пересмотра установленного порядка было фактически невозможно. Консолидация великих держав по вопросу переустройства миропорядка с учетом их интересов также не создавала условий для укрепления позиций держав среднего уровня³¹. Однако с этого периода данный термин вошел в лексикон политической науки.

Во время холодной войны количество исследований на тему держав среднего уровня значительно сократилось. Во многом это было связано с преобладанием биполярной системы, в рамках которой средние державы вступали в различные альянсы и проявляли меньшую активность в международных отношениях. Однако с конца 1960-х гг. по начало 1980-х гг. появляется все больше исследовательских работ, посвященных анализу этой категории держав³². Возросший интерес исследователей к данной проблеме можно объяснить происходившими на тот период изменениями в системе международных отношений. Одной из причин постепенной трансформации международного порядка стал Карибский кризис 1962 г., заставивший обе сверхдержавы стремиться к

³¹ Ibid. P. 64.

³² Soward, F.H. *On Becoming and Being a Middle Power: The Canadian Experience* // *Pacific Historical Review*, May 1963, Vol. 32, No. 2, pp. 111-136; Vellut, J.L. *Congolese Foreign Policy and African 'Middle Powers'*, 1960-64. // *Australian Outlook*, 1965, Vol. 19, No. 3, pp. 287-305; Holbraad, C. *The Role of Middle Powers* // *Cooperation and Conflict*, 1971, Vol. 6, No. 1, pp. 77-90; Holmes, J.W. *Most Safely in the Middle* // *International Journal*, Spring 1984, Vol. 39, No. 2, pp. 366-388.

снижению международной напряженности и проведению политику «разрядки». В результате начавшегося процесса денуклеаризации державы среднего уровня стали стремиться к проведению более независимой внешней политики и расширению своих возможностей, поскольку действующая система альянсов продемонстрировала свою неэффективность и не гарантировала обеспечение их безопасности³³. Стоит отметить, что в этот период к числу держав среднего уровня стали относить не только Австралию, Канаду, скандинавские и европейские страны, но и многие динамично развивающиеся незападные страны, включая Индию, Индонезию, Китай, Турцию и Южную Африку.

Однако, на современном этапе включение Китая в группу данных держав является спорным, учитывая сегодняшний уровень развития КНР. Напротив, большинство работ посвящены анализу поведения средних держав в условиях стремительного роста Китая³⁴. В свою очередь, рассмотрение Индии в качестве державы среднего уровня в 1960-1970-ые гг. было в основном обусловлено её центральной ролью в Движении неприсоединения. В настоящее время в академическом сообществе ведутся споры о том к какой категории следует относить эту страну, а также анализируется её отношения с державами среднего уровня³⁵.

В научной литературе вышеуказанного исторического периода преобладала тенденция к разработке единого критерия, необходимого для разграничения держав среднего уровня между великими и малыми странами. Критерии, предлагавшиеся исследователями включали в себя уровень экономического развития, военный потенциал страны, её участие в международных отношениях и вклад в поддержание мира и стабильности, а также географические и социальные по-

казатели³⁶. Одним из наиболее распространённых критериев был экономический, в основе которого лежал один из основных макроэкономических показателей – валовый национальный продукт (ВНП).

Кроме того, в ряде работ, посвященных державам среднего уровня того периода, было также широко распространено утверждение, что средние державы – это страны, имеющие влияние только на региональном уровне³⁷. Однако данный тезис исключает возможность данных государств играть определенную роль на других уровнях международных отношений. Авторами не учитывалось, что в зависимости от международно-политической обстановки в мире страны могли позиционировать себя по-разному как в качестве держав среднего уровня, так и в качестве малых держав.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что первые подходы к определению держав среднего уровня и критерии их выделения обладали рядом недостатков. Прежде всего, не учитывались международная обстановка и исторические условия, в рамках которых державы среднего уровня реализовывали свою политику. Это привело к тому, что в научных работах преобладал анализ внешнеполитического поведения великих держав, а взаимодействие средних держав, их внешняя политика и их отношения с великими державами не изучались. Попытки создать единый критерий для обозначения данной группы держав приводили к усложнению данной концепции и не давали возможности провести комплексный анализ роли держав среднего уровня в мировой политике. Отсутствие четкого разделения понятий региональной державы и держав среднего уровня еще больше усложняло иерархизацию системы международных отношений.

Новый этап в развитии концепции держав среднего уровня приходится на конец 1990-х – начало 2000-х гг.³⁸. Отли-

³³ Holbraad, C. *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan Press, 1984. P. 70.

³⁴ *Middle Powers and the Rise of China*. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. 240 p.

³⁵ Efstathopoulos, C. *Reinterpreting India's Rise through the Middle Power Prism // Asian Journal of Political Science*, May 2011, Vol. 19, No. 1, pp. 74-95.

³⁶ Patience, A. *Imagining Middle Powers // Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 2, pp. 210-224.

³⁷ *Ibid.* P. 214.

³⁸ Ravenhill, J. *Cycles of Middle Power Activism: Constraint and Choice in Australian and Canadian Foreign Policies // Australian Journal*

чительной чертой современных работ по данной проблематике является наличие более доработанных теоретических подходов к определению держав среднего уровня. С учетом новых исторических реалий и международно-политических процессов, таких как глобализация, интеграция, демократизация и экономическая либерализация, предлагаются новые подходы к выделению средних держав, основывающиеся на анализе целого комплекса разнообразных показателей.

Вместе с тем на рубеже XX-XXI вв. значительно изменился список стран, относящихся к категории данных держав. С одной стороны, Австралия и Канада – государства, традиционно относившиеся к данной группе, постепенно отходят от тезиса, согласно которому они являются державами среднего уровня³⁹. Ранее провозглашённая концепция «держав среднего уровня» как ориентир их внешней политики объявляется не актуальной в отношении Австралии и Канады по причине растущей роли обоих государств на международной арене. С другой стороны, в условиях усложнения международной взаимозависимости после распада биполярной системы к числу держав среднего уровня добавились такие страны как Аргентина⁴⁰,

Бразилия⁴¹, Вьетнам⁴², Иран⁴³, Малайзия⁴⁴, Мексика⁴⁵, Таиланд⁴⁶ и Южная Африка⁴⁷. В результате в рамках концепции сформировалось новое направление, согласно которому следует разделять традиционные и новые (зарождающиеся) державы среднего уровня⁴⁸.

Одним из представителей данного течения является исследователь Эдуард Джордан, который выделяет структурные и поведенческие различия между традиционными (Австралия, Канада, Норвегия и др.) и новыми средними державами (Аргентина, Малайзия, Южная Африка и др.). К группе структурных характеристик он относит уровень демократизации, хронологические периоды формирования держав среднего уровня, их позиции в мировой экономике, внутреннее распределение богатства и региональное влияние. Поведенческие

of International Affairs, 1998, Vol. 52, No. 3, pp. 309-327; Chapnick, A. The Middle Power // *Canadian Foreign Policy Journal*, Winter 1999, Vol. 7, No. 2, pp. 73-82; Jordaan, E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, November 2003, Vol. 30, No. 2, pp. 165-181; Ungerer, C. The "Middle Power" Concept in Australian Foreign Policy // *Australian Journal of Politics & History*, December 2007, Vol. 53, No. 4, pp. 538-551.

³⁹ Downer, A. Should Australia Think Big or Small in Foreign Policy / Speech to Centre for Independent Studies. Sydney, 2006. 10 July. Mode of access: https://foreignminister.gov.au/speeches/2006/060710_bigorsmall.html

⁴⁰ Bélanger, L.; Mace, G. Middle Powers and Regionalism in the Americas: The Cases of Argentina and Mexico // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Ed. by Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp 164-184.

⁴¹ Burges, S. Mistaking Brazil for a Middle Power // *Journal for Iberian and Latin American Research*, 2013, Vol. 19, No. 2, pp. 286-302.

⁴² Asia's Middle Powers? The Identity and Regional Policy of South Korea and Vietnam. Ed. By Joon-Woo Park, Don Keyser, Gi-Wook Shin. Stanford, CA: Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2013. 275 p.

⁴³ Ehteshami, A. Middle East Middle Powers: Regional Role, International Impact // *Uluslararası İlişkiler*, August 2014, Vol. 11, No. 42, pp. 29-49.

⁴⁴ Nossal, K.R.; Stubbs, R. Mahathir's Malaysia: An Emerging Middle Power? // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Ed. By Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp 147-163.

⁴⁵ Bélanger, L.; Mace, G. Middle Powers and Regionalism in the Americas: The Cases of Argentina and Mexico // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Ed. By Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp 164-184.

⁴⁶ Freedman, A. Malaysia, Thailand, and the ASEAN Middle Power Way // *Middle Powers and the Rise of China*. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. Pp 104-125.

⁴⁷ Westhuizen, J.V.D. South Africa's Emergence as a Middle Power // *Third World Quarterly*, September 1998, Vol. 19, No. 3, pp. 435-456.

⁴⁸ Jordaan, E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, November 2003, Vol. 30, No. 2, pp. 165-181.

различия подразумевают преимущественно ориентацию стран на региональное сотрудничество, их подходы к интеграции, их деятельность, направленную на корректировку существующего миропорядка в направлении учета их интересов и самоидентификацию на международной арене. Таким образом, согласно его классификации традиционные державы среднего уровня это – стабильные демократии, занимающие центральные позиции в мировой экономике, с эгалитарным устройством общества и низким уровнем влияния на региональные процессы. Новые державы среднего уровня либо являются молодыми демократиями, либо имеют другой политический строй. Эти страны стали проявлять активность на международной арене в постбиполярный период и отличаются высоким уровнем неравенства распределения богатств. Они являются активными сторонниками региональной интеграции и динамично участвуют в процессах регионализации⁴⁹.

Турецкие исследователи Зия Онис и Мустафа Кутлей внесли свои дополнения в это направление⁵⁰. Авторы рассматривают при каких условиях новые средние державы могут играть активную роль на региональном и глобальном уровнях. Исследователи выделяют четыре необходимых условия: возможность быть образцом для подражания благодаря эффективному применению своей мягкой силы; способность строить коалиции как с традиционными, так и с другими новыми средними державами; управленческий потенциал, который подразумевает понимание того, что влияние средних держав ограничено; способность занять свою нишу в региональном и глобальном управлении, в которой они могут преуспеть⁵¹.

Кроме того, вводится новое положение, согласно которому новые средние державы могут переходить в статус традиционных. В качестве примера авторы при-

водят Южную Корею, которая благодаря успешному экономическому развитию и демократизации стала образцом для подражания. Однако отмечается, что этот транзит требует определённого времени, поскольку развитие институтов должно проходить последовательно и стабильно. В процессе перехода находятся Мексика и Индонезия, которые хотя еще не достигли столь высоких экономических показателей, но тем не менее смогли добиться трансформации своих политических режимов – перейти от авторитарной к более открытой и относительно демократической системе⁵².

В целом деление держав среднего уровня на традиционные и новые демонстрирует растущую роль развивающихся стран, которые стали рассматриваться как некий противовес западным средним державам. Новые средние державы, к числу которых часто относят членов группы БРИКС, рассматриваются как субъекты, выступающие за изменение статуса-кво в международной системе, в то время как традиционные характеризуются как его охранители⁵³. Однако если следовать основным положениям данного направления, то сам термин «держава среднего уровня» указывает на совершенно разное поведение держав на международной арене, что не вносит ясность в концептуальное понимание самого понятия⁵⁴.

Таким образом, появление новых активных игроков на международной арене в результате распада биполярной системы, динамичные интеграционные процессы и смещение мировой экономической активности в Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) привели к пересмотру концепции держав среднего уровня. Проследив историю ее развития, можно отметить, что от простого определения держав среднего

⁴⁹ Ibid. P. 168.

⁵⁰ Öniş, Z.; Kutlay, M. The Dynamics of Emerging Middle-power Influence in Regional and Global Governance: the Paradoxical Case of Turkey // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 2, pp. 164-183.

⁵¹ Ibid. P. 167.

⁵² Öniş, Z.; Kutlay, M. The Dynamics of Emerging Middle-power Influence in Regional and Global Governance: the Paradoxical Case of Turkey // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 2, p. 167.

⁵³ Efstathopoulos, C. Reinterpreting India's Rise through the Middle Power Prism // *Asian Journal of Political Science*, May 2011, Vol. 19, No. 1, p. 88.

⁵⁴ Carr, A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 1, p. 75.

уровня как государств, обладающих меньшими ресурсами чем великие державы, но большим влиянием чем малые, исследователи разработали целый ряд новых подходов, которые учитывают не только материальные показатели, но и включают в себя анализ внешнеполитического поведения и международной обстановки. Тем не менее для лучшего понимания современного состояния данной концепции, следует осветить основные теоретические подходы, преобладающие сегодня среди академического сообщества при анализе держав среднего уровня.

Сравнительный анализ теоретических подходов к определению держав среднего уровня

На сегодняшний день в целом можно выделить три основных теоретических подхода, в соответствии с которыми можно классифицировать государство как державу среднего уровня, а именно: иерархический (позиционный), поведенческий и конструктивистский.

Первый подход основывается на количественных методах, с помощью которых могут быть измерены показатели ВВП, численность населения, размер территории и военные возможности страны. Данный подход был особенно распространён в 1960-1970 годы и доработан канадским исследователем Карстеном Холбрадом⁵⁵. Холбрад выделял ряд недостатков данного подхода и отмечал, что с учетом разных показателей, страны могут занимать разные позиции. К примеру, государство с высокими показателями ВВП может иметь низкие показатели численности населения или обладать небольшим количеством вооруженных сил. Кроме того, в долгосрочной перспективе такие показатели как численность населения и размер территории более стабильны и надёжны чем показатели ВВП. В то же время в краткосрочном плане целесообразнее измерять численность вооруженных сил, объемы военных расходов и количество конкретных видов вооружений. Поскольку данные ин-

дикаторы свидетельствуют о военной мощи страны⁵⁶.

В целях усовершенствования данного подхода, исследователь предлагал начинать с разграничения средних и малых держав на региональном и субрегиональных уровнях. После чего Холбрад предлагал сравнить результаты от каждого географического региона, на основе которых в дальнейшем попытаться достичь некоторого единообразия в критериях выделения. В результате деления на шесть географических регионов (Африка, Азия, Европа, Северная и центральная Америка, Южная Африка, Океания и Индонезия), Холбрад определил 18 стран, как державы среднего уровня. Согласно его классификации в группу средних держав в том числе вошли такие страны как Япония, Китай, Франция, Великобритания, Канада, Бразилия, Иран, Мексика, Южная Африка и Индонезия⁵⁷.

Однако существенным недостатком иерархического подхода является то, что, следуя его логике под категорию средних держав попадают страны совершенно разного уровня развития. В результате подобный широкий диапазон стран еще больше размывает категорию держав среднего уровня и не позволяет выделить четкие критерии их выделения. Тем не менее, ценность данного подхода заключается в том, что благодаря ему на первых этапах исследования возможно отделить средние державы от малых и великих, поскольку такие показатели как уровень ВВП, численность населения и другие количественные методы являются важными критериями анализа.

В противовес иерархическому со временем был сформирован новый подход, получивший особое распространение в академическом сообществе, и известный в научной литературе как поведенческий. В основе его лежит тезис о том, что державы среднего уровня следует анализировать исходя из их внешнеполитического поведения на международной арене⁵⁸. Среди сторонников дан-

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid. P. 89.

⁵⁸ Carr, A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 1, p. 78.

⁵⁵ Holbraad, C. *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan Press, 1984. P. 75.

ного подхода следует особо отметить таких исследователей как Эндрю Купер, Ричард Хигготт и Ким Ричард Носсал. Согласно их определению, державы среднего уровня отличаются внешнеполитическим поведением на мировой арене, которое характеризуется их стремлением к многосторонним решениям международных проблем, склонностью занимать нейтральные позиции в международных конфликтах и тенденцией руководствоваться в своей дипломатии понятием «добросовестного члена международного сообщества»⁵⁹.

В данном случае термин «средняя держава» подразумевает, что отправной точкой анализа выступает не сравнительная мощь государства, а его возможности влиять на международные процессы. Американский политолог Роберт Оуэн Кохейн утверждает, что лидеры держав среднего уровня убеждены в том, что они не могут эффективно действовать в одиночку на международной арене. Исходя из этого главным инструментом наращивания их влияния выступают различные международные институты⁶⁰. Другими словами, международные организации выступают площадками для средних держав, где они способны продвигать благоприятные для них отношения, тем самым формируя так называемую «международную политическую культуру», которая будет отвечать их интересам⁶¹. Канадский исследователь Роберт Кокс также отмечает, что в целях поддержания стабильного мирового порядка средние державы активно участвуют в деятельности международных организаций⁶².

Суммируя выше сказанное, можно заключить, что в рамках данного подхода исследователи выделяют общие черты

внешнеполитического поведения держав среднего уровня, а именно посредничество, урегулирование конфликтов, многовекторная внешняя политика, создание коалиций и стремление к компромиссу⁶³. Данные державы в первую очередь преследуют общие интересы, и их основная задача заключается в том, чтобы утвердить и поддерживать принцип соблюдения общих правил всеми участниками международных отношений. Таким образом, особое внешнеполитическое поведение держав среднего уровня выражается в том, чтобы продвигать свою повестку дня на международной или региональной арене. Следовательно, державы среднего уровня обладают не только и не сколько материальными ресурсами, сколько нематериальными ресурсами – установленными и поддерживаемыми связями.

Тем не менее и данный подход имеет ряд ограничений. Следуя его логике, можно заключить, что любая страна может обладать характерным поведением для держав среднего уровня вне зависимости от своей мощи. То есть независимо от ее территориальных размеров, численности населения или уровня ВВП может быть отнесена к категории данных держав, если она следует данному типу внешнеполитического поведения. Кроме того, ряд исследователей обвиняют последователей поведенческого подхода в создании некой идеальной веберовской модели, которой все должны следовать⁶⁴. Эти разногласия породили новое течение в рамках данного подхода, что выразилось в идее о разделении держав среднего уровня на традиционные и новые державы, отличающиеся друг от друга именно внешнеполитическим поведением. Об этой классификации говорилось ранее, тем не менее, стоит отметить, как она применяется в новом контексте. В литературе по анализу внешнеполитической деятельности традиционных и новых держав среднего уровня авторы кон-

⁵⁹ Cooper, A.; Higgott, R.; Nossal, K.R. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Vancouver: UBC Press, 2004. P. 96.

⁶⁰ Keohane, R. *Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics* // *International Organization*, Spring 1969, Vol. 23, No. 2, p. 296.

⁶¹ Ibid.

⁶² Cox, R.W. *Middlepowermanship, Japan, and Future World Order* // *International Journal*, 1989, Vol. 44, No. 4, p. 827.

⁶³ Robertson, J. *Middle-power Definitions: Confusion Reigns Supreme* // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 4, p. 361.

⁶⁴ Carr, A. *Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach* // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 1, p. 75.

статуируют, что традиционные державы (Австралия, Канада и ряд скандинавских стран) придерживаются идеи статус-кво в системе международных отношений. В свою очередь новые средние державы стремятся изменить или скорректировать статус-кво, в связи с чем проводят активную внешнюю политику как на международном, так и на региональном уровнях⁶⁵.

В завершении стоит также выделить конструктивистский подход, в рамках которого исследователи утверждают, что державы среднего уровня это лишь конструкты, созданные государственными деятелями⁶⁶. Представляется, что наилучшим образом описывает данный подход исследователь Роберт Кокс, согласно которому «средняя держава – это роль в поисках актера»⁶⁷. Подобное понимание определения средних держав говорит о том, что не следует выделять четкие границы данной группы.

Основное положение конструктивистского течения концепции заключается в том, что политические лидеры провозглашают возглавляемые ими страны средними державами и заявляют об их особой роли в системе международных отношений. Во многом это связано с традицией Австралии позиционировать себя в качестве державы среднего уровня. Многие министры иностранных дел Австралии, включая Герберта Вере Эватта (1941-1949 гг.), Гарфилда Барвика (1961-1964 гг.), Гарета Эванса (1988-1996 гг.), Александра Даунера (1996-2007 гг.) и Стивена Смита (2007-2010 гг.) ссылались на концепцию средних держав при описании внешней политики Австралии⁶⁸. Подобным образом термин «держава среднего уровня»

можно встретить и в лексиконе глав внешнеполитического ведомства Канады⁶⁹.

Исходя из этого, ряд исследователей констатируют, что общее понимание самовосприятия и внешнеполитического поведения средних держав было сформировано именно через диалог между политиками и учёными внутри самих средних держав. То есть держава среднего уровня — это социально сконструированная идентичность. При этом, в отличие от поведенческого подхода, конструктивистский не предписывает государствам строго придерживаться общих моральных норм и стремиться исключительно к поддержанию мира и всеобщего процветания. Наоборот, сторонники данного подхода подчеркивают первостепенность национальных интересов для держав среднего уровня. Средние державы проводят многовекторную политику и выступают за принцип консенсуса не потому что их к этому обязывают, а потому что подобное внешнеполитическое поведение соответствует их долгосрочным интересам. Можно предположить, что данные страны выстраивают свой особый тип поведения, подстраиваясь под исторические и международные условия.

Основные критерии рассматриваемых теоретических подходов суммированы в *Таблице 1*.

Заключение

Проследив историю развития концепции держав среднего уровня, можно отметить, что от простого определения держав среднего уровня как государств, обладающих меньшими ресурсами чем великие державы, но большим влиянием чем малые, исследователи разработали целый ряд новых подходов, которые учитывают не только материальные показатели, но и включают в себя анализ внешнеполитического поведения и международной обстановки. Это свидетельствует об актуальности исследований, анализирующих международно-политическую обстановку в мире, преимущественно уде-

⁶⁵ Jordaan, E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, November 2003, Vol. 30, No. 2, p. 169.

⁶⁶ Beeson, M. Can Australia Save the World? The Limits and Possibilities of Middle Power Diplomacy // *Australian Journal of International Affairs*, 2011, Vol. 65, No. 5, pp. 563-577.

⁶⁷ Cox, R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, No. 4, p. 827.

⁶⁸ Carr A. Is Australia a middle power? A Systemic Impact Approach // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No 1, P. 73.

⁶⁹ Ravenhill J. Cycles of middle power activism: Constraint and choice in Australian and Canadian foreign policies // *Australian Journal of International Affairs*, 1998, Vol. 52, No 3, pp 309-327.

Концептуальные подходы классификации «держав среднего уровня»

Подход		
Иерархический	Поведенческий	Конструктивистский
Критерии		
<p><i>Количественные показатели</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – показатели ВВП – численность населения – площадь территории государства – военный бюджет государства – вооруженные силы государства 	<p><i>Внеинеполитическое поведение</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – посредничество – урегулирование конфликтов – многовекторная внешняя политика – нишевая дипломатия – понятие «добросовестного члена международного сообщества» 	<p><i>Позиционирование государства на международной арене</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – самовосприятие государства в качестве державы среднего уровня – конструирование роли державы среднего уровня через выступления государственных деятелей – понятие среднедержавности

Table 1. Conceptual approaches for classifying middle powers
 Источник: составлено автором

ляя внимание изучению роли не только великих держав, но и рассматривая другие государства, как объекты, обладающие возможностями непосредственно влиять на ход международных процессов.

В целом можно заключить, что большинство проблем, связанных с определением понятия «держава среднего уровня» и с причислением того или иного государства к данной категории, связаны с тем, что исследователями используются порой противоположные формулировки и модели для концептуализации данного понятия. Исходя из поставленных задач в исследовании, авторами применяются разные исследовательские стратегии анализа держав среднего уровня, что в результате приводит к появлению большого количества порой противоречащих друг другу трактовок данного понятия.

В результате на сегодняшний день не сформулирован единый теоретический подход к определению держав среднего уровня. Представляется, что для того, чтобы выработать единые критерии для дифференциации данной группы государств, должно быть единое и объективное понимание этих критериев в академическом сообществе. Тем не менее, можно констатировать, что современная характеристика державы среднего уровня заключается в следующем. Держава среднего уровня – это государство, которое обладает средними материальными показателями и имеет определенную модель внешнеполитического поведения. Другими словами, подобная характеристика подразумевает использование не только иерархиче-

ского подхода, но и других методов анализа, включающих нормативный, поведенческий и функциональный подходы. Однако, при комплексном применении вышеперечисленных подходов следует не забывать о ряде недостатков каждого из них.

Подводя итог, следует отметить, что концепция держав среднего уровня с одной стороны, помогает лучше и глубже понять международно-политические процессы в современной системе международных отношений, однако с другой – усложняет их иерархизацию и нуждается в доработке. Несмотря на большое количество исследований по данной теме, отсутствие разработанной методологии и недостаточная концептуализация приводит к трудностям комплексного понимания проблемы как на практическом, так и на экспертном уровнях.

Однако стоит отметить, что традиционный подход анализировать мировой порядок только исходя из утверждения о том, что доминирующую роль в глобальной системе международных отношений играют исключительно великие державы и, рассматривая их как единственные ведущие субъекты мировой политики не всегда, верен. В современной системе международных отношений и в новых сложившихся условиях державы среднего уровня своими внешнеполитическими действиями в определенной степени могут трансформировать и влиять на ход международно-политических процессов. Следовательно, изучение их роли, функций и позиций в системе международных отношений, а также анализ их отношений как с

великими, так и с малыми державами, и то как державы среднего уровня адаптируются к складывающиеся международной обстановке, заслуживает особого внимания. Таким образом, можно заключить, что концепция держав среднего уровня, несмотря на свои недостатки и недоработки, может служить полезным концептуальным инструментом, который со временем будет развиваться и дорабатываться.

Литература:

Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.

Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект пресс, 2018.

Кувалдин В.Б. Глобализация и новый мировой порядок // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.

Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир, 2017. 400 с.

Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. 2008. № 3.

Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II.

Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. 2014. Т. 12. №4.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002.

Asia's Middle Powers? The Identity and Regional Policy of South Korea and Vietnam. Ed. By Joon-Woo Park, Don Keyser, Gi-Wook Shin. Stanford, CA: Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2013. 275 p.

Beeson, M. Can Australia Save the World? The Limits and Possibilities of Middle Power Diplomacy // *Australian Journal of International Affairs*, 2011, Vol. 65, No. 5, pp. 563-577.

Bélanger, L.; Mace, G. Middle Powers and Regionalism in the Americas: The Cases of Argentina and Mexico // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Ed. by Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp 164-184.

Burges, S. Mistaking Brazil for a Middle Power // *Journal for Iberian and Latin American Research*, 2013, Vol. 19, No. 2, pp. 286-302.

Carr, A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 1.

Chapnick, A. The Middle Power // *Canadian Foreign Policy Journal*, Winter 1999, Vol. 7, No. 2, pp. 73-82.

Cooper, A.; Higgott, R. Middle Power Leadership and Coalition Building: Australia, the Cairns Group, and the Uruguay Round of trade negotiations // *International Organization*, 1990, Vol. 44, No. 4, pp. 589-632.

Cooper, A.; Higgott, R.; Nossal, K.R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver: UBC Press, 2004. 232 p.

Cox, R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, No. 4, pp. 823-862.

Efstathopoulos, C. Reinterpreting India's Rise through the Middle Power Prism // *Asian Journal of Political Science*, May 2011, Vol. 19, No. 1, pp. 74-95.

Ehteshami, A. Middle East Middle Powers: Regional Role, International Impact // *Uluslararası İlişkiler*, August 2014, Vol. 11, No. 42, pp. 29-49.

Freedman, A. Malaysia, Thailand, and the ASEAN Middle Power Way // *Middle Powers and the Rise of China*. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. Pp 104-125.

Glazerbrook, G.D. The Middle Powers in the United Nations System // *International Organization*, June 1947, Vol. 1, No. 2.

Holbraad, C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984.

Holbraad, C. The Role of Middle Powers // *Cooperation and Conflict*, 1971, Vol. 6, No. 1, pp. 77-90.

Holmes, J.W. Most Safely in the Middle // *International Journal*, Spring 1984, Vol. 39, No. 2, pp. 366-388.

Jordaan, E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, November 2003, Vol. 30, No. 2, pp. 165-181.

Karim, M.F. Middle Power, Status-seeking and Role Conceptions: the Cases of Indonesia and South Korea // *Australian Journal of International Affairs*, 2018, Vol. 72, No. 4, pp. 343-363.

Keohane, R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*, Spring 1969, Vol. 23, No. 2.

Kissinger, H. World Order. New York: Penguin Books, 2015. 432 p.

Mares, D.R. Mexico's Foreign Policy as a Middle Power: The Nicaragua Connection, 1884-1986 // *Latin American Research Review*, 1988, Vol. 23, No. 3, pp. 81-107.

Middle Powers and the Rise of China. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. 240 p.

Middle Powers in Global Governance. The Rise of Turkey. Ed. By Emel Parlar Dal. London: Palgrave Macmillan, 2018. 275 p.

Mo, J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, December 2016, Vol. 71, No. 4, pp. 587-607.

Nossal, K.R.; Stubbs, R. Mahathir's Malaysia: An Emerging Middle Power? // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Ed. By Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp. 147-163.

Öniş, Z.; Kutlay, M. The Dynamics of Emerging Middle-power Influence in Regional and Global Governance: the Paradoxical Case of Turkey // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 2, pp. 164-183.

Otte, M.A. Rising Middle Power? German Foreign Policy in Transformation, 1989-1999. New York: St. Martin's Press, 2000. 324 p.

Patience, A. Imagining Middle Powers // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 2, pp. 210-224.

Ravenhill, J. Cycles of Middle Power Activism: Constraint and Choice in Australian and Canadian Foreign Policies // *Australian Journal of International Affairs*, 1998, Vol. 52, No. 3, pp. 309-327.

Robertson, J. Middle-power Definitions: Confusion Reigns Supreme // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 4.

Schoeman, M. South Africa as an Emerging Middle Power // *African Security Review*, 2000, Vol. 9, No. 3, pp. 47-58.

Sethi, J.D. India as a Middle Power // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, April 1969, Vol. 25, No. 2, pp. 107-121.

Soward, F.H. On Becoming and Being a Middle Power: The Canadian Experience // *Pacific Historical Review*, May 1963, Vol. 32, No. 2, pp. 111-136.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski, Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 242 p.

Ungerer, C. The "Middle Power" Concept in Australian Foreign Policy // *Australian Journal of Politics & History*, December 2007, Vol. 53, No. 4, pp. 538-551.

Vellut, J.L. Congolese Foreign Policy and African 'Middle Powers', 1960-64. // *Australian Outlook*, 1965, Vol. 19, No. 3, pp. 287-305.

Westhuizen, J.V.D. South Africa's Emergence as a Middle Power // *Third World Quarterly*, September 1998, Vol. 19, No. 3, pp. 435-456.

References:

Asia's Middle Powers? The Identity and Regional Policy of South Korea and Vietnam. Ed. by Joon-Woo Park, Don Keyser, Gi-Wook Shin. Stanford, CA: Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2013. 275 p.

Beeson, M. Can Australia Save the World? The Limits and Possibilities of Middle Power Diplomacy // *Australian Journal of International Affairs*, 2011, Vol. 65, No. 5, pp. 563-577.

Bélanger, L.; Mace, G. Middle Powers and Regionalism in the Americas: The Cases of Argentina and Mexico // *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Ed. by Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp 164-184.

Bogaturov, A.D. Sovremennyy mezhdunarodnyy porjadok (Modern World Order) // *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika (Contemporary International Relations and World Politics)*, A.V. Torkunova (Ed.). Moscow: Prosveshhenie, 2004.

Burges, S. Mistaking Brazil for a Middle Power // *Journal for Iberian and Latin American Research*, 2013, Vol. 19, No. 2, pp. 286-302.

Carr, A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 1.

Chapnick, A. The Middle Power // *Canadian Foreign Policy Journal*, Winter 1999, Vol. 7, No. 2, pp. 73-82.

Cooper, A.; Higgott, R. Middle Power Leadership and Coalition Building: Australia, the Cairns Group, and the Uruguay Round of trade negotiations // *International Organization*, 1990, Vol. 44, No. 4, pp. 589-632.

Cooper, A.; Higgott, R.; Nossal, K.R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver: UBC Press, 2004. 232 p.

Cox, R.W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // *International Journal*, 1989, Vol. 44, No. 4, pp. 823-862.

Efstathopoulos, C. Reinterpreting India's Rise through the Middle Power Prism // *Asian Journal of Political Science*, May 2011, Vol. 19, No. 1, pp. 74-95.

Ehteshami, A. Middle East Middle Powers: Regional Role, International Impact // *Uluslararası İlişkiler*, August 2014, Vol. 11, No. 42, pp. 29-49.

Freedman, A. Malaysia, Thailand, and the ASEAN Middle Power Way // *Middle Powers and the Rise of China*. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. Pp 104-125.

Glazerbrook, G.D. The Middle Powers in the United Nations System // *International Organization*, June 1947, Vol. 1, No. 2.

Holbraad, C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984.

Holbraad, C. The Role of Middle Powers // *Cooperation and Conflict*, 1971, Vol. 6, No. 1, pp. 77-90.

Holmes, J.W. Most Safely in the Middle // *International Journal*, Spring 1984, Vol. 39, No. 2, pp. 366-388.

Istomin, I.A. Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike (The Logic of the Behavior of States in International Politics). Moscow: Aspekt press, 2018.

Jordaan, E.C. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, November 2003, Vol. 30, No. 2, pp. 165-181.

Karim, M.F. Middle Power, Status-seeking and Role Conceptions: the Cases of Indonesia and South Korea // *Australian Journal of International Affairs*, 2018, Vol. 72, No. 4, pp. 343-363.

Keohane, R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*, Spring 1969, Vol. 23, No. 2.

Kissinger, H. World Order. New York: Penguin Books, 2015. 432 p.

Kudrjashova, I.V. Legko li byt' srednevelikim (Is it Easy to be a Middle-Sized?) // *Mezhdunarodnyye processy*, 2008, Vol. 6, No. 3.

Kuvaldin, V.B. Globalizatsiya i novyy mirovoj porjadok (Globalization and New World Order) // *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika (Contemporary International Relations and World Politics)*, A.V. Torkunov (Ed.). Moscow: Prosveshhenie, 2004.

Kuvaldin, V.B. Global'nyy mir. Politika. Ekonomika. Sotsial'nyye otnosheniya (The Global World: Politics, Economy, Social Relations). Moscow: Ves' Mir, 2017. 400 p.

Mares, D.R. Mexico's Foreign Policy as a Middle Power: The Nicaragua Connection, 1884-1986 // *Latin American Research Review*, 1988, Vol. 23, No. 3, pp. 81-107.

Middle Powers and the Rise of China. Ed. By Gilley B., O'Neil A. Washington, DC: Georgetown University Press, 2014. 240 p.

Middle Powers in Global Governance. The Rise of Turkey. Ed. By Emel Parlar Dal. London: Palgrave Macmillan, 2018. 275 p.

Mo, J. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, December 2016, Vol. 71, No. 4, pp. 587-607.

Nossal, K.R.; Stubbs, R. Mahathir's Malaysia: An Emerging Middle Power? // *Niche Diplomacy. Middle*

Powers after the Cold War. Ed. By Andrew F. Cooper. London: Macmillan Press, 1997. Pp 147-163.

Öniş, Z.; Kutlay, M. The Dynamics of Emerging Middle-power Influence in Regional and Global Governance: the Paradoxical Case of Turkey // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 2, pp. 164-183.

Otte, M.A. Rising Middle Power? German Foreign Policy in Transformation, 1989-1999. New York: St. Martin's Press, 2000. 324 p.

Patience, A. Imagining Middle Powers // *Australian Journal of International Affairs*, 2014, Vol. 68, No. 2, pp. 210-224.

Ravenhill, J. Cycles of Middle Power Activism: Constraint and Choice in Australian and Canadian Foreign Policies // *Australian Journal of International Affairs*, 1998, Vol. 52, No. 3, pp. 309-327.

Robertson, J. Middle-power Definitions: Confusion Reigns Supreme // *Australian Journal of International Affairs*, 2017, Vol. 71, No. 4.

Schoeman, M. South Africa as an Emerging Middle Power // *African Security Review*, 2000, Vol. 9, No. 3, pp. 47-58.

Sethi, J.D. India as a Middle Power // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, April 1969, Vol. 25, No. 2, pp. 107-121.

Shakleina, T.A. Rossija i SHA v novom mirovom porjadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshhestvah Rossii i SHA (1991-2002) (Russia and the

USA in the New World Order. Discussion in the Political and Academic Circles of Russia and the USA (1991-2002)). Moscow: Institut SHA i Kanady RAN, 2002.

Sirota, N.M. Ponjatie «mirovoj porjadok» v sovremennom teoreticheskom diskurse ("World Order" Notion in Modern Theoretical Discourse) // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, No. 3 (29).

Skriba, A.S. Balansirovanie mal'yx i srednih gosudarstv (The Balancing of Small and Medium-Sized Nations) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2014. Vol. 12, No. 4.

Soward, F.H. On Becoming and Being a Middle Power: The Canadian Experience // *Pacific Historical Review*, May 1963, Vol. 32, No. 2, pp. 111-136.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski, Boglarka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 242 p.

Ungerer, C. The "Middle Power" Concept in Australian Foreign Policy // *Australian Journal of Politics & History*, December 2007, Vol. 53, No. 4, pp. 538-551.

Vellut, J.L. Congolese Foreign Policy and African 'Middle Powers', 1960-64. // *Australian Outlook*, 1965, Vol. 19, No. 3, pp. 287-305.

Westhuizen, J.V.D. South Africa's Emergence as a Middle Power // *Third World Quarterly*, September 1998, Vol. 19, No. 3, pp. 435-456.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034

MIDDLE POWERS IN INTERNATIONAL RELATIONS: COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTUAL APPROACHES

Valeria V. Vershinina

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 02.09.2019 <i>Accepted:</i> 03.02.2020</p>	<p>Abstract: Throughout the past decades the international relations studies were mostly dedicated to the analysis of the superpower's and great power's role in the world order. Less powerful states, namely small and middle powers, were widely considered as objects that are not able to have an impact on the international political processes. Nevertheless, with the collapse of the bipolar system, new approaches have emerged and were applied to the analysis of the existing balance of power in the international relations. One of them is widely known as the concept of middle powers. The conceptual understanding of middle power's foreign policy behavior has become significantly more complicated in comparison with the bipolar period. On the other hand, there is still no clear definition of the term 'middle power'. In light of this lack of a clear definition, various authors use different methods to identify middle powers. Researchers usually define middle powers based on such criteria as large population, natural resources, economic strength, military force, political stability, its formal recognition by other actors in international relations as a significant international actor, and its active involvement in solving regional and international issues. The aim of this article is to review the concept of middle powers, its historical perspective and key theoretical approaches namely positional, behavioral and constructivist. Based on the analysis of these three approaches the article argues that a holistic understanding of the middle power concept is possible only based on a comprehensive approach. The article also addresses historic periods of concept's development and provides a distinction between emerging and traditional middle powers. The concept of middle powers and its popularity indicates the gradual formation of a new world order where the international momentum is determined not only by great powers but also by not less powerful small and middle powers.</p>
<p>About the author: Postgraduate Student, Researcher, ASEAN Center, MGIMO University e-mail: hanoivaleria@gmail.com</p>	
<p>Key words: middle power; international relations; theory of international relations</p>	

Для цитирования: Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 25-40.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034

For citation: Vershinina, Valeria V. «Derzhavy srednego urovnya» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: sravnitel'nyy analiz kontseptual'nykh podkhodov (Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 25-40.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034

АВТОРИТАРНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Максим Евгеньевич Попов

*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 июля 2019 <i>Принята к печати:</i> 12 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Автор проводит сравнительный анализ концепций авторитарного либерализма в современной политической теории. В статье анализируются основные направления интерпретации авторитарного либерализма в рамках методологических подходов и концептуальных моделей неолиберализма, ордолиберализма, политического либерализма Дж. Ролза, «ограниченной демократии» Я.-В. Мюллера, «кризиса легитимации» Ю. Хабермаса, «постдемократии» К. Крауча, «де-демократизации» М. Уилкинсона, «демократии участия» К. Макферсона, «кризиса демократического капитализма» В. Штреека, «криптофедерализма» Дж. Маджоне. Базовым аналитическим концептом является идея авторитарного экономического либерализма, впервые предложенная Г. Хеллером и К. Поланьи. В целях методологической рефлексии проведен аналитический обзор методов и концепций, опирающихся на современную политическую и конституционную теорию и применяющихся при изучении институциональной специфики авторитарного либерализма. Авторитарный либерализм концептуализируется как неолиберальная идеология и практика де-демократизации и ограничения демократии, результатом которой становится регионализация протеста против супранационального режима либеральной демократии и политической интеграции. Если авторитарный либерализм делает акцент на экономическом либерализме, то авторитарные способы реализации политики подчиняются интересам частной собственности: авторитаризм усиливает экономический либерализм, который, в свою очередь, усиливает «авторитарную трансформацию». В контексте еврокризиса авторитарный либерализм ограничивает традиционные формы представительной демократии, политической борьбы и легитимации власти, способствуя реанимации этнического национализма. В современной Европе правые евроскептики набирают популярность и в этой ситуации авторитарно-либеральное ограничение социал-демократии может привести не только к укреплению капитализма, но и к возрождению реакционных форм «нового национализма» и авторитарного иллиберализма. ЕС сегодня развивается в «неоколониальной парадигме» в соответствии с отношениями между ядром и периферией между странами-кредиторами и должниками; в этой ситуации демократически легитимным инструментом разрешения фундаментального противоречия между рыночным капитализмом и представительной демократией может стать подавляемая авторитарным либерализмом транснациональная солидарность.</p>
<p>Об авторе: д. филос. н., профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет e-mail: maximus.popov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: авторитарный либерализм; рыночный капитализм; представительная демократия; неолиберализм; ордолиберализм; политический либерализм; экономический либерализм; де-демократизация; ограниченная демократия; постдемократия; идеология; легитимация; транснациональная солидарность; европейская интеграция</p>	

В период, охватывающий десятилетие с начала финансового кризиса 2008 г., на авторитет и легитимность конституционного государства и государственного строя в Европе повлиял ряд экзистенциальных вызовов, связанных с будущим Европейского проекта, его фундаментальными ценностями и траек-

торией интеграции. На данный момент ЕС остается относительно устойчивым; за пределами Великобритании политические идеи прекращения евроинтеграционного эксперимента остаются маргинальными, хотя в ведущих европейских странах усиливается антиевропейское давление, а евроскептиче-

ские партии находятся на подъеме. Очевидно, что системные и антисистемные вызовы связаны как с легитимностью внутригосударственных режимов, так и с самим функционированием ЕС, что обусловлено фрагментарным давлением «снизу» в контексте субнациональных претензий на автономию. В регионах Европы, где наблюдается рост поддержки выступающих с автономистских позиций партий, политическая мобилизация сторонников независимости происходит на основе принадлежности к территориальному сообществу; декларируемое в публичном дискурсе «стремление к инклюзивности придает такой мобилизации позитивное гражданское звучание»¹.

Конституционный кризис касается не только Европейского союза в целом, но и региональной политической системы и порядка управления на континенте. Фундаментальные условия для этих множественных субкризисов были созданы в эпоху Маастрихтского договора и сопутствующей ему геополитической реконфигурации современной Европы. Маастрихт создал конституционную структуру Экономического и валютного союза, заложил основу для Шенгенского режима, открыл двери для дифференцированной интеграции и предвосхитил расширение Европы на Восток. Это ознаменовало изменение экономического баланса сил, «деполитизацию капитализма» (В. Штреек), «реунификацию», открывшую путь к «немецкой Европе» (У. Бек), а также возможный конец «реальной альтернативе» рыночному капитализму и неолиберализму со стороны националистов, евроскептиков и центристов, призывающих ограничить или завершить «эмансипативные проекты»². По мнению Ю. Хабермаса, после 1992 г.

невозможно вырваться из «вселенной капитализма»; единственный оставшийся вариант – «цивилизовать и укротить капиталистическую систему изнутри»³.

М. Уилкинсон описывает конституционный кризис в современной Европе как «авторитарный экономический либерализм»⁴, который как феномен впервые был проанализирован Г. Хеллером в качестве существенной характеристики позднего Веймарского режима⁵. К. Поляни обозначил «авторитарный либерализм» как общую характеристику всего периода межвоенного краха либеральной демократии⁶. Я.-В. Мюллер в качестве репрезентации феномена авторитарного либерализма вводит концепт «ограниченной демократии» (*restrained democracy*)⁷. Авторитарный либерализм трансформирует нормы демократического конституционализма и представительной демократии с целью поддержания либерально-экономических обязательств в отношении стабильности валюты и цен, жесткой фискальной дисциплины и конкурентоспособности.

Авторитарный либерализм сегодня сопровождается системными и антисистемными вызовами господствующему порядку в процессе поиска интеграционных альтернатив, активизации правого консерватизма и «нового национализма», возвращения политического популизма и неоавторитаризма, что наиболее очевидно в Центральной и Восточной Европе, но также отражается в росте

¹ Семененко И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 354. [Semenenko, I.S. Grazhdanskaya identichnost' (Civic Identity) / Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie (Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia). Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves MIR Publishers, 2017. P. 354.]

² Beck, U. German Europe. Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press, 2013. P. 42.

³ Habermas, J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA: Polity Press, 2012. P. 106.

⁴ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 313.

⁵ Heller, H. Authoritarian Liberalism? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 295.

⁶ Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001. P. 79.

⁷ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 37. [Muller, J.-V. Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka (The Debate about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014. P. 37.]

евроскептических партий, таких как «Национальный Фронт» и «Альтернатива для Германии». Современные модели политической интеграции имеют противоречивый характер: в ситуации традиционализации и демодернизации региональных сообществ либеральные интеграционные модели могут увеличивать социальную нестабильность, создавая условия для эскалации этноконфессиональной напряженности и ее перерастания в конфликты идентичностей⁸.

Задача данной статьи – оценить когнитивный потенциал концепта «авторитарный либерализм» и проанализировать магистральные направления интерпретации данного феномена в рамках различных методологических подходов и концептуальных моделей с целью дальнейшей концептуализации. В этом контексте исключительным приоритетом становится осмысление авторитарного либерализма как категории современного политического и научного дискурсов. По словам С.П. Перегудова, необходимо «рассматривать современный либерализм как качественно новую ипостась, требующую к себе особого внимания как обществоведов-концептуалистов, так и занимающихся изучением конкретных проблем современного политического развития специалистов. Результаты этих исследований уже сегодня позволяют со всей определенностью констатировать, что современный либерализм есть качественно новая, постоянно обновляющаяся субстанция, оказывающая возрастающее влияние на суть и характер общественно-политического процесса в западных демократиях»⁹. В ста-

тье будет обосновано, что в критические и трансформационные периоды актуализация авторитарного либерализма соответствует фундаментальной напряженности в либерально-демократическом государстве между рыночным капитализмом и представительной демократией. Идентифицируя современный либерализм как политический либерализм, политическая и конституционная теория исключает конфликтную динамику между капитализмом и демократией, что создаёт трудности для восприятия концепта «авторитарного либерализма».

Противоречия либерализма и демократии в политической теории

Анализируя четыре модели либеральной демократии – протекционную демократию, демократию развития, демократию равновесия и демократию участия – К. Макферсон отмечает, что «перспективы, касающиеся движения к более демократическому обществу, не столь безрадостны. Продвижение к нему в одно и то же время требует увеличения меры участия и побуждает к такому участию»; в качестве базового условия возникновения «либеральной демократии участия» К. Макферсон называет «значительное снижение уровня социального и экономического неравенства»: «Мы не можем достичь более демократического участия без предварительного изменения уровня социального неравенства и изменения в сознании, но мы не можем достичь изменения уровня социального неравенства и изменения в сознании, пока не повысим уровень демократического участия»¹⁰.

Хронологически либерализм в современной Европе предшествует демократии и отношения между ними противоречивы¹¹. Теоретическое различие между либерализмом и демократией заключается в том, что

⁸ Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // Полис. Политические исследования. 2017. №1. С. 99. [Popov, M.E. Sociocultural integration policy: main theoretical approaches (The Policy of Socio-Cultural Integration: Basic Theoretical Approaches) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, №1, P. 99.]

⁹ Перегудов С.П. Либерализм XXI века – кризис или обновление? // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 64. [Peregudov, S.P. Liberalizm XXI veka – krizis ili obnovleniye? (Liberalism of the XXI Century – a Crisis or an Update?) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2015, №4, P. 64.]

¹⁰ Макферсон К. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 71. [Macpherson, C. *Zhizn' i vremena liberal'noi demokratii* (The Life and Times of Liberal Democracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. P. 71.]

¹¹ Macpherson, C. *The Real World of Democracy*. Toronto: CBC Radio, 1966. P. 62.

либерализм – это, в первую очередь, инструмент ограничения государственной власти, в то время как демократия – это «внедрение народной власти» в государство; либерализм и демократия определяют конституционную и социальную сферы, первая из которых закреплена за либерализмом, регулирующим роль демократии в государстве, а вторая – за демократией, регулирующей экономическое благосостояние и социальное равенство: «либерализм плохо обслуживает демократию и ее выживание зависит от поиска новых институциональных форм, ослабляющих связь демократии с либеральной теорией»¹². Противоположную позицию занимает Ф. Закария, утверждающий, что либерализм поддерживает и усиливает демократию, при этом демократия без либерализма нефункциональна: чем сильнее либерализм «контролирует» демократию, тем выше качество демократического режима¹³. Данный тезис был ранее подтвержден в докладе «Кризис демократии» М. Крозье, С. Хантингтона и Д. Ватануки в 1975 г. в рамках работы «Трехсторонней комиссии»¹⁴.

Слияние авторитаризма и либерализма кажется несовместимым в силу длительного доминирования дискурса политического, а не экономического либерализма: на протяжении XX в. либерализм в странах Запада развивался, имея в качестве главной антитезы концепт тоталитаризма, а потому акцентировал свое принципиальное несогласие с любыми формами коллективистской идеологии. В период идеологических сражений периода холодной войны либерализм ассоциировался с демократией и противостоял авторитарному социализму. Это было подкреплено тезисом о «конце истории» Ф. Фукуямы, в котором либеральная демократия являлась кульминацией исторического прогресса. Под влиянием

идей Дж. Ролза и Ю. Хабермаса либерализм мыслился как синоним демократии даже с эгалитаристских и прогрессивных позиций в контексте реально существующей либеральной демократии и социал-демократического целеполагания¹⁵.

Послевоенный политический мейнстрим не предлагал альтернативы капитализму как потенциальной угрозе демократическому порядку, что сегодня отразилось в критике не только экономического либерализма Ф. фон Хайека, но и политического либерализма Ю. Хабермаса и Дж. Ролза за недостаточную согласованность с проблемой способности экономической власти влиять на политику. Говоря о длительных взаимоотношениях экономического либерализма и демократии, можно вспомнить недоверие Ф. фон Хайека не только к социальной справедливости, но и к демократии, а также его заигрывания с политическим авторитаризмом. Поддержав критику К. Шмитта в отношении попыток немецких левых влиять на частную собственность бывшего кайзера, Ф. фон Хайек предложил разработать общие правила сдерживания «прихоти электората» для обеспечения свободного потока капитала, товаров, рабочей силы и ограничения способности демократически избранных правительств инициировать изменения, которые наносили бы ущерб доходам от собственности¹⁶. По мнению Й. Шумпетера, «демократия главенствовала в процессе политических и институциональных изменений, посредством которых буржуазия изменила форму социальной и политической структуры, предшествовавшей ее господству, и, с ее точки зрения, сделала ее более рациональной: демократический метод был практическим инструментом этой реконструкции. Современная демократия – продукт капиталистического процесса»¹⁷.

¹² Barber, B. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 330.

¹³ Zakaria, F. *The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs*, 1997, Vol. 76, Iss. 6, P. 22.

¹⁴ Crozier, M.; Huntington, S.; Watanuki, J. *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York University Press, 1975. P. 220.

¹⁵ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 78; Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. P. 123.

¹⁶ Hayek, F. *The Constitution of Liberty*. London: Routledge, 1960. P. 12.

¹⁷ Schumpeter, J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York, London: Routledge, 2000. P. 296.

Демократическая парадигма современной политической науки исходит из концепции соревновательной электоральной демократии. Для определения государства как «электоральной демократии» широко используются индексы, рассчитываемые *Freedom House* (конкурентная многопартийная политическая система; всеобщее избирательное право; регулярные альтернативные выборы; широкий доступ обществу к основным политическим партиям через СМИ и путем открытой политической агитации). Электоральная демократия носит процедурный и ограниченный характер и определяются как «метод»: такая трактовка не вторгается в сферу экономики и политической системы. Как отмечают Ф. Шмиттер и Т. Карл, «демократизация не обязательно ведет к экономическому росту, социальной стабильности, управленческой эффективности, политической гармонии, свободному рынку или “концу идеологии”»¹⁸. Современные политические аналитики рассматривают механизм электоральной демократии вне отрыва от политических институтов и рамок капиталистической экономики либеральной демократии. В этом контексте многие критики рассматривают либеральную демократию как «политический инструментарий и наиболее подходящую оболочку для капитализма, а отнюдь не средство освобождения человека»¹⁹.

В либерально-демократических режимах политическая сфера является преимущественно сферой либерализма, а социальная – сферой демократии: демократия больше, чем либерализм, в социально-экономическом смысле, но меньше, чем либерализм, в политическом смысле. Политическое – это сфера ограничения полномочий государства и защиты прав и свобод личности, социальное – это демократическое

пространство перераспределения благосостояния. Современные левые выступают за социокультурный либерализм, который продвигает индивидуальные права и равенство возможностей, в то время как правые выступают за авторитарный экономико-политический либерализм, который защищает свободный рынок, освобожденный от сковывающих оков бюрократического государства: эти конфликтующие формы современного либерализма взаимно усиливают друг друга и способствуют «конвергенции экономического индивидуализма, бюрократического коллективизма и социокультурной атомизации», что, в свою очередь, ведет к «деполитизации» социально-экономической сферы жизни общества, делает его зависимым от рынка, одновременно уменьшая свободу самореализации, разрушает прежние социальные связи и активизирует правый консерватизм.

Процесс «европейской деполитизации» как один из важных источников авторитарного либерализма достиг своего апогея в контексте концепции «политики третьего пути» Э. Гидденса (воплощенной в центризме «нового лейборизма» Т. Блэра и впоследствии имитируемой всеми социал-демократами), предложившей альтернативу неолиберальной парадигме, но во многих случаях углубившей ее²⁰. Европейская интеграция усилила «радикальный центризм» благодаря своим институциональным процедурам «консенсусного законотворчества» и императивной поддержке рыночного либерализма. В отсутствие устойчивой системы наднациональной демократии, государства-члены остались с «политикой без политического курса» (*with politics but without policies*), а ЕС – «с политическим курсом без политики» (*with policies but no politics*)²¹. Западная представительная демократия разрывает связи между избирателями и партийными элитами, которые в прошлом обеспечивали легитимность системы; лейбористские

¹⁸ Schmitter, P.; Karl, T. What Democracy Is... And Is Not. In: *Global Resurgence of Democracy*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993. P. 39.

¹⁹ Лэйн Д. Мираж демократии // ПолиС. Политические исследования. 2014. №6. С. 128. [Lane, D. Mirazh demokracji (The Mirage of Democracy) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2014, No. 6, P. 128.]

²⁰ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 319.

²¹ Mair, P. *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso, 2013. P. 14.

и социалистические партии имеют меньше связей с низовыми организациями и действуют как технократические организации, созданные для управления системой вне зависимости от предпочтений избирателей. Капиталистическая глобализация создает структурное давление на левые правительства с целью ограничения социального государства и увеличения стимулов для частных инвесторов. Как пишет В. Штреек о новой фазе еврокризиса и деполитизации экономики, «там, где в Европе все еще существуют демократические институты, нет экономического управления, которое не было бы “захвачено” некапиталистическими интересами, трансформирующими рынок. Там же, где есть экономическое управление, нет демократии»²².

В рамках теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса эту динамику можно охарактеризовать как глубокое изменение «демократически легитимированного цикла власти» (*democratically legitimate cycle of power*): демократическая политика устойчива и функциональна, если она фундирована и легитимирована «коммуникативной властью», сформированной публичной сферой «взаимопонимания». Коммуникативная власть является силой сопротивления и ограничения «функциональных императивов» системного воспроизводства экономики и административной системы государства. Коммуникативная власть должна преобладать над такими «функциональными императивами», ограничивая их законами. Однако, когда импульс публичной сферы исчезает и люди становятся апатичными, функциональные императивы экономической системы перестают встречать сопротивление и начинают «колонизировать» политический процесс: политика становится инструментом стабилизации системы и нивелирования институциональных и моральных прав человека²³.

Авторитарные тенденции европейской интеграции все более отчетливо проявляют-

ся в политической практике, которую Дж. Маджоне называет «криптофедерализмом» (*crypto-federalism*) и «стелс-интеграцией» (*integration by stealth*) (идея Ж. Монне). Криптофедерализм – это «федерализм без федеральной конституции», когда силы и субъекты политической интеграции не действуют открыто в направлении федеральной конституции – главной цели функционализма – но преследуют стратегию «незначительных шагов и грандиозных эффектов». Криптофедерализм скрытно и непублично запускает процесс интеграции, при этом политическая интеграция происходит «под маской» экономической интеграции. Стратегия «стелс-интеграции» делает демократию неактуальной и предоставляет ключевые решения европейским элитам: это «стратегия свершившегося факта – осознанного факта, который делает бесполезным противостояние и общественные дебаты»²⁴.

Основными условиями еврорежима, навязываемыми государствами-членами Еврогруппы, а также «Тройкой» институтов (МВФ, Европейский центральный банк и Европейская комиссия), являются нелиберальные меры «жесткой экономии» (приватизация, либерализация, реформы рынка труда, регрессивное налогообложение). Это требует чрезвычайного вмешательства государства в общество, разрыва социальных контрактов и нарушения существующих отношений. Анализируя институциональные изменения в управлении Экономическим и валютным союзом, в частности, новые полномочия и авторитет Еврогруппы и Европейского центрального банка, важно отметить, что нелиберальный тренд является симптомом длительных тенденций в экономическом конституционализме Европы.

Вытеснение социал-демократии в пользу «рыночной технократии» и «рыночной рациональности» также является проявлением этих тенденций. Опасения по поводу дефицита демократии в ЕС существовали задолго до финансового кризиса 2008 г. Ю. Хабермас отмечает рост дефицита демократии в Европе: по его мнению, социально-

²² Streeck, W. *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. London: Verso, 2013. P. 75.

²³ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 239.

²⁴ Majone, G. *Europe as the Would-be World Power: The EU at Fifty*. Cambridge University Press, 2009. P. 66.

экономическая динамика в рамках существующей институциональной структуры ведет к размыванию национальных государств посредством европейского права²⁵. В этом контексте необходимо понять, является ли авторитарный либерализм модифицирующим или сдерживающим фактором демократии. Внутренний электорат может принять идею о том, что не существует альтернативы неолиберальным структурным реформам, если эта идея навязывается как «конституционное принуждение» и идеологической конструкт, несмотря на то, что она все еще представляется противоречивой. Сегодня еврорежим трансформируется из номинально основанной на правилах структуры, поддерживаемой рыночной дисциплиной, в «дискреционный порядок», усиленный бюрократической властью.

Авторитарный либерализм в эпоху постдемократии

Термин «авторитарный либерализм» охватывает два базовых симптома конституционного развития Европы. Во-первых, в ЕС, и особенно в еврозоне, существует авторитарный аспект управления, представленный бинарным процессом «де-демократизации и делегализации», связанный с игнорированием парламентских полномочий и парламентских дебатов, а также с нарушением гарантий верховенства закона и защиты социальных прав. Для понимания данного бинарного процесса используются термины «исполнительный менеджерализм» и «чрезвычайная Европа». Во-вторых, в новых исследованиях недооценивается конфликтная природа авторитарного либерализма и его противоречивая родословная²⁶.

В контексте радикальной демократической критики неолиберализм (и связанный с ним неореспубликанизм) игнорирует опасность авторитарного господства, не ограни-

чивающегося социально-экономической сферой²⁷. Либерализм принимает «как должное» существование «живой демократической культуры», недооценивая ее хрупкость и уклоняясь от признания угроз, возникающих внутри капиталистической экономики: логика индивидуализма и рыночной конкуренции может вести к эрозии социальной солидарности, в которой нуждается демократия. Теоретики конституционализма также избегают вопроса о сущности и последствиях экономического либерализма в капиталистическом обществе, анализируя общие проблемы легитимности конституционного пересмотра законодательства для защиты гражданских свобод²⁸. По словам М. Сандела, «празднование метафорического “рынка идей” снимает озабоченность по поводу фактического рынка товаров, капитала, услуг и, в более широком смысле, по поводу влияния коммодификации и рыночного поведения на социальные отношения, не считая маргинальные примеры рыночной аморальности»²⁹.

Синтез политического авторитаризма и экономического либерализма не уникален в рамках еврокризиса, этот подход использовался в контексте трансформации капитализма в Юго-Восточной Азии и Латинской Америки для обозначения автократических и даже диктаторских мер по реализации так называемой «экономики свободного рынка». Этот тип авторитарно-либерального синтеза иногда называют «авторитарным неолиберализмом», что связано с переходом от относительно консенсуального неолиберализма «третьего пути» к новому «коерсивному типу», возникшему во время недавнего финансового кризиса³⁰.

Относительная автономия экономического, действующего согласно логике деполитизации (натурализации) неравенства,

²⁵ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 210.

²⁶ Wilkinson, M. *Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 317.

²⁷ Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. P. 19.

²⁸ Alexander, L. *Constitutionalism: Philosophical Foundations*. Cambridge University Press, 1998. P. 27.

²⁹ Sandel, M. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane, 2012. P. 44.

³⁰ Bruff, I. *The Rise of Authoritarian Neoliberalism // Rethinking Marxism*, 2014, Vol. 26, Iss. 1, P. 113.

коммодификации социальных отношений и эрозии солидарности, влияет на легитимность политического измерения демократии и отношений между управляющими и управляемыми. Либеральная теория уклоняется от анализа этой динамики, принимая рыночный капитализм как данность: она не разрешает ни капиталистические противоречия между общественными благами и частными интересами, ни структурные неравенства, заложенные в капиталистическом государстве³¹.

Политический анализ «авторитарного либерализма» проводит К. Крауч, используя концепт «постдемократии» для объяснения противоречий между современным капитализмом и демократией: «постдемократия» связана с упадком социальных классов, сделавших возможными массовую политику, и распространением глобального капитализма. По словам К. Крауча, «при наличии всего двух понятий – демократии и не-демократии – мы не слишком далеко продвинемся в дискуссиях о здоровье демократии. Идея постдемократии помогает нам описать те ситуации, когда приверженцев демократии охватывают усталость, отчаяние и разочарование; когда заинтересованное и сильное меньшинство проявляет гораздо большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей; когда политические элиты научились управлять и манипулировать народными требованиями; когда людей чуть ли не за руку тащат на избирательные участки»³². Постдемократия связана с возникновением замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с бизнес-группами, чем в проведении демократических программ, отвечающих интересам всех граждан; в условиях авторитарного либерализма, когда

власть оказывается в руках «сильного меньшинства», нет оснований рассчитывать на эгалитарную политику перераспределения власти и богатства.

В. Штреек концептуализирует динамику отношений политического авторитаризма и экономического либерализма в рамках ситуационного анализа. Разделение между политическими и экономическими сферами отражает напряженность между демократией и капитализмом как реальными политическими и социальными силами: в послевоенный период капиталистическое государство трансформируется из «налогового государства» через «долговое государство» нелиберальной эры в новое «консолидационное государство» с принципами жесткой экономики и давления единой валюты³³.

Современное государство продолжает развиваться как демократическое государство; его конституционный авторитет сущностно зависит от связи с «народом». «Народ» здесь представляет риторическую и символическую силу суверенитета, что отражает относительную автономию политической сферы не только от классической теократии в контексте современной секуляризации, но и экономической власти. Это не только модернистское мировоззрение, но и непрерывный и хрупкий процесс модернизации, обусловленный социальной борьбой против слияния политической и экономической власти и классового общества; данный нарратив включает классовые, рабочие, феминистские, антиколониальные, этнонациональные движения и другие виды борьбы за равенство и признание. Современное государство может быть представлено в виде напряженности между демократией и капитализмом, солидарностью и индивидуализмом.

В критические периоды, когда капитализм и демократия вступают в эксплицитный конфликт как с точки зрения интересов, так и ценностей, государство «воспринимается» как репрезентация этой напряженности в политической экономике, а в некоторых случаях и как актор конфликтного разрешения. Причина, по которой здесь можно говорить о государстве, а не только о временно

³¹ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 319.

³² Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГоС. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 35. [Crouch, K. Postdemokratia (Postdemocracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. P. 35.]

³³ Streeck, W. *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. London: Verso, 2013. P. 89.

избранном правительстве, заключается в том, что все институты государства («идеологический и репрессивный государственный аппарат» по Л. Альтюссеру) укрепляют и переформируют отношения между демократией и капитализмом посредством военных, полицейских, судебных органов, центральных банков, учреждений культуры и СМИ³⁴. Этот «репрессивный и идеологический аппарат» в Европе (Еврокомиссия, Европейский совет, Европейский центральный банк, Еврогруппа, Европарламент), не имея сильного представительного органа в качестве «коррективной силы», уклоняется от демократического контроля.

Так же, как современный капитализм и неравенство могут угрожать демократическому государству, демократическая борьба за политическое и социальное равенство может выступать в качестве потенциальной угрозы капиталистическому государству. Демократические движения могут угрожать фундаментальной структурной конфигурации политики и экономики с новым требованием политико-демократического контроля над экономикой (в случае демократического социализма). В таком контексте для сохранения статус-кво «идеологический и репрессивный аппарат» капиталистического государства предлагает более продвинутую форму либерального неавторитаризма. Чтобы отразить конфликтную динамику авторитарного либерализма в современной Европе, необходимо представить диахронический обзор рассматриваемой проблемы.

Европейский ордолиберализм как форма авторитарного либерализма

В критические периоды трансформаций усиливается напряженность между демократическим и капиталистическим государством, что влечет за собой глубокий конституционный кризис. Важнейшим моментом в истории европейской интеграции является межвоенный период, знаменующий конец «долгого девятнадцатого века». В поздней Веймарской Германии демократическое

капиталистическое государство достигло апогея вследствие роста политически эмансипированного пролетариата, который стал угрожать дифференциации политического и экономического, созданной и защищаемой Конституцией. Реакцией правящей элиты на эту угрозу стала конвергенция авторитаризма и экономического либерализма, на что впервые указал в 1933 г. конституционный теоретик г. Хеллер. Основным принципом «авторитарного либерализма» в феноменологии г. Хеллера является принцип авторитарной власти вместо принципа демократического большинства; авторитарная поддержка экономического либерализма не обязательно сводится к фашистскому «квазирелигиозному спасению». Авторитарный либерализм основывается на рациональном понимании экономической необходимости и умозаключениях, говорящих об отсутствии реальной альтернативы деполитизации экономики и сокращению социальных программ, а не на «либидозной идентификации с вождем»³⁵.

Термин «авторитарный либерализм» использовался Г. Хеллером для радикальной критики попыток Германии вступить в союз с крупным бизнесом в период между 1930 и 1933 гг. с целью поддержания экономического либерализма ценой вмешательства в политику в пользу капиталистических интересов. Целью критики Г. Хеллера выступала не только центристская политика канцлера г. Брюнинга, но и конституционная теория К. Шмитта с формулой «сильное государство – свободная экономика»: К. Шмитт рекомендовал Германии «сильное государство со свободным рынком», противостоявшим угрозе демократического социализма и экспериментам экономической демократии³⁶.

Центристское правительство г. Брюнинга игнорировало парламентскую демократию, используя президентские указы под прикрытием чрезвычайной ситуации, чтобы навязать жесткую экономию и защитить базовые принципы экономического

³⁴ Althusser, L. *On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses*. London: Verso, 2014. 320 p.

³⁵ Heller, H. *Authoritarian Liberalism? // European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 212.

³⁶ Cristi, R. *Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism: Strong State, Free Economy*. Cardiff: University of Wales Press, 1998. P. 52.

либерализма. В основе этой политики лежало разочарование демократической солидарностью с целью поддержания капиталистической экономики в критический период послевоенной дефляции, безработицы и политической турбулентности. Для авторитарных либералов Германии страх, усиленный успехом большевиков в России, заключался в потенциальном повороте демократии к социализму. Эта модель авторитарной реакции на экономический кризис была не уникальной для позднего Веймара – по всему миру страны пытались поддерживать требования Золотого стандарта, сопротивляясь социал-демократии, пока не отказались от золота, что привело к «велфаризму» в Британии и «новому курсу» в США. По словам К. Поланьи, чем яростнее страны сопротивлялись социал-демократии через авторитаризм во имя экономического либерализма, тем сильнее и жестче была обратная реакция: авторитарный либерализм вытеснил демократию, ослабив ее способность реагировать на фашистскую угрозу³⁷.

Основной аргумент г. Хеллера заключается в том, что социальное неравенство несовместимо с конституционной демократией, поскольку она требует высокой степени социальной гомогенности, или, по крайней мере, ее перспективы для поддержания политической легитимности³⁸. Однако современная либерально-конституционная теория по-прежнему недооценивает вызовы демократии со стороны экономического либерализма и видит в ней основу угрозу капитализму. После Второй мировой войны политическая теория обосновывает ключевую идею конституционной защиты либерализма, пренебрегая исследованиями властных структур, которые могут формально или неформально подорвать демократию в капиталистическом государстве. Теоретики конституционисты, занятые дизайном правовых и политических институтов, разрабатывают внутренние, международные и наднациональные институциональные ме-

ханизмы контроля над мажоритаризмом и «демократической иррациональностью»³⁹.

Независимые технократические институты, такие как конституционные суды, комиссии и центральные банки, становятся нормой и постепенно укореняются в либеральном сознании. Европейская интеграция становится неотъемлемой частью послевоенного либерально-конституционного процесса построения «воинствующей демократии» (К. Левеншталь): Я.-В. Мюллер в качестве репрезентации этого феномена предлагает концепт «ограниченной демократии» (*restrained democracy*)⁴⁰. Принцип «воинственной защиты» либерализма во имя демократической консолидации обусловлен, в первую очередь, заботой об экономическом либерализме, а не целями защиты политического либерализма и усиления представительной демократии. В современной конституционной теории основное внимание уделено анализу вызовов и опасностей «неограниченной демократии» (*unfettered democracy*), а не явных интенций «неограниченного капитализма» (*unfettered capitalism*) к социальному и экономическому неравенству, о чем предупреждали Г. Хеллер и К. Поланьи.

В послевоенной политической практике противоречия капитализма и демократии были фасилитированы «Славным тридцатилетием» (*Les Trente Glorieuses*, термин Ж. Фурастье) «государства всеобщего благосостояния». «Послевоенные демократии – отмечает Я.-В. Мюллер, – создавались не просто в противовес государственному террору или агрессивному национализму, но в противовес тоталитарной концепции стихийного исторического действия, осуществляемого коллективными политическими субъектами, такими как нацистская *Volksgemeinschaft*. В ответ западноевропейцы построили в высшей степени управляемую

³⁷ Polanyi, K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001. P. 57.

³⁸ Heller, H. *Authoritarian Liberalism?* // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 210.

³⁹ Hailbronner, M. *Tradition and Transformations: The Rise of German Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 74.

⁴⁰ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 79. [Muller, J.-V. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka (The Debate about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century)*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014. P. 79.]

форму демократии, отмеченную печатью глубокого недоверия к народному суверенитету и даже традиционному парламентскому суверенитету»⁴¹. Либеральная теория стремилась к разрешению «мажоритарной дилеммы» посредством ограничения демократии как институционально (конституционный контроль), так и идеологически (концепт «разумности» (*reasonableness*) Дж. Ролза). Таким образом, современная конституционная теория уходит от критического взаимодействия с политической экономией. Сама европейская интеграция рассматривается как аспект проекта «ограниченной демократии», а не как дальнейшая стадия реконструкции отношений между политикой и экономикой в процессе демократического развития.

Послевоенное развитие Европы характеризовалось новым видением не только технократических функций управления, но и отношений управления, в частности, характера и пределов управления экономикой. М. Уилкинсон называет это новое видение «де-демократизацией власти, суверенитета и правительства»; по его мнению, «в этом подходе изложено новое видение индивида как участника рынка, а не политического гражданина»⁴². Новая концепция экономической роли государства была предложена фрайбургскими ордолибералами, для которых неограниченный капитализм являлся угрозой и вызовом социальному рыночному хозяйству, основанному на конкуренции. К. Фридрих, анализируя идеологическое значение «нового либерализма», отметил (как и позднее М. Фуко в лекциях о неолиберализме), фундаментальный теоретический поворот немецкого ордолиберализма с его идеей трансформации народного суверенитета в индивидуальную рыночную свободу как инструмент легитимизации конституционного порядка⁴³. Для ордолибералов экономический конституционализм, основанный на

равенстве, индивидуальных правах и конкуренции, был призван обеспечить полную элиминацию классовых и этнонациональных конфликтов из политической сферы. С этого момента самоидентификация субъектов конституционных отношений в Европе (в частности, Европейского суда и Европейской комиссии) будет обусловлена идеологией экономической рациональности и логикой рыночной конкуренции. По словам И.В. Левакина, «конституции либеральных демократий, оформляют систему достижения общего блага, в которой, тем не менее, большинство отчуждает свой труд в пользу имущего меньшинства – собственников средств производства, в интересах которых действует публичная власть. Социальный порядок обеспечивает механизм деалиенации, включающий комплекс конституционных прав и свобод»⁴⁴.

Социал-демократия не была ключевым компонентом послевоенного либерального конституционализма – начиная с Маастрихта, она сдерживалась в парламентах и на референдумах. С началом еврокризиса либеральный центризм попытается стабилизироваться, становясь предметом растущих политических споров с позиций государственной власти. Потеряв веру в силу институциональных инструментов, европейская государственная система начнет прибегать к принуждению в попытке поддержания порядка. Поскольку демократическая поддержка либерального центризма остается

⁴¹ Ibid.

⁴² Wilkinson, M. *Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce?* // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 317.

⁴³ Friedrich, C. *The Political Thought of Neo-liberalism* // *American Political Science Review*, 1955, Vol. 49, P. 96.

⁴⁴ Левакин И.В. Об отчуждении по общественному договору: компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации в конституциях буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств // *Сравнительная политика*. 2019. №3. С. 29. [Levakin, Igor V. *Ob otchuzhdenii po obshchestvennomu dogovoru: komparativistskiy analiz osnovnykh chert aliyenatsii i dealiyenatsii v konstitutsiyakh burzhuaznodemokraticeskikh, sotsialisticheskikh, post sotsialisticheskikh i religioznykh gosudarstv* (The Alienation along the Social Contract: Comparative Analysis of Basic Features of Alienation and Dealienation in the Constitutions of Burgium-democratic, Socialist, Post-socialist and Theocratic and Clerical States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, P. 29.]

слабой, он может компенсировать ее другими способами, представляя его критику как иррациональную и антиевропейскую силу. В итоге авторитарный либерализм сегодня должен поддерживать не только «де-демократизацию» с целью усиления либерального экономического порядка, но и оправдывать «гегемонистские» отношения между столицами в новой «немецкой Европе», где каждая страна должна быть «похожа» на Германию, несмотря на невозможность такого требования⁴⁵.

В современной Европе ордолиберальные правила экономического либерализма, установленные Экономическим и валютным союзом, вступают в конфликт с демократическими и социальными движениями против жесткой экономии (в случае с Грецией данный конфликт был доведен до предела после избрания проевропейского правительства, выступающего против жесткой экономии). Демократия и верховенство закона, в том числе защита социальных прав, также номинально защищены в договорах ЕС и Хартии Европейского союза. Таким образом, еврокризис трансформируется в «легитимационный кризис» и столкновение основных политических целей: ордолиберализма, рыночного капитализма, европейской интеграции и демократического самоуправления. «Дефицит рациональности в сфере общественного управления, – отмечает Ю. Хабермас – означает, что госаппарат в данных пограничных условиях не может выполнять никаких достаточных позитивных функций управления в отношении экономической системы; дефицит легитимации означает, что легитимационно действенные нормативные структуры не могут поддерживаться или производиться в необходимом объеме при помощи административных средств»⁴⁶.

⁴⁵ Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, P. 324.

⁴⁶ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. С. 81. [Habermas, J. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma (The Problem of Legitimation of Late Capitalism). Moscow: Praksis, 2010. P. 81.]

Заключение

Современный авторитарный либерализм стремится к рациональному управлению свободными рынками. Институционально это проявляется в конституционном закреплении экономических свобод и передаче контроля за экономической деятельностью экспертным органам и исполнительной власти. Если авторитарный либерализм делает акцент на экономическом либерализме, то авторитарные способы реализации политики подчиняются интересам частной собственности: авторитаризм усиливает экономический либерализм, который, в свою очередь, усиливает «авторитарную трансформацию» Европы. Для авторитарного либерализма государство является доминирующей категорией политической экономии. Авторитарный либерализм признает, что свободная экономика как политическая категория основана на определенном социальном порядке и представляет собой всеобъемлющую практику де-демократизации и ограниченной демократии.

Демократически легитимным инструментом разрешения противоречий рыночного капитализма и представительной демократией сегодня может стать подавляемая авторитарным либерализмом транснациональная солидарность; однако ЕС развивается в «неоколониальной парадигме» в соответствии с отношениями между ядром и периферией между странами-кредиторами и странами-должниками и неизбежно трансформируется в «неоколониальный режим интеграции», которому противостоит набирающий силы праворадикальный консерватизм. Активизация правоконсервативных партий заставила международный институт «Политические сети» (*Policy Network*) опубликовать доклад «Стресс демократии, популизм и угроза экстремизма», ставший идеологической программой его деятельности. В этом документе намечен ряд мер, призванных отслеживать меняющуюся политическую ситуацию и растущую роль политики идентичности. В ряду этих мер – выявление сигналов популизма и угроз экстремизма, состояние проблемы доверия, идентичности и культуры; указывается также на необходимость разработки «гене-

ральной политической стратегии, способной противостоять авторитарному стрессу»; подчеркивается роль прямой демократии (*contact democracy*) как фундаментальной стратегии сдерживания антидемократического стресса.

Политическое равенство и супранациональная солидарность в современной Европе становятся иллюзорными, поскольку отношения между странами-должниками и кредиторами напоминают условия «безоговорочной капитуляции»⁴⁷. По мнению Ю. Хабермаса, «супранациональные конституции опираются на основные права и свободы, юридические принципы и санкции, которые вырастают из демократических процессов освоения права и политики и доказывают свою пригодность в рамках демократически устроенных национальных государств. В этом отношении генетически их нормативная субстанция питается конституциями республиканского типа»⁴⁸.

Институциональная модель ограниченной демократии складывается из нескольких принципов: конституционно провозглашенные и защищенные права человека и процедуры принятия обязывающих политических решений или долго остаются неизменными, или изменить их сложнее, чем положения, которые регулируются обычным законодательством. Утверждение модели конституционно ограниченной демократии в послевоенной Западной Европе было невозможно без двух условий: во-первых, это развитие социального государства, или государства всеобщего благосостояния, гарантировавшего каждому его члену определенную долю в общественном богатстве; во-вторых, процессы авторитарной либерализации и интеграции, развернувшиеся в 1950-60-е гг., накладывают ограничения на национальный суверенитет европейских демократий за счет создания наднациональных институтов.

⁴⁷ Scharpf, F. After the Crash: A Perspective on Multi-Level European Democracy // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, P. 372.

⁴⁸ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. С. 117. [Habermas, J. *Raskoloty Zapad* (The Divided West). Moscow: Ves' Mir, 2008. P. 117.]

Авторитарный либерализм в современной Европе – это неолиберальная идеология и практика де-демократизации и ограничения демократии, результатом которой становится регионализация протеста против супранационального режима либеральной демократии и структурной интеграции. В контексте еврокризиса свертывание традиционных форм парламентской демократии ограничивает традиционные формы политической борьбы и легитимации и способствует реанимации этнического национализма и разрушению социал-демократии в Европе. Де-демократизация заключается в том, что вопросы распределения и производства выводятся из публичной сферы политики и определяются рыночной рациональностью и технократическими органами: когда политика сводится к экономической логике, а возможность подлинного обновления и реформизма редуцируется к конституции и учредительной власти, автономия политического сводится к формальности или перспективе «революционного прорыва» правоконсервативного фундаментализма. В современной Европе правые евроскептики набирают популярность и в этой ситуации авторитарно-либеральное «ограничение демократии» может привести уже не только к «укреплению капитализма», но и к возрождению реакционных форм нового национализма и авторитарного иллиберализма.

Литература:

Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Левакин И.В. Об отчуждении по общественному договору: компаративистский анализ основных черт алиенации и деалиенации в конституциях буржуазно-демократических, социалистических, постсоциалистических и религиозных государств // *Сравнительная политика*. 2019. №3. С. 22-31.

Лэйн Д. Мираж демократии // *Полис. Политические исследования*. 2014. №6. С. 127-148.

Макферсон К. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011.

Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Пережудов С.П. Либерализм XXI века – кризис или обновление? // *Полис. Политические исследования*. 2015. №4. С. 64-74.

Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // *Полис. Политические исследования*. 2017. №1. С. 99-115.

- Семенов И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017.
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010.
- Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.
- Alexander, L. Constitutionalism: Philosophical Foundations. Cambridge University Press, 1998.
- Althusser, L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London: Verso, 2014. 320 p.
- Barber, B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Beck, U. German Europe. Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press, 2013.
- Bruff, I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism // *Rethinking Marxism*, 2014, Vol. 26, Iss. 1, pp. 113-129.
- Cristi, R. Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism: Strong State, Free Economy. Cardiff: University of Wales Press, 1998.
- Crozier, M.; Huntington, S.; Watanuki, J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975.
- Friedrich, C. The Political Thought of Neo-liberalism // *American Political Science Review*, 1955, Vol. 49, pp. 77-96.
- Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 78; Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 1993.
- Habermas, J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA: Polity Press, 2012.
- Hailbronner, M. Tradition and Transformations: The Rise of German Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Hayek, F. The Constitution of Liberty. London: Routledge, 1960.
- Heller, H. Authoritarian Liberalism? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3.
- Macpherson, C. The Real World of Democracy. Toronto: CBC Radio, 1966.
- Mair, P. Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy. London: Verso, 2013.
- Majone, G. Europe as the Would-be World Power: The EU at Fifty. Cambridge University Press, 2009.
- Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001.
- Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1993.
- Sandel, M. What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. London: Allen Lane, 2012.
- Scharpf, F. After the Crash: A Perspective on Multi-Level European Democracy // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21.
- Schmitter, P.; Karl, T. What Democracy Is... And Is Not. In: Global Resurgence of Democracy. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.
- Schumpeter, J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, London: Routledge, 2000.
- Streeck, W. Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. London: Verso, 2013.
- Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, pp. 313-339.
- Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*, 1997, Vol. 76, Iss. 6, pp. 22-43.

References:

- Alexander, L. Constitutionalism: Philosophical Foundations. Cambridge University Press, 1998.
- Althusser, L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. London: Verso, 2014. 320 p.
- Barber, B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Beck, U. German Europe. Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press, 2013.
- Bruff, I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism // *Rethinking Marxism*, 2014, Vol. 26, Iss. 1, pp. 113-129.
- Cristi, R. Carl Schmitt and Authoritarian Liberalism: Strong State, Free Economy. Cardiff: University of Wales Press, 1998.
- Crouch, K. Postdemokratia (Post-democracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010.
- Crozier, M.; Huntington, S.; Watanuki, J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975.
- Friedrich, C. The Political Thought of Neo-liberalism // *American Political Science Review*, 1955, Vol. 49, pp. 77-96.
- Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT, 1996. P. 78; Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 1993.
- Habermas, J. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma (The Problem of Legitimation of Late Capitalism). Moscow: Praxis, 2010.
- Habermas, J. Raskoloty Zapad (The Divided West). Moscow: Ves' Mir, 2008.
- Habermas, J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA: Polity Press, 2012.
- Hailbronner, M. Tradition and Transformations: The Rise of German Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Hayek, F. The Constitution of Liberty. London: Routledge, 1960.
- Heller, H. Authoritarian Liberalism? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3.
- Lane, D. Mirazh demokratii (The Mirage of Democracy) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2014, No. 6.
- Levakin, Igor V. Ob otchuzhdenii po obshchestvennomu dogovoru: komparativistskiy analiz osnovnykh chert alyenatsii i dealiyenatsii v konstitutsiyakh burzhuaznodemokraticeskikh, sotsialisticheskikh, post sotsialisticheskikh i religioznykh gosudarstv (The Alienation along the Social Contract: Comparative Analysis of Basic Features of Alienation and Dealienation in the Constitutions of Burgium-democratic, Socialist, Post-socialist and Theocratic and Clerical States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 22-31.
- Macpherson, C. The Real World of Democracy. Toronto: CBC Radio, 1966.
- Macpherson, C. Zhizn' i vremena liberal'noi demokratii (The Life and Times of Liberal Democracy). Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011.

Mair, P. Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy. London: Verso, 2013.

Majone, G. Europe as the Would-be World Power: The EU at Fifty. Cambridge University Press, 2009.

Muller, J.-V. Spory o demokracii: Politicheskie idei v Evrope XX veka (The Debate about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014.

Peregudov, S.P. Liberalizm XXI veka – krizis ili obnovleniye? (Liberalism of the XXI Century – a Crisis or an Update?) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2015, №4.

Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001.

Popov, M.E. Sociocultural integration policy: main theoretical approaches (The Policy of Socio-Cultural Integration: Basic Theoretical Approaches) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, №1.

Rawls, J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1993.

Sandel, M. What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. London: Allen Lane, 2012.

Scharpf, F. After the Crash: A Perspective on Multi-Level European Democracy // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21.

Schmitter, P.; Karl, T. What Democracy Is... And Is Not. In: Global Resurgence of Democracy. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.

Schumpeter, J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, London: Routledge, 2000.

Semenenko, I.S. Grazhdanskaya identichnost' (Civic Identity) / Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie (Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia). Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves MIR Publishers, 2017.

Streeck, W. Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. London: Verso, 2013.

Wilkinson, M. Authoritarian Liberalism in the European Constitutional Imagination: Second Time as Farce? // *European Law Journal*, 2015, Vol. 21, Iss. 3, pp. 313-339.

Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*, 1997, Vol. 76, Iss. 6, pp. 22-43.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10035

AUTHORITARIAN LIBERALISM IN CONTEMPORARY EUROPE: METHODOLOGICAL APPROACHES AND CONCEPTUAL MODELS

Maxim E. Popov

*North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 02.07.2019 <i>Accepted:</i> 12.12.2019</p>	<p>Abstract: The author conducts a comparative analysis of authoritarian liberalism's concepts in contemporary political theory. The article deals with the main directions of interpretation of authoritarian liberalism in the framework of methodological approaches and conceptual models of neoliberalism, ordoliberalism, John Rawls' theory of political liberalism, Jan-Werner Mueller's "restrained democracy", Jürgen Habermas' "legitimation crisis", Colin Crouch's "post-democracy", Michael Wilkinson's "de-democratization", Crawford Macpherson's "participatory democracy", Wolfgang Streeck's "democratic capitalism crisis", Giandomenico Majone's «crypto-federalism». The basic analytical concept is the idea of authoritarian economic liberalism, first proposed by H. Heller and K. Polanyi. For the purpose of methodological reflection, an analytical review of methods and concepts based on modern political and constitutional theory and used in the study of the institutional specifics of authoritarian liberalism has been carried out. Authoritarian liberalism is conceptualized as the neoliberal ideology and practice of de-democratization and restriction of democracy, which results in regionalization of protest against the supranational regime of liberal democracy and political integration in Europe. If authoritarian liberalism focuses on economic liberalism, then authoritarian ways of implementing policies are subject to the interests of private property: authoritarianism strengthens economic liberalism, which, in turn, reinforces the EU's "authoritarian transformation". In the context of the Euro-crisis, authoritarian liberalism restricts traditional forms of representative democracy, political struggle, and the legitimation of power, contributing to the reanimation of ethnic nationalism. In contemporary Europe, right-wing euroskeptics are gaining popularity. The authoritarian-liberal restriction of social democracy can lead not only to the strengthening of capitalism, but also to the revival of the reactionary forms of «new nationalism» and authoritarian illiberalism. The EU is developing today in the "neo-colonial paradigm" in accordance with the relations between the core and the periphery between creditor countries and debtor countries. Transnational solidarity suppressed by authoritarian liberalism can become a democratically legitimate tool for resolving a fundamental conflict between market capitalism and representative democracy</p>
<p>About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Department of Social Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University e-mail: maximus.popov@gmail.com</p>	
<p>Key words: authoritarian liberalism; market capitalism; representative democracy; neoliberalism; ordoliberalism; political liberalism; economic liberalism; de-democratization; restrained democracy; post-democracy; ideology; legitimation; transnational solidarity; European integration</p>	

Для цитирования: Попов М.Е. Авторитарный либерализм в современной Европе: методологические подходы и концептуальные модели // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 41-56.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10035

For citation: Popov, Maxim E. Avtoritarnyy liberalizm v sovremennoy Yevrope: metodologicheskiye podkhody i kontseptual'nyye modeli (Authoritarian Liberalism in Contemporary Europe: Methodological Approaches and Conceptual Models) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 41-56.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10035

ВЕДУЩИЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ НЕУСТОЙЧИВЫХ ГОСУДАРСТВ МИРА

Мария Лавровна Горбунова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Россия*

Игорь Дмитриевич Комаров

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 21 июля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 11 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: В статье исследуются возможности обеспечения традиционными и восходящими центрами силы продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности наименее устойчивых государств мира. Между данными акторами системы международных отношений прослеживается определённая комплементарность, связанная с тем, что негативные экстерналии, формирующиеся внутри и вокруг неустойчивых государств, требуют ресурсов, которые могут быть предоставлены и предоставляются крупнейшими странами – мировыми лидерами. Предположение о том, что ключевой характеристикой центра силы или державы (power) является трансляция вовне военно-политической безопасности, позволяет авторам категорировать в качестве традиционных центров силы – США, ЕС и, с определёнными ограничениями, Японию; в качестве восходящих – Россию, Китай, Бразилию, Турцию, и – в меньшей степени – Индию и Корею. С точки зрения количественных параметров, США, ЕС, Индия и Россия обладают ресурсами для обеспечения продовольственной безопасности, при том, что только Россия единственная из крупнейших держав имеет положительное сальдо в экспорте энергоносителей. Комплексная ресурсность России в контексте «широкой» безопасности поддерживает ее лидерский статус в поддержании мирового порядка. Если рассмотреть поведенческий аспект, то стратегии центров силы в неустойчивых государствах мира в целом соответствуют их ресурсным возможностям, исключение составляют – ЕС и Турция, поставляющие энергоносители, а Турция и зерно – неустойчивые страны, имея их дефицит. Это может свидетельствовать о реализации данными центрами силы наряду с Россией «донорской» характеристики, выделяемой в литературе для восходящих держав современного миропорядка.</p> <p><i>Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета в рамках научного проекта “Исследование механизмов формирования условий и обеспечения безопасности в макрорегионах Евразии”</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Горбунова М.Л.</i>, д.э.н., доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики и предпринимательства, ННГУ им. Н.И. Лобачевского</p> <p>e-mail: gorbunova@iee.unn.ru</p> <p><i>Горбунова М.Л.</i>, заместитель директора по международной деятельности, Институт международных отношений и мировой истории; специалист по организационной работе, Центр технических средств обучения и информатизации, ННГУ им. Н.И. Лобачевского</p> <p>e-mail: igor.komarof@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>центры силы; традиционные центры силы; восходящие центры силы; безопасность; военно-политическая безопасность; продовольственная безопасность; энергетическая безопасность; внешняя торговля; неустойчивые государства; уровень высокой тревожности</p>	

Традиционные и восходящие центры силы – ключевые субъекты системы международных отношений, взаимодействие которых определяет состояние мирового порядка. На другом полюсе находятся так называемые «недееспособные» или – в менее негативной коннотации – неустойчивые государства (*failed or fragile states*), суверенитет и субъектность которых ослаблены в результате эндогенных и экзогенных проблем. Рассуждая в логике конструктивизма применительно к международным отношениям, именно неустойчивые государства формируют одно из «полей» глобального пространства, которые позволяют центрам силы проявить свой потенциал и ответственность, применяя жёсткую и мягкую силу (*hard and soft power*). Ведущие акторы системы международных отношений – не все из которых являются центрами силы – оказывают влияние на проблемные страны, обеспечивая их ресурсами для поддержания стабильности и развития и обеспечивая при этом реализацию своих геополитических приоритетов. Таким образом, авторы пытаются проанализировать власти/силы (*power*) ведущих стран мира, транслируемую в систему международных отношений, в соответствии с концепцией Дж. С. Ная о ресурсном и поведенческом понимании экспликации власти¹.

Авторы используют данные межгосударственной торговли зерном (10 группа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности – далее ТН ВЭД), продукцией топливно-энергетического комплекса (27 группа) и вооружениями (93 группа), для изучения вопросов межгосударственного «трансфера» продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности, оценивая ресурсное состояние ведущих центров силы как доноров, а неустойчивых государств как получателей. Оценка внешнеторгового потенциала глобальных лидеров по указанным товарным группам дает представление об их возможностях по передаче другим странам ресурсов стабильности, роста и безопасности, а их участие в решении проблем того или иного неустойчивого госу-

дарства (*fragile states*) позволяет оценить поведенческий аспект проявления их власти / силы (*power*) во внешнеполитической сфере.

Ведущие центры силы и неустойчивые государства: ресурсные и поведенческие аспекты включенности в систему международной безопасности

Существующий запрос на формирование нового, многополярного мирового порядка напрямую связан с выдвиганием на ключевые роли в системе международных отношений новых (восходящих) центров силы, как это отмечено в монографии влиятельного американского политолога, Президента Совета по международным отношениям Ричарда Хааса «Мировой беспорядок»². Сходного мнения придерживаются в своих недавних исследованиях Т.В. Боттелье³, А. Кабандула, Т.М. Шоу⁴. По мнению Р. Хааса, среди проблем, благодаря которым современное состояние системы международных отношений характеризуется им как отсутствие порядка – несостоявшиеся государства (Афганистан, Ирак, Йемен, Ливия и Сирия), внутренние военные противостояния в которых ведут к гибели гражданского населения или его массовой эмиграции. Таким образом, эти государства, признаваемые «недееспособными» или «неустойчивыми», оказывают существенное негативное влияние на региональную и глобальную нестабильность. Это, по мнению У. Шнекенера, связано с тем, что неустойчивые, слабые государства не только не гарантируют легитимного общественного порядка в пределах своих границ, находясь в

² Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. №4 С. 34-47. [Haas, R. *Jepoha bespoljarnogo mira (The Age of the Non-Polar World) // Rossija v global'noj politike (Russia in global politics)*, 2008, Vol. 6(4), pp. 34-47]; Haas, R. *A World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. Penguin Press, 2017. 352 p.

³ Bottelier, T.W. Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review*, 2017, 39 (5), pp. 751-769.

⁴ Kabandula, A., Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly*, 2018, pp. 1-20.

¹ Nye, J.S. Jr. *The Future of Power*, New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

противоречии с системой обеспечением глобальной стабильности⁵. В связи с этим, полноценный переход к новому мировому порядку не может осуществлен без умиротворения и стабилизации слабых государств, что может быть обеспечено внешним содействием ведущих центров силы.

Это делает актуальными исследования, развивающие представления о традиционных и восходящих центрах силы, их характеристиках и динамике взаимодействия между ними в приложении к неустойчивым государствам. Среди исследователей не существует однозначного мнения, о том какие критерии лежат в основе причисления государств к данной категории и какие страны таким образом являются настоящими, а не символическими центрами силы. Среди исследователей нет сомнений только по поводу того, что США являются традиционным центром силы, сверхдержавой (*great power*), ядром однополярного миропорядка, находящегося в длительном упадке. К восходящим центрам силы чаще всего относят страны БРИК (без ЮАР) – Бразилию, Россию, Индию и Китай⁶. Ряд исследователей, среди которых например – Ш. Хамеири, Л. Джонс и Дж. Хизершоу – добавляют к этому списку Индонезию, Саудовскую Аравию и Турцию, чей экономический и стратегический вес также существенно вырос в последнее время⁷. Э.Ф. Купер и А.С. Александровф⁸ вы-

двигают гипотезу о том, что в настоящее время статус восходящего центра силы формируется не в результате войн, а за счет участия во вновь возникающих неформализованных межгосударственных институтах глобального управления таких, как «Группа двадцати» (G20) и БРИКС. Несколько иной подход предложен Е. Парлар Далом и С. Дипамой⁹, которые определяют понятие «восходящий центр силы» эмпирическим путём, отождествляя его с новым типом доноров, представляющих Глобальный Юг и обладающих существенными экономическими, военными и/или политическими возможностями, выделяя в контексте исследования вариант достижения статуса сверхдержавы за счет оказания помощи, реализуемый такими государствами как Китай, Россия, Бразилия, Индонезия, ЮАР, Турция, Мексика, Индия и Аргентина, за пределами анализа среди участников «Группы двадцати», не входящих в «Группу семи» остаются, таким образом, Иран, Саудовская Аравия и Южная Корея.

Отдельным образом анализируется взаимодействие традиционных и новых центров силы. А.В. Шелепов¹⁰, К. Бранди¹¹ обращают внимание на то, что восходящие центры силы сталкиваются (вступают в конфронтацию) с мировым порядком, сформированным США и их союзниками. Недовольство восходящих

⁵ Schneckener, U. *Fragile Statehood, Armed Non-State Actors and Security Governance. Private Actors and Security Governance* / Bryden A. and Caparini M. (Eds.). Yearbook 4. Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF), 2006. Pp. 23-40. Mode of access: <https://gsdrc.org/document-library/private-actors-and-security-governance/>

⁶ Типичной в этом смысле является статья Bottelier, T.W. *Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate* // *The International History Review*, 2017, No. 5, pp. 751-769. Авторы статей, опубликованных после присоединения ЮАР к БРИКС, не включают ее в перечень восходящих центров силы – Прим. авторов.

⁷ Hameiri, S.; Jones, L.; Heathershaw, J. *Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy* // *Third World Quarterly*, 2019, Iss. 8, pp. 1-20.

⁸ Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. *Assessing the Variation of "Leader-Focused Status"*

in Contemporary Global Governance // Contemporary Politics, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

⁹ Parlar Dal, E.; Dipama, S. *G20 Rising Powers' Status Seeking Through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation* // *South African Journal of International Affairs*, 2019, Iss. 4, pp. 1-22.

¹⁰ Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10(4). С. 7-28. [Shelepov, A.V. *BRICS i mezhdunarodnye instituty: modeli vzaimodejstviya v processe osushchestvleniya mnogostoronnego upravleniya* (BRICS and International Institutions: Models of Interaction in the Process of Implementing Multilateral Governance) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij* (Bulletin of international organizations), 2015, Vol. 10 (4), pp. 7-28].

¹¹ Brandi, C. *Club Governance and Legitimacy: The Perspective of Old and Rising Powers on the G7 and the G20* // *South African Journal of International Affairs*, 2019, No. 4, pp. 685-702.

центров силы институтами, сформированными преимущественно западными странами в период, предшествующий распаду колониальной системы, ставит легитимность ключевых международных организаций под сомнение и ведет к формированию предпосылок для создания странами БРИКС параллельного миропорядка со своей системой глобального управления. Изучив более подробно конфликтные или протест (contestation) аспекты отношений между существующими и новыми центрами силы, Э. Ньюман и Б. Зала¹² обращают внимание на необходимость взвешенной интерпретации в изучении этого противостояния, показывая, что чаще недовольство существующими институтами, созданными коллективным Западом, связано с вопросами представительства и участия в системе принятия решений, а не содержанием продвигаемых ими норм и правил. Д.В. Ларсон обращает внимание на то, что восходящие центры силы – страны БРИКС – конкурируют друг с другом за более высокий статус в международных делах, пытаясь подняться в глазах Запада. Соперничество России, Индии и Китая, по мнению автора, оказывают неоднозначное влияние на сотрудничество государств в системе глобального управления¹³.

Альтернативная точка зрения о том, что отношения между БРИКС и странами «Группы семи» являются взаимодополняющей, а не конкурентной представлена в работах Р. Такура¹⁴ и У. Робинсона¹⁵.

Дж. Калп¹⁶ в своем исследовании выдвигает и опровергает гипотезу о том, что вос-

ходящие центры силы – в статье рассматриваются Бразилия, Китай и Индия – не ведут себя как глобальные ответственные лидеры в вопросах поддержания глобальных общественных благ: чистой окружающей среды, реализации политики свободной торговли и защиты прав человека. Более того, автор указывает, что именно новые центры силы формируют такое важное общемировое дискурс как «международный политический дискурс», под которым автор понимает «процессы формирования мнения и воли, в которых официальные или официально признанные политические агенты, такие как представители государств, обмениваются мнениями о своих взглядах относительно того, что эмпирически имеет место и что должно быть сделано, кем и как»¹⁷. Ф. Мельничук подчеркивает общую ценностную ориентированность стран БРИКС, которых чаще всего рассматривают как восходящие центры силы, на необходимость придания системе глобального управления многополярного и развивающего контекста¹⁸. В русле данной постановки вопроса, Е. Парлар Дал и С. Дипама¹⁹ показывают, что восходящие центры силы отличает стремление развивать кооперацию по линии «Юг–Юг» (*South-South Development Cooperation*) – большинство из них рассматривают, с поправкой на государственную идентичность, развитие сотрудничества в формате экономической помощи, а не как коммерчески-ориентированного взаимодействия в качестве стратегии достижения (формирования) статуса «сверхдержавы» (*great power*).

Роль восходящих центров силы как провайдеров безопасности также активно исследуется. С.Г. Химир²⁰ исследует поведение Бразилии, Китая и Индии в сфере поддержания

¹² Newman, E.; Zala, B. Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational // *Third World Quarterly*, 2017, No. 5, pp. 871-888.

¹³ Larson, D.W. Status Competition among Russia, India, and China in Clubs: a Source of Stalemate or Innovation in Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, No. 5, pp. 1-18.

¹⁴ Thakur, R. How Representative Are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, Vol. 35(10), pp. 1791-1808.

¹⁵ Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: A Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

¹⁶ Culp, J. How Irresponsible Are Rising Powers? // *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37(9), pp. 1525-1536.

¹⁷ Ibid. P. 1526.

¹⁸ Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 6, pp. 1075-1090.

¹⁹ Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs*, 2019, No. 4, pp. 1-22.

²⁰ Ghimire, S. Rising Powers and Security: a False Dawn of the Pro-south World Order? // *Global Change, Peace & Security*, 2018, No. 1, pp. 37-55.

мира и обеспечения безопасности в русле теории глобального транзита власти (*power transit*) А.Ф.К. Органски²¹ и его последователей и обращает внимание на наличие как позитивного, так и негативного взаимодействия данных стран с США и европейскими державами, которые имеют последствия для Глобального Юга. По мнению автора, новые центры силы редко сотрудничают с западными на местах – исключение составляет взаимодействие под эгидой ООН. Однако он же обращает внимание на то, что в некоторых случаях восходящие державы опережали западные или навязывали свою повестку в разработке своих собственных программ, приводя примеры плана действий Бразилии в Гвинее-Бисау, Индии в Непале, Китая – в Судане. С. Гхимир делает довольно критические обобщения в отношении поведения восходящих центров силы: так, на глобальном уровне – они склонны к преследованию групповых интересов, саботажу решений и процедур международных институтов и в то же время к постепенной и выборочной ассимиляции с действиями западных стран; на региональном уровне – к продвижению общих ценностей, отличных от Запада; ситуативному взаимодействию с традиционными центрами силы и гегемонии в регионе; на уровне акторов системы международных отношений – экстрактивно-ориентированное поведение, упор на ценности и заискивание перед местными политическими кругами, внешняя политика в духе *Realpolitik*²².

Также рассуждая в критическом ключе, С. Дестради²³ ставит вопрос о том, насколько эффективны новые центры силы 21-го века в решении региональных проблем безопасности, рассматривая участие Бразилии в миссиях на Гаити и в Колумбии, а Индии – в Непале и Афганистане. По ее мнению, восходящие центры силы, несмотря на их эко-

номические успехи, проактивную внешнюю политику и претензии на сверхдержавный статус, не оправдывают ожидания по поводу их более эффективного участия не только в решении глобальных проблем безопасности, но и на уровне регионального кризис-менеджмента.

В контексте данного исследования особое место занимает проблематика неприятия восходящими центрами силы стигматизирующих категорий «недееспособное» (*failed*) или «неустойчивое» (*fragile*) государство²⁴ – при этом, по мнению обращающего на это внимание С. Гхимира, проблемные страны извлекают выгоду из появления новых держав, потому что они бросают вызов традиционным центрам силы, и, следовательно, помогают сбалансировать их влияние на внутренние проблемы небольших стран, обеспечивая небольшим странам удобную позицию в переговорах с обеими сторонами.

Гораздо менее, чем восходящие центры силы или сверхдержавы концептуализированы и выделены традиционные и восходящие державы «среднего уровня». Чаще всего они самоидентифицируются путем, описанным в работе Э.Ф. Купера и А.С. Александровфа²⁵ – через создаваемые неформализованные объединения, в качестве примера можно привести группу МИКТА, объединяющую Мексику, Индонезию, Республику Корея, Турцию и Австралию²⁶. Другая часто объединяемая воедино группа стран – МИНТ (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция), представители которой тем не менее никогда не собирались

²¹ Organski, A.F.K. *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf, 1958. P. 461.

²² Ibid. P. 18.; Ghimire, S. *Rising Powers and Security: A False Dawn of the Pro-South World Order?* // *Global Change, Peace & Security*, 2018, No. 1, pp. 37-55;

²³ Destradi, S. *Reluctant Powers? Rising Powers' Contributions to Regional Crisis Management* // *Third World Quarterly*, 2018, Iss. 12, pp. 1-20.

²⁴ Ghimire, S. *Rising Powers and Security: A False Dawn of the Pro-South World Order?* // *Global Change, Peace & Security*, 2018, No. 1, p. 12.

²⁵ Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. *Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance* // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

²⁶ Шлыков П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: Феномен МИКТА // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 4. С. 127-144 [Shlykov, P.V. *Poisk transregional'nyh al'ternativ v Evrazii: Fenomen MIKTA (Search for trans-regional alternatives in Eurasia: The phenomenon of MIKTA)* // *Comparative Politics Russia*, 2017, Vol. 8 (4), pp. 127-144]; Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. *Non-Western Small States: Activists or Survivors?* // *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, No. 1, pp. 1-8.

вместе в отличие от первого объединения – связывает между собой перспективные в демографическом отношении рынки с высокой долей трудоспособного населения, воспринимаемые в мире как следующие БРИКС²⁷. Фокусирующееся на державах «среднего уровня» исследование Э. Джордаана²⁸ причисляет к списку традиционных держав «среднего уровня» Австралию, Канаду, Нидерланды, Норвегию, Швецию, а к восходящим – Аргентину, Малайзию, Нигерию, Турцию и даже Бразилию и ЮАР. Кроме того, в исследовании выделяется общая черта таких государств – внешнеполитическое поведение, который стабилизирующее и легитимизирующее глобальный порядок, как правило, через участие в многосторонних и совместных инициативах²⁹.

А. Кабандула и Т.М. Шоу в своем исследовании «Восходящие центры силы и Африканский рог»³⁰ делают следующее логическое построение: в связи со снижением удельного веса ЕС и США в мировой экономике, многие растущие экономики, такие как Турция и БРИКС предъявляют беспрецедентный спрос на минеральные и энергетические ресурсы, что придает новое геополитическое значение странам Африканского рога как обладающим обширными природными ресурсами. Экономически привлекательный для центров силы макрорегион является проблемным, многие его государства, на что обращают внимание американские авторы, находятся во главе «Индекса неустойчивых (хрупких) государств мира» (*Fragile States Index*) Фонда мира (*Fund for Peace*)³¹, испытывая проблемы не только

в сфере традиционной и нетрадиционной безопасности, но и трудности в обеспечении водными, продовольственными и энергетическими ресурсами.

Исследования турецких ученых Т. Огузлу³², М. Озкана³³, Э. Парлара Дала³⁴ являются своего самоидентификацией Турции как центра силы в научном пространстве. Т. Огузлу³⁵ выделяет особенности Турции как восходящего центра силы, функционирующего в рамках действующего мирового порядка и, в отличие от других новых держав-претендентов глобального и среднего уровня, имеющих прочные институциональные отношения с западными державами, в первую очередь, в рамках НАТО. Кроме этого, Т. Огузлу выявляет важный для Турции и всего Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока тренд, проявившийся уже в 2013 г., когда стремление США в период администрации Б. Обамы переориентироваться на Азию привело к нарастанию проблем в макрорегионе, в решении которых Турция должна взаимодействовать с Европейским союзом на фоне практически остановившегося процесса экономической интеграции между этими акторами. Эти противоречия привели к плохо скрываемому недовольству Турцией действиями НАТО, ответственность за решения которого она вынуждена разделять.

Э. Парлар Дал³⁶, используя инструмента-

<https://fragilestatesindex.org/wp-content/uploads/2019/03/9511904-fragilestatesindex.pdf>

²⁷ Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, No. 1, pp. 1-8.

²⁸ Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, 2003, 30 (1), pp. 165-181.

²⁹ Ibid. P. 165.

³⁰ Kabandula, A.; Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly*, 2018, No. 12, pp. 1-20.

³¹ Fund for Peace. *Fragile States Index / Annual Reports*, 2009-2016, 2019, Washington, the Fund for Peace, 2019. Mode of access:

³² Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies*, 2013, 14 (4), pp. 774-796.

³³ Ozkan, M. Does "Rising Power" Mean "Rising Donor"? Turkey's Development Aid in Africa // *Africa Review*, 2013, No. 2, pp. 139-147.

³⁴ Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

³⁵ Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies*, 2013, No. 4, pp. 774-796.

³⁶ Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*, 2019, No. 5, pp. 1-17.

рий теории социальной идентичности, оценивает влияние позиционирования Турции в кругу держав «среднего уровня», участвующих в «Группе двадцати» (G20) – Австралии, Бразилии, Канады, Кореи, Мексики и ЮАР³⁷, приходя к выводу о неэффективности стратегии самоидентификации Турции, приводящей к тому, что достигнутый страной статус приводит к недооценке ее реальной роли в неформализованном объединении. М. Озкан³⁸ оценивает роль Турции в системе экономической помощи африканским странам как отражение реализации «донорской» стратегии, характерных для восходящих центров силы, обращая внимание на стремление государства к большей вовлеченности в политические процессы и обеспечение безопасности – сферы, контролируемые, по мнению автора, традиционными центрами силы.

Обзор литературы по тематике исследования позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, появление в 2017-2019 гг. значительного количества работ, анализирующих и концептуализирующих вопросы, связанные с традиционными и восходящими центрами силы, свидетельствует о нарастающей актуальности данной проблематики в общем массиве исследований состояния и перспектив современного миропорядка.

Во-вторых, в ходе изучения литературы выявлено, что европейские страны по отдельности не рассматриваются в качестве центров силы ни в одной из рассмотренных статей, в связи с этим, авторы полагают необходимым учесть их роль в системе международных отношений за счет включения в поле анализа их объединения – Европейского союза – в качестве крупнейшего актора системы международных отношений. Авторы полагают, что уровень сформированности европейской идентичности дает возможность рассматривать Европейский союз

как однородный центр силы, не имеющий существенных внутренних противоречий во внешнеполитической сфере.

В-третьих, развивая существующие исследования ведущих центров силы, авторы полагают целесообразным дать количественную оценку влияния центров силы на проблемные государства в контексте обеспечения «широкой» безопасности, что является основной целью данной работы. Под «широкой» безопасностью авторы понимают наличие условий для решения комплексной проблемы обеспеченности продовольствием, энергией и водой (water, energy, food and climate nexus) вкупе с формированием военно-политической стабильности, как это концептуализировано в упомянутом выше исследовании Уэлча, Г. Расула и Б. Шармы³⁹. В русле гипотезы Э.Ф. Купера и А.С. Александровфа⁴⁰ о первичной самоидентификации центров силы в рамках неформализованных межгосударственных объединений, авторы предполагают рассмотреть вопросы обеспечения традиционными и восходящими центрами силы продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности участниками подобных образований – «Группы семи», БРИКС, МИКТА.

Оценка ресурсных и поведенческих аспектов включенности центров силы в продовольственную, энергетическую и военно-политическую безопасности наиболее неустойчивых государств

Методология исследования. Работа основана на использовании интерпретационного потенциала методов дескриптивной статистики в анализе международных отношений, так как концептуализация взаимодействия центров силы в их приложении

³⁷ Авторы придерживаются иной категоризации Бразилии, Канады и ЮАР в контексте классификации центров силы (держав), полагая, что Канада, являющаяся участницей «Группы семи», представляет собой традиционный центр силы, в то время как указанные страны БРИКС

³⁸ Ozkan, M. Does “Rising Power” Mean “Rising Donor”? Turkey’s Development Aid in Africa // *Africa Review*, 2013, No. 2, pp. 139-147.

³⁹ Nye, J.S. Jr.; Welch, D.A. *Understanding Global Conflicts and Cooperation*. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 2012. 338 p.; Rasul, G.; Sharma, B. The Nexus Approach to Water–Energy–Food Security: An Option for Adaptation to Climate Change // *Climate Policy*, 2015, Iss. 16(6), pp. 682-702.

⁴⁰ Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of “Leader-Focused Status” in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

к неустойчивым государствам строится на обобщении данных внешнеторговой статистики стратегическими группами товаров. При этом, несмотря на то, что нейтральный характер экономических данных не дает возможность оценить взаимодействие ведущих акторов системы международных отношений как кооперационное или конкурентное, однако в то же время позволяет определить сферы их политической ответственности и/или экономических интересов, степень вовлеченности в решение проблем наименее устойчивых государств в абсолютном и относительном выражении.

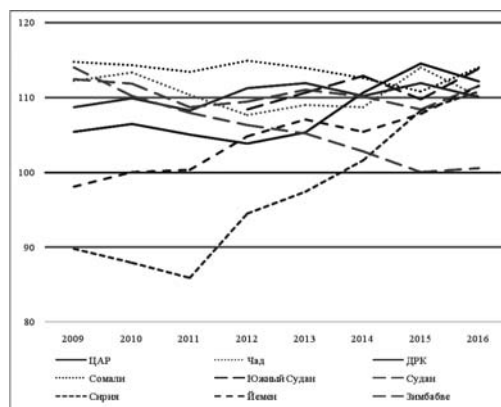
Данные исследования. С учетом анализа литературы, с ресурсной стороны влияния были выделены следующие группы стран: США, ЕС-28, Канада и Япония, представляющие «Большую семерку» (G7), участники БРИКС (BRICS) и МИКТА (MIKTA). Для формирования выборки неустойчивых государств за основу были взяты данные рейтинга Фонда мира (Fund for Peace) «Индекс неустойчивых (хрупких) государств мира» (Fragile States Index)⁴¹ в 2009-2016 гг. (покрывающие период пребывания у власти 44-го Президента США Б. Обамы). Рассмотренные авторами Демократическая Республика Конго (ДРК), Зимбабве, Йемен, Сирия, Сомали, Судан (до 2012 г. – объединенный), Центральноафриканская республика (ЦАР), Чад, Южный Судан (самостоятельно фигурирующий в статистике с 2012 г.) в разные годы рейтинга входили в наиболее проблемную группу государств, характеризующейся уровнем очень высокой тревожности (Very High Alert), поскольку имели индекс неустойчивости более 100 баллов (см. Рис. 1).

Данные Рис. 1 показывают динамику оценки устойчивости стран в соответствии с рейтингом Фонда мира в период 2009-2016 гг., в таких странах как ДРК, Сомали, Судан, Чад и Южный Судан наблюдается стабильно-тяжелая ситуация, положение Зимбабве улучшается, в то время как ситуация в Йемене, Сирии и ЦАР ухудшается.

⁴¹ Fund for Peace. Fragile (Failed) States Index. Annual Reports, 2009-2016 / Washington, the Fund for Peace, 2009-2016. Mode of access: <https://fragilestatesindex.org/wp-content/uploads/2019/03/9511904-fragilestatesindex.pdf>

Рисунок 1

Динамика оценки неустойчивости государств – очень высокий уровень тревожности (Very High Alert)⁴²

Graph 1. The dynamics of assessing instability of states – a very high level of anxiety (Very High Alert)

Результаты исследования. Во всех приведенных ниже таблицах представлены данные – чистое сальдо – межгосударственной торговли зерном (10 группа ТН ВЭД), продукцией топливно-энергетического комплекса (27 группа) и вооружениями (93 группа). Положительная величина показателя означает чистый экспорт ведущего центра силы, наблюдаемый в торговле продукцией выбранной товарной группы, которая может быть интерпретирована как наличие ресурса соответствующего типа, отрицательная величина соответствует чистому импорту и показывает заинтересованность в приобретении ресурса извне или, по крайней мере, отсутствие объективных, рациональных предпосылок для его трансфера.

Ресурсные возможности ведущих западных акторов системы международных отношений в сфере «широкой» безопасности обобщены в Таблицах 1–3 и могут быть интерпретированы следующим образом. США и ЕС имеют возможности влияния по линии продовольственного обеспечения и поставки вооружений (необязательно в

⁴² Fund for Peace. Fragile (Failed) States Index. Annual Reports, 2009-2016 / Washington, the Fund for Peace, 2009-2016. Mode of access: <https://fragilestatesindex.org/wp-content/uploads/2019/03/9511904-fragilestatesindex.pdf>

Таблица 1.

Продовольственная безопасность: чистое сальдо группы 10 «Злаки», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	15232,2	18047,6	26029,4	17295,8	15939,2	19391,8	15999,6	16627,3
ЕС-28	1643,3	3306,0	2321,3	1378,9	4978,4	4030,8	4768,7	3281,7
Канада	5492,9	4888,8	6340,1	6833,4	7355,6	7870,7	6510,6	4918,8
Япония	-6567,6	-6924,2	-9629,5	-8689,9	-8549,3	-6907,1	-5914,1	-5293,7

Table 1. Food Security: Group 10 Cereals Net Balance, \$ Million

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 2

Энергетическая безопасность: чистое сальдо 27 группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», млрд долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	-224,2	-282,5	-332,2	-295,4	-240,5	-202,7	-96,6	-69,1
ЕС-28	-324,7	-404,9	-548,0	-542,2	-503,1	-446,6	-269,7	-210,1
Канада	41,8	52,6	62,8	65,0	70,2	81,0	48,1	37,0
Япония	-142,0	-186,1	-258,4	-289,1	-264,9	-246,3	-116,9	-101,5

Table 2. Energy security: net balance of group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes, billion dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 3

Военно-политическая безопасность: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	578,5	1192,0	1250,6	854,9	883,3	1272,4	1970,5	1960,1
ЕС-28	2088,1	1722,4	1796,7	2581,2	3216,9	2943,9	3896,1	3424,5
Канада	-175,1	-157,1	-349,3	-252,2	-269,3	-249,7	-176,8	-143,2
Япония	57,4	-213,5	-63,0	-35,5	62,3	105,3	-4,7	-18,5

Table 3. Military-political security: net balance of the 93 group "Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

коммерческом смысле⁴³). По мнению авторов, очевидно стремление США перейти в ресурсное состояние в сфере энергетики за счет возврата к положительному сальдо внешней торговли продукцией ТЭК: за наблюдаемый период отрицательное сальдо США по 27 группе сократилось более чем в три раза в абсолютном выражении. Канада

являет собой пример страны, которая специализируется в экспорте злаков и продукции ТЭК, в то время как ее сальдо торговли оружием отрицательно, что не позволяет говорить о ней как о «центре силы» в узком смысле. Ситуация Японии такова, что она сама нуждается в продовольствии и энергоносителях, а ее специализация в сфере вооружений sporadическая, что может быть объяснено тем, что она могла бы играть роль центра силы, но ее ресурсы связаны региональными проблемами безопасности.

⁴³ Данные Базы торговой статистики ООН (UN Comtrade Database) показывают перемещение товаров через границу как в коммерческих, так и в некоммерческих целях.

В отношении ресурсов стран БРИКС (Таблицы 4–6) можно отметить следующее. В данную группу входит Россия – страна с уникальной для всех анализируемых ведущих акторов системы международных отношений ситуацией, которая позволяет ей быть гарантом по всем направлениям «широкой» безопасности. Дефицитное сальдо внешней торговли продукцией ТЭК характерно для всех остальных стран БРИКС (Таблица 5).

Бразилия и Индия, в отличие от КНР и ЮАР, могут участвовать в обеспечении дру-

гих стран зерном. Амбиции «центра силы» прослеживаются у всех стран БРИКС, с учетом того, что ЮАР не представляет в ООН данные по внешней торговле товарами 93 группы, в наибольшей степени – у Бразилии, что связано с наличием значимых конкурентных преимуществ страны в производстве продукции машиностроения.

Таблица 4

Продовольственная безопасность: чистое сальдо группы 10 «Злаки», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	-133,0	544,9	1660,2	4178,0	3955,9	2048,8	4149,6	1796,3
КНР	-258,0	-961,8	-1407,3	-4307,6	-4539,8	-5729,5	-9026,2	-5231,9
Индия	2973,7	2807,4	5358,5	8710,5	11572,0	10039,3	6686,5	5062,6
Россия	3217,1	2179,1	4067,6	5751,4	4120,4	6562,6	5323,7	5257,7
ЮАР	-257,2	-159,2	-87,5	-573,0	-185,9	-189,0	-722,8	-935,6

Table 4. Food Security: Group 10 Cereals Net Balance, \$ Million

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 5

Энергетическая безопасность: чистое сальдо 27 группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», млрд долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	-2,60	-6,54	-10,35	-8,77	-23,41	-19,84	-8,37	-3,56
КНР	-103,59	-162,29	-243,49	-282,05	-281,43	-282,34	-170,70	-149,66
Индия	-58,64	-72,86	-100,80	-131,32	-114,62	-114,60	-73,25	-61,59
Россия	187,79	259,85	347,12	364,80	368,39	342,08	213,11	144,23
ЮАР	-7,62	-6,88	-9,89	-11,59	-12,10	-13,84	-5,58	-2,95

Table 5. Energy security: net balance of group 27 “Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes”, «billion dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 6

Военно-политическая безопасность: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	310,3	251,6	258,5	288,4	314,5	253,8	326,0	307,9
КНР	58,7	94,5	109,0	129,6	154,3	155,1	162,6	125,8
Индия	-10,2	6,0	-0,9	-13,7	9,9	48,6	85,4	60,4
Россия	435,9	2177,5	3358,1	3383,2	4156,9	100,5	1409,4	1928,1

Table 6. Military-political security: net balance of the 93 group

“Weapons of ammunition; parts and accessories thereof”, million dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Среди стран МИКТА, данные по которым представлены в *Таблицах 7–9*, только Австралия обладает избыточными продовольственными ресурсами. Авторы полагают, что отрицательное сальдо в торговле зерном ослабляет восходящие державы «среднего уровня», делая их внутреннюю стабильность зависимой от внешних акторов и конъюнктуры мирового рынка, что может оказаться критическим фактором, как показали события «арабской весны».

Австралия и Индонезия, как и Мексика до 2015 г., имеют положительное сальдо в торговле энергоносителями. В качестве «центров силы» в данной группе выделяются зависимые от внешних поставщиков зерна и продукции ТЭК Республика Корея и Турция, а также растущие военные аппетиты Индонезии. Как показал обзор литературы, именно Турция реализует выраженные внешнеполитические амбиции и реализует их на Ближнем Востоке и в Африке.

Таблица 7

Продовольственная безопасность: чистое сальдо группы 10 «Злаки», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мексика	-2661,0	-2987,2	-5133,9	-5002,3	-3790,8	-3636,6	-3416,6	-3324,0
Индонезия	-1483,9	-2139,3	-4742,8	-3694,1	-3609,5	-3591,8	-3099,0	-3179,7
Респ.Корея	-2862,7	-3331,3	-4618,7	-4598,9	-4828,4	-4199,8	-3702,2	-3206,4
Турция	-997,5	-707,5	-1821,6	-1344,3	-1824,5	-2213,4	-1556,3	-1047,8
Австралия	4226,1	4510,6	7893,9	8464,8	7877,2	7231,4	6264,7	4947,8

Table 7. Food Security: Group 10 Cereals Net Balance, \$ Million

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 8

Энергетическая безопасность: чистое сальдо 27 группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», млрд долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мексика	14,7	17,0	20,7	18,8	15,8	8,3	-3,9	-7,0
Индонезия	13,9	19,2	28,1	20,6	11,9	7,2	9,6	8,6
Респ.Корея	-67,9	-90,0	-120,6	-128,7	-126,3	-123,0	-70,3	-54,3
Турция	-26,0	-34,0	-47,6	-52,4	-49,2	-48,8	-33,3	-24,0
Австралия	24,5	33,9	36,3	30,6	24,6	27,7	25,7	31,0

Table 8. Energy security: net balance of group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes", billion dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 9

Военно-политическая безопасность: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мексика	-38,5	-56,0	-42,0	-58,2	-31,5	-33,4	-50,4	-11,3
Индонезия	-39,7	-152,2	-97,1	-116,8	-142,9	-374,9	-291,3	-558,2
Респ.Корея	-26,6	-233,6	-114,0	80,0	94,0	166,1	126,3	-106,3
Турция	26,4	35,3	115,1	126,7	242,7	349,4	255,1	308,2
Австралия	-263,3	-305,9	-531,9	-370,9	-310,5	-399,0	-242,0	-386,6

Table 9. Military-political security: net balance of the 93 group

"Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таким образом, обобщение данных по ресурсным возможностям ведущих системы международных отношений – держав глобального и среднего уровня – в сфере «широкой» безопасности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, приведенные данные внешнеторговой статистики дают возможность категоризировать среди рассмотренных крупнейших государств и одного объединения в качестве центров силы «в узком смысле» акторов, имеющих положительное сальдо в торговле вооружениями – США, Европейский союз, Россию, Китай, Бразилию, Турцию и, с определенными ограничениями, Индию, Японию и Республику Корея. Во-вторых, данные показывают, что Россия, единственная среди рассмотренных акторов, обладает естественной специализацией в поставках зерна, продукции ТЭК и вооружений, что подтверждает, с одной стороны, ее способность обеспечивать «широкую» безопасность на международной арене при минимуме союзников, с другой стороны, взаимодополняемость ее ресурсов с ресурсами остальных выявленных центров силы и «обычных» держав глобального и среднего уровня. В-третьих, обращает на себя внимание однородность состава группы БРИК⁴⁴ как неформализованного объединения, состоящее только из восходящих центров силы глобального уровня.

Далее авторы предполагают оценивать степень влияния проанализированных выше ведущих акторов системы международных отношений в государствах, характеризующихся очень высоким уровнем тревожности (*Very High Alert*) в рейтинге неустойчивых государств, выполнив анализ внешнеторговых потоков по указанным товарным группам – интерпретируемым как прокси-переменные параметров трансфера военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности внешними акторами. Данные, представленные в *Таблицах 10–12*,

также на основе базы торговой статистики ООН (*UNComtradeDatabase*)⁴⁵.

Анализ торговли зерном, межгосударственных товарных потоков 10 группы ТН ВЭД (см. *Таб. 10*), показывает, все без исключения ведущие государства (при наличии торговых потоков) имеют положительное сальдо с неустойчивыми, то есть являются провайдерами продовольственной безопасности, реализуя свои ресурсные возможности, стабильное исключение составляет Турция, являющаяся нетто-импортёром зерна. Эти, хотя и ограниченные, данные внешнеторговой статистики позволяют выделить общую для всех рассмотренных наименее устойчивых государств черту – зависимость от поставок зерна, что как и в случае развивающихся стран-участниц МИКТА, говорит об их уязвимости их социальной стабильности в случае высоких мировых цен на зерно.

США представлены во всех странах: наиболее крупные поставки осуществлялись в Йемен, Сирию и Судан, лидерство наблюдалось в ЦАР, Чаде и Южном Судане. Европейский союз осуществляет наиболее крупные поставки в Демократическую Республику Конго, Йемен и Сирию. Канада является ключевым импортером зерна в Судане. Показательны крупные поставки Японии в Судан, страна занимает среди импортеров третье место после Канады и России. Если сопоставить этот результат с данными *Таблицы 11*, можно увидеть, что именно в Судане Япония закупает наибольшее количество нефти. Таким образом, в ДРК, Сирии, Судане, ЦАР, Чаде и Южном Судане страны «Группы семи» имеют превосходство в сфере поставок зерна. В Зимбабве лидируют страны БРИКС за счет поставок из Южно-Африканской Республики, в Йемене (за счет Индии и Российской Федерации) и в Сомали (за счет Индии). Китай представлен в Зимбабве и занимает второе место после США в поставках зерна в страны, нетто-экспортеры нефти – Чаде и Южном Судане.

⁴⁴ Отсутствие данных по ЮАР не умаляет значимости данного обобщения: как следует из обзора литературы, даже в исследованиях, выполненных после вступления ЮАР в БРИКС, авторы не начали «автоматически» относить республику к восходящим центрам силы. – Прим. авторов.

⁴⁵ UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>. *Приведенные данные являются «зеркальными» для рассмотренной группы неустойчивых государств: авторы обобщили статистику их поставщиков и покупателей, в связи с тем, что статистика государств имеет пробелы.*

Таблица 10

Участие в обеспечении продовольственной безопасности:
10 группа «Злаки»*

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Группа семи									
США	39,8	8,5	944,5	517,6	17,9	280,7	4,1	21,1	30,4
ЕС-28	345,7	46,4	1219,2	1038,6	4,4		0,5	2,6	0,0
Канада	9,3		0,4	35,2	0,0	763,7			0,0
Япония	3,3					617,6			
БРИКС									
Бразилия	0,3	0,0	47,6	26,8	0,1	19,6			
Россия	74,1	23,0	1044,7	463,4		659,6		0,6	
Индия	0,1	8,1	1436,4	147,3	371,5	176,6	0,8	0,3	
КНР	4,9	26,0	5,1	7,4		0,3		5,6	4,1
ЮАР	28,9	619,8	0,6		10,6	2,1		0,2	
МИКТА									
Мексика		57,0	0,0	0,0		0,0			
Индонезия				0,1					
Корея		0,0				0,0			
Турция			12,9	200,3	0,0	15,2			
Австралия		8,9	1661,4	11,8		1139,3			

Table 10. Participation in ensuring food security: 10 group "Cereals"

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Ситуация в отношении внешнеторгового оборота продукцией ТЭК в неустойчивых государствах (см. *Таб. 11*) не такая однозначная, как с поставками зерна – среди них есть нетто-экспортеры энергоносителей в ведущие центры силы. Проявляется сходство моделей США и крупных азиатских стран, все они, обладая внешнеторговым дефицитом по 27 товарной группе, закупают энергоносители, в первую очередь, сырую нефть в рассматриваемых государствах, и масштабы этого импорта в целом соответствуют возможностям неустойчивых государств. Значимые исключения составляют поставки Китая в Зимбабве и Сирию, ЮАР – в ДРК и Зимбабве, что может быть связано с поставками угля, в добыче которого обе страны имеют конкурентные преимущества, и регионализацией торговых связей в случае ЮАР. Сложно поддаются интерпретации поставки Ре-

спублики Корея товаров 27 группы в ЦАР и соответствующие чистые закупки Канады товаров 27 группы в Сирии и Чаде.

Несмотря на дефицит энергоносителей, ЕС и Турция осуществляют поставки минерального топлива, нефти и нефтепродуктов в Йемен, Сирию, Сомали, Судан и Центральноафриканскую Республику. Российская Федерация реализует свои национальные конкурентные преимущества и является чистым экспортером энергоносителей во все рассматриваемые государства, кроме Зимбабве и Центральноафриканской Республики.

Таблица 11

Участие в энергетической безопасности: 27 группа «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные»*

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Группа семи									
США	-1387,0	0,1	-970,8	-1056,5	-0,1		0,4	-16241,1	
ЕС-28	-484,8	1,5	1195,4	1846,8	0,7	-77,9	358,6	-643,2	2,6
Канада	0,0	0,0	0,1	-39,6		0,0		-104,6	0,0
Япония	0,1		-3065,9	-328,6		-5400,3		-790,2	-131,1
БРИКС									
Бразилия	-85,4	-108,2	0	-77,7		0,0	0,0		
Россия	0,7		78,7	1130,1	0,0	9,8		2,1	0,4
Индия	-226,2	3,4	-4536,5	-380,6	-0,2	-2233,7	0,1	-551,3	
КНР	-2624,9	3,7	-16366,1	3,2	0,0	-24958,4	0,0	-1332,5	-10397,3
ЮАР	750,9	1119,8	-499,9	0,0	0,0	2,7	0,0	1,7	0,0
МИКТА									
Мексика		0,0		-21,0					
Индонезия	-253,4		2,1	-0,5		-836,7			
Корея	-30,8	0,1	-6153,9	-280,7		-52,8	541,2	-19,7	
Турция	0,5	-4,8	6,7	1124,5	0,6	6,2	28,4	0,0	
Австралия	-11,5			0,0		3,1			

Table 11. Participation in energy security: group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; Mineral Waxes"

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data/>

Таблица 12

Участие в обеспечении военно-политической безопасности: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Группа семи									
США	1,5	0,2	7,5		0,0	0,0	0,1	0,5	0,0
ЕС-28	2,6	0,1	45,4	1,1	2,3	0,9	6,5	3,0	0,0
Канада		0,0		-0,2				0,1	
Япония									
БРИКС									
Бразилия	0,6					0,0			
Россия			35,0	1134,7		68,0			
Индия	0,0	0,0	0			8,2	0,0		
КНР	0,4	0,1	1,6	0,0	0,0	1,0		0,0	4,3
МИКТА									
Мексика		0,0							
Индонезия									
Корея			0,2	0,0				0,0	

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Турция		0,1	6,7	5,9	1,1	6,7			
Австралия		0,0							

Table 12. Participation in ensuring military-political security: net balance of the 93 group "Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars

* Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: <https://comtrade.un.org/data>

Данные по поставкам вооружений ведущими центрами силы в неустойчивые государства также неоднородны (см. Таб. 12). При анализе данных необходимо учитывать, что особенности статистики внешней торговли товарами 93 группы ТН ВЭД «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», которые показывают трансграничное перемещение соответствующих товаров с коммерческими и некоммерческими целями. Таким образом, в отличие от данных Стокгольмского института исследования проблем мира (*Stockholm International Peace Research Institute*) речь идет не только о закупках, но и о перемещении вооружений на действующие в странах военные базы, а также в рамках миротворческих миссий и операций.

В рамках трансфера военно-политической безопасности ожидаемо отсутствие или минимальная вовлеченность государств, являющихся чистыми импортерами вооружений, а также стран с неустойчивым положительным сальдо по 93 группе, к этой большой группе относятся Канада, Япония, Мексика, Индонезия, Корея и Австралия. Тотальное и в большинстве случаев значимое присутствие во всех рассматриваемых странах отличает только Европейский союз.

В сфере интересов США находятся их поставщики минерального топлива, нефти и нефтепродуктов (товаров 27 группы), сходный вывод с определенной степенью достоверности можно сделать в отношении Бразилии, Индии и Китая. Так проявляется гипотеза, подтвержденная в работе В. Бове, К. Деиана и Р. Нистико⁴⁶ об обусловленности поставок оружия необходимостью закупок нефти. Поставки России значительны и сфокусированы на ее традиционных араб-

ских союзниках – Сирии, Судане и, в меньшей степени, Йемене.

Подводя общие итоги второй части исследования, можно отметить, что ведущие акторы системы международных отношений, в том числе выявленные центры силы, активно взаимодействуют с наименее устойчивыми государствами, влияя на обеспечение и/или формирование условий их продовольственной, энергетической и военно-политической стабильности. Нейтральность данных торговой статистики проявляется и в том, что даже закупки ведущими центрами силы энергоносителей у наименее устойчивых государств могут рассматриваться в позитивном ключе, так как получение доходов от экспорта положительно влияет на ВВП этих стран и повышает устойчивость их экономических систем.

Категорированные авторами центры силы, в целом, активнее остальных акторов системы международных отношений, что особенно проявляется в случае Турции. Исключение составляет Бразилия, находящаяся вдали от зоны концентрации рассматриваемых государств.

Ряд центров силы и традиционных – США и Япония, и восходящих, в первую очередь, азиатских – Китай, Индия, Республика Корея во взаимодействии с проблемными государствами выступают с позиций экономической целесообразности, предоставляя те ресурсы «широкой» безопасности, которыми обладают сами, получая при этом доступ к необходимым энергоносителям. Россия, Европейский союз и Турция реализуют себя как «доноры», передающие неустойчивым государствам ресурсы, в том числе которые импортируют сами, таким образом, можно сказать, что в краткосрочном периоде они настроены менее меркантилистски и проявляют черты глобальных ответственных держав, с другой стороны, такое поведение может быть обусловлено большей географической близостью к макрорегионам концентрации неустой-

⁴⁶ Bove, V.; Deiana, C.; Nisticò, R. Global Arms Trade and Oil Dependence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 2018, Vol. 34(2), pp. 272-299.

чивых государств, и подобная поддержка позволяет купировать потенциально опасные очаги напряженности. Кроме того, странами может двигаться стремление заложить основы долгосрочного экономического сотрудничества с неустойчивыми государствами, которые при решении их проблем могут трансформироваться в перспективные центры роста с учетом их ресурсного и демографического потенциала, а также географического положения.

Таким образом, данное исследование, несмотря на проблемы, обусловленные дефицитом внешнеторговых данных для ряда стран – держав «среднего уровня» Израиля, Ирана, Саудовской Аравии, в первую очередь, касающихся поставок вооружений, представляющих, по гипотезе авторов, инструмент реализации внешнеполитического контроля и/или предоставления гарантий безопасности, развивает представление о проблемах и перспективах формирования мирового порядка, возникающего в результате взаимодействия ведущих государств мира, в том числе в проблемных государствах.

Выводы

Формирование мирового порядка зависит от эффективности решения ведущими государствами мира, имеющими статус центров силы, проблем обеспечения безопасности наиболее неустойчивых государств планеты, формирующих в определенном смысле противоположный полюс системы международных отношений. Авторы полагают, что внешние поставки зерна, энергоносителей и вооружений – это своего рода элементы экономического и военно-политического влияния ведущих держав, которые они могут передавать другим государствам, в нашем случае – неустойчивым. При этом в метафорическом смысле поставки зерна обеспечивают социальную стабильность, обеспеченность энергоносителями дает возможности устойчивого роста, официальные поставки вооружений связаны, прежде всего, с поддержкой текущих политических режимов в странах-реципиентах.

По мнению авторов, исследование позволило расширить понимание таких важных для изучения международных отношений

категорий, как «центр силы» и «восходящий центр силы», обобщить и дифференцировать стратегии ключевых традиционных и восходящих держав глобального и среднего уровня по отношению к неустойчивым государствам, обусловленных характеристиками как самих лидеров – потенциальных доноров «широкой» безопасности, так и принимающих сторон. Показано, что влияние России, ЕС и Турции имеет менее прагматичный с экономической точки зрения, скорее долгосрочно-ориентированный подход, в то время как США и азиатские страны решают в неустойчивых государствах вопросы критического для них обеспечения энергоносителями.

Таким образом, новизна методологического подхода авторов, состоящая в использовании в качестве прокси-переменные параметров трансфера военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности внешними акторами данных статистики межгосударственной торговли зерном, продукцией ТЭК и вооружениями, имеет существенный интерпретационный потенциал и развивает представления о структурных аспектах и тенденциях развития современной системы международных отношений.

Литература:

- Хаас Р.* Эпоха беспоплярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 34-47.
- Шелепов А.В.* БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10 (4). С. 7-28.
- Шльков П.В.* Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: Феномен МИКТА // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 127-144.
- Bottelier, T.W.* Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review*, 2017, 39 (5), pp. 751-769.
- Bove, V.; Deiana, C.; Nisticò, R.* Global Arms Trade and Oil Dependence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 2018, Vol. 34 (2), pp. 272-299.
- Brandi, C.* Club Governance and Legitimacy: The Perspective of Old and Rising Powers on the G7 and the G20 // *South African Journal of International Affairs*, 2019, No. 4, pp. 685-702.
- Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S.* Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.
- Culp, J.* How Irresponsible Are Rising Powers? // *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37 (9), pp. 1525-1536.
- Destradi, S.* Reluctant Powers? Rising Powers' Contributions to Regional Crisis Management // *Third World Quarterly*, 2018, Iss. 12, pp. 1-20.

Ghimire, S. Rising Powers and Security: a False Dawn of the Pro-south World Order? // *Global Change, Peace & Security*, 2018, No. 1, pp. 37-55.

Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, No. 1, pp. 1-8.

Haas, R.A. World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press, 2017. 352 p.

Hameiri, S.; Jones, L.; Heathershaw, J. Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy // *Third World Quarterly*, 2019, Iss. 8, pp. 1-20.

Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, 2003, 30 (1), pp. 165-181.

Kabandula, A.; Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly*, 2018, No. 12, pp. 1-20.

Larson, D.W. Status Competition among Russia, India, and China in Clubs: a Source of Stalemate or Innovation in Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, No. 5, pp. 1-18.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 6, pp. 1075-1090.

Newman, E.; Zala, B. Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational // *Third World Quarterly*, 2017, No. 5, pp. 871-888.

Nye, J.S. Jr. The Future of Power, New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

Nye, J.S. Jr.; Welch, D.A. Understanding Global Conflicts and Cooperation. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 2012. 338 p.

Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies*, 2013, 14 (4), pp. 774-796.

Organski, A.F.K. World Politics. New York: Alfred A. Knopf, 1958.

Ozkan, M. Does "Rising Power" Mean "Rising Donor"? Turkey's Development Aid in Africa // *Africa Review*, 2013, No. 2, pp. 139-147.

Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking Through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs*, 2019, Iss. 4, pp. 1-22.

Rasul, G.; Sharma, B. The Nexus Approach to Water-Energy-Food Security: An Option for Adaptation to Climate Change // *Climate Policy*, 2015, Iss. 16 (6), pp. 682-702.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: A Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Thakur, R. How Representative Are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, Vol. 35(10), pp. 1791-1808.

References:

Bottelier, T.W. Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review*, 2017, 39 (5), pp. 751-769.

Bove, V.; Deiana, C.; Nisticò, R. Global Arms Trade and Oil Dependence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 2018, Vol. 34 (2), pp. 272-299.

Brandi, C. Club Governance and Legitimacy: The Perspective of Old and Rising Powers on the G7 and the G20 // *South African Journal of International Affairs*, 2019, No. 4, pp. 685-702.

Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Culp, J. How Irresponsible Are Rising Powers? // *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37 (9), pp. 1525-1536.

Destradi, S. Reluctant Powers? Rising Powers' Contributions to Regional Crisis Management // *Third World Quarterly*, 2018, Iss. 12, pp. 1-20.

Ghimire, S. Rising Powers and Security: a False Dawn of the Pro-south World Order? // *Global Change, Peace & Security*, 2018, No. 1, pp. 37-55.

Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, No. 1, pp. 1-8.

Haas, R. Jepoha bespoljarnoga mira (The Age of the Non-Polar World) // *Rossija v global'noj politike (Russia in global politics)*, 2008, Vol. 6 (4), pp. 34-47.

Haas, R.A. World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press, 2017. 352 p.

Hameiri, S.; Jones, L.; Heathershaw, J. Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy // *Third World Quarterly*, 2019, Iss. 8, pp. 1-20.

Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon*, 2003, 30 (1), pp. 165-181.

Kabandula, A.; Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly*, 2018, No. 12, pp. 1-20.

Larson, D.W. Status Competition among Russia, India, and China in Clubs: a Source of Stalemate or Innovation in Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, No. 5, pp. 1-18.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 6, pp. 1075-1090.

Newman, E.; Zala, B. Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational // *Third World Quarterly*, 2017, No. 5, pp. 871-888.

Nye, J.S. Jr. The Future of Power, New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

Nye, J.S. Jr.; Welch, D.A. Understanding Global Conflicts and Cooperation. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 2012. 338 p.

Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies*, 2013, 14 (4), pp. 774-796.

Organski, A.F.K. World Politics. New York: Alfred A. Knopf, 1958.

Ozkan, M. Does "Rising Power" Mean "Rising Donor"? Turkey's Development Aid in Africa // *Africa Review*, 2013, No. 2, pp. 139-147.

Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking Through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs*, 2019, Iss. 4, pp. 1-22.

Rasul, G.; Sharma, B. The Nexus Approach to Water-Energy-Food Security: An Option for Adaptation

to Climate Change // *Climate Policy*, 2015, Iss. 16 (6), pp. 682-702.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: A Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Sheleпов, A.V. BRICS i mezhdunarodnye instituty: modeli vzaimodejstviya v processe osushhestvleniya mnogostoronnego upravleniya (BRICS and International Institutions: Models of Interaction in the Process of

Implementing Multilateral Governance) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij (Bulletin of international organizations)*, 2015, Vol. 10 (4), pp. 7-28.

Shlykov, P.V. Poisk transregional'nyh al'ternativ v Evrazii: Fenomen MIKTA (Search for trans-regional alternatives in Eurasia: The phenomenon of MIKTA) // *Comparative Politics Russia*, 2017, Vol. 8 (4), pp. 127-144.

Thakur, R. How Representative Are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, Vol. 35 (10), pp. 1791-1808.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036

LEADING TRADITIONAL AND RISING POWERS AS SECURITY PROVIDERS IN THE WORLD MOST FRAGILE STATES

Mariia L. Gorbunova

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Igor D. Komarov

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 23.01.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.04.2020</p>	<p>Abstract: The article explores the resource capabilities and strategies the traditional and rising powers use to bring food, energy and military-political security to the world most fragile states. There is a certain complementarity in the relations between both the mentioned actors in international relations, since the negative externalities forming in and around fragile states require resources that could be provided and effectively provided by the world most powerful countries. The assumption that the key characteristic of a power (center) is a capability to translate outside military-political security allowed to the authors to categorize the USA, EU and, with certain restrictions, Japan as traditional centers of power; while Russia, China, Brazil, Turkey, and, to a lesser extent, India and Korea as rising ones. In terms of quantitative parameters, the United States, the EU, India and Russia have the resources to ensure food security, while Russia is the only major power that has a net surplus in energy foreign trade. Russia's comprehensive resource capability in the context of "broad" security supports its leadership status in its efforts to stabilize and maintain the world order. Considering the behavioral and not resource aspect, the strategies of global and middle powers in the world most fragile states, with the exception for the EU and Turkey, correspond to their resource capabilities. Both deliver mineral fuels as well as Turkey supplies crops to fragile countries having overall deficit of such commodities. This may indicate that these centers of power as well as Russia implement the "donor" strategies conceptualized in the literature for the rising powers of the modern world order.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Mariia L. Gorbunova</i>, Dr. of Economics, Head of Department for International Economics and Customs Affairs, Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod e-mail: gorbunova@iee.unn.ru</p> <p>e-mail: skpfox@yandex.ru</p> <p><i>Igor D. Komarov</i>, Candidate of History, Deputy Director, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod e-mail: igor.komarof@gmail.com</p>	
<p>Key words: power centers; traditional power centers; rising power centers; security; military security; food security; energy security; foreign trade; fragile states; Very High Alert status</p>	

Для цитирования: Горбунова М.Л., Комаров И.Д. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 57-74.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036

For citation: Gorbunova, Mariia L.; Komarov, Igor D. Vedushchiye tsentry sily v obespechenii bezopasnosti neustoychivyykh gosudarstv mira (Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 57-74.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036

УТРАЧИВАЕМЫЕ ОКРАИНЫ: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА, УКРАИНА, БЕЛОРУССИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Василий Валерьевич Шишков

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия*

Сергей Валерьевич Хорошев

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 октября 2019 <i>Принята к печати:</i> 4 апреля 2020</p>	<p>Аннотация: В статье исследуются современные политические отношения России с Украиной и Белоруссией с позиций анализа взаимосвязей между бывшим имперским центром и перифериями. Теоретико-методологическую основу статьи составили исследования, рассматривающие постимперское политическое развитие периферий их отношения с бывшим имперским центром и постсоветские политические процессы. Также важное значение для решения поставленных в статье задач имели исследования, посвященные политике памяти.</p>
<p>Об авторах: <i>Шишков В.В.</i>, к.полит.н., доцент, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС e-mail: fh55@mail.ru <i>Хорошев С.В.</i>, старший преподаватель, Институт общественных наук, РАНХиГС e-mail: 20dekabr@mail.ru</p>	<p>В работе ставится и рассматривается вопрос о том, насколько обоснованно характеризовать отношения России и бывших советских стран в качестве постимперских в общем контексте распада империй. Представлен анализ российской интеграционной политики на постсоветском пространстве с позиций выстраивания отношений в постимперский период, ее результаты в отношении Украины и Белоруссии. Рассмотрена современная российская политика по отношению к Украине и Белоруссии, проведен ее анализ, в том числе экономико-финансовой составляющей взаимосвязей России и данных государств. Особое внимание уделено фактору культурно-исторической близости и российской политики памяти в отношении указанных постсоветских стран, проанализированы причины ее ограниченной результативности в условиях развития национальной идентичности украинского и белорусского обществ.</p>
<p>Ключевые слова: постимперская политика; политика памяти; постсоветское пространство; СНГ; ЕАЭС; Россия; Украина; Белоруссия</p>	<p>Представлены выводы, которые позволяют характеризовать политические отношения России с Украиной и Белоруссией в качестве постимперских в контексте продолжения обретения этими государствами политической и национально-культурной независимости, процессов, начавшихся еще в советский период. Такое развитие приводит к снижению влияния России, при этом экономические факторы имеют ограниченную эффективность для его сохранения. Позиции Москвы все более заменяются влиянием внешних для постсоветского пространства центров силы.</p> <p>Представляется, что результаты исследования могут быть востребованы при уточнении российской политики на постсоветском пространстве.</p>

После распада СССР Россия приняла на себя бремя континуитета советской государственности. Вместе с этим возникла необходимость по-новому выстраивать отношения с бывшими советскими республиками, став-

шими независимыми государствами. Несмотря на распад единого государства, тесные экономические, социальные и культурные связи, а также общая история были предпосылками нового объединения бывших со-

ветских республик. Россия стала центром интеграции на постсоветском пространстве, выдвинув и реализовав ряд инициатив по сближению, начав с создания вместе с Украиной и Белоруссией Содружества независимых государств.

Спустя почти 30 лет после создания СНГ, отношения между этими тремя государствами далеки от достижения тех ориентиров, которые ставились в недавнем прошлом при образовании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Постсоветское пространство является приоритетом для внешней политики России. Москва на протяжении развития отношений и с Украиной, и с Белоруссией демонстрировала значительную гибкость, учитывая интересы партнеров, стремясь использовать широкий инструментарий влияния при сохранении ориентации на прагматическое видение собственных интересов. Отметим, что политика внешних, для постсоветского пространства центров влияния, США, ЕС, некоторых его членов (Германия, Франция, Польша и др.), несмотря на все значение данного фактора, не может быть достаточным объяснением снижения влияния России в данных государствах. Позиция России обладает целым рядом таких экономических, геополитических, культурных преимуществ, которые позволят говорить о ее господствующем положении по отношению к другим постсоветским странам.

Очерченный круг проблем, их значительность с учетом того, что речь идет об отношениях между государствами не только близкими географически, отличающихся тесными экономическими связями, но что более существенно, близких в национально-культурном отношении, нуждается в глубоком анализе. Такой анализ, требующий исследования институциональных форм взаимоотношений между центром и перифериями с учетом общего исторического прошлого, как представляется, может быть проведен с позиций изучения развития национальной и имперской государственности, кризиса последней и постимперского политического развития.

В настоящей статье поднимается проблема политических изменений во взаимоотношениях между бывшим имперским центром

и перифериями, обретшими собственную независимую государственность. Рассматривается вопрос о значении имперского наследия, общей истории и культуры для выстраивания отношений между центром и перифериями на новой политической основе применительно к особенному российскому случаю. Исследуется вопрос о содержании специфики указанных отношений.

Предметом выступают политические отношения между Россией и бывшими советскими республиками, которые можно рассматривать в качестве наиболее близких к ней в историческом, культурном и национальном плане – Украиной и Белоруссией в качестве бывшего имперского центра и периферий в «постимперский» период. Ставится задача по анализу причин, по которым данные отношения приобрели сложившуюся конфигурацию.

Империя и национальное государство – два основных типа государственности в эпоху модерна. Империя как особый тип государства выражается в автократическом господстве центра по отношению к гетерогенным перифериям, концентрации политической власти, ее ресурсов и их монопольном использовании и контроле над ними со стороны консолидированной имперской элиты. Представляется существенным обозначить империю и в качестве особого типа политики, связанной с реализацией непрямого правления центра по отношению к перифериям, поиском наиболее оптимальных форм их подчинения и включения в систему имперских связей, осуществляющихся через центр.

В отличие от империи национальное государство представляется как гомогенное территориально-политическое образование, основное назначение, которого выражение и реализация интересов нации – коллективного политического субъекта, носителя государственного суверенитета. При этом предполагается, что границы государства и нации должны совпадать.

Здесь следует оговорить то обстоятельство, что противопоставление империи и национального государства в научных целях не представляется оправданным. Развитие имперского государства обеспечивало подь-

ем нации, ее конструирование в качестве современного имперского центра и субъекта, в интересах которого ведется имперская политика¹.

Рассмотрение теоретико-методологических основ постимперских исследований представляется необходимым для ответа на вопрос о содержании отношений между Россией и бывшими советскими республиками.

Научный интерес к постимперской политике формировался параллельно с постколониальным дискурсом, связанным с исследованиями Э. Саида, Г. Спивак, Х. Бхабха и других, но уже не ограничивается им, все более отходя от проблематики зависимости и идентичности к вопросам развития отношений между метрополией и бывшими колониями в новых геополитических условиях. Так, английский исследователь А.П. Торнтон исследуя империализм в XX в. (1978) отмечал, что на смену жесткому имперскому порядку приходит обскурантизм новых постколониальных стран и идейный империализм США². Дж. Дарвин, современный исследователь Британской империи, представляя ее как проект по образованию мировой хозяйственной системы, указывает на раннее, если не преждевременное предоставление независимости некоторым колониям³. Отметим, что в работах британских исследователей проблема национализма находится на втором плане и не рассматривается в качестве фатальной для империи. Другой важной особенностью отражения постимперского процесса в британских ис-

следованиях является внимание связям центра и периферий, сохраняющим, несмотря на давление со стороны США, «имперское» пространство.

В последние годы в зарубежной научной литературе, посвященной теме постимперских процессов, значительное внимание уделяется «политике памяти» – формированию общности и идентичности через трактовку исторических событий. Для постимперского дискурса данная проблематика связана с имперским государственным строительством, опытом деколонизации, вызовами покаяния за имперское господство и иммиграции из бывших колоний⁴. На первый план выходит вопрос восстановления исторической памяти бывших имперских наций.

Новый этап интереса к проблеме распада имперских государств и их последствиям связан уже с прекращением существования Советского Союза. Одна из первых попыток рассмотрения данного вопроса была предпринята западными исследователями в сборнике «*After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*» (1997). Так, Ч. Тилли, рассматривая империю как государство, осуществляющее не прямое правление перифериями, отмечал, что вследствие этого демократия не может охватывать все сегменты имперской политической системы. В методологическом отношении представляет значение то, что с данной позиции распад империи это проблема развития демократических институтов, обеспечивающих широкое и равное гражданство с консультациями и обеспечением защиты⁵ на локальном уровне. К. Баркей, анализируя в сравнительной перспективе национальное строительство на перифериях бывших империй, указывала

¹ См.: Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С. 22-36. [Shishkov, V.V. Imperiya kak ponyatiye i kontsept sovremennoy politicheskoy nauki: problemy interpretatsii (Empire as a Concept of Modern Political Science: Problems of Interpretation) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2018, № 4, pp. 22-36.]

² См.: Thornton, A.P. Imperialism in the Twentieth Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. XII, 363 p.

³ См.: Darwin, J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.

⁴ См. например: *Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 194-2013* / Ed. by D. Rothermund. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 217 p.

⁵ Тилли Ч. Как умирают империи // Политическая наука. 2013. № 3. С. 228. [Tilly, C. How Empires End // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. P. 7.]

на значение трех факторов для успеха данного процесса на постсоветском пространстве: институтов, элит и ассоциаций, их взаимосвязь призвана обеспечить стабильное развитие⁶. С этим выводом согласуется позиция еще одного автора сборника, Р. Суни, который пишет о том, что успехи Советского Союза в национальном строительстве на периферии бывшей Российской империи во многом обусловили его кризис⁷. Представляется, что наиболее значимое социально-политическое «имперское» наследие для постсоветских республик состоит в конструировании национально-государственных институтов. Также нельзя не отметить работу Р. Брубейкера, посвященную проблемам миграции и этнического размежевания в постимперский период. На основе компаративного анализа, автор приходит к выводу о неизбежности миграции русских из постсоветских республик при ограниченности российской политики в этом вопросе⁸. Последующие процессы показали прогностическую ценность выводов исследователя и его методологии.

В отечественной политической науке проблемы империи и постимперского политического развития стали обсуждаться уже в начале 1990-х гг. Важной вехой стал семинар «Закат империй» (1991 г.), его участниками обсуждалась социально-политическая сущность империи, причины и последствия краха имперских государств.

Последствия распада империй рассма-

⁶ Barkey, K. Thinking about Consequences of Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 107-112.

⁷ Suny, R.G. The Russian Empire // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

⁸ См.: Brubaker, R. Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 155-180.

тривались в 2005 г. в ходе конференции, организованной фондом «Либеральная миссия» и британским посольством, а затем последовавшего семинара ВШЭ⁹. В ходе этих мероприятий были высказаны тезисы дискуссионного, как представляется характера: о СНГ как сфере имперской политики России (Д. Фурман) и о нарастании в России имперского синдрома в этнократическом облике (Э. Пайн). Здесь следует сказать, что необходимо различать имперскую политику и политическое влияние. Россия не осуществляет не прямое правление на постсоветском пространстве и не концентрирует ресурсы бывших советских республик. Также нуждаются в различении социальный запрос на восстановление суверенной государственности, подтверждение статуса великой державы, присутствующий в российском обществе и призрачная русская этнократия.

Проблема посимперского политического развития новых, постсоветских государств Восточной Европы, в том числе Украины и Белоруссии является предметом исследований Е.Ю. Мелешкиной¹⁰. Хоте-

⁹ См.: После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 224 с. [*Posle imperii (After the Empire)* / Ed. by A.M. Klyamkin. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2007. 224 p.]

¹⁰ См.: Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. 251 с. [Meleshkina, E.Yu. Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Yevrope (The Formation of New States in Eastern Europe). Moscow: INION RAN, 2012. 251 p.]; Мелешкина Е.Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // *Политическая наука*. 2013. №3. С. 10-29. [Meleshkina, E.Yu. Postimperskiye prostranstva: Osobennosti formirovaniya gosudarstv i natsiy (Post-imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations) // *Politicheskaya nauka*, 2013, No. 3, pp. 10-29.]; Мелешкина Е.Ю. Советский эксперимент: Между империей и современным государством // *Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Вып. 4. 2013. С. 325-338.* [Meleshkina E.Yu. Sovetskij eksperiment: Mezhdru imperiyey i sovremennym gosudarstvom (Soviet Experiment: Between the Empire and the Modern State) // *Trudy po rossiyevedeniyu: Sb. nauch. tr. / RAN INION. Iss. 4, 2013, pp. 325-338.*]; Шишков В.В. Дилеммы «постимперского транзита» // *Полис. Политические исследования.*

лось бы обратить внимание на вывод Е.Ю. Мелешкиной об ограниченной эффективности институционального наследия СССР для последующего государственного строительства (наиболее последовательна в такой политике Белоруссия). Тем не менее, представляется возможным говорить о том, что для национального строительства советское прошлое имеет гораздо большее значение в плане стремления к национальной консолидации в рамках границ, установленных в период СССР, а также связанной с этим проблемы сепарации (Украина).

Говоря о внимании отечественных исследователей к постимперской проблематике, следует отметить нарастающий интерес к такой актуальной теме как политика памяти. Примером этого является проект «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий»¹¹. Представляются значимыми указания на специфику национального строительства в восточноевропейских посткоммунистических странах, заключающиеся в культивировании образа жертвы советского строя, и нарастающую напряженность в отношениях с Россией, выражающуюся в «войнах памяти».

Рассмотренные здесь теоретико-методологические основы исследования постимперской политики, позволяют ответить на вопрос о том насколько обоснованно характеризовать отношения России и бывших советских стран в качестве постимперских. Ведь тот факт, что Советский Союз сформировался на территории Российской империи, охватив большую часть ее территории и населения, не делает его империей а priori. Тем более это относится к Российской Федерации, государству основания которого

принципиально отличаются от советского строя.

XX в. стал временем распада великих империи эпохи модерна. Одной из первых прекратила свое существование Российская империя, на месте которой в скором времени образовалось новое государство – СССР. Советский Союз был идеократией, концентрировал ресурсы власти, сохранял неоднородный состав населения. Кроме того, достиг значительных успехов в распространении своей идеологии и политического влияния, стал одним из центров биполярного мира. В связи с этим СССР зачастую, в зарубежной литературе, как правило, характеризуется также в качестве империи¹². Тем не менее, несмотря на наличие у Советского Союза указанных черт, сближающих его с империей, особенности его политической организации, связанные с определением имперского центра, политикой в отношении периферий не дают возможности однозначно охарактеризовать его в качестве империи.

Анализ национальной политики СССР позволяет говорить о том, что постимперские политические процессы на периферии России были запущены практически с начала его образования. В этот период республики в полной мере институционализировали свою государственность, пусть и в составе Союза. При этом в состав Украины и Белоруссии передавались территории из состава РСФСР. Были предприняты шаги по образованию национальных элит и передачи им государственного управления (коренизация)¹³. Кроме того, образовались негосударственные политические институты, такие как республиканские партии. Действительно данная политика осуществлялась в

2013. № 4. С. 163-167. [Shishkov, V.V. Dilemmy «postimperskogo tranzita» (The Dilemmas of "Post-Imperial Transit") // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2013, No. 4, pp. 163-167.]

¹¹ См.: *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с. [Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. (Methodological Issues of Studying the Politics of Memory) / Ed. by Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. 224 p.]*

¹² См. один из последних примеров: Kumar, K. *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p.

¹³ См.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 662 с. [Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 528 p.] и дискуссию вокруг этого исследования.

рамках единого советского государства в соответствии с принципом демократического централизма, но существенным представляется то, что она обеспечивала рост национального самосознания при дискредитации бывшего имперского центра и его политики (борьба с великорусским шовинизмом).

Представляется, что ряд проблем, поднятых в рамках постколониального дискурса середины – второй половины XX в. на Западе уже имел место в СССР. Здесь следует указать на преодоление зависимости от бывшего имперского центра, развитие идентичности народов имперских окраин, их национально-государственных и культурных институтов. Особенностью является то, что к тому времени Россия как имперский центр уже прекратила свое существование и в силу этого не могла стать участником «дискурса» о великодержавности. Тем более значимым представляется действие культурно-исторических факторов, сближающих Россию, Украину и Белоруссию, сохраняющих свое значение в долговременной перспективе, что их действие остается определяющим и в современных условиях.

Включение отношений между Россией и постсоветскими странами в постимперскую проблематику отражает новый этап конструирования национальностей в полной мере самостоятельных от российского исторического и культурного наследия и общего советского прошлого, и это при обскурантистском игнорировании исторических фактов и культурных ценностей. В этих условиях российское политическое влияние сводится к минимуму на фоне роста влияния внешних центров силы. В связи с этим обращает на себя внимание взаимозависимость национально-государственного развития Украины и Белоруссии, их отношений с Российской Федерацией.

Обратимся к анализу динамики данных отношений в контексте интеграционной политики России. Для начала необходимо сказать об экономической составляющей отношений России с Украиной и Белоруссией.

К 2014 г. объем поддержки Украины с российской стороны составил около 250 млрд долларов¹⁴. В 2018 г. Россия, не-

¹⁴ Дмитрий Медведев: объем помощи России Украине за постсоветский период соста-

смотря на взаимные санкции, продолжает оставаться крупнейшим инвестором в экономику этой постсоветской республики. Так, за первое полугодие 2018 г. Россия инвестировала в Украину 436 млн долларов, или 36% от общих иностранных инвестиций. Также происходит наращивание товарооборота между Россией и Украиной. В 2018 г. внешнеторговый оборот России и Украины в 2018 г. вырос на 16,5% – до 14,98 млрд долларов с 12,85 млрд долларов в 2017 г.¹⁵ При этом товарооборот нарастает во многом за счет российского импорта.

Приведенные цифры показательны не только в плане сохраняющихся тесных экономических взаимосвязей между Россией и Украиной. Данные демонстрируют также зависимость Украины от России с одной стороны. С другой же стороны показывают ограниченность, если не вторичность экономических факторов в части увеличения политического влияния России на постсоветском пространстве.

В подтверждение этого суждения, приведем цифры, характеризующие экономические отношения России и Белоруссии. В 2016 г. МВФ оценивал общую поддержку белорусской экономики со стороны России в 106 млрд долларов (за период 2005–2015 гг.). Прямые инвестиции России в белорусскую экономику занимают от 57 до 64% общих иностранных вложений в страну. Половина всей белорусской внешней торговли приходится на Россию, за 2018 г. российско-белорусский товарооборот вырос почти на 10% и составил 30,5 млрд долларов¹⁶. Поли-

вил примерно \$250 млрд (Dmitry Medvedev: Russian Aid to Ukraine for the post-Soviet Period Amounted to Approximately \$250 billion) // «Коммерсантъ». 22.04.2014. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2458311>

¹⁵ Внешнеторговый оборот России и Украины в 2018 году вырос на 16,5% – ФТС (The Foreign Trade Turnover of Russia and Ukraine in 2018 Increased by 16.5%) // Информационное агентство «Интерфакс-Запад». 06.02.2019. Режим доступа: <https://www.interfax.by/news/belarus/1254137>

¹⁶ Ткачев И., Фейнберг А. Скрытый счет на \$100 млрд: как Россия содержит белорусскую экономику (\$100 billion Hidden Account: How Russia Contains the Belarusian Economy) //

тический результат экономической зависимости Белоруссии от России представляется ограниченным.

Перейдем непосредственно к рассмотрению российской политики последних лет.

Политика Россия к 2014 году на постсоветском пространстве концентрировалась вокруг ЕАЭС, который представлялся эффективным интеграционным проектом, способным сформировать единое экономическое пространство, по степени торгового и хозяйственного сближения не уступающее Европейскому союзу, способное вести равноправный диалог с ним и другими экономическими международными объединениями. Во многом перспектива ЕАЭС виделась в вовлечении в экономическую интеграцию других постсоветских государств, прежде всего Украины.

Украина к этому времени всячески избегала включения в активные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Украина не участвовала в экономической интеграции в форматах ЕврАзЭС и Таможенного союза, в формировании пространства безопасности в рамках ОДКБ. СНГ же во многом утратило свое значение, оставаясь в значительной степени лишь площадкой обсуждения общих вопросов между бывшими советским республиками.

С «оранжевой революции», с 2004 г. отношения между Россией и Украиной переживали сложный нестабильный период, который казалось, заканчивался с победой на президентских выборах в 2010 г. В.Ф. Януковича. Однако политический кризис 2013-2014 гг. и начавшаяся война на востоке Украины поставили крест на ее участии в интеграции на постсоветском пространстве под эгидой России. Перспективы участия в ЕАЭС оказались для украинцев значительно менее притягательными, чем призрачное членство в ЕС,

несмотря на историческую и культурную близость с Россией, не говоря уже о существовавших тогда тесных экономических связях и финансовой поддержке. Сегодня позиция Украины отличается резким неприятием российской политики.

После 2014 г. возможности Москвы влиять на политику Киева ограничены. Позиции в институтах государственной власти Украины утрачены, а в гражданском обществе страны дискредитированы. Показательно, что результатам выборов в Верховную Раду партия «Оппозиционная платформа – За жизнь», в программе, которой говорится о необходимости восстановления отношений с Россией и о мирном урегулировании на Донбассе¹⁷ получила только 13,05% голосов избирателей и 43 мандата из 424. Представляется существенным то, что и в период президентства «пророссийского» политика В.Ф. Януковича, 2010-2014 нельзя сказать, что Киев следовал в русле политики Кремля, маневрируя между внешними силами, действующими на постсоветском пространстве, а вопрос о придании русскому языку статуса государственного так и не получил разумного положительного разрешения.

В отношениях между Россией и Белоруссией, несмотря на отдельные проблемы, связанные с определением цены на энергоносители для Белоруссии и стоимости их транзита в Европу, казалось бы, нет места острым кризисам. Белоруссия – участник ЕАЭС и ОДКБ, сохраняют силу договоренности о ее интеграции в рамках Союзного государства. Попытка Москвы активировать этот формат интеграции в 2018-2019 гг. привела к серьезному кризису в отношениях, повлекшему отставку российского посла М.В. Бабича.

Данный кризис еще раз продемонстрировал односторонний характер сближения России и Белоруссии. Интеграция в значительной степени состоит в финансово-экономической поддержке Минска при том, что реализация

РБК, 02.04.2017. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30>; Путин: товарооборот России и Белоруссии в 2018 году достиг \$30,5 млрд (Putin: Trade between Russia and Belarus in 2018 Reached \$30.5 billion) // Сетевое издание «Вести. Экономика (vestifinance.ru)». Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/videos/49741>

¹⁷ Предвыборная программа политической партии «Оппозиционная платформа – за жизнь» «Мир! Ответственность! Забота!» (Election Program of the Political Party “Opposition Platform – For Life” “Peace! Responsibility! Care!»). Режим доступа: <http://zagitya.com.ua/page/programma.html>

положений договора о Союзном государстве вновь и вновь откладывается. Все более заметна ориентация Белоруссии, ее общества и государства на Западную Европу, а также рост белорусского национализма¹⁸. При этом Минск систематически отказывается поддерживать Россию в политических кризисах последних лет на постсоветском пространстве (например: 2008 г., 2014 г.). Данные обстоятельства ставят под сомнение союзнические отношения между двумя государствами и, более того, эффективность политики России в отношении Белоруссии на данном этапе.

Следует сказать о еще одном направлении российского влияния – об использовании культурно-исторической близости России Украины и Белоруссии. Данный фактор мог бы компенсировать недостаточную эффективность в использовании экономического фактора, ограниченность прямого и косвенного политического влияния.

В качестве основных направлений российской культурной политики последних лет следует назвать распространение русского языка и культуры в целом, повышение привлекательности российского образования, поддержки украинской православной церкви, обращение к общему историческому наследию, в том числе победе над гитлеровской Германией и ее союзниками. Несмотря на высокую значимость перечисленных факторов, сближающих народы Украины и России, степень политического отчуждения между государствами позволяет указывать на недостаточный результат их использования.

Российская политика памяти оказывается неэффективным инструментом сохранения политического влияния. Примечательно, что на

территории непризнанных республик – ДНР и ЛНР, при острой необходимости легитимации независимого правления, преобладает апелляция к советскому интернационализму¹⁹. Представляется, что такая историческая политика хотя и может быть противопоставлена националистическим устремлениям Киева скорее делигитимизирует попытку самоопределения и ослабляет ее мобилизационный потенциал, поскольку вопрос о ее исторических и политических основах остается открытым. Сами же республики представляются наполовину искусственными образованиями.

Анализируя историческую политику по отношению к Украине в постсоветский период можно сказать, что по большому счету в культурном плане российскому руководству оказалось нечего противопоставить агентам конструирования украинской национальной идентичности.

Схожая ситуация, подчеркивающая взаимосвязь развития государственных и национальных институтов, а вместе с тем и снижения зависимости от России, наблюдается в Белоруссии. Особенно наглядно это представлено в политике вытеснения русского языка белорусским и курсов изучения истории в школах. Данные процессы позволяют говорить о белоруссизации государства и общества этой бывшей советской республики²⁰ со

¹⁸ См.: Аверьянов-Минский К., Мальцев В. Белорусский национализм против русского мира. М.: ММО «СIS-ЕМО», 2015. 192 с. [Aver'yanov-Minskiy, K.; Mal'tsev, V. Belorusskiy natsionalizm protiv russkogo mira (Belarusian Nationalism against the Russian World). Moscow: ММО «СIS-ЕМО», 2015. 192 p.]; Зотов В. Батькины нацисты. Белорусские правые зачищают страну от России. Лукашенко не против (Fathers of the Nazis. The Belarusian Right Is Clearing the Country from Russia. Lukashenko is not Against) // Lenta.Ru (Лента.Ру), 03.04.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/04/03/belonazi/>

¹⁹ См.: Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 127-143. [Voronovich, A.A. Internatsionalistskiy separativizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa (Internationalist Separatism and Historical Politics in the Unrecognized Republics of Transnistria and the Donbass) // Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb.nauchn. tr. / Ed. ny Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 127-143.]

²⁰ См. об этом например: Плотников Д. Мовный приговор. Пока Лукашенко говорит о дружбе с Россией, белорусов штрафуют за русский язык (While Lukashenko Talks about Friendship with Russia, Belarusians are Fined for Russian) // Lenta.Ru (Лента.Ру).

все возрастающим участием государства.

Политическая система Белоруссии имеет существенные отличия от ситуации на Украине. Здесь следует указать на характер политического режима, особенности формы правления в этой бывшей советской республике и о большей степени экономической зависимости от России. Тем не менее, преемственность с советским институциональным наследием не является препятствием к нарастанию национальной самоидентификации и все более проявляющейся тенденции к отдалению от России. В связи с этим представляется возможным говорить о том, что политические процессы на Украине и в современной Белоруссии имеют один вектор.

Перейдем к выводам.

Политическое развитие Украины и Белоруссии, их отношения с Россией возможно рассматривать в качестве постимперских политических процессов в контексте продолжения обретения этими государствами политической и национально-культурной независимости. Основы государственной институционализации и национальной самоидентификации в этих республиках были заложены в советский период. Отметим, что создатели и руководители Советского государства, декларируя примордиалистское отношение к нации, в практической политической деятельности оказались инструменталистами. В национальной автономизации выделась одна из основ советского строя.

14.08.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/08/14/belorusization/>; «Разница в подборке фактов очевидна». Почему новое поколение белорусов знает польскую историю лучше российской (“The Difference in the Compilation of Facts Is Obvious.” Why a New Generation of Belarusians Knows Polish History Better than Russian) // Журнал «Огонёк» №31 от 12.08.2019, с. 16. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4052844>; России нужны истории успеха национальной, а не региональной безопасности (Russia Needs Success Stories of National rather than Regional Security) // Интернет-издание «Русский пульс». Режим доступа: <https://russianpulse.ru/continentalist/2019/08/15/1832500-rossii-nuzhny-istorii-uspeha-natsionalnoy-a-ne-regionalnoy-nbsp-bezopasnosti>

Постимперское политическое развитие, содержание которого включает создание и развитие национальных государственных и общественных институтов, формирование политической элиты сопровождается ростом национальной самоидентификации, важной составляющей которой является политика памяти. Такое развитие приводит к снижению влияния России, культурному отдалению значительной части украинского и белорусского общества от России. При этом российское влияние выхолащивается и заменяется влиянием США, государств Западной Европы.

Для сохранения своих политических позиций России не удастся в полной мере использовать структурные элементы экономической зависимости Украины и Белоруссии, другие факторы «мягкой силы». При этом возможности непосредственного политического влияния на Киев сокращаются. Все более неоднозначным становится восприятие России в глазах национализирующегося белорусского общества. Российское влияние на белорусский политический процесс уже представляется проблематичным.

Следует сказать о факторах, способствующих сохранению позиций России. В долгосрочном плане Россия, по сравнению с другими европейскими государствами – бывшими имперскими центрами, обладает двумя существенными преимуществами: географической и культурно-исторической близостью. Не следует также забывать, что русские, украинцы и белорусы имеют единые этнические корни. Постимперское развитие сопровождается демократизацией, в условиях которой данные обстоятельства могут иметь определяющее значение для российского политического влияния.

Отдельно следует сказать и о том, что влияние внешних центров силы, сколь могущественными они не были, может быть ограничено на бывших имперских перифериях. Примером может служить сохранение связей Великобритании и бывших колоний в рамках Британского содружества при том, что деколонизацию поощряли США и не редко поддерживал СССР.

В заключение также следует сказать о том, что для сохранения и укрепления рос-

сийских позиций на Украине и в Белоруссии необходимо вернуться к верификации российской политики в рамках дискурса о национальных интересах.

Литература:

Аверьянов-Минский К., Мальцев В. Белорусский национализм против русского мира. М.: ММО «CIS-ЕМО», 2015. 192 с.

Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 127-143.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 662 с.

Мелешикина Е.Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // Политическая наука. 2013. № 3. С. 10-29.

Мелешикина Е.Ю. Советский эксперимент: Между империей и современным государством // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Вып. 4. 2013. С. 325-338.

Мелешикина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. 251 с.

Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.

После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 224 с.

Тилли Ч. Как умирают империи // Политическая наука. 2013. № 3.

Шишков В.В. Дилеммы «постимперского транзита» // Полис. Политические исследования. 2013. №4. С. 163-167.

Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С. 22-36.

Barkey, K. Thinking about Consequences of Empire // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 107-112.

Brubaker, R. Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 155-180.

Darwin, J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.

Kumar, K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p.

Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 528 p.

Meleshkina E.Yu. Sovetskiy eksperiment: Mezhdru imperiyey i sovremennym gosudarstvom (Soviet Experiment: Between the Empire and the Modern State) // Trudy po rossiivedeniuyu: Sb. nauch. tr. / RAN INION. Iss. 4, 2013, pp. 325-338.

Meleshkina, E.Yu. Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Yevrope (The Formation of New States in Eastern Europe). Moscow: INION RAN, 2012. 251 p.

Meleshkina, E.Yu. Postimperskiye prostranstva: Osobennosti formirovaniya gosudarstv i natsiy (Post-imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations) // Politicheskaya nauka, 2013, No. 3, pp. 10-29.

Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 194-2013 / Ed. by D. Rothermund. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 217 p.

Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. (Methodological Issues of Studying the Politics of Memory) / Ed. by Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. 224 p.

Posle imperii (After the Empire) / Ed. by A.M. Klyamkin. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2007. 224 p.

Shishkov, V.V. Dilemmy «postimperskogo tranzita» (The Dilemmas of “Post-Imperial Transit”) // Polis. Politicheskkiye issledovaniya, 2013, No. 4, pp. 163-167.

Shishkov, V.V. Imperiya kak ponyatiye i kontsept sovremennoy politicheskoy nauki: problemy interpretatsii (Empire as a Concept of Modern Political Science: Problems of Interpretation) // Polis. Politicheskkiye issledovaniya, 2018, № 4, pp. 22-36.

Suny, R.G. The Russian Empire // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

Thornton, A.P. Imperialism in the Twentieth Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. XII, 363 p.

References:

Aver'yanov-Minskiy, K.; Mal'tsev, V. Belorusskiy natsionalizm protiv russkogo mira (Belarusian Nationalism against the Russian World). Moscow: MМО «CIS-ЕМО», 2015. 192 p.

Barkey, K. Thinking about Consequences of Empire // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 107-112.

Brubaker, R. Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 155-180.

Darwin, J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge University Press, 2009. XIII, 800 p.

Kumar, K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p.

Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 528 p.

Meleshkina E.Yu. Sovetskiy eksperiment: Mezhdru imperiyey i sovremennym gosudarstvom (Soviet Experiment: Between the Empire and the Modern State) // Trudy po rossiivedeniuyu: Sb. nauch. tr. / RAN INION. Iss. 4, 2013, pp. 325-338.

Meleshkina, E.Yu. Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Yevrope (The Formation of New States in Eastern Europe). Moscow: INION RAN, 2012. 251 p.

Meleshkina, E.Yu. Postimperskiye prostranstva: Osobennosti formirovaniya gosudarstv i natsiy (Post-imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations) // Politicheskaya nauka, 2013, No. 3, pp. 10-29.

Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 194-2013 / Ed. by D. Rothermund. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 217 p.

Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. (Methodological Issues of Studying the Politics of Memory) / Ed. by Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. 224 p.

Posle imperii (After the Empire) / Ed. by A.M. Klyamkin. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2007. 224 p.

Shishkov, V.V. Dilemmy «postimperskogo tranzita» (The Dilemmas of “Post-Imperial Transit”) // Polis. Politicheskkiye issledovaniya, 2013, No. 4, pp. 163-167.

Shishkov, V.V. Imperiya kak ponyatiye i kontsept sovremennoy politicheskoy nauki: problemy interpretatsii (Empire as a Concept of Modern Political Science: Problems of Interpretation) // Polis. Politicheskkiye issledovaniya, 2018, № 4, pp. 22-36.

Suny, R.G. The Russian Empire // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997. Pp. 148-154.

Thornton, A.P. Imperialism in the Twentieth Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. XII, 363 p.

Tilly, C. How Empires End // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / M. von Hagen, K. Barkley, eds. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997.

Voronovich, A.A. Internatsionalistskiy separatizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa (Internationalist Separatism and Historical Politics in the Unrecognized Republics of Transnistria and the Donbass) // Metodologicheskiye

voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb.nauchn. tr. / Ed. ny Miller A.I., Yefremenko D.V. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 127-143.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10037

BORDERLANDS ON THE EDGE OF LOSS: RUSSIAN POLICY, UKRAINE, BELARUS IN THE CONTEXT OF POST-IMPERIAL RELATIONS

Vasiliy V. Shishkov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

Sergej V. Horoshev

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 04.04.2020</p>	<p>Abstract: The article examines contemporary political relations between Russia and Ukraine and Belarus from the perspective of analyzing relations between the former imperial center and the periphery. The theoretical and methodological framework of the article consists of studies dealing with the post-imperial political development of the periphery its relation with the former imperial center and political processes in the post-Soviet area. Of significance were the studies on the politics of memory to solve the problems posed in the article.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Vasiliy V. Shishkov,</i> Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Institute of Law and Security, RANEPА</p> <p>e-mail: fh55@mail.ru</p> <p><i>Sergej V. Horoshev,</i> Senior Lecturer, Institute for Social Sciences, RANEPА</p> <p>e-mail: 20dekabr@mail.ru</p>	<p>The paper raises and considers the question to what extent the relations between Russia and the former Soviet states as post-imperial in the general context of the collapse of empires are reasonable characterized. It presents the analysis of the Russian integration policy in the post-Soviet area from the perspective of building relations in the post-imperial period, its results in regarding to Ukraine and Belarus. The modern Russian policy toward to Ukraine and Belarus is considered, its analysis is carried out, including the economic and financial component of the relationship between Russia and these states. Particular attention is paid to the factor of cultural and historical proximity and the Russian policy of memory in toward to these post-Soviet countries, it also analyzed the reasons for its limited effectiveness in terms of national identity development of the of Ukrainian and Belarusian societies are analyzed.</p> <p>The reported conclusions give characteristic of the political relations between Russia and Ukraine and Belarus as post-imperial in the context of the continuation of the acquisition of political and national-cultural independence by these states, the processes that began in the Soviet period. Such development leads to a decrease in the influence of Russia, while economic factors have limited effectiveness for its preservation. Moscow's positions are increasingly being replaced by the influence of centers of power external to the post-Soviet space.</p> <p>The results of the study may be used for refining Russian policy in the post-Soviet area.</p>
<p>Key words: post-imperial politics; politics of memory; post-Soviet space; CIS; EAEU (EEU); Russia; Ukraine; Belarus</p>	<p>The results of the study may be used for refining Russian policy in the post-Soviet area.</p>

Для цитирования: Шишков В.В., Хорошев С.В. Утрачиваемые окраины: российская политика, Украина, Белоруссия в контексте постимперских отношений // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 75-85.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10037

For citation: Shishkov, Vasiliy V.; Horoshev, Sergej V. Utrachivayemyye okrainy: rossiyskaya politika, Ukraina, Belorussiya v kontekste postimperskikh otnosheniy (Borderlands on the Edge of Loss: Russian Policy, Ukraine, Belarus in the Context of Post-Imperial Relations)// *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 75-85.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10037

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10038

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Виталий Викторович Гончаров

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
Краснодар, Россия*

Ирина Зоригтоевна Чимитова

*Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
Улан-Удэ, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 января 2018 <i>Принята к печати:</i> 13 марта 2019</p>	<p>Аннотация: Стремительно глобализирующееся общественно-политическое, государственно-правовое и финансово-экономическое развитие национальных обществ и государств создает угрозы для обеспечения их национальной безопасности. Кризис в международных отношениях, углубившийся в последние десятилетия, породил новые формы и методы воздействия международного сообщества и стран ядра мировой капиталистической системы на государства, являющиеся противниками планомерной экспансии доминирующих западных интерпретаций социального устройства. Одним из эффективно используемых направлений воздействия на государство с целью подрыва его национальной безопасности выступают межнациональные, межрелигиозные и межрасовые отношения. В качестве результатов подобного воздействия на государства с целью подрыва его национальной безопасности выступают: рост и эскалация межнациональных, межконфессиональных и межрасовых конфликтов; возникновение центробежных тенденций в государственном управлении; культивирование в обществе фашистских, нацистских, ксенофобских, экстремистских идеологических учений; осуществление масштабной внутренней миграции населения, подрывающей стабильность ее экономического развития. Обеспечение эффективного стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации требует разработки и реализации его новых перспективных направлений. В качестве одного из перспективных направлений стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном уровне (на примере Республики Бурятия) выступает обеспечение межэтнического согласия. Под межэтническим согласием в данном исследовании, используя положительный опыт его обеспечения в Республике Бурятия, мы предлагаем обозначать разновидность межэтнической толерантности, присущую некоторым зонам долговременных и добрососедских межэтнических контактов, характеризующимся абсолютным преобладанием неконфликтных, комплиментарных взаимодействий между этносами и их представителями над иными формами такого взаимодействия, а также общим позитивным контекстом межэтнического взаимодействия. Его обеспечение потребует реализации системы комплексных мероприятий на федеральном и региональном уровне, целью которых будет выступать создание благоприятных условий для развития страны в целом, а также отдельных народов, ее населяющих, в обстановке добрососедских отношений, позитивного межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога.</p>
<p>Об авторах: <i>Гончаров В.В.</i>, к.ю.н., докторант, кафедра социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина e-mail: niipgergo2009@mail.ru <i>Чимитова И.З.</i>, к.социол.н., преподаватель, кафедра связей с общественностью, социологии и политологии, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова e-mail: oleg_emelyanov_89@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: межэтническое согласие; стратегическое планирование; политика национальной безопасности; Российская Федерация; Республика Бурятия; глобальный конституционализм</p>	

**Современное состояние
теоретико-методологического обеспечения
государственной политики в области
национальной безопасности
в Российской Федерации**

Представляется, что национальная безопасность в современном государстве является залогом обеспечения его независимости, территориальной целостности и условием сохранения и развития как страны в целом, так и народа, ее населяющего.

Важность данного обстоятельства приобрела особую актуальность в эпоху глобальных политических перемен, что обусловлено, с одной стороны, планомерной экспансией доминирующих западных интерпретаций социального устройства (целью которых является подчинение всех общественно-политических, государственно-правовых и финансово-экономических институтов человечества воле и интересам Запада), вызванной смещением баланса национальных и международных (глобальных) интересов во всех сферах жизнедеятельности в пользу последних¹, а с другой стороны, кризисом мировой капиталистической системы, упершейся в пространственные пределы своего роста по мере окончательного поглощения и вовлечения в единый общепланетарный рынок государств, образовавшихся на месте СССР и его союзников – стран бывшего социалистического лагеря, а также превращения КНР в капиталистическое государство де-факто, что побуждает страны ядра мирового капитализма к более агрессивным методам передела мирового рынка, не исключая прямую агрессию в отношении отдельных государств, так и инструментов «гибридных войн», представляющих по мнению А.И. Неклесса «сумму неопределенных по принадлеж-

ности агрессивных акций, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых для деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо уничтожения противника»².

При этом, понятие «национальной безопасности» вошло в политический лексикон сравнительно недавно, с начала прошлого века, когда на государственном уровне о необходимости обеспечения «национальной безопасности» было заявлено в послании Президента США Т. Рузвельта 1904 года американскому Конгрессу³. При этом, с одной стороны, обеспечение национальной безопасности понималось в сугубо прагматическом смысле в качестве создания благоприятных условий для развития государства и общества, а с другой стороны, как возможность использования американской военной мощи для насаждения идеалов демократии и цивилизованного общества за пределами США (как минимум – в западном полушарии согласно доктрине Монро).

В современный терминологический аппарат в нашей стране понятие «национальной безопасности», как справедливо отмечает Т.Г. Сулима вошло уже после распада СССР: «в Послании Президента ... в 1996 году ... где определялось ... как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства»⁴.

² Неклесса А.И. Гибридная война. Облик и параметры вооруженных конфликтов в 21 веке () // Независимая газета. 18.09.2015. №200 [Neklessa, Alexander I. Gibridnaya vojna. Oblik i parametry vooruzhennyh konfliktov v 21 veke (Hybrid War. The Appearance and Settings of Armed Conflict in the 21st Century) // Independent Newspaper, 2015, №200.]

³ Documents of American History. N-Y., 1945. Vol. II. Pp. 213-214.

⁴ Сулима Т.Г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: новые вызовы и новые ответы // Электронный научный журнал «ГосРег». 2016. №3 [Sulima, Timothy G. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: novye vyzovy i novye otvety (The National Security Strategy of the Russian Federation: New Challenges and New Responses) // *The Electronic Scientific Journal "Gasreg"*, 2016, №3, p. 1.]

¹ См. подробнее в работе: Гончаров В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ: Монография. М.: Издательство «Спутник +», 2016. 280 с. [Goncharov, V.V. Global'nyj konstitucionalizm: social'no-filosofskij analiz: monografiya (Global Constitutionalism: a Socio-philosophical Analysis). Ed. by V.V. Goncharov. Moscow: Publishing House «Sputnik +», 2016. 280 p.]

При этом, законодательство Российской Федерации достаточно долгое время не содержало определения понятия «национальной безопасности» и не регламентировало обязанности государственного аппарата по его обеспечению, что привело к обеднению научной теории в данной области знаний. Ряд авторов вообще заявляет о том, что «в настоящее время научной теории обеспечения международной, региональной и национальной безопасности в российской политологии не существует»⁵. Это утверждение достаточно спорно, так как с 1997 года в нашей стране стали приниматься нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы национальной безопасности и роль органов государственной власти в ее обеспечении, в частности, была принята Концепция национальной безопасности Российской Федерации⁶ и разработана Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁷.

В связи с этим, стало очевидным, что обеспечение национальной безопасности государства, во-первых, выступает в качестве жизненно необходимой повседневной

государственной задачи, требующей гибкого реагирования руководства страны на быстрое изменение комплекса внутригосударственных и международных факторов, оказывающих прямое или опосредованное влияние на устойчивость как государства в целом, так и государственного аппарата в частности, а во-вторых, выявилась необходимость включения вопросов национальной безопасности в качестве базовой составляющей национальной (государственной) политики современного государства.

При этом, применительно к России национальная политика должна обеспечивать решение вопросов национальной безопасности как на общефедеральном уровне, так и на уровне отдельных регионов.

Представляется, что состояние теоретико-методологического обеспечения государственной политики в области национальной безопасности в нашей стране нельзя считать удовлетворительным.

Во-первых, это вызвано конструктивной и информационной сложностью государственного регулирования вопросов национальной безопасности. Так, ряд авторов справедливо отмечает, что «политика в области безопасности, как предмет исследования и системного анализа, представляет собой одну из наиболее сложных областей знаний, связанных прежде всего с субъективностью и иррациональностью, свойственной политике вообще, а также с доступностью и достоверностью информации, которая изначально, по определению не может быть ни абсолютно доступна, ни даже приблизительно достоверна»⁸.

Отчасти данная сложность вызвана отсутствием в Российской Федерации единого органа государственной власти, чьей основ-

⁵ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // Сравнительная политика. 2017. №3. С. 20. [Podberezkin, Alexei I.; Kharkevich, Maxim V. Dolgosrochnoe prognozirovanie Mezhdunarodnykh Otnosheniikak Strategicheskoe planirovanie politiki Natsional'noi bezopasnosti (Long-Term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, p. 20.]

⁶ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» №1300 от 17 декабря 1997 г. [Presidential Decree “On Approval of the National Security Concept of the Russian Federation” №1300 of December 17, 1997] // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. №52. Ст. 5909.

⁷ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» №537 от 12 мая 2009 г. [Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy by 2020” №537 of May 12, 2009] // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 18.05.2009. №20. С. 2444.

⁸ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // Сравнительная политика. 2017. №3. С. 21. [Podberezkin, Alexei I.; Kharkevich, Maxim V. Dolgosrochnoe prognozirovanie Mezhdunarodnykh Otnosheniikak Strategicheskoe planirovanie politiki Natsional'noi bezopasnosti (Long-Term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, p. 21.]

ной сферой деятельности будет являться обеспечение координации всего государственного механизма в части обеспечения национальной безопасности, аналогичного Разведывательному сообществу США, объединяющему деятельность 17 отдельных правительственных учреждений для защиты национальной безопасности. Существующий в нашей стране Совет безопасности имеет статус всего лишь конституционного совещательного органа при Президенте Российской Федерации.

Во-вторых, с каждым годом в России государственная политика в области национальной безопасности охватывает все большее сфер жизнедеятельности государства и общества. Как справедливо отмечает А.П. Кочетков, в настоящее время «важнейшими и неотъемлемыми элементами национальной безопасности выступают политический, экономический, военный, социальный, экологический и иные внутренние и внешние аспекты национальной безопасности, поддерживающие оптимальные условия для полнокровного развития общества»⁹. При этом, рост международного давления на Российскую Федерацию в последние годы, применение к ней всесторонних экономических и политических санкций и методов воздействия побуждает руководство государства к дальнейшей детализации государственной политики в области национальной безопасности.

В-третьих, в действующем законодательстве нашей страны отсутствует единое понимание доктринальных установок государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Наряду с упомянутой выше Концепцией национальной безопасности Российской Федерации,

элементы доктрины государственной политики в области национальной безопасности содержатся как в ряде федеральных законов, например, в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁰, так и значительном количестве указов Президента России¹¹, а также в многочисленных законодательных актах на уровне субъектов Российской Федерации.

Представляется, что государственная политика обеспечения национальной безопасности в нашей стране предполагает осуществление ее стратегического планирования (определение стратегии развития): краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного. При этом, определенных успехом следует считать наметившиеся попытки на федеральном уровне осуществления стратегического планирования отдельных направлений государственной политики в области национальной безопасности до 2030 года (на начало 2018 года Президентом и Правительством России утверждено более тридцати стратегий государственной политики в ряде отдельных областей жизнедеятельности страны).

Стратегическое планирование политики национальной безопасности в Российской Федерации включает в себя два уровня: федеральный (общегосударственный), региональный. Это позволяет, как справедливо отмечает ряд авторов, использовать

⁹ Кочетков А.П. Доктринальные установки государственной политики России в области обеспечения национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. №3. С. 22-26 [Kochetkov, Alexandr P. Doktrinal'nye ustanovki gosudarstvennoj politiki Rossii v oblasti obespecheniya nacional'noj bezopasnosti (The Doctrines of the Russian State Policy in the Field of National Security) // *State and Municipal Management. Proceedings of the NCASS*, 2015, No. 3, p. 22.]

¹⁰ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г. [Federal Law “On the Strategic Planning in the Russian Federation” №172-FL of June 28, 2014] // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.06.2014. №26 (часть I). Ст. 3378.

¹¹ См. подробнее, например: Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. [Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” №683 of December 31, 2015] // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.01.2016. №1 (часть 2). С. 212; Указ Президента Российской Федерации «Военная доктрина Российской Федерации» №Пр-2976 от 25 декабря 2014 г. [Presidential Decree “The military doctrine of the Russian Federation” №Pr-2976 of December 25, 2014] // Российская газета. 30.12.2014. №298.

многоуровневые параметры и ориентиры не только как инструмент укрепления территориальной целостности и национальной безопасности России, но и для реализации концепции ее социально-экономического развития¹².

Формирование общественно-политической потребности в системном анализе межэтнического согласия как перспективного направления стратегического планирования политики национальной безопасности

Представляется, что перспективным направлением стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном уровне является обеспечение межэтнического согласия, под которым мы предлагаем обозначать разновидность межэтнической толерантности, присущую некоторым зонам долговременных и добрососедских межэтнических контактов, характеризующимся абсолютным преобладанием неконфликтных, комплиментарных (по выражению Л.Н. Гумилева), взаимодействий между этносами и их представителями над иными формами такого взаимодействия, а также общим позитивным контекстом межэтнического взаимодействия.

Актуальность обеспечения межэтнического согласия обусловлена рядом причин:

¹² См. Подробнее в работах: Васильева М.В. Макроуровневые параметры и ориентиры реализации концепции социально-экономического развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. №17. С. 20-30 [Vasileva, M. Makrourovnevye parametry i orientiry realizacii koncepcii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii (Macro-Level Parameters and Guidelines for the Implementation of the Concept of Socio-economic Development of Russia) // *National Interests: Priorities and Security*, 2009, No. 17, pp. 20-30]; Федоров В.П. Концепция национальной безопасности как инструмент укрепления территориальной целостности и национальной безопасности России // Право и политика. 2007. №8. С. 18-23 [Fedorov, V.P. Konceptsiya nacional'noj bezopasnosti kak instrument ukrepleniya territorial'noj celostnosti i nacional'noj bezopasnosti Rossii (The National Security Concept as a Means of Strengthening the Territorial Integrity and National Security of Russia) // *Law and Politics*, 2007, No. 8, pp. 18-23].

Во-первых, наша страна является многонациональным государством, часть субъектов которого представлена республиками, населенными преимущественно коренным населением, либо несколькими доминирующими этносами. В силу этого, межэтническое согласие является условием противодействия центробежных тенденций в государственном управлении.

Во-вторых, анализ так называемых «оранжевых революций» показывает, что успешность их осуществления во многом базировалась на разбалансировке межнациональных отношений, создании условий для межрелигиозной, межнациональной и межрасовой вражды и нетерпимости.

В-третьих, без обеспечения межэтнического согласия невозможно формирование единого, социально ответственного гражданского общества, которое будет выступать, с одной стороны, в качестве основы демократического государства в России, а с другой стороны, в качестве механизма контроля государственной власти и местного самоуправления в интересах страны и народов, ее населяющих. Это особенно актуально в связи с тем, что население, как справедливо отмечает С. Хантингтон, все меньше доверяет официальным институтам государственной власти¹³.

В-четвертых, анализ ситуации в пограничных с Российской Федерации странах (в частности, Украины) показывает, что игнорирование вопросов межэтнического согласия, создания благоприятных условий для всех народов, проживающих в стране, чревато ростом фашистских и нацистских идеологических настроений в обществе, что чревато сползанием данных государств к фашистской (нацистской) диктатуре (впервые после 1945 года).

Таким образом, общественно-политическая потребность в системном анализе межэтнического согласия как перспективного направления стратегического планирования политики национальной безопасности является необходимым условием для

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд.-во АСТ, 2016. 571 с. [Huntington, S. *Stolknovenie tsivilizatsii (The Clash of Civilizations)*. Moscow: AST, 2016. 571 p.].

разработки системы мероприятий в целях сохранения государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации¹⁴. При этом, данная потребность имеется и на уровне политической элиты страны и у широких масс населения, чьи интересы в условиях роста международной политической нестабильности совпадают по данному вопросу.

Системный анализ межэтнического согласия как перспективного направления стратегического планирования политики национальной безопасности на региональном уровне (на примере Республики Бурятия)

Особую важность межэтническое согласие как перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном уровне имеет на территории Республики Бурятия. Это обусловлено рядом причин, связанным с особенностями месторасположения Республики Бурятия и ее этнонациональным и конфессиональным составом.

Во-первых, Республики Бурятия – приграничный регион, расположенный в стратегически важной части Российской Федерации. Но в тоже время, особенности сурового климата данного региона во многом определяют характер взаимоотношений основных этносов Бурятии. Думается, определенная доля истины есть в идеях представителей географического детерминизма и в утверждении Ш. Монтескье о том, что основные усилия жителей северных стран затрачиваются на жизнеобеспечение в

трудных климатических условиях. Это подтверждается приоритетностью в направленности миграционных потоков с севера на юг, низким уровнем приживаемости мигрантов в северных регионах, слабой освоенностью Сибири, севера Канады и т.д. Суровый климат выступает одним из мотивов сотрудничества, взаимопомощи между людьми, независимо от их этнической принадлежности.

В-вторых, регион отличается значительными природными богатствами, в частности, крупнейшей кладовой пресной воды на планете – озером Байкал, огромными лесными ресурсами. В связи с дефицитом данных видов ресурсов в общемировом масштабе их значимость будет возрастать, что может привести, либо к межгосударственным конфликтам за доступ к их обладанию, либо к попыткам установления международного протектората над данными территориями.

В-третьих, этнический и расовый состав Бурятии отличается наличием двух крупных этносов, в котором русские составляют 61% населения, а буряты – более 34%. Эта причина усугубляется близостью к территории Бурятии крупных государств с преимущественно монголоидным населением (КНР, Монголии, Казахстана, стран Средней Азии – в целом Азиатско-Тихоокеанского региона).

Тем не менее, история взаимоотношений между коренными этносами земель, являющихся ныне территорией Республики Бурятия, и осваивавшими Сибирь представителями центра, по преимуществу русскими, показывает, что в них доминировал позитивный тренд. В частности, Л.Н. Гумилев пишет: «Конфликты с русскими, если они и возникали, на первых порах, например, у бурят и якутов быстро улаживались и не имели тяжелых последствий в виде национальной розни»¹⁵.

Немаловажное значение в формировании межэтнического взаимопонимания принадлежит ключевым чертам характера

¹⁴ См. подробнее в работе: Гончаров В.В. Принципы формирования и функционирования исполнительной власти в Российской Федерации: институционально-политический анализ: монография / В.В. Гончаров. М.: ИД «АТИСО», 2007. 253 с. [Goncharov, V.V. Principy formirovaniya i funkcionirovaniya ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii: institucional'no-politicheskij analiz: monografiya (The Principles of Formation and Functioning of Executive Power in the Russian Federation: Institutional and Political Analysis) Ed. by V.V. Goncharov. Moscow: Publishing house «ATISO», 2007. 253 p.]

¹⁵ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: АСТ, 2004. С. 334-335 [Gumilev, L.N. Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoi istorii (From Rus ' to Russia: Essays on Ethnic History). Ed. by L.N. Gumilev. Moscow: Publishing House «AST», 2004. Pp. 334-335.]

контактирующих этносов. В числе черт национального характера бурятского народа отмечаются, в частности, миролюбие, соприродность, стремление к компромиссу¹⁶. Значительно более основательно изучен национальный характер русского народа и особенности русской культуры. Напомним лишь мысли Н.А. Бердяева о необъятности души русского народа, преобладании в России нравственного элемента над интеллектуальным, моральном характере русской литературы, склонности русских к философствованию, большей, сравнению с народами Запада коммунитарности русского народа, об идее братства людей и народов как русской идее¹⁷, а также Д.С. Лихачева об универсальности русской культуры и ее терпимости к культурам других народов, стремлении русской литературы к социальной справедливости, стремлении русских к воле¹⁸.

В-четвертых, конфессиональный состав населения Республики Бурятия отличается многообразием. Эта причина усугубляется близостью к территории Бурятии крупных государств с сильной буддистской конфессиональной составляющей (например, КНР, Монголии).

Однако, в регионе давно мирно сосуществуют шаманизм, буддизм и православие как в форме Русской православной церкви, так и форме старообрядчества. Основой ве-

роучения обеих религий являются общечеловеческие ценности добра, любви и сострадания. Буддизм особенно акцентирует принцип толерантности не только по отношению к людям, но и ко всем живым существам, демонстрируя терпимость к иным воззрениям, учениям, конфессиям и т.д. Современный буддизм призывает расширять границы любви и сострадания. Особенностью Бурятии является то, что православие исповедуют не только русские, но и буряты, а буддистами являются не только буряты, но и русские.

Комплексный подход по разработке и реализации системы мероприятий по обеспечению межэтнического согласия на региональном уровне (на примере Республики Бурятия)

В связи с этим, обеспечение межэтнического согласия как элемента стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном уровне (на примере Республики Бурятия) требует осуществления системы комплексных мероприятий на региональном и федеральном уровне.

В частности, на федеральном уровне необходимо:

1) Разработать и принять стратегию развития приграничных субъектов Российской Федерации, ключевым содержанием которой должно быть решение вопросов по обеспечению межэтнического согласия народов России, населяющих данные регионы.

2) Разработать и реализовать комплекс общегосударственных программ по формированию в нашей стране единой российской нации как совокупности русского и иных коренных народов России, объединенных общей исторической судьбой проживания на одной территории в едином многонациональном государстве. Данные программы должны охватить различные стороны жизнедеятельности государства и общества (культурно-творческую, научно-образовательную, а также области государственного строительства и взаимодействия государства с институтами гражданского общества и т.д.).

Отдельные удачные шаги в направлении формирования идентичности единой россий-

¹⁶ Кургузов В.Л. Восток-Россия-Запад: теория и практика межкультурной коммуникации. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, 2003. С. 213, 223 [Kurguzov, V.L. Vostok-Rossiya-Zapad: teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii: monografiya (East-Russia-West: the Theory and Practice of Intercultural Communication). Ed. by V.L. Kurguzov. Ulan-Ude: the Publishing House of East-Siberian Academy of Culture and Arts, 2003. pp. 213, 223.]

¹⁷ Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1. С. 78, 86, 90, 102, 103, 144 [Berdyayev, N.A. Russkaya ideya (The Russian idea) // *Problems of philosophy*, 1990, No. 1, pp. 78, 86, 90, 102, 103, 144.]

¹⁸ Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. №4. С. 3-6 [Lihachev, D.S. O nacional'nom haraktere russkih (About the National character of Russian) // *Problems of philosophy*, 1990, No. 4, pp. 3-6.]

ской нации уже предпринимаются. В частности, Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в Астрахани на заседании Совета по межнациональным отношениям, поддержал идею проведения Года единства российской нации, назвав его «знаковым, консолидирующим событием, которое коснулось бы практически каждого этноса, каждого народа, который проживет в России, так как ... межнациональные отношения – это важнейшая, чувствительная сфера, она постоянно развивается, здесь появляются новые проблемы, к сожалению, и острые вызовы ... что бы грамотно и содержательно на них отвечать ... нужны современные и гибкие решения ... именно такие подходы намечены в стратегии государственной национальной политики ... здесь ключевая роль принадлежит общественному духовному единству нашего народа. Оно складывается из осознания гражданами России, что у них - людей разных национальностей – общая страна, их объединяют общие ценности и традиции, великая русская культура, русский язык»¹⁹.

3) Ужесточить действующее законодательство в части противодействия и уголовного преследования лиц за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. При этом необходимо осуществлять уголовное преследование иностранных граждан и должностных лиц, совершивших действия, подпадающие под 282 и ряд иных статей Уголовного кодекса России.

Это позволит на федеральном уровне консолидировать народы России, обеспечить межэтническое согласие благодаря поддержке межкультурного, межэтнического и межконфессионального диалога, а также выбить почву из-под ног национального сепаратизма, национализма и фашизма как внутри страны,

так и зарубежных и международных структур, посягающих на национальную безопасность Российской Федерации.

На региональном уровне (на примере Республики Бурятия) требуется:

1) Включение мероприятий по обеспечению межэтнического согласия в регионе в стратегию социально-экономического Республики Бурятия на долгосрочный период.

2) Разработать отраслевые программы по поддержанию межэтнического согласия, межкультурного, межэтнического и межрелигиозного диалога основных этнических групп населения региона.

3) Разработать и принять на региональном и муниципальном уровне программу поддержки в муниципальных образованиях мероприятий, направленных на укрепление межэтнического согласия в Республики Бурятия, заключив соглашения между высшим исполнительным органом государственной власти субъекта и органами местного самоуправления муниципальных образований о взаимодействии в данной области.

4) Разработать комплексные программы по развитию институтов гражданского общества в регионе в части укрепления межнационального, межкультурного и межэтнического диалога и согласия основных этнических групп населения.

5) Создать механизмы общественного обсуждения и контроля документов стратегического планирования мероприятий по обеспечению межэтнического согласия в Республике Бурятия.

Это позволит, с одной стороны, укрепить добрососедские отношения между основными этносами, населяющими Республику Бурятия, а с другой стороны, обеспечить постоянный диалог органов власти и институтов гражданского общества для предотвращения конфликтных ситуаций в межнациональном и межконфессиональном диалоге, как возникающих в силу объективных причин, так и инспирированных извне структурами, посягающими на национальную безопасность Российской Федерации.

Таким образом, межэтническое согласие на уровне субъекта Российской Федерации выступает в качестве долговременных, прочных отношений миролюбия и добросо-

¹⁹ Знаковое событие: Путин поддержал проведение Года единства российской нации (A Landmark Event: Putin Supported the Holding of the Year of Unity of the Russian Nation) // РИА-Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/society/20161031/1480404175.html>

седства представителей коренных этносов данного региона страны.

Оно представляет собой перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в России как на федеральном, так и региональном уровне.

Его обеспечение требует комплексной системы мер, целью которых является создание благоприятных условий для развития страны в целом, а также отдельных народов, ее населяющих, в обстановке добрососедских отношений, позитивного межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога.

Игнорирование проблем обеспечения межэтнического согласия на региональном уровне может привести к росту регионального сепаратизма, центробежным тенденциям в государственном управлении, возникновению и эскалации межнациональных, межрелигиозных и межрасовых конфликтов, что в конечном итоге повлияет на общий уровень национальной безопасности Российской Федерации и создаст угрозу ее суверенитету, независимости и территориальной целостности.

Литература:

Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.

Васильева М.В. Макроуровневые параметры и ориентиры реализации концепции социально-экономического развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 17. С. 20-30.

Гончаров В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ: Монография. М.: Издательство «Спутник +», 2016. 280 с.

Гончаров В.В. Принципы формирования и функционирования исполнительной власти в Российской Федерации: институционально-политический анализ: монография / В.В. Гончаров. М.: ИД «АТИСО», 2007. 253 с.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: АСТ, 2004.

Кочетков А.П. Доктринальные установки государственной политики России в области обеспечения национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3.

Кургузов В.Л. Восток-Россия-Запад: теория и практика межкультурной коммуникации. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, 2003.

Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.

Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // Сравнительная политика. 2017. № 3.

Сулима Т.Г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: новые вызовы и новые ответы // Электронный научный журнал «ГосПер». 2016. № 3.

Федоров В.П. Концепция национальной безопасности как инструмент укрепления территориальной целостности и национальной безопасности России // Право и политика. 2007. № 8. С. 18-23.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд.-во АСТ, 2016. 571 с.

References:

Berdyaev, N.A. Russkaya ideya (The Russian idea) // *Problems of philosophy*, 1990, No. 1.

Vasileva, M. Makrourovnevnye parametry i orientiry realizacii koncepcii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii (Macro-Level Parameters and Guidelines for the Implementation of the Concept of Socio-economic Development of Russia) // *National Interests: Priorities and Security*, 2009, No. 17, pp. 20-30.

Goncharov, V.V. Global'nyj konstitucionalizm: social'no-filosofskij analiz: monografiya (Global Constitutionalism: a Socio-philosophical Analysis). Ed. by V.V. Goncharov. Moscow: Publishing House «Sputnik +», 2016. 280 p.

Goncharov, V.V. Principy formirovaniya i funkcionirovaniya ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii: institucional'no-politicheskij analiz: monografiya (The Principles of Formation and Functioning of Executive Power in the Russian Federation: Institutional and Political Analysis) Ed. by V.V. Goncharov. Moscow: Publishing house «АТИСО», 2007. 253 p.

Gumilev, L.N. Ot Rusi k Rossii: ocherki ehnicheskoj istorii (From Rus ' to Russia: Essays on Ethnic History). Ed. by L.N. Gumilev. Moscow: Publishing House «АСТ», 2004.

Kochetkov, Alexandr P. Doktrinal'nye ustanovki gosudarstvennoj politiki Rossii v oblasti obespecheniya nacional'noj bezopasnosti (The Doctrines of the Russian State Policy in the Field of National Security) // *State and Municipal Management. Proceedings of the NCASS*, 2015, No. 3.

Kurguzov, V.L. Vostok-Rossiya-Zapad: teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii: monografiya (East-Russia-West: the Theory and Practice of Intercultural Communication). Ed. by V.L. Kurguzov. Ulan-Ude: the Publishing House of East-Siberian Academy of Culture and Arts, 2003.

Lihachev, D.S. O nacional'nom haraktere russkikh (About the National character of Russian) // *Problems of philosophy*, 1990, No. 4.

Podberезkin, Alexei I.; Kharkevich, Maxim V. Dolgosrochnoe prognozirovanie Mezhdunarodnykh Otnoshenii kak Strategicheskoe planirovanie politiki Natsional'noi bezopasnosti (Long-Term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3.

Sulima, Timothy G. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: novye vyzovy i novye otvety (The National Security Strategy of the Russian Federation: New Challenges and New Responses) // *The Electronic Scientific Journal "Gasreg"*, 2016, № 3.

Fedorov, V.P. Koncepciya nacional'noj bezopasnosti kak instrument ukrepleniya territorial'noj celostnosti i nacional'noj bezopasnosti Rossii (The National Security Concept as a Means of Strengthening the Territorial Integrity and National Security of Russia) // *Law and Politics*, 2007, No. 8, pp. 18-23.

Huntington, S. Stolkновение tsivilizatsii (The Clash of Civilizations). Moscow: AST, 2016. 571 p.

INTER-ETHNIC HARMONY AS A PROMISING DIRECTION FOR STRATEGIC PLANNING OF NATIONAL SECURITY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE REGIONAL LEVEL (ON EXAMPLE OF REPUBLIC OF BURYATIA)

Vitaly V. Goncharov

*Kuban State Agrarian University Named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia*

Irina Z. Chimitova

*Buryat State Agricultural Academy Named after V.R. Filippov,
Ulan-Ude, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 22.01.2018 <i>Accepted:</i> 13.03.2019</p>	<p>Abstract: The rapidly globalizing socio-political, state-legal and financial-economic development of national societies and states creates threats to ensure their national security. The crisis in international relations, which has deepened in recent decades, has given rise to new forms and methods of the influence of the international community and the countries of the core of the world capitalist system on states that are opposed to the planned expansion of the dominant Western interpretations of the social structure. One of the effectively used areas of influence on the state in order to undermine its national security are inter-ethnic, inter-religious and inter-racial relations. The results of such an impact on states with the goal of undermining its national security are: the growth and escalation of interethnic, interfaith and interracial conflicts; the emergence of centrifugal trends in public administration; cultivation in society of fascist, Nazi, xenophobic, extremist ideological teachings; the implementation of large-scale internal migration of the population, undermining the stability of its economic development. Ensuring effective strategic planning of the national security policy in the Russian Federation requires the development and implementation of its new promising areas. As one of the promising areas of strategic planning of the national security policy in the Russian Federation at the regional level (using the example of the Republic of Buryatia), inter-ethnic harmony is provided. Under the interethnic consent in this study, using the positive experience of its provision in the Republic of Buryatia, the authors propose to designate the kind of interethnic tolerance inherent in some zones of long-term and good-neighborly interethnic contacts, characterized by the absolute predominance of non-conflict, complementary interactions between ethnic groups and their representatives over other forms of such interaction, as well as the general positive context of interethnic interaction. Its provision will require the implementation of a system of comprehensive measures at the federal and regional level, the purpose of which will be to create favorable conditions for the development of the country as a whole, as well as of the individual peoples inhabiting it, in the atmosphere of good-neighborly relations, positive interethnic, intercultural and inter-religious dialogue.</p>
<p>About the authors: <i>Vitaly V. Goncharov,</i> Candidate of Law, Doctoral Candidate, Kuban State Agrarian University Named after I.T. Trubilin e-mail: niipgergo2009@mail.ru</p> <p><i>Irina Z. Chimitova,</i> Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Buryat State Agricultural Academy Named after V.R. Filippov e-mail: oleg_emelyanov_89@mail.ru</p>	
<p>Key words: inter-ethnic harmony; strategic planning; national security policy; Russian Federation; Republic of Buryatia; global constitutionalism</p>	

Для цитирования: Гончаров В.В., Чимитова И.З. Межэтническое согласие как перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном уровне (на примере Республики Бурятия) // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 86-95.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10038

For citation: Goncharov, Vitaly V.; Chimitova, Irina Z. *Mezhethnicheskoye soglasiye kak perspektivnoye napravleniye strategicheskogo planirovaniya politiki natsional'noy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii na regional'nom urovne (na primere Respubliki Buryatiya) (Inter-Ethnic Harmony as a Promising Direction for Strategic Planning of National Security Policy in the Russian Federation at the Regional Level (on Example of Republic of Buryatia))* // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 86-95.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10038

ОТ ИДЕИ ПРИВАТИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ ПЕРЕСТРОЙКИ К РАДИКАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ РЕФОРМЕ: ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Ангелина Сергеевна Ващук

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 18 января 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 6 сентября 2019</p>	<p>Аннотация: Анализируются точки зрения российских авторов на историю приватизации в России, они сравниваются с мнением зарубежных исследователей. При этом понимание политиками – современниками наступления «эпохи приватизации» сопоставляется с научным мнением. Показано отношение к приватизации двух политических лидеров М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Определены критерии включения работ в историографический обзор – это наличие в них суждений по вопросу: были ли реформы первой половины 1990 - гг. прямым логическим продолжением Перестройки? Или пришедшая к власти команда Б.Н. Ельцина в духе революционных традиций все-таки изменила стратегию внутренней политики, включая приватизацию. Дается характеристика условий, при которых шел процесс осмысления реформ в России, и делаются выводы: в отечественной литературе водораздел преимущественно проходит по линии идеологических взглядов авторов; а между отечественной неолиберальной оценкой приватизации и суждениями зарубежных исследователей много общего, но есть и особенности при оценке российского опыта приватизации. Выявлено значение метода компаративистики в зарубежной литературе, посвященной приватизации, а также сравниваются концепции «неизбежности приватизации» с «концепцией разрушения социалистической системы», распространенные в отечественной историографии. Новизна постановки проблемы заключается в том, что представлен исследовательский опыт российских и зарубежных авторов как на концептуальном уровне так в русле дальневосточной регионалистики. Выявлены основные аспекты изучения приватизации на дальневосточном материале.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., главный ведущий сотрудник, профессор, зав. отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН</p> <p>e-mail: va_lina@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: отечественная историография; зарубежная литература; приватизация; Россия; Дальний Восток; компаративистика; Перестройка; радикально-либеральные реформы</p>	

Около 30 лет российский человек обживается в новых социально-экономических условиях, которые стали формироваться под влиянием политики приватизации. Этот срок вполне достаточен, чтобы попытаться дать ответ на один из главных вопросов социально-политической трансформации: как все начиналось в СССР, и что же дала приватизация россиянам? При этом важно учитывать понимание этих аспектов как политиками – современниками, так и научным сообществом. В тоже время реформы 1990-х годов стали активно изучаться не только отечественными историками и экономистами, социологами и политологами, но зарубеж-

ными авторами. Причем, работы последних быстро становились известными как профессиональным историкам, так и всем, кто пытался понять, что же произошло в СССР/России. Развитие историографии проблемы приватизации особенно ярко характеризует специфику формирования российского гуманитарного пространства конца XX – начала XXI в. и разнообразия спектра рефлексии гуманитариев на пережитое российским обществом. Раскрыть проблему мы попытаемся, используя инструментарий исторической науки, в том числе принцип интеллектуальной истории – а именно признание взаимодействия между движением идей и их исто-

рической средой – теми политическими, социально-экономическими, культурными и научными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Мы ориентируемся на идею Алена Бадью, который рассматривает проблему взаимоотношения философии (мы экстраполируем на другие гуманитарные науки) и политики через «истинные процедуры», осмысление философией событий как бы постфактум: «И всё это (осмысление – прим. А. Ващук) происходит после определенных событий политики, искусства, науки, любви – событий, которые задали необходимость новой вариации на ту же тему»¹. Однако этот исходный тезис нуждается в уточнении и дополнении. Так, философ, А.М. Пятигорский, приветствовавший изучение 90-х годов XX в. в своей книге «Что такое политическая философия?» отмечал, что политика имеет и личностное измерение, так как она рефлексивна, как систематизация опыта². То есть проблематизацию можно изучать как феномен политической рефлексии. Итак, анализ проблемы с учетом данного замечания открывает более детальный путь историографического прочтения проблемы.

Цель статьи – выявить спектр мнений в литературе по вопросу перехода России от времени обсуждения проектов к началу рыночных преобразований, что значительно способствует углублению знания о России начала XXI в. Однако в познавательной ситуации – огромного обилия литературы,

любые отсылки к публикациям будут неполными. Поэтому важно сказать о принципе отбора публикаций в русле задач их сравнительного анализа. Важным критерием выбора работ стало наличие в них концепций, положенных в основу воссоздания истории российской приватизации. Мы ориентировались не только на формально заявленные авторами исходные теоретические позиции, но и те суждения, которые явно прослеживаются при оценке конкретных событий. Акцент делается на анализе рефлексии гуманитариев в контексте выявления спектра существующих суждений: были ли реформы первой половины 1990-х гг. прямым и логическим продолжением «Перестройки», начатой Генеральным Секретарём ЦК КПСС (1985-1991) М.С. Горбачёвым? Или в переходе от идей к действиям решающую роль сыграл фактор политической ситуации, когда пришедшая к власти команда Б.Н. Ельцина в духе революционных традиций изменила стратегию внутренней политики, в центре которой оказалась приватизация? Наличие мнений по данному вопросу стало основным поводом для включения таких публикаций в наш обзор. Наконец, следующий критерий включения книг и статей в компаративистский анализ – это присутствие дальневосточного материала, позволяющего судить о внимании российских и зарубежных авторов к региональным особенностям, поскольку этот сюжет значительно дополняет характеристику российского опыта рыночных преобразований по линии сравнения Центр-регион.

Важным условием становления нового научного направления оказалось активное знакомство отечественных исследователей с трудами иностранных авторов, их влияние на специфику российского гуманитарного пространства. В качестве основного метода раскрытия историографической картины использован сравнительный анализ точек зрения и концепций, также учитывался фактор идеологической ориентации автора, что в своей совокупности определяет специфику исследовательского поля российской приватизации. В формате нашей постановки проблемы корректно будет выделить работы, в которых приватизация освещается в контек-

¹ Бадью А. Загадочное отношение философии и политики // LIBFOX. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/638252-3-alen-badyu-zagadochnoe-otnoshenie-filosofii-i-politiki.html#book> [Bad'ju, A. Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki (The Mysterious Correlation of Philosophy and Politics) // LIBFOX. Mode of access: <https://www.libfox.ru/638252-3-alen-badyu-zagadochnoe-otnoshenie-filosofii-i-politiki.html#book>]

² Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: Размышления и соображения. Цикл лекций. Режим доступа: <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf> [Pjatigorskij, A.M. Chto takoe politicheskaja filosofija: Razmyshlenija i soobrazhenija. Cikel lekcij (What Is Political Philosophy: Musings and Ideas. The Course of Lectures). Mode of access: <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf>].

сте обсуждения политической и интеллектуальной элитами планов перехода к рынку в годы перестройки.

Проекты перехода к рынку в период перестройки

В отечественной литературе наиболее ярко и детально этот сюжет отражен в монографии российского историка А.В. Островского. Из его книги мы узнаем, кто же был первым теоретиком приватизации в СССР. Он пишет: «...если верить В.А. Найшулю»^{3*}, в начале 1980-х гг. среди экономистов обсуждался не только вопрос о том, можно или нельзя переломить негативные явления в экономике страны без перехода к рынку, но и о том, что, как осуществить этот переход⁴. Решить эту проблему можно было двояко: или путём предоставления возможности создания рядом с государственным частного сектора, или же путём ликвидации государственного сектора и создания на его основе частного. По свидетельству В.А. Найшуля, он «с двумя коллегами» склонялись ко второму сценарию. Уже в начале 1980-х гг. «родилась идея ваучеризации», то есть идея раздела государственной собственности исходила из научной среды либеральной ориентации. Островский ссылается на книгу В.А. Найшуля «Другая жизнь» и обращает внимание на факт утверждения В.А. Найшулем, что именно он и его коллеги разработа-

ли «схему приватизации», предлагая начать с деревни. С этой идеей ученые-экономисты обратились в Отдел сельского хозяйства Госплана СССР и в Сельскохозяйственный Отдел ЦК. КПСС, то есть к М.С. Горбачёву. Но поддержки эта идея не получила⁵. В отечественной литературе представлены также и другие факты, которые подтверждают тезис о рассмотрении идеи приватизации среди политической и интеллектуальной элит при М.С. Горбачеве.

При знакомстве с российской и англоязычной литературой сразу обращаешь внимание на стремление авторов восстановить в деталях хронику обсуждения проектов разгосударствления собственности при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине, когда последний возглавлял Верховный Совет РСФСР. Большинство исследователей пишут, что несколько групп видных экономистов и хозяйственников разрабатывали проекты программ, получивших название «антикризисные».

Планы реформ были предложены группой, возглавляемой директором Института экономики АН СССР Л.И. Абалкиным. В ней принимал участие глава правительства Н.И. Рыжков. Их программа предусматривала сохранение на более длительный срок государственного сектора, а также контроль со стороны государства над складывавшимся частным сектором. Из этой группы вышла группа С.С. Шаталина и Г.А. Явлинского с Программой «500 дней». (Важную роль в выработке плана российской приватизации сыграло посещение советской интеллигенцией семинаров в г. Шопроне (Венгрия), проведённых Венским институтом системных исследований (ИАСА) в марте и июле 1990 г. в рамках проекта «Экономическая реформа и интеграция»).

В Верховном Совете СССР столкнулись сторонники двух программ – «500 дней» и правительства СССР (Н.И. Рыжкова –

^{3*} Виталий Аркадьевич Найшуль – Президент Института национальной модели экономики (г. Москва) с 1992 г.; родился 21 июня 1949 г. в г. Москве; окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1971 г. Сам автор в 2004 г. писал «...Приватизация была придумана мной в 1981-м году. Я пытался действовать через власть и обсуждать такого рода идеи». (Найшуль В.А. Откуда суть пошла реформы // Полит.ру – Лекции, 21 апреля 2004. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/04/21/vaucher/> [Najshul' V.A. Otkuda sut' poshli reformy (Where Did the Reforms Come From) // Polit.ru – 21 April 2004. Mode of access: <http://polit.ru/article/2004/04/21/vaucher/>])

⁴ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? – М.: Изд-во ЭКСМО, 2010. С. 105. [Ostrovskij A.V. Kto postavil Gorbachyova? (Who put Gorbachev?) – М.: Izd-vo EHKSМО, 2010 – P. 105]

⁵ Найшуль В.А. Другая жизнь. М., 1985. Режим доступа: [98 СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА · 2020 Т.11 № 3](http://www.libretarium.ru/1_liberaulotfe[Najshul', V.A. Drugaya zhizn' (Another Life). Moscow, 1985 Mode of access: http://www.libretarium.ru/1_liberaulotfe]; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М.: Изд-во ЭКСМО, 2010. С. 106. [Ostrovskij, A.V. Kto postavil Gorbachyova? (Who Put Gorbachev?). Moscow: Izd-vo EHKSМО, 2010. P. 106.]</p>
</div>
<div data-bbox=)

Л.И. Абалкина). На этот факт обращают внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи, в частности, авторы книги «*Privatization and Transition in Russia in the Early 1990s*»⁶. События, которые упоминаются в книге, детально отражены в мемуарах и книгах российских политиков, более того, этот событийный ряд часто называется временем «борьбы программ». Как проходили в те годы дискуссии по вопросу разгосударствления, например, подробно описывается в работе Е.Г. Ясина⁷ и Н.И. Рыжкова⁸.

20 июля 1990 г. были опубликованы основные положения, принятые российским правительством Программы «Мандат доверия на 500 дней». Документ предусматривал приватизацию государственной собственности и освобождение цен, вызвав бурные дискуссии среди интеллектуалов и политиков. В это же время Правительство СССР (Н.А. Рыжкова) подвергалось жесткой критике, в том числе и со стороны Б.Н. Ельцина. Поэтому описание бурных дискуссий вокруг приватизации в мемуарной и научной литературе составляет основную линию событий 1990 г.: «...Да, в те дни в Кремле шли непрерывные дискуссии, споры, схватки. Много раз нам снова и снова приходилось высказывать позицию Правительства и на пресс-конференциях», – пишет сам Н.И. Рыжков⁹. Однако в 1990 г. на октябрьском Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачёв выступил в поддержку варианта экономической реформы, представленного Н.И. Рыжковым, содержавшего

идеи постепенного перехода к «настоящим» ценам, освобождения зарплаты, повышения самостоятельности предприятий, меры по социальной защите безработных. Согласно Отчёту ЦК КПСС, датированному 20 мая 1991 г., ЦК КПСС поддержал быструю приватизацию лишь лёгкой промышленности, торговли и сферы услуг, но выступил за государственную собственность природных ресурсов и механизмов найма, а также акционирования государственного промышленного сектора» (авторы книги делают ссылку на газету «Правда» от 20 мая 1991 г.)¹⁰.

В итоге такого анализа событий появляется самый распространенный вывод в мировой литературе: не имея полной программы действий, М.С. Горбачёв начал приватизационный процесс, что привело к «спонтанной приватизации»¹¹. Эта точка зрения близка к «концепции неизбежности приватизации», которая родилась недрах неолиберальных взглядов, и обозначена через понятие «номенклатурная приватизация». Ее автором можно считать А.Б. Чубайса. Формулируя эту идею, А.Б. Чубайс, самый активный проводник реформы, пытается дистанцироваться от начального ее этапа, выдвигая тезис об ответственности за все провалы приватизации на номенклатуру. Этот тезис подтверждается фрагментом его воспоминаний: «К началу 1990-х гг. приватизация была предопределена уже потому, что государство к тому времени предельно ослабело, по сути перестало существовать... Анализируя тогда, кто в советских политических реалиях конца 1980-х гг. – начала 1990-х годов был заинтересован в приватизации, мы пришли к несколько неожиданному для того времени, да и для самих себя, выводу: это чиновники, номенклатура. ... Номенклатура начала первой из всех социальных сил осознавать, что такое собственность...»¹². При

⁶ Leonard, C.Sc.; Pitt-Watson, D. *Privatization and Transition in Russia in the Early 1990s*. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group, 2013. Pp. 5-6.

⁷ Ясин Е.Г. *Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций*. М.: ГУ ВШЭ, 2002. С. 90-96 [Yasin, E.G. *Rossijskaya ehkonomika. Istoki i panorama rynochnyh reform: Kurs lekcij* (Russian Economy. The Origins and Panorama of Market Reforms: the Course of Lectures). Moscow: GU VSHEH, 2002. Pp. 90-96.]

⁸ Рыжков Н.И. *Главный свидетель*. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 240 с. [Ryzhkov, N.I. *Glavnyj svidetel'* (Main Witness). Moscow: Ehksmo: Algoritm, 2009. 240 p.]

⁹ Ibid.

¹⁰ Leonard, C.Sc.; Pitt-Watson, D. *Privatization and Transition in Russia in the Early 1990s*. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group, 2013. Pp. 5-6. .

¹¹ Ibid. P. 9.

¹² Чубайс А.Б. *Россия: трудный путь к частной собственности*. Очерки, интервью. В 3 т. / под общ. ред. П.С. Филиппова. Т. 1. СПб.: Норма, 2011. С. 71-72 [Chubajcs, A.B. *Rossiya: trudnyj*

этом, историографический подход позволяет нам заметить, что осознание интереса номенклатурой подогревалось и оправдывалось исследователями, которые выделили выход их кризиса страны в приватизации. Процесс «осознания собственности» номенклатурой высшего ранга был выведен на острие политической повестки в СССР с помощью научной интеллигенции. Но в целом это был процесс обоюдный – с обратной связью – «социальным давлением» политической элиты на идейных вдохновителей приватизации.

Концепция неизбежности приватизации» в определённом смысле, как это ни парадоксально, перекликается с «концепцией разрушения социалистической системы». Так, в основе оценок известного российского историка Островского именно приватизации отдаётся главная роль как основному рычагу разрушения советского социального устройства¹³. В этом же направлении можно рассматривать точку зрения Андерса Ослунда:^{14*} «Ни что не вызывало столько страстей, как приватизация. Являясь водоразделом между капитализмом и социализмом, она влечет за собой изменения в политике, праве, морали и экономике», – пишет учёный¹⁵.

Зарубежные авторы (впрочем, как и отечественные) уделяют много внимания личностям, определявшим политику государства в тот период и сыгравшим большую роль в проведении реформ. В монографии «*Privatization and Transition in Russia in the Early 1990*» К.С. Леонард и Д.П. Уотсон подчеркивают, что М.С. Горбачёву не удалось осуществить ясную программу институциональной и экономической реформы частично из-за того, что его правительство сфокусировало своё внимание на политической реформе, фактически будущем Советского Союза¹⁶. Его политику они называют «осторожной», отмечая его колебания при принятии решений, наличие оппозиции в правительстве и отчасти его собственного нежелания дать права гражданам частной собственности. Такая расшифровка достойна внимания, и она вносит четкие коррективы в концепцию приватизации как прямого логического продолжения перестройки.

Можно отметить некоторую научную солидарность российских и зарубежных авторов по вопросу о роли личности Б.Н. Ельцина в ускорении и радикализации реформ в России, влияние которого усилилось после 1989 г.^{17*} Исследователи сходятся в оценке законов, исходящих как от советского, так и российского парламентов: они были неза-

put' k chastnoj sobstvennosti. Oчерки, interv'yuu. V 3 t. (Russia: a Difficult Path to Private Property. Essays, Interviews) / ed. P.S. Filippov. Vol. 1. SPb.: Norma, 2011. Pp. 71-72.]

¹³ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М.: Изд-во ЭКСМО, 2010. С. 297. [Ostrovskij, A.V. Kto postavil Gorbachyova? (Who Put Gorbachev?). Moscow: Izd-vo EHKSMO, 2010.]

^{14*} Андерс Ослунд в 1989-1994 гг. – профессор и директор-основатель Стокгольмского института переходной экономики Стокгольмской школы экономики. В 1994-2005 гг. в Фонде Карнеги – до 2003 г. ведущий научный сотрудник, а затем директор российской и евразийской программы. В 1991-1994 гг. работал под началом Джеффри Сакса советником премьер-министра Егора Гайдара.

¹⁵ Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / пер. с англ. Н.А. Раневой, А.Ю. Молоканова; под ред. И.М. Осадчей. М.: Логос, 2011. С. 379 [Oslund, A. Stroitel'stvo kapitalizma. Rynoch'naya transformaciya stran byvshego sovetskogo bloka (Building Capitalism.

Market Transformation of the Former Soviet Bloc Countries) / Transl. N.A. Raneva, A.Yu. Molokanov; ed. I.M. Osadchaya. Moscow: Logos, 2011. P. 379.]

¹⁶ Leonard, C.Sc.; Pitt-Watson, D. Privatization and Transition in Russia in the Early 1990. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group, 2013. P. 8.

^{17*} В мае–июне 1989 г. состоялся I съезд народных депутатов СССР (нового органа власти). Съезд закончился разделением сторонников Перестройки на умеренных во главе с Горбачёвым и радикалов, объединившихся в межрегиональную депутатскую группу. Горбачёв перестал быть единоличным лидером реформаторского процесса. С осени 1989 г. берёт начало стремительный распад мировой системы социализма. После первого Съезда народных депутатов РСФСР 16 мая–12 июня 1990 г. противостояние двух лидеров. Горбачёва и Ельцина усиливается. 12 июня 1990 г. был провозглашён государственный суверенитет РСФСР.

вершёнными и часто противоречивыми. Как правило, в центре внимания большинства исследователей стоят события 3 декабря 1990 г. – Второй съезд народных депутатов РСФСР, принявший Закон о собственности на землю; 28 октября – 1 ноября 1991 г. Пятый съезд народных депутатов РСФСР, предоставивший Президенту РСФСР полномочия для проведения экономической реформы; 28 октября 1991 г. обращение Президента России к народам России и к съезду: объявление о прекращении финансирования союзных структур, о либерализации цен. Весьма распространенным можно назвать вывод об очевидности установления «двоевластия» в стране, что отразилось в дальнейшем на разработке Закона о приватизации.

Во всей хронике событий следующего 1991 г., присутствующей и в отечественной, и зарубежной литературе, выделяются два события, которые стали главными катализаторами законодательного оформления приватизационной реформы. Это провал ГКЧП 19-21 августа 1991 г. и подписание 8 декабря 1991 г. в Минске договора об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ) руководителями России и Украины, а также совместное заявление о прекращении существования Советского Союза, официальное заявление Горбачёва об отставке с поста Президента Советского Союза (27 декабря 1991 г.). Кэрол Скотт Леонард и Дэвид Питт Уотсон делают вывод, что именно в хаотических условиях после «августовского путча» 1991 г. создавалась «Программа приватизации 1992 г.», спланированная членами правительства премьера Е.Т. Гайдара и принятая российским парламентом в июне 1992 г.¹⁸ Они подчеркивают что «Ельцин как Президент РСФСР проявил твёрдую решимость в отношении как политических, так и экономических перемен. Он запретил правящую в то время Компартию (отмена ст. 6) и изменил централизованный плановый экономический режим на государственный аппарат, менее связанный с экономикой и бо-

лее приспособленный к рынку...»¹⁹. Таким образом, фактически сделан вывод, который мы поддерживаем: Б.Н. Ельцин, обеспечив уход М.С. Горбачева с политической арены, открыл дорогу приватизации.

К. Леонард и Д. Уотсон пришли к заключению, что уточняет и тактику поведения Ельцина: несмотря на то, что он как политик вышел из прежнего политического режима, Ельцин не стал созывать выборы нового Съезда народных депутатов и отложил планы на принятие новой Конституции. С 1991 по 1993 г. парламентская и президентская власть опирались на Конституцию, принятую Россией, первоначально составленную в 1977 г. с имеющимися поправками относительно роли Президента.

В англоязычной литературе прослеживается точка зрения, характеризующая не всегда явно открытое поведение Б.Н. Ельцина по отношению к реформе приватизации, поскольку он вначале зависел от бывших союзников в Верховном Совете РСФСР, потом в Верховном Совете РФ. Он вынужден был учитывать быстро меняющуюся позицию своих сподвижников, которые в дальнейшем становились главными его оппонентами. Речь идет, прежде всего, о взаимоотношениях с Р.И. Хасбулатовым, который сначала поддерживал его в вопросах приватизации²⁰. Но 13 января 1992 г. Р.И. Хасбулатов уже резко критиковал программу реформы как ведущую к хаосу, что могло привести к установлению диктатуры²¹. К. Леонард и Д. Уотсон, не раз цитирующие книгу самого Б.Н. Ельцина, приводят слова его государственного секретаря – Г.Э. Бурбулиса (с июля 1991 по май 1992 г.), характеризующие Б.Н. Ельцина «как тормозного кондуктора (помощника машиниста) и регулятора или арбитра локомотива. Ельцин предпочитал держаться вне схватки»²². Автор книги «*Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*» приводит слова Е.Т. Гайдара: «Когда в ноябре 1991 г. Б.Н. Ельцин стал ставить академиком во главе российского правительства, всё было спорным. Мы попали

¹⁸ Leonard, C.Sc.; Pitt-Watson, D. *Privatization and Transition in Russia in the Early 1990*. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group, 2013 . P. 6.

¹⁹ Ibid. P. 8-9.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 9.

²² Ibid.

в ситуацию, где теория была бессильной... В 1992 г. была угроза, что наступит ухудшение (и так и было)». По мнению С. Коткина, слово «хаос» является главной характеристикой августа 1992 г.: «Не успел Гайдар и пальцем пошевелить, как Россия полностью впала в хаос»²³. То есть из публикаций можно предположить, что до 1992 г. идея приватизации все еще не имела реального плана действий. И только 11 июня 1992 г. ВС РФ принял Программу приватизации государственного имущества.

Вопрос о значении российской приватизации в истории России и мировой истории

Одним из самых главных аспектов рассматриваемой темы является вопрос о значении и целях российской приватизации в истории России и мировой истории. В литературе складывается почти солидарная точка зрения отечественных и зарубежных авторов в вопросе исторического значения радикально-либеральных преобразований. Ее суть можно выразить следующей формулой. Приватизация – стала одним из главных способов перераспределения материальных благ, определив ход будущего развития страны. Её главной целью был курс на создание класса частных собственников (предпринимателей, среднего класса). Приватизация в России – это исходный пункт для анализа трансформации отношений собственности в переходный период. Этот основополагающий тезис звучит в разных вариациях, например: смена всего системного социального порядка началась с приватизации. Главными выразителями системного подхода в среде российских учёных явились исследователи из Института им. Е.Т. Гайдара²⁴. Такие же

суждения исходили и от самих вдохновителей и организаторов российской приватизации. По мнению К. Леонарда и Д. Уотсона, «Программа российской массовой приватизации (1992–1994)» была самым крупным единственным проектом по приватизации, в том, что касается числа компаний и задействованных служащих. Что ещё более важно, то она создавала основу рыночной экономики в России, являясь одной из наиболее важных и противоречивых экономических реформ XX в.»²⁵.

К. Леонард и Д. Уотсон применяют метод компаративистики и выделяют некоторые сходные черты экономического и политического контекста реформ и особенности процесса, характерные для России и стран Латинской Америки²⁶. По мнению этих авторов, приватизация «создавала основу экономики России», но процесс был хаотическим²⁷. Они разделяют мнение о благих намерениях российских реформаторов, цитируя одного из предшественников-исследователей: «Программа 1992 г. была нацелена на то, чтобы дать гарантию, что, несмотря «на раздел на куски», российские граждане и другие аутсайдеры получили бы долю в новой экономике»²⁸. Другие же авторы называют российскую Программу «шоковой терапией» по примеру Польши 1990 г. и Чили в 1970-х гг.²⁹

В зарубежной литературе особое внимание обращается на специфику российской приватизации. О том, что «...российская приватизация началась – в форме теневого вывода ресурсов с государственных предприятий – еще до распада СССР» отмечает и В. Андрефф³⁰. Хотя как показывает про-

agentstvo po mezhdunar. razvitiyu [i dr.; A.D. Radygin i dr.]. Moscow, 2001. 295 p.]

²³ Kotkin, St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001. P. 119.

²⁴ Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов / Консорциум по вопр. прикладных исслед., Канад. агентство по междунар. развитию [и др.; А.Д. Радьгин и др.]. М., 2001. 295 с. [Transformaciya otnoshenij sobstvennosti i sravnitel'nyj analiz rossijskih regionov (Transformation of Property Relations and Comparative Analysis of Russian Regions) / Konsorcium po вопр. prikladnyh issled., Kanad.

²⁵ Leonard, C.Sc.; Pitt-Watson, D. Privatization and Transition in Russia in the Early 1990. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group. 1990. P. 6.

²⁶ Ibid. P.6-7, 11, 17

²⁷ Ibid. P. 7.

²⁸ Ibid. Pp. 6-7.

²⁹ Kotkin, St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001. Pp. 119-120.

³⁰ Андрефф В. Российская приватизация: подходы и последствия// Вопросы экономики. 2004. №6. С. 57-78. [Andreff, V. Rossijskaya

веденный нами анализ многих источников, «теневой вывод ресурсов» с государственных предприятий, был лишь стихийной «подготовкой» к реформе. О приватизации как основном «рычаге для достижения ухода от советского социализма» пишет и С. Коткин³¹. Важно обратить внимание на оценку событий им 1991-1992 гг., он говорит о «социальном давлении» элиты» на идейных вдохновителей приватизации, и это проявлялось в гораздо большей степени, чем в давлении социального протеста со стороны масс против приватизации³². Таким образом, этот автор поставил очень актуальный вопрос для изучения истории российской приватизации. Его позиция: устремления политической элиты быстро реализовать план приватизации ярко проявляются только после М.С. Горбачева.

Одной из особенностей российской приватизации справедливо называется доминирующее влияние политического фактора. И российские, и зарубежные авторы акцентируют внимание на его содержании и подчеркивают, что борьба за власть самым непосредственным образом усиливала противоречивость и нестабильность законодательной базы приватизации. Такой вывод подтверждается материалами монографии А. Ослунда³³. Заметим, что этот тезис присутствует как в научной российской литературе, так и в политическом российском дискурсе, причем и идеологически оппозиционном. В России отсутствовал единый

правовой подход, одновременно действовали противоречащие друг другу нормативные акты, наблюдалась частая смена тактических установок и моделей, более того в ряде конкретных случаев принимались акты, дававшие той или иной стороне эксклюзивные права вне рамок законодательства, возможность отмены уже принятых решений³⁴. Отличие наблюдаются лишь в наборе терминов, для одних это была «нестабильность» законодательной базы, для других – «беззаконие»³⁵.

В российском и зарубежном информационном пространстве существует солидная масса публикаций, где водораздел различий во мнениях часто проходит по линии идейно-политических воззрений. Яркий пример, литература, написанная под влиянием лидера КПРФ, Г.А. Зюганова. Чаще всего сторонники этих взглядов объясняют её истоки исключительно влиянием внешнего фактора³⁶, включая и интеллектуальное давление США и Запада, понижая роль отечественных идейных вдохновителей и практиков.

Другим примером обозначения специфики разгосударствления является концепция «приватизация по-русски», она базируется на анализе личности А.Б. Чубай-

privatizaciya: podhody i posledstviya (Russian Privatization: Approaches and Consequences) // *Voprosy ekonomiki*, 2004, /6, pp. 57-78.]

³¹ Kotkin, St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001. P. 130.

³² Ibid. P. 177.

³³ Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / пер. с англ. Н.А. Раневой, А.Ю. Молоканова; под ред. И.М. Осадчей. – М.: Логос, 2011. – С. 693-733, 811–82 [Oslund A. Stroitel'stvo kapitalizma. Rynoch'naya transformaciya stran byvshego sovet'skogo bloka (Building capitalism. Market transformation of the former Soviet bloc countries) / per. s angl. N.A. Ranevoj, A.YU. Molokanova; pod red. I.M. Osadchey. – М.: Logos, 2011. S. 693-733, 811–820]

³⁴ Берман В.Р., Филиппов П.С. История приватизации в России. История новой России. Режим доступа: <http://www.ru-90.ru/node/1142> [Berman, V.R.; Filippov, P.S. Istorija privatizacii v Rossii. Istorija novoj Rossii (История приватизации в России. История новой России). Mode of access: <http://www.ru-90.ru/node/1142>]; Зюганов Г.А. Приватизация – синоним беззакония // Красноярское время. Режим доступа: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatization-sinonim-bezzakoniya/> [Zyuganov, G.A. Privatizaciya – sinonim bezzakoniya (Privatization Is Synonymous with Lawlessness) Mode of access: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatization-sinonim-bezzakoniya/>]

³⁵ Зюганов Г.А. Приватизация – синоним беззакония // Красноярское время. Режим доступа: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatization-sinonim-bezzakoniya/> [Zyuganov, G.A. Privatizaciya – sinonim bezzakoniya (Privatization Is Synonymous with Lawlessness) Mode of access: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatization-sinonim-bezzakoniya/>]

³⁶ Ibid.

са – «приватизатора всея Руси» (термин М.Г. Делягина) и его единомышленников, а также трактуемых событий в рамках концепции интересов конкретных проводников приватизации³⁷. «Последовательно, эффективно и сознательно Чубайс выражал интересы доминирующей в каждый момент времени группы интересов: сначала отдавал заводы директорам, потом содействовал их захвату разнообразными «новыми русскими», потом помогал создавать олигархию залоговыми аукционами (идея вызрела в недрах бывшего международного отдела ЦК КПСС...). Он успел поощрить закон об ускоренном и упрощенном банкротстве, запустивший волну рейдерства еще до дефолта 1998 года», – пишет М. Г. Делягин³⁸.

Важно обратить внимание и на другой историографический парадокс: зарубежные авторы подчас очень жестко говорят о влиянии внешнеполитического фактора на ход приватизации в России и более того, во многом сходятся в своих оценках с лидерами КПРФ, как это не парадоксально. В этом плане выделяется исследование Джозефа Ю. Стиглица «Кто потерял Россию». «На Западе знали, что большая часть из этих миллиардов^{39*} будет использована не по назначению, а пойдет семьям и приятелям коррумпированных чиновников и их друзьям-олигархам. Несмотря на то, что Всемирный банк и Международный валютный фонд, казалось бы, занимали твердую позицию, отказывая в предоставлении кредитов коррумпированным правительствам, выяснилось, что существуют двойные стандарты.

Небольшим странам, не имеющим стратегического значения, таким как Кения, было отказано в кредитах по причине коррупции, тогда как такие страны, как Россия, с гораздо большими масштабами коррупции, продолжали получать деньги займы», пишет известный ученый⁴⁰. МВФ неспешно вёл переговоры о большом долларовом займе, чтобы поддержать «переход» России и была горсточка индивидуальных зарубежных советников⁴¹. Всемирный Банк предоставил России заём на сумму в 600 млн долл. США⁴². К. Леонард и Д. Уотсон считают, что российское правительство с 1992 по 1994 г. осуществило программу массовой приватизации, используя модель ваучерной программы Чешской Республики с некоторыми отличиями⁴³.

Таким образом, даже небольшой пласт проанализированной литературы показывает, как многообразна оценочная палитра российской приватизации. Более того, в интерпретациях фактов существуют такие детали событий о роли отдельных лич-

³⁷ Делягин М.Г. Светочи тьмы: физиология либерального клана: От Гайдара и Березовского до Собчака и Навального Институт проблем глобализации // Книжный мир, 2016. Режим доступа: <http://coollib.com/b/352133/read> [Delyagin, M.G. Svetochi t'my: fiziologiya liberal'nogo klana: Ot Gajdara i Berezovskogo do Sobchaka i Naval'nogo Institut problem globalizacii (Светочи тьмы: физиология либерального клана: От Гайдара и Березовского до Собчака и Навального Институт проблем глобализации) // Knizhnyj mir, 2016. Mode of access: <http://coollib.com/b/352133/read>]

³⁸ Ibid.

^{39*} Речь о выделении займов МВФ из пакета Всемирного банка России.

⁴⁰ Стиглиц Дж. Ю. Кто потерял Россию? // Библиотечно-информационный комплекс (БИК). Режим доступа: [http://library.fa.ru/files/Stiglitz-global.pdf](http://library.by/portalus/modules/ruseconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1130407959&archive=1446114990&start_from=&ucat=&[Stiglitz, J. Mode of access: http://library.by/portalus/modules/ruseconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1130407959&archive=1446114990&start_from=&ucat=&]; Стиглиц Джозеф Ю. Глобализация: тревожные тенденции // Библиотечно-информационный комплекс (БИК). Режим доступа: <a href=) [Stiglitz, J. Globalizacija: trevozhnye tendencii (Globalization: Disturbing Trends) // Bibliotечно-informacionnyj kompleks (BIK). Mode of access: <http://library.fa.ru/files/Stiglitz-global.pdf>]

⁴¹ Kotkin, St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001. Pp. C.119-120.

⁴² Зуев М.Н. Хроника истории России. X–XX в. М.: Изд-во Дом «Дрофа», 1995. С. 347. [Zuev, M.N. Hronika istorii Rossii. X-XX v. (Chronicle of Russian History. X-XX Century.) Moscow: Izd-vo Dom «Drofa», 1995. P. 347.]

⁴³ Leonard, C.Sc.; Pitt-Watson, D. Privatization and Transition in Russia in the Early 1990. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group. 1990. P. 6.

ностей – вдохновителей и организаторов приватизации, которые очень важны для понимания рефлексии гуманитариев на российскую реформу.

Оценка российской приватизации в региональном измерении

Процесс изучения приватизации в дальневосточном регионе начался в рамках разработки общей социально-экономической и социально-политической истории 90-х гг. XX в. Мизерное количество работ по периоду, предшествующему 1992 г., т.е. анализу «спонтанной» приватизации до принятия государственной программы, объясняется отсутствием массовых источников. Если по другим регионам страны многие отечественные авторы прибегали к зарубежным публикациям, то по дальневосточному региону такие факты иностранцами публиковались крайне редко.

В региональной литературе приватизация начала изучаться в контексте анализа истории формирования российского (в частности, дальневосточного) предпринимательства. В числе первых была Л.А. Моисеева⁴⁴. Можно также выделить некоторые выводы, полученные в рамках социально-политического анализа, актуальные для характеристики состояния территориального сообщества и отношения дальневосточников к приватизации. В 1980-е гг., в особенности в дальневосточном регионе вызревали предпосылки для сильнейшего бюрократического взрыва и наступления кризиса социальной политики советского типа. Это происходило по мере эволюции партноменклатурной элиты. Кризис социальной политики стимулировал теневые стороны приватизации⁴⁵. В 2006 г. была

опубликована монография об истории предпринимательства на Дальнем Востоке, в которой затрагивается вопрос о влиянии политического прессинга Центра на регионалов в форме идеологических обоснований и требований ускорить подготовительные меры по приватизации: «краевые и областные советы народных депутатов на Дальнем Востоке в очень сжатые сроки подготовили документы по приватизации»⁴⁶. Приватизация была ядром социально-экономических реформ, где политический и популистский прессинг проявлялись наиболее сильно, что в целом происходило по линии Центр – Дальний Восток. Попытки Центра взять под активный контроль территорию проявились именно тогда, когда процесс приватизации значительно активизировался на региональном уровне. Е.К. Пилилян пишет: «Приватизация, спонтанно начатая в конце 1980-х гг., шла полным ходом, с массой злоупотреблений и экономических преступлений против интересов государства»⁴⁷.

Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1998. 463 с. [Vaschuk, A.S. *Sotsial'naya politika v SSSR i yeyo realizatsiya na Dal'nem Vostoke, 1945 g. – konets 80-kh godov (Social Policy in the USSR and Its Implementation in the Far East, 1945 – the end of the 80s): Diss. ... Dr. History. Vladivostok: IAE FEB RAS, 1998.463 p.]*

⁴⁴ Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с. [Moiseeva, L.A.; Vaschuk, A.S. *Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v. (The History of Entrepreneurship in the Far East of Russia at the End of XX – Beginning of XXI Century)*. Vladivostok: Dalnauka, 2006. 348 p.]

⁴⁵ Пилилян Е.К. К вопросу о новых функциях государства в период формирования предпринимательства на юге Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 2. Владивосток: Издво ДВГУ (ДВФУ). С. 77-80. [Pililyan, E.K. *K voprosu o novykh funkciyah gosudarstva v period formirovaniya predprinimatel'stva na yuge Dal'nego Vostoka v konce XX – nachale XXI v. (On the New Functions of the State in the Period of the Formation of Entrepreneurship in the South of the Russian Far East at the end of the XX – the Beginning of the XXI Century)* // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem*

⁴⁴ Моисеева Л.А. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985-2000 г.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2004. [Moiseeva, L.A. *Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v 1985-2000 g. (A History of Entrepreneurship in the Russian Far East in 1985-2000): Diss. ... d-ra ist. nauk. Vladivostok: IIAEN DVO RAN, 2004.]*

⁴⁵ Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке, 1945 г. – конец 80-х годов: Дисс. ... д-ра ист. наук.

Важным элементом исследовательского опыта региональных историков является их обращение к количественному измерению приватизации, и как результат можно выделить два итога. Первый – определение доли форм собственности, в том числе частной в промышленности в период 1992–2000 гг.⁴⁸, что также говорит о стремлении региональных властей как можно ускорить этот процесс. Стенограмма обсуждения плана приватизации депутатами Приморского краевого Совета показывает, что, приняв идеи разгосударствления, они активно поддерживали приватизацию в целом, то есть были морально готовы к разрушению государственной собственности. Лишь меньшинство ставило вопрос о целях приватизации, которая должна была «принести результаты» для экономического развития края⁴⁹. Значительная часть выступающих обсуждала вопрос о том, кто будет входить в советы предприятий по при-

ватизации, и исходила не из эффективности результатов приватизации, а совсем из другой установки: провести реформу как можно в более короткие сроки. В целом же историкам еще предстоит выявить соотношение прессинга Центра и «осознание регионалами собственных интересов» в 1991–1992 гг.

Второй итог исследований – разбивка территории по кластерам, например, по динамике процесса приватизации и изменению государственного сектора в общем количестве предприятий промышленности. Хотя эта тема постсоветской истории в дальневосточном регионе не очень популярна у политологов, социологов и историков, тем не менее, по спектру затрагиваемых сюжетов и оценочных суждений – её назвать провинциальной нельзя. Обращает на себя внимание и такой историографический факт, как то, что дальневосточные историки обратили внимание на особую роль в истории приватизации в регионе Закона СССР «О кооперации» (26 мая 1988 года N 8998-X)⁵⁰. Реализация закона оценивается как подготовка условий для процесса разгосударствления. Дальневосточные историки обратили внимание на факт быстрого роста первых коммерческих банков на Дальнем Востоке – важнейшую черту становления многоукладной экономики, не остались без внимания и темпы формирования совместных предприятий⁵¹. К числу важных итогов, полученных на основе региональных материалов, которые

Vostoke. Вып. 2. Vladivostok: Izd-vo DVGU (DVFU). 2008, No. 2(2), pp. 77–80].

⁴⁸ Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с. [Moiseeva, L.A.; Vashchuk, A.S. Istoriiya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v. (The History of Entrepreneurship in the Far East of Russia at the End of XX – Beginning of XXI Century). Vladivostok: Dalnauka, 2006. 348 p.]

Пилилян Е.К. К вопросу о новых функциях государства в период формирования предпринимательства на юге Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 2. Владивосток: Изд-во ДВГУ (ДВФУ). 2008. №2(2). С. 77–80 [Pililyan, E.K. K voprosu o novykh funkciyah gosudarstva v period formirovaniya predprinimatel'stva na yuge Dal'nego Vostoka v konce XX – nachale XXI v. (On the New Functions of the State in the Period of the Formation of Entrepreneurship in the South of the Russian Far East at the End of the XX – the Beginning of the XXI Century) // *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Вып. 2. Vladivostok: Izd-vo DVGU (DVFU), 2008, No. 2(2), pp. 77–80.]

⁴⁹ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-85. Оп 9. Д 32. Л.5–6; Ф. Р-26. Оп.37. Д. 1334. Л.14–156 [State Archives of Primorsky Krai. F.R-85. Op 9. D 32. L.5–6; F. R-26. Op.37. D. 1334. L.14–156].

⁵⁰ Закон СССР от 26.05.1988 N 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) «О кооперации» // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/ [Law, SSSR, 26.05.1988 No. 8998-XI (ed. 07.03.1991, am. 15.04.1998) «On Cooperative» // KonsultantPlyus. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/]

⁵¹ Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вашук. Изд. 2-е, перераб. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с. [Obshchestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istoriiya Dal'nego Vostoka Rossii. Vol. 3. Kn. 5) (Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991 (History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5) / ed. V.L. Larin; A.S. Vashchuk. Izd. 2-e, pererab. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. Pp. 786–793.]

характеризуют дальневосточную историю приватизацию, можно отнести аспекты, связанные с некоторыми политическим и экономическими особенностями Дальнего Востока.

Например, в книге английского журналиста и писателя Д. Саттера. Хотя, произведение строго научным исследованием трудно назвать, и описание событий идет уже после прихода Б.Н. Ельцина к власти, мы сочли возможным включить работу в наш обзор, поскольку посвященным 1990-1992 г. работ, нами пока не обнаружено. Автор стремится обрисовать влияние специфики политического фактора на процесс приватизации в Приморском крае. Это фактор Д. Саттером подмечен справедливо и обрисован яркой стилистикой. Так, глава 10 книги посвящена Владивостоку, где в 1993 г. разгорался конфликт между губернатором Приморского края Е.И. Наздратенко и мэром города В.И. Черепковым⁵². Это политический фон можно считать фактором регионального среза реализации приватизации в крае. Реализация приватизационной политики, по мнению зарубежного автора, началась в условиях проявления определённого дальневосточного сепаратизма⁵³. Однако вопрос о приморском сепаратизме достаточно дискуссионный как в отечественной литературе, так и зарубежной. Наиболее корректно, на наш взгляд, интерпретируют политический фактор М.А. Алексеев и Т.Г. Троякова, которые анализируют документы Приморской администрации и тексты интервью с главными чиновниками. Они делают заключение: губернатор Наздратенко поддерживал или выступал против установления Приморской республики и свободных экономических зон, в зависимости от того, насколько бы это усилило его контроль над существующими политическими институтами. В результате Е.И. Наздратенко показал

себя как напористый и проницательный деятель в отношениях с Москвой относительно экономических выгод, но и как противник политической независимости его региона.

Таким образом, «в Приморье Приморская республика осталась призраком, а «Калифорния на Амуре» угасающим (блекнущим) миражом»⁵⁴. Именно в таких политических условиях начиналась приватизация. Но так или иначе, политический фактор и даже само распространение мифа о сепаратизме, способствовало ускорению темпов приватизации и её особенностям в рыбной, в лесной отрасли.

Одним из новых подходов к истории приватизации на Дальнем Востоке можно назвать обращение дальневосточных ученых к местным практикам приватизации, например, «Золотого звена» – первой частной компании в железнодорожном транспорте России, созданной на территории Хасанского района Приморского края»⁵⁵. Специфической чертой региональной литературы можно назвать анализ проблемы приватизации в контексте проведения акционирования в портовом хозяйстве в конце XX – начале XXI в.⁵⁶ Именно эти два сюжета раскрывают содержание реактивного процесса перехода от идеи времени М.С. Горбачева к их реализации на дальневосточной

⁵² Саттер Дж.Ю. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России / пер. с англ. М., 2004. С. 200-202 [Satter, J. T'ma na rassvete. Vozniknovenie kriminal'nogo gosudarstva v Rossii (Darkness at Dawn. The Emergence of a Criminal State in Russia). Mosco, 2004. Pp. 200-202.]

⁵³ Ibid. С. 200-206.

⁵⁴ Center Periphery Conflict in Post-Soviet Russia. A Federation Imperiled / Ed. by M.A. Alexseev. New York: St. Martin Press, 1999. IV-VI, 298, p. 11.

⁵⁵ Моисеева Л.А., Ващук С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с. [Moiseeva, L.A.; Vaschuk, A.S. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v. (The History of Entrepreneurship in the Far East of Russia at the End of XX – Beginning of XXI Century). Vladivostok: Dalnauka, 2006. 348 p.]

⁵⁶ Ващук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. 2017. Т.20. № 3. С. 29-49. [Vaschuk, A.S. The Development of Entrepreneurship in Rail Transport and in the Port Sector of the Khasansky District of Primorsky Krai at the End of the 20th and Beginning of the 21st Centuries // *Regional Issues*, 2017, Vol. 20, No. 3, pp. 29-49.]

территории. В литературе прослеживается и другая специфика исследовательского опыта – попытка связать реформу приватизации с реализацией региональной политической государственности. Наиболее ярко этот подход осуществлен в статье Э. Крюкова⁵⁷. Изучая дальневосточный материал⁵⁸, мы пришли к выводу о справедливости концепции «разрыва декларированных целей приватизации и реальной цели», высказанной ранее исследователями Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара: «Реальная цель, на наш взгляд, была лишь одна: временное массовое распределение и закрепление формальных прав частной собственности в российском обществе при минимуме социальных конфликтов в расчёте на последующие трансакции в пользу эффективных ответственных собственников»⁵⁹. Хотя в большой степени мы солидарны и с выводами С. Коткина о первых социальных результатах приватизации⁶⁰, который

пишет: «большинство простых людей ожидало появление богатства в американском стиле в сочетании с социальным благополучием в европейском стиле. В конечном счёте, это были розовые мечты внешнего мира, транслированные гласностью, что помогло разрушить то, что осталось от их преданности социализму. (Но согласиться с этим можно лишь отчасти – *Авт.*). Вместо этого народ получил экономическую инволюцию (an economic involution) и массовое обнищание...»⁶¹. В дальневосточной литературе присутствует попытка показать историю реформы через драматические сценарии повседневной жизни обыкновенных людей из разных социальных слоёв в период приватизации.

В литературе, посвящённой особенностям приватизации на Дальнем Востоке, пока преобладает количественное измерение реформы, что, безусловно, связано с традиционным для историка источником – архивным документом. Преодоление такой ситуации видится в поиске альтернативных источников, во введении материалов Счётной палаты Российской Федерации и материалов надзорных органов. Для этого нужна более длительная временная дистанция от происшедших событий и, безусловно, очень кропотливая работа с трудами, которые находятся на стыке источника и научного анализа.

Что же касается англоязычной историографии, то в ней пока можно найти лишь отдельные упоминания о Сибири в целом. В связи с этим общероссийский историографический контекст для региональных исследований приобретает особую важность. Сравнительный анализ исследовательского поля по линии регион–Центр свидетельствует, что многие политические факторы влияли на быстрый темп перехода от перестроечных идей к местным практикам,

⁵⁷ Крюков Э. Элитный сепаратизм на Дальнем Востоке // Красная весна. Информационное агентство, Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/article/elitnyy-separatism-na-dalнем-vostoke> [Kryukov, E. Elitnyj separatizm na Dal'нем Vostoke (Elite Separatism in the Russian Far East) // Krasnaya vesna. Informacionnoe agentstvo. Mode of access: <https://rossaprimavera.ru/article/elitnyy-separatism-na-dalнем-vostoke>]

⁵⁸ Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. Режим доступа: <http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf> [Obshchestvo i vlast' na rossijskom Dal'нем Vostoke v 1960-1991 gg. (Istoriya Dal'него Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) (Society and Power in the Russian Far East in 1960-1991. (History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5). Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2016. Mode of access: <http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf>]

⁵⁹ Чубайс А.Б. Россия: трудный путь к частной собственности. Очерки, интервью: в 3 т., под общ. ред. П.С. Филиппова. Т. 1. СПб.: Норма, 2011. С. 267-296. [Chubaj's, A.B. Rossiya: trudnyj put' k chastnoj sobstvennosti. Oчерki, interv'yuy (Russia: a Difficult Path to Private Property. Essays, Interviews): v 3 t., ed. P.S. Filippov. Vol. 1. SPb.: Norma, 2011. Pp. 267-296.]

⁶⁰ Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в

конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с. [Moiseeva, L.A.; Vaschuk, A.S. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'нем Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v. (The History of Entrepreneurship in the Far East of Russia at the End of XX – Beginning of XXI Century). Vladivostok: Dalnauka, 2006. 348 p.]

⁶¹ Kotkin St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001. P. 115.

которые тесно связаны с президентством Б.Н. Ельциным и пришедшими к власти региональными политическими элитами.

* * *

Осмысление постсоветских реформ в российском историческом процессе с самого начала происходило в сложном информационном пространстве, частью которого становились публикации, принадлежащие авторам-современникам, ориентированным как на разные методологические позиции, так и находившиеся под влиянием зарубежной литературы или разных идеологий в той или иной степени. Порой анализ событий велся и ведется самими участниками событий, даже теми, кто свои замыслы реализовывал в проекты. В итоге мы имеем своеобразную ситуацию, когда источник-материал очень часто переплетается с элементами научного анализа, включенного внимания. Основной чертой исследовательского поля российских реформ является то, что становление данного направления продолжает развиваться в сложном и плюралистическом информационном пространстве. При этом авторы, часто обращаясь к одной той же документации, интерпретируют ее по-разному. Реконструкция событийно-хронологической истории тесно связана с особенностями объяснительных трактовок причин реформ, а также выбора стратегии реализации. Другая довольно заметная черта зарождения историографии проблемы это конвергенция взглядов российских и англоязычных гуманитариев на российские реалии условиях. В целом в российской и англоязычной литературе доминирует несколько общих выводов: 1. М.С. Горбачёв не ставил проведение приватизации как основную цель, хотя на уровне обсуждения идеи он не только был в курсе, но и выражал свое отношение, но непоследовательно. 2. Ярko прослеживается и другое солидарное мнение: приход к власти реформаторов-радикалов изменил ситуацию в области разгосударствления собственности. Появлению российских капиталистов, в том числе и в дальневосточном регионе, предшествовал всё-таки стремительный разрыв между «горбачёвской идеологией рыночного социализма в конце

1980-х» и хозяйственной практикой «дикого капитализма» – начала 1990-х гг. Кроме того прослеживаются различия между позднесоветской правовой базой приватизации и правовыми актами эпохи Б.Н. Ельцина.

Литература:

Андрефф В. Российская приватизация: подходы и последствия // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 57-78.

Бадью А. Загадочное отношение философии и политики // LIBFOX. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/638252-3-alen-badyu-zagadochnoe-otnoshenie-filosofii-i-politiki.html#book>

Вацук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. 2017. Т.20. №3. С. 29-49.

Вацук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке, 1945 г. – конец 80-х годов: Дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1998. 463 с.

Деягин М.Г. Светочи тьмы: физиология либерального клана: От Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. Институт проблем глобализации // Книжный мир, 2016. Режим доступа: <http://coollib.com/b/352133/read>

Зуев М.Н. Хроника истории России. X–XX в. М.: Изд-во Дом «Дрофа», 1995.

Зюганов Г.А. Приватизация – синоним беззакония // Красноярское время. Режим доступа: <http://krasvremya.ru/g-zuganov-privatization-sinonim-bezzakoniya/>

Крюков Э. Элитный сепаратизм на Дальнем Востоке // Красная весна. Информационное агентство, Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/article/elitnyy-separatism-na-dalnem-vostoke>

Моисеева Л.А. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985-2000 г.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2004.

Моисеева Л.А., Вацук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.

Найшуль В.А. Другая жизнь. М., 1985. Режим доступа: <http://www.libretarium.ru/liberaulotfe>

Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вацук. Изд. 2-е, перераб. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с.

Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / пер. с англ. Н.А. Раневой, А.Ю. Молоканова; под ред. И.М. Осадчей. М.: Логос, 2011.

Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М.: Изд-во ЭКСМО, 2010.

Пилипян Е.К. К вопросу о новых функциях государства в период формирования предпринимательства на юге Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 2. Владивосток: Изд-во ДВГУ (ДВФУ). 2008. № 2(2).

Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: Размышления и соображения. Цикл лекций. Режим доступа: <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf>

Рыжков Н.И. Главный свидетель. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 240 с.

Саттер Дж. Ю. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России / пер. с англ. М., 2004.

Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов / Консорциум по вопр. прикладных исслед., Канад. агентство по междунар. развитию [и др.; А.Д. Радугин и др.]. М., 2001. 295 с.

Чубайс А.Б. Россия: трудный путь к частной собственности. Очерки, интервью. В 3 т. / под общ. ред. П.С. Филиппова. Т. 1. СПб.: Норма, 2011.

Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2002.

Center Periphery Conflict in Post-Soviet Russia. A Federation Imperiled / Ed. by M.A. Alexseev. New York: St. Martin Press, 1999. IV-VI.

Kotkin, St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001.

Leonard, C. Sc.; Pitt-Watson, D. Privatization and Transition in Russia in the Early 1990. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group, 2013.

References:

Andreff, V. Rossijskaya privatizaciya: podhody i posledstviya (Russian Privatization: Approaches and Consequences) // *Voprosy ehkonomiki*, 2004, No. 6, pp. 57-78.

Bad'ju, A. Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki (The Mysterious Correlation of Philosophy and Politics) // LIBFOX. Mode of access: <https://www.libfox.ru/638252-3-alen-badyu-zagadochnoe-otnoshenie-filosofii-i-politiki.html#book>

Center Periphery Conflict in Post-Soviet Russia. A Federation Imperiled / Ed. by M.A. Alexseev. New York: St. Martin Press, 1999. IV-VI.

Chubajs, A.B. Rossiya: trudnyj put' k chastnoj sobstvennosti. Oчерки, interv'yū. V 3 t. (Russia: a Difficult Path to Private Property. Essays, Interviews) / ed. P.S. Filippov. Vol. 1. SPb.: Norma, 2011.

Delyagin, M.G. Svetochi t'my: fiziologiya liberal'nogo klana: Ot Gajdara i Berezovskogo do Sobchaka i Naval'nogo Institut problem globalizacii (Светочи тьмы: физиология либерального клана: От Гайдара и Березовского до Собчак и Навального Институт проблем глобализации) // *Knizhnyj mir*, 2016. Mode of access: <http://coollib.com/b/352133/read>

Kotkin, St. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford University Press, 2001.

Kryukov, E. Elitnyj separatizm na Dal'nem Vostoke (Elite Separatism in the Russian Far East) // *Krasnaya vesna. Informacionnoe agentstvo*. Mode of access: <https://rossaprimavera.ru/article/elitnyj-separatizm-na-dalnem-vostoke>

Leonard, C. Sc.; Pitt-Watson, D. Privatization and Transition in Russia in the Early 1990. Routledge. Taylor and Franc London and New York & Group, 2013.

Moiseeva, L.A. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v 1985-2000 g. (A History of Entrepreneurship in the Russian Far East in 1985-2000): Diss. ... d-ra ist. nauk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2004.

Moiseeva, L.A.; Vaschuk, A.S. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse

XX – nachale XXI v. (The History of Entrepreneurship in the Far East of Russia at the End of XX – Beginning of XXI Century). Vladivostok: Dalnauka, 2006. 348 p.

Najshul', V.A. Drugaya zhizn' (Another Life). Moscow, 1985 Mode of access: http://www.libretarium.ru/1_liberaulotfe

Obshchestvo i vlast' na Rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960-1991 gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. Vol. 3. Kn. 5) (Society and Power in the Russian Far East in 1960-1991 (History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5) / ed. V.L. Larin; A.S. Vashchuk. Izd. 2-e, pererab. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. Pp. 786-793.

Oslund, A. Stroitel'stvo kapitalizma. Rynochная transformaciya stran byvshego sovetskogo bloka (Building Capitalism. Market Transformation of the Former Soviet Bloc Countries) / Transl. N.A. Raneva, A.Yu. Molokanov; ed. I.M. Osadchaya. Moscow: Logos, 2011.

Ostrovskij, A.V. Kto postavil Gorbachyova? (Who Put Gorbachev?). Moscow: Izd-vo EHKSMO, 2010.

Pililyan, E.K. K voprosu o novyh funkciyah gosudarstva v period formirovaniya predprinimatel'stva na yuge Dal'nego Vostoka v konce XX – nachale XXI v. (On the New Functions of the State in the Period of the Formation of Entrepreneurship in the South of the Russian Far East at the end of the XX – the Beginning of the XXI Century) // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Vyp. 2. Vladivostok: Izd-vo DVGU (DVFU). 2008, No. 2(2).

Pjatigorskij, A.M. Chto takoe politicheskaja filosofija: Razmyshleniya i soobrazheniya. Cikl lekcij (What Is Political Philosophy: Musings and Ideas. The Course of Lectures). Mode of access: <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf>

Ryzhkov, N.I. Glavnyj svidetel' (Main Witness). Moscow: Ehksmo: Algoritm, 2009. 240 p.]

Satter, J. T'ma na rassvete. Vozniknovenie kriminal'nogo gosudarstva v Rossii (Darkness at Dawn. The Emergence of a Criminal State in Russia). Mosco, 2004.

Transformaciya otnoshenij sobstvennosti i sravnitel'nyj analiz Rossijskih regionov (Transformation of Property Relations and Comparative Analysis of Russian Regions) / Konsorcium po voпр. prikladnyh issled., Kanad. agentstvo po mezhdunar. razvitiyu [i dr.; A.D. Radygin i dr.]. Moscow, 2001. 295 p.

Vaschuk, A.S. Sotsial'naya politika v SSSR i yeyo realizatsiya na Dal'nem Vostoke, 1945 g. – konets 80-kh godov (Social Policy in the USSR and Its Implementation in the Far East, 1945 - the end of the 80s): Diss. ... Dr. History. Vladivostok: IIAE FEB RAS, 1998.463 p.

Vaschuk, A.S. The Development of Entrepreneurship in Rail Transport and in the Port Sector of the Khasansky District of Primorsky Krai at the End of the 20th and Beginning of the 21st Centuries // *Regional Issues*, 2017, Vol. 20, No. 3, pp. 29-49.

Yasin, E.G. Rossijskaya ehkonomika. Istoki i panorama rynochnyh reform: Kurs lekcij (Russian Economy. The Origins and Panorama of Market Reforms: the Course of Lectures). Moscow: GU VSHEH, 2002

Zuev, M.N. Hronika istorii Rossii. X-XX v. (Chronicle of Russian History. X-XX Century.) Moscow: Izd-vo Dom «Drofa», 1995.

Zyuganov, G.A. Privatizaciya – sinonim bezzakoniya (Privatization Is Synonymous with Lawlessness) Mode of access: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatization-sinonim-bezzakoniya/>

FROM THE IDEA OF PRIVATIZATION OF PERESTROIKA PERIOD TO RADICAL RUSSIAN REFORM: THE POINTS OF VIEW OF RUSSIAN AND FOREIGN AUTHORS

Angelina S. Vashchuk

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 06.09.2019</p>	<p>Abstract: The author analyzes the points of view of Russian authors on the history of privatization in Russia, and they are compared with the opinion of foreign researchers. Herewith, the understanding of politicians-contemporaries of the “privatization era” is compared with scientific opinion. The attitude towards privatization of the two political leaders M. Gorbachev and B. Yeltsin is shown. Criteria of inclusion of works to the historiographical review are defined – it is presence in them judgments on a questions: whether reforms of the first half of 1990s were direct logical continuation of Perestroika? or did Yeltsin's team, which came to power, change the strategy of domestic policy including privatization in the spirit of revolutionary traditions? The author characterizes the conditions under which there was a process of understanding reforms in Russia, and concludes: there are many similarities between the domestic neoliberal assessment of privatization and the opinions of foreign researchers, but there are also differences. The value of the comparative method in the foreign literature on privatization is revealed as well the conceptions “of inevitability of privatization” and “of destruction of the socialist system”, common in Russian historiography, are compared. The novelty of the problem statement lies in the fact that the research experience of Russian and foreign authors is presented both at the conceptual level and in line with the Far Eastern regionalism. The main aspects of the privatization study on the Far East materials are revealed.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Chief Leading Associate, Professor, Head of the Department for Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: va_lina@mail.ru</p>	
<p>Key words: Russian historiography; foreign literature; privatization; Russia; the Russian Far East; comparative studies; perestroika; radical-liberal reforms</p>	

Для цитирования: Вашук А.С. От идеи приватизации времени перестройки к радикальной российской реформе: точки зрения отечественных и англоязычных авторов // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 96-111.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10039

For citation: Vashchuk, Angelina S. Ot idei privatizatsii vremeni dlya radikal'noy rossiyskoy reformy: tochki zreniya otechestvennykh i russkoyazychnykh avtorov (From the Idea of Privatization of Perestroika Period to Radical Russian Reform: the Points of View of Russian and Foreign Authors) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 96-111.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10039

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10040

INSIDE VIEW ON POLITICAL HISTORY OF RUSSIA IN THE 1990s AS A TOOL OF DEMYTHOLOGIZATION

Iliia O. Viatkin

*National Research University “Higher School of Economics”,
Saint Petersburg, Russia*

Artem V. Maksimov

*National Research University “Higher School of Economics”,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10.08.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 10.01.2020</p>	<p>Abstract: The purpose of the present research is to explore nature and degree of the subjectivity of the constellation of stereotypes, myths united by the “dashing nineties” cliché that surround the period of 1990s of the Russian history.</p> <p>The first part of the article is devoted to the literature review on the ontology of social “mythologization” of historical events. It reveals that subjective interpretation of the past (“construction of history”) is significant as a tool for legitimizing the present, primarily the political. In addition, review reveals a number of persistent historical narratives, associated with the 1990s, that have been circulating in Russian political discourse.</p> <p>The methodological basis of the work are in-depth interviews with people who held positions in Russian official bodies throughout the 1990s. Informants disclosed that life difficulties that the majority of citizens had faced during the 1990s, coupled with the usage of the negative ideological stamp of “dashing 90s” by the contemporary Russian political regime are the main causes of mythologization. In turn, respondents pointed out that each particular mythology mentioned are the simplified derivatives of the reception of events by ordinary people suffering from a flawed and incomplete understanding of what was happening.</p> <p>In conclusion, it is inferred that the presence of a quasi-official state position that reinforce the philistine view of the 1990s imposes certain restrictions on the scope and intensity of public discussion about the role of the 1990s in the history of the Russian state, which definitely hinders the demythologization of this period in the mass consciousness.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Iliia O. Viatkin</i>, student of the educational program “Political Science and World Politics”, Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies</p> <p>e-mail: iovyatkin@edu.hse.ru</p> <p><i>Artem V. Maksimov</i>, student of the educational program “Political Science and World Politics”, Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies</p> <p>e-mail: avmaksimov_1@edu.hse.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Russian political history; demythologization; nineties; politics of memory; ideology; reforms; public consciousness</p>	

The contemporary political history remained a taboo subject in Russia for nearly a century. While being unequivocally recognized by such historians as Vladimir Sogrin,¹ the origin of the problem does not have a singular identified source, at least in the academic literature. A few proposed occurrences that contributed to

the prolongation of the issue in question could be mentioned. The first one – the abundance of transparent and public discussion on actions of previous rulers – did become a tradition during the Soviet regime, with some exceptions including the destalinization process during the late 1950s. This occurrence is broadly discussed in the monographic work “*Political Censorship in USSR 1917-1991*” by Tatyana Goryaeva, focusing on methods and impact of the Soviet

¹ Sogrin, V.V. Political History of Modern Russia. 1985-2001: From Gorbachev to Putin. 4 ed. Moscow: Ves' Mir, 2001

censors.² Among the prominent features of political censorship in the USSR she cites “effective mechanism of large-scale exposure on mass consciousness” – a quality which directly refers to the historical disposition.³ The second occurrence, ensuing from the first, is the reluctance of speaking against the popular viewpoint, or discuss the contestable subject in general. The evidence of that, mostly overt, is thoroughly presented in the collective paper of NGU professors, “*Actual Problems of History Education in Schooling Institutions of Various Types*”.⁴ The paper, among the multiple theses, is built upon the idea of dissolution of newly drawn historical memory, “representing the aspects of historical information that are relevant for modernity”, through the lack of academic historical activities aimed at recent events, treated by scholars as being “too hot”.⁵ In both occurrences, the factor of recency plays a major role, attributed by the cognitive perception of masses unwilling to speak deeply about the established opinion, supported by its contemporaries. For the present time, the period of Russian history which satisfies the condition of recency and has been particularly vulnerable to the circumscribed “taboo-ness”⁶ is the interval between the dissolution of the Soviet Union (1991) and the beginning of the first presidency of Vladimir Putin (2000), popularly called the “90s” (*devyanostyie*). The result stemming from that imposition is the unilateral misrepresentation (usually referred to as “mythologization”) of the period, reflected in the popular opinion as well as single cases of authoritative statements. Here, we cite three illustrative examples: WCIOM (Russian Public Opinion Research Center) and Levada Centre

survey data (as formally recognized sources of Russian public opinion), anti-1990s Russian TV programs and politicians’ statements. WCIOM and Levada surveys from 2010 to 2017 show that most of the Russian population hold a universally negative assessment of such political attributes of 1990s as privatization,⁷ Eltsin’s governance⁸ and Chechen Wars.⁹ Brief overlook of historically-oriented programs on federal channels such as *Pervyi*, *NTV* and *Russia-1* gives out a list of programs frequently condemning the period, mostly for its criminal character, which in this context has an indispensably political disposition. The programs include “*Istoricheskiy Process*”, “*Dikie Den’gi*” and other less eminent programs. Among the negative quotes of Russian politicians those that obtain the most impact and coverage are the ones coming from Vladimir Putin: from his statement on how Russia “was close to going the Yugoslavian way in the end of the 1990s”¹⁰ to expressive mentioning how he had to “sleep with a gun”¹¹ during the period. At the same time, a powerful source of influence which presents the period in the positive light, or at least provides a different argument on the topic, is close to impossible to find among the commonly available information channels.

Subsequently, we derive two main implications from the introductory part. The first one is the existence of deficiency of coverage and perspective regarding the

² Goryeva, T.M. *Political Censorship in the USSR: 1917-1991*. 2 ed. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2009.

³ *Ibid.* P. 10.

⁴ *Actual Problems of Teaching History and Social Science in Schooling Institutions of Various Types: Collective Monography*. P. 3 / Ed. by L.V. Alekseeva. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovck State University, 2016. 196 p.

⁵ *Ibid.* P. 9.

⁶ In the context of this paper, the term “taboo-ness” is used not in a sense of cultural prohibition, but rather as a definition of tremulous regard towards a specific topic by a group of people.

⁷ Russians about Governmental Property and Industry. Levada-Center. Update date: 30.11.2011. Mode of access: <https://www.levada.ru/2011/11/30/rossiyane-o-gosudarstvennoj-sobstvennosti-i-promyshlennosti/>

⁸ WCIOM. Mode of access: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1066&q_id=73926&date=24.01.20164608474

⁹ To the Anniversary of the Beginning of the Second Chechen War // Levada-Center. Update date: 15.08.2010. Mode of access: <https://www.levada.ru/2010/08/15/k-godovshhine-nachalavtoroj-chechenskoj-vojni/>

¹⁰ Putin: In the end of the 1990s Russia was close to going the Yugoslavian way // TASS, 28.04.2015. Mode of access: <https://tass.ru/politika/1937192>

¹¹ Putin Recalled Sleeping with a Gun during the 1990s // Gazeta.ru. Update date: 15.03.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/03/15/n_11286979.shtml?updated

Russian contemporary political history. The second one is the exceptional susceptibility of the 1990s era to that deficiency that results in the irreciprocal one-sided representation and consequent mythologization of the period in which the lack of perspective plays a significant part. Keeping in mind those implications, in this paper we challenge such representation by exploring *how the inside view on politics can contribute to the process of demythologization of the 1990s period*. To achieve that goal, we strive to complete a number of objectives. The first objective is to collect a sufficient number of interviews with 1990s government officials using ethical methodology. The second objective is to identify patterns in narratives about the period from the respondents in question. The third and final objective is to analyze those patterns in the reference to the demythologization process.

* * *

To achieve a sufficient understanding of historical misrepresentation of any given period, we must first take a look on what research has been done in the broader view of the subject. That would allow for selection of related inferences on representation and mythologization that pertinently overlap with the current research and for screening of those that are not applicable or incomplete. The ideas that will later be deployed in the course of this paper are, by most part, the products of the seeds planted by Paul Ricoeur, found in two major anthologies of his essays. The first one, "History and Truth",¹² relates more to the epistemological side of historical knowledge. In four out of seventeen essays the problem of historical truth is discussed, more so in the way of dichotomic disposition. For Ricoeur, as pointed out by George Iggers, the historical conflict lies between the grounds of "abstract, anonymous, typical, impersonal and rational" understanding on one side and "living, singular, subjective, mythical" on the other.¹³ By this phrasing, we can already point out the use of

term "mythical" in relation to the historical viewpoint and confront it with the "rational", as in the demythologization process. However, the nature of *representation* of history in Ricoeur's description is different from that of historical understanding and is faced with the problem of relativism. He presents two instances of "history of the historian" and "history of the sociologist", in which both eliminate a "living reality" of the mankind historical process – one by emphasizing singular decisions and the other by emphasizing structures.¹⁴ The recognition of man and his values, Ricoeur argues, is necessary for not falling into the trap of "false objectivity" – an artificial judgement of forces, structures and institutions.¹⁵ This theoretical framework fits the mission of the current research quite precisely with one specific distinction – Ricoeur allowed no room for adrift subjectivity of observers, only highlighting a scholar's subjectivity. In the present case, the adrift subjectivity of an observer is one of the key research components, as the factor of recency once again requires the application of the first-hand experience and narrative. The second anthology, "Memory, History, Forgetting", being released much later, contains a more mature and focused thought of Ricoeur.¹⁶ Dividing three levels of historical memory fallacies – pathological, practical and ethical-political – he goes on to explore to what extent the history depends on human memory and, more importantly, individual's memory, which can be blocked, manipulated or commanded.¹⁷ For the current case, evidently, the ethical-political level presents a more relevant insight. The main cause of "forgetting" at this level is, accordingly, command – the use of tools like censorship and deterrence. The consequences of such employment were described already in the previous anthology, which Ricoeur synthesized in the form of political *deus ex machina*.¹⁸ This is a creation of political technology, emerging from the strong necessity of state to legitimize

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 120.

¹⁶ Ricoeur, P. *Memory, History, Forgetting*. University of Chicago Press, 2004.

¹⁷ Ibid. P. 141.

¹⁸ Timofeeva, O. *History and Truth Review // Neprikosnovennyi Zapas*, 2005, No. 2-3.

¹² Ricoeur, P. *History and Truth*. Northwestern University Press, 1965.

¹³ Iggers, G. *Review of History and Truth*. In: *The American Political Science Review*. New York: State University of New York, 1966. P. 118.

its governance by commanding the memory of the past – the term that conveniently appeals to the present research. Thus, there is an adequate amount of grounded theory theses in Ricoeur’s work that complement the theoretical foundation of (de)mythologization.

The second author deserving the major reference, before deepening of the inquiry, is Edward Carr. While Carr’s academic work bares more of an epistemological character, rather than empirically historical (apart from his grand volumes of ethnographical descriptions), there is a reason for including certain ideas from passages of his “What Is History?” to this work.¹⁹ It is the particular contribution that Carr made to the discourse on subjectivity and generalization, already tackled but not completely unfolded by Ricoeur. Of special interest to us are the chapters “History, Science and Morality” and “History as Progress” which contain a detailed dissection of how the mass of historical facts is translated into the science of history and how one should refer to it in the form of interpretation.²⁰ In the former, Carr admits that one of the instruments used for the creation of academically processed history is generalization but, he warns: “do not suppose that generalization permits us to construct some vast scheme of history into which specific events must be fitted”.²¹ We note here that while Carr talks about the generalization as a scholarly adopted phenomenon, he applies it to the cases of a trivial observation, like diplomatic dispute or even his childhood experience.²² His emanating approach to the cognitive awareness of human nature to the historical fact and inevitable subjectivity of the observer is close to Ricoeur’s inferences in the causal sense, but what is more relevant is his citing of Frederick Powicke: “The craving for an interpretation of history is so deep-rooted that, unless we have a constructive outlook over the past, we are drawn either to mysticism or to cynicism”.²³ Afterwards, Carr assuredly accepts the term “mysticism” as a form of elastic meaning of history, which further converges his argument

¹⁹ Carr, E.H. *What is History?* Penguin UK, 2018.

²⁰ Ibid. PP. 56-109.

²¹ Ibid. P. 62.

²² Ibid. P. 60.

²³ Ibid. P. 108.

with the theoretical foundation for the mythologization process, given the semantic affinity.

Several authors have studied falsification or Russian history in particular. Among them, Alexander Lukin and Pavel Lukin, who covered the myths about Russia’s political affiliation towards authoritarian regime and Russia’s “special place” in the world throughout history, take a principal spot. They point out that there have been two conflicting approaches among theorists: to believe that Russia has always had a tendency towards authoritarianism or to use “antihistoric methodology”²⁴ and search for examples of democratic political culture in ancient Russian history.²⁵ Their work illustrates the problem of mythologization of history by scholars, which we mentioned in the very beginning of this paper, however the perspective of Lukins’ does not touch upon the issue of scholar abstention.

A particular case of mythologization as a systematic occurrence – falsification of history by authors of school books and teachers at schools – is investigated by Yevgeniy Vyazemskiy, who states that historical education plays the crucial role in socialization and shapes national identity.²⁶ Therefore, in his view, school education is a fruitful field for falsification of history.²⁷ Another effective medium of falsification identified by Ye.Vyazemskiy is mass media.²⁸ Among authors who develop this point are Marina Corn, Natalia Gorbatova and Zoya Rudenko, all of which agree that modern mass media and culture play a crucial role in spreading political myths.²⁹ Corn argues that

²⁴ Lukin, A.V.; Lukin, P.V. *Myths of Russia’s Political Culture and Russian History // Polis. Political research*, 2009, No. 2, pp. 147-162.

²⁵ Ibid.

²⁶ Vyazemskiy, Y. *Problem of Falsification of Russian History and the General Historical Education: Theoretical and Practical Aspects // Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2012, No. 1, pp. 28-43.

²⁷ Ibid. P. 35.

²⁸ Ibid. P. 31.

²⁹ Corn, M.G. *Russian Political Myths as Mythologizing of the Past // Vestnik of Moscow State Art and Cultural University*, 2011, No. 5, pp. 117-122; Gorbatova, N.V. *Phenomenon of Mythology in Russia’s Political Scene: the 90s:*

visual information, which has become most accessible with the proliferation of television and internet, is the most powerful tool in dissemination of myths.³⁰ Consequently, as successively noted by Rudenko, technological advancement accelerates and changes the nature of mythologization.³¹ Moreover, since the end of the twentieth century myths have been spread by the intellectual elites, who first absorb them and then translate through mass media and culture.³² We have to note here that the elites in question rarely themselves participate in the part of political process that becomes the subject of mythologization, which furthers the relevance of the methods employed in the current research. Nonetheless, Corn points out that in modern Russia the use of culture is relatively inefficient in this sense, because western culture has been more popular recently especially among the younger generation.³³

The myths themselves are still influential in Russian political culture. In her description of this effect Gorbatova argues that they blend in with reality so that the two cannot be separated and shape the relations between political structures; they also help to understand or rationalize political reality.³⁴ She adds that ideologies become mythologized in the age of technology.³⁵ Indeed, Osipov, Rudenko and

Vyazemskiy agree that since the late twentieth century nationalists began to falsify the history of their ethnos in order to achieve political goals.³⁶ According to Rudenko, in modern Russia “nation building” goes alongside globalization, which is only possible due to the existence of myths.³⁷ Another important role of myths is legitimization of authorities as stated by Gorbatova, Rudenko and Vyazemskiy.³⁸

Osipov builds his report around political, economic and social situation as well as myths in the 1990s in Russia surrounding them.³⁹ He concludes that the reforms were disconnected from the needs of the society and only served the highest level of elites.⁴⁰ Moreover, all the authors highlight the political crisis of the 1990s as a turning point in the history of political myths. First, according to Gorbatova and Corn, myths of the Soviet Union, ironically emerging from the early-on censorship implementation, had to be removed and then the new ones legitimizing the newly established authorities were to be imposed.⁴¹ Some of the reinforced myths were the

No. 3, pp. 265-268.

Thesis: cand. of political science: 23.00.02 / Natalia Valentinovna Gorbatova; RANEPa. Saint Petersburg, 2004. 160 p.; Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, pp. 265-268.

³⁰ Corn, M.G. Russian Political Myths as Mythologizing of the Past // *Vestnik of Moscow State Art and Cultural University*, 2011, No. 5, pp. 117-122.

³¹ Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, P. 265.

³² Gorbatova, N.V. Phenomenon of Mythology in Russia's Political Scene: the 90s: Thesis: cand. of political science: 23.00.02 / Natalia Valentinovna Gorbatova; RANEPa. Saint Petersburg, 2004. 160 p.

³³ Corn, M.G. Russian Political Myths as Mythologizing of the Past // *Vestnik of Moscow State Art and Cultural University*, 2011, No. 5, pp. 117-122.

³⁴ Ibid.

³⁵ Gorbatova, N. V. OP. Cit.; Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007,

³⁶ A Period of Reforms in Russia – Myths and Reality / Ed. by G.V. Osipov. Moscow: ISPR RAS, 2014. 510 p.; Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, pp. 265-268; Vyazemskiy, Y. Problem of Falsification of Russian History and the General Historical Education: Theoretical and Practical Aspects // *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2012, No. 1, pp. 28-43.

³⁷ Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, P. 267.

³⁸ Gorbatova, N.V. OP. Cit.; Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, pp. 265-268; Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, pp. 265-268; Vyazemskiy, Y. Problem of Falsification of Russian History and the General Historical Education: Theoretical and Practical Aspects // *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2012, No. 1, pp. 28-43.

³⁹ A Period of Reforms in Russia – Myths and Reality / Ed. by G.V. Osipov. Moscow: ISPR RAS, 2014. 510

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid; Corn, M.G. Russian Political Myths as Mythologizing of the Past // *Vestnik of Moscow State Art and Cultural University*, 2011, No. 5,

ones present throughout all Russian history, such as the myth of Russia's "own way" or the myth stating that the sovereign must be authoritarian, which made these myths especially powerful and easy to internalize.⁴² All in all, as Lukin observes, the farther the historical period flows from the current one, the more distant ideologically and culturally it becomes.⁴³ In addition to that, as argued by Vyazemskiy, history is largely based upon subjective sources and interpretations of the events.⁴⁴ The past is therefore usually mercilessly falsified, and the more distant the past is from the contemporary era – the more this statement holds true.⁴⁵

Overall, Russian scholars tend to base their research on mythologization upon statistical data from official sources, discourse analysis and the established body of academic literature whilst neglecting the possibility of an empirical study that would consider the direct perspective on the events in question. Establishing the connection and distinction between the inside view and the myth itself for this relatively recent time period is achievable through accommodation of group of narratives and it would contribute to the development of the field.

* * *

In the following section, the methodology of the present research will be examined, explaining the choices in method selection and implementation, as well as the theoretical background in which it rests.

The major source of method adoption and correction in this work has become the paper by Hamza Alshenqeeti "Interviewing as a

pp. 117-122.

⁴² Rudenko, Z.Y. Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, pp. 265-268.

⁴³ Lukin, A.V.; Lukin, P.V. Myths of Russia's Political Culture and Russian History // *Polis. Political research*, 2009, No. 2, pp. 147-162.

⁴⁴ Vyazemskiy, Y. Problem of Falsification of Russian History and the General Historical Education: Theoretical and Practical Aspects // *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2012, No. 1, P. 37.

⁴⁵ Levchenko, Y. Neprikosnovennyj zapas, 2005, No. 2-3, pp. 40-41 – Review: The Past Is a Foreign Country. Lowenthal D.; transl. by A. V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 624 p.

Data Collection Method: A Critical Review".⁴⁶ Keeping in mind the complexity and sensitivity of the interview theme, we can confidently assert that the critical approach to the method as a whole here has an essential substantiation. It allows for constructing an approach with due consideration to advantages and flaws of interview method in general and in the more defined frame of this research. Particularly, we were willing to pay attention to the degree of validity and ethical considerations as those refer the most to the historical disposition of the interview. In regard to the former, Alshenqeeti emphasizes the differences between internal validity of the qualitative method, which answers the question "Are the differences found related to the measurement?", and external validity, which, in turn, answers if the findings can be generalized.⁴⁷ While the interviewing method has a sturdy internal validity from the beginning, the goal of the present research in itself requires careful notice of external validity. We perform that by bringing in the historical data that relates to the period in question and analyzing components with reference to one another. That is – in addition to account of respondent's perspective, which is the central object, we solidify external validity by putting respondent's answer in the context of historical facts, where it would have a lower chance of fitting in the demythologization process while containing inapplicable judgments, specific for a given respondent, and vice versa. In regard to the latter, Alshenqeeti cites the following observation by Cohen: "an ethical challenge to researchers would be the openness and intimacy of the interview situation as it may lead respondents to disclose information that they may later regret, and there is a risk that the interaction may become a quasi-therapeutic relationship for which most researchers might not have been trained".⁴⁸ In cases of historical or political character, the ethical challenge begins way before an interview takes place. For both ethical and scientific integrity of the research, it is necessary to disclose all the

⁴⁶ Alshenqeeti, H. Interviewing as a Data Collection Method: A Critical Review // *English Linguistics Research*, 2014, No. 1.

⁴⁷ Ibid. P. 43.

⁴⁸ Ibid. P. 44.

available details regarding the process to the respondent, including recording and research guide, which narrows the final sample to the informants openly willing to speak about the period and their activity without concealing core information or suffering troubling consequences. Those considerations became a principal foundation in the preliminary part of the empirical research.

Accordingly, we transfer the description to the core subject of formation of data and the method as a research tool. The tool that was used can be defined as a semi-structured in-depth interview in most of the cases, with some minor deviations which will be specified and illustrated in the analysis. Each part of the constructed definitions has an empirical rationale behind it relating to the research background details. In-depth character allows to have a vast spectrum of fields within which the respondent might wish to provide an advanced number of details on an appealing topic, which proved to be an efficient feature in the empirical part, given that some topic caused predicament of respondents. Semi-structured choice is not only a way to balance out a full-on narrowly subjective perspective in the narrative interview and the questionable validity of rigidly guiding structures with limited options in respect to historical base, but also an instrument of thematical division, as it was decided to highlight the most prevalent and frequently appearing compositions of mythologization.

The final sample consists of 10 interviews, principally collected by snowball sampling in which the initial contact has facilitated subsequent introductions to his acquaintances (see Interview Table 1). All of the interviews were collected in Saint-Petersburg in the period between November 9th and December 12th of 2018. The respondents held a variety of governmental positions in the period between 1991 and 2000 with the core hallmark for selection being the effective participation of the respondent in the political process, marked by *decision-making*. Complicated process of gaining access to respondents and interview arrangement excluded the possibility of other collection methods, also limiting the geographical scope and restricting

gender balance. It disrupted the balance of the schedule as well – some extended periods of time have passed with multiple refusals, while two dates contained different interviews practically at the same time. The initial plan was to set up interviews in one controlled location, though it turned out unfeasible due to interviewees narrow locational availability. Hence, some interviews were conducted in remote places, to our dismay – in interviewees-controlled environment like a personal office, which was unsolicited. Despite that, the sample is representative of the political elite community of the 1990s as a whole, featuring male predominance (20% in the sample, 10-15% in Russian State Duma since 1991)⁴⁹ and overwhelming majority of Moscow and Saint-Petersburg place of residence, given the impairments in regional politics of the period. The age of the respondents is ranging from 46 to 80 years old respectively, with median standing at 70 years old, meaning that the sample is shaped mainly by the post-war Soviet generation. In the Interview *Table 1*, technical details of the interview are outlined as well, for which a few remarks are pertinent. The length of the interview, with the lowest bar set at 45 minutes, varies drastically. As observed, such difference is primarily connected with the commitment of the respondent to the full disclosure – the longest interviews contain the most detailed narratives. The question of confidentiality was discussed separately with each of the informants, since it posed an ethical concern. In the end, it was decided to only conduct interviews with the respondents who were willing to participate on terms of non-anonymized responses to avoid problematic arrangements and to make the sample more congenerous.

⁴⁹ Gender of Power: How Many Women Deputies and Ministers There Are in Russia? // TASS, 31.08.2016. Mode of access: <https://tass.ru/politika/3576455>

Table 1

Interview							
N	Interviewee	Date	Source	Format	Length	Recording	Confidentiality
1	Alexander Yurevich Sungurov (ex-deputy of Lensovet, ex-member of Presidential Public Chamber, human rights activist)	09.11.18	Previous contact	In person	66 min.	Audio and notes	Not required
2	Alexander Leonardovich Nezdurov (ex-assistant of deputy of Legislative Assembly of Saint-Petersburg, ex-manager of regional elections)	09.11.18	Previous contact	In person	129 min.	Audio and notes	Not required
3	Petr Sergeevich Filippov (ex-member of the Presidential Council, ex-head of the PARNAS party)	11.11.18	Referred by A. Sungurov	In person	80 min.	Audio and notes	Not required
4	Sergei Alekseevich Tsyplyaev (ex-spokesman of the Russian President in Saint-Petersburg)	22.11.18	Referred by A. Sungurov	In person	78 min.	Audio	Not required
5	Tatyana Leonidovna Barandova (ex-assistant of State Duma deputy, ex-manager of regional elections)	26.11.18	Previous contact	In person	134 min.	Audio	Not required
6	Yuriy Michailovich Nesterov (ex-deputy of State Duma, ex-vice Minister on Communicational Policy)	30.11.18	Referred by P. Filippov	In person	81 min.	Audio	Not required
7	Yuliy Andreevich Rybakov (ex-deputy of State Duma, ex-head of Democratic Russia party, human rights activist)	02.12.18	Referred by P. Filippov	In person	74 min.	Audio	Not required
8	Sergei Alexandrovich Vasilyev (ex-vice Minister of Economics, ex-head of Center on Economic Reforms)	03.12.18	Referred by P. Filippov	In person	46 min.	Audio	Not required
9	Yuriy Innokentievich Vdovin (ex-deputy of Saint-Petersburg City Council, ex-chairman of Commission on Information and Publicity)	06.12.18	Referred by P. Filippov	In person	83 min.	Audio	Not required
10	Natalia Leonidovna Evdokimova (ex-deputy of Saint-Petersburg Legislative Assembly)	12.12.18	Referred by P. Filippov	In person	69 min.	Audio	Not required

* * *

The following section is devoted to the analysis of the empirical data aimed at pattern identification, processing and embedding the result into the process of demythologization. The structure of the section follows the linear thematical path of the interview guide, divided into thematical sections: view on mythologization as a whole, socio-economic situation, transition to democracy, criminality and Chechen Wars.

View on mythologization

First of all, it is considered to be crucial to highlight the distinctive patterns that were found in the interviewees' reasoning on the very fact of mythologization of the given period and its genealogy to understand how the more detailed parts of their narrative are constructed. Regarding the former, exhaustive consensus was found among respondents who affirmed that Russian society suffers from one-perspective representation of the period: "It was an amazingly interesting time. It was definitely hard time. It was catastrophic for huge, broad layers of the society, who impoverished, lost landmarks, found for themselves that their whole life turned out to be a myth. As a result, there was a feeling of terrible discomfort in the public consciousness. Alas, it was inevitable" (Y. Rybakov, 77 y.o., partial higher education, member of Human Rights Council in Saint-Petersburg, in 1990s – deputy of the State Duma of two convocations). Meanwhile, with respect to the latter, the information we gathered from respondents' answers enables us to manifest with certain assurance that there are two fundamental reasons for the persistent vision of the 1990s in a negative way, which are hardly possible to be seen separated, rather they complement each other in the historical context. According to respondents' insights, one of the premises of such one-sided view is that the majority of Russians who were already mature during the 1990s still, not surprisingly, perceive this period principally through their tough personal experience and hardships they faced back then, projecting their experience on the whole picture: "This is not a fairy tale, not a stereotype. This is what people went through"

(T. Barandova, 46 y.o., higher education, lecturer, in 1990s – assistant deputy of the State Duma). Another presumable cause is that the contemporary Russian government reinforces and fuels the imagery of that decade on repeating occasions via multiple state propaganda channels and it has already integrated the condemnation of the "dashing" 1990s as one of the pillars of its tacit ideology and state identification: "*The "dashing" nineties is a move that reflects how people feel that it was hard, that everything collapsed in the nineties. The dashing nineties is a brilliant stamp*" (A. Nezdyurov, 59 y.o., higher education, vice-president of humanitarian center "Strategy", in 1990s – assistant deputy of the Legislative Assembly of Saint-Petersburg).

Setting out the first reason, some informants saw two-fold justification behind it: objective and subjective in turn. The objective side involves essentially everything what is set forth later in this section, with regards to factors of socio-economic situation in country and their influence on the population's welfare, on its deterioration to be precise, e.g. hyperinflation, unemployment to mention only few of them. However, the subjective side, referring to what is indicated partially in the subsection of political situation and freedom, embraces non-commonplace interpretation of people's aversion towards the period of 1990s as an expression of their inability for self-realization during this period. This thesis was supported by the remark that the transition from the USSR to democratic Russia was accompanied by fundamental shift in societal paradigm. While in the Soviet Union, the paradigm implied all citizens to be: "*gray mass [all like others] and everything that bulge and stand out – cut off*" (Y. Vdovin, 80 y.o., higher education, publicist, in 1990s – St. Petersburg City Council deputy), whereas in the 1990s the incredible level of freedom, that Russia has never witnessed before, put those people with conformist mindset in precarious position. The state no longer was able to reward for and did not demand total submissiveness from its population: "*The transition to a market economy is very difficult. After all, before prices were set, and you knew for sure that if today you have bread worth 12 kopecks, it will be 12 tomorrow,*

and the day after tomorrow, and after 10 years. And when prices were released, the first thing that happened was hyperinflation. Money just depreciated in the blink of an eye. Unprofitable enterprises, especially that of the military-industrial complex, that were previously maintained by the state. People understood that they are impoverished, while others are enriched nearby. Feeling of injustice led people to stop supporting reforms” (N. Evdokimova, 70 y.o., higher education, Executive Secretary of the Human Rights Council of St. Petersburg, in 1990s – deputy of the Legislative Assembly of Saint-Petersburg). On the contrary, arrival of capitalism signified the change of formal equality on the equality of opportunities. And the latter favors not the obedience, collectivism and conformism, but pushfulness, individualism and sharp thinking – qualities that ordinary Soviet citizen lacked chronically. Hence, most of the informants agree that this inability to use appearing window of opportunities, especially comparing themselves with those who succeeded, encouraged frustration both about the period and its attributes (including more emancipated political position of people, various other freedoms etc.) as a whole and envy towards new middle class that transformed in numerous claiming them “thieves” and “speculators”.

Turning to the second reason, all informants shared the viewpoint that nowadays-Russian authorities have employed the strategy of opposing themselves to their predecessors in the office, whose time in charge is associated with poverty and administrative chaos, appealing both to people’s pockets and to minds. Economic aspect seems to be the simplest and the most convincing one: *“just compare how do people lived under Eltsin and how they live now”, from factual point of view this argument is unchallengeable at all. “But as long as you are at least a bit aware about of structural changes in political economy, you will see the truth”* (P. Filippov, 73 y.o. higher education, public figure, in 1990s – member of President’s Analytical Center on socio-economic issues). And the “truth” in that context is that Eltsin and his team had to implement reforms being one step aside from the abyss of population’s hunger and political chaos that were the product of late

USSR policies and process of its dissolution. Therefore, the fact that Russian establishment was capable not to fall in that abyss is already a great achievement. The prosperity of people under Eltsin’s successors is explained by the informants simply by the fact that such sensitive economic measures like shock therapy, privatization, default left behind, all have contributed to Russian economy transition to market. Furthermore, what was indeed the trigger for people’s income rise is the oil price upsurge: while during Eltsin presidency they were extremely low, the rise occurred in the millennium border: *“The vision of the nineties is one-sided due to the fact that it was followed by a period with very high rates of economic growth and well-being. Partly, for objective reasons, because the basis of the market and the market system has already been created, and, partly, for such random reasons, such as rising oil prices”* (S. Vasiliev, 61 y.o., higher education, member of the board of the state corporation “Vnesheconombank”, in 1990s – deputy minister of economy of the Russian Federation). In addition to that, the current situation, in which the oil prices are decreasing and Russia’s welfare respectively, serves as reliable proof for this argument.

In terms of another aspect why Russian government prefers to draw and emphasize strict boundary line with former leadership, the majority of respondents held that it is rooted in contemporary elites desire to present its distinction in a form of “order vs. freedom” binary opposition, taking into account that ordinary Soviet people, whose mentality was discussed above, do not inherently need freedom as such, because it is does not guarantee tangible benefits itself, thus they are more likely to choose to be protected by “strong hand” of national leader, who is ultimate and impartial arbiter. *“Myth created quite seriously in the early 90s, just Putin’s team to show how much better it has become compared to that time. There is such a stable stereotype “dashing nineties”, but at the same time, of course, in the 1990s political institutions were created that work and worked well. Because Yeltsin did have heart problems in the elections for a second term, he went to the operation, but at the same time all the institutions worked, and the state was developing. There was*

a government chairman who made decisions in accordance with the constitution. There were deputies who agreed, everything worked. And now, when these institutions have been transferred to the imitation position, 2-3 years ago Putin disappeared somewhere, everyone said: "Oh, how to live further?" Because everything is tied to one person – this is the worst thing. From the institutions they made a facade, a screen" (A. Sungurov, 67 y.o., higher education, head of humanitarian center "Strategy", in 1990s – St. Petersburg City Council deputy). In addition, such opposition predictably fails to impose necessary vision of the 1990s on the new generations who did not experience material hardship of that period and for significant part of whom contemporary state propaganda is "a little more than empty sound" and hence authorities do not possess strong arguments to convince youngsters that freedom has to be sacrificed for the sake of order. Due to this, many interviewees associated forthcoming alterations within society with the protest spirit among youth.

Socio-economic situation

Before the analysis of informants' insights regarding socio-economic situation in a country, we underline that this section is treated as the basic one in the study of mythologization. Some of the informants, in their view, believe that in this respect application of Marxist basis-superstructure model fits the explanation of the myths' origin. It is a fact that primary care of all people is satisfying of their basic needs, which is exactly the realm of economy. Consequently, in case if it is not possible to provide population with basic goods and acceptable conditions of life, the relation of citizens towards all "derivatives" of economic system, such as politics and social structure will have negative shades, despite objective values those institutions may possess. That is why plenty of Russians clearly remember food shortages and purchasing impotence, but only few sorrows on freedoms the period was accompanied with: *"...humanitarian aid, participation in power, how they started their business. They forget the fact that their business collapsed in the two thousandth, and not in the nineties, the fact that they were excommunicated from any*

influence on the power in the two thousandth, they also forgot. In the nineties, they still took part and could lead this or that person or not to bring to power" (A. Nezdyurov, 59 y.o., higher education, vice-president of humanitarian center "Strategy", in 1990s – assistant deputy of the Legislative Assembly of Saint-Petersburg).

To proceed with elaborate analysis of interviewees' opinions on the economic matters, we should note that regarding this section the difference between the spheres in which our respondents held positions is of high priority. It is justified by the striking contrast in informants' views on separate purely economic issues. Although, all of them unanimously respond positively on the question whether the level of social inequality was sharp and that the vast majority of people found themselves near the poverty threshold, the interviewees who occupied non-economic related issues were mostly confused trying to specify the exact cause of the abovementioned situation, usually referring to the reformers' mistakes in economy transition implementation. Those who were tied to economic affairs offices presented much clearer picture. Apart from all, they considered the whole package of measures that was carried out to accomplish transition from socialism to capitalism as essentially "emergency measures", due to the already adverted fact that economy of Soviet Union was on the brink of total collapse and dissatisfaction of people is the sign of their unawareness and misunderstanding of that state of affairs. *"It was definitely a difficult time. The Soviet Union was so late with its reforms that it ended with the collapse of the economic and political, and then went the military rescue operation. Literally, imagine, in the house one extinguishes the fire, and the residents are unhappy that they are poured with foam"* (S. Tsyplyaev, 63 y.o., higher education, Dean of the Faculty of Law at Institute of Management, RANEPa, ex-spokesman of the Russian President in Saint-Petersburg), as one of the respondents noticed ironically.

Besides, people involved in economic matters in 1990s, contributed to the deconstruction of common myths about particular economic reforms that took place in 1990s, the most notorious among which is privatization. The name of its inventor,

Anatoly Chubais and the notion of “vouchers” or privatization bills has already become a synonym to vacuous speculations and deception of people. However, one of the respondents maintained: “...there was no other way [apart from “vouchers”] to overcome the corps of “red directors” [current chief executives on plants and factories]. Therefore, there were many reasons why privatization was the beginning of such a stratification of citizens: first, this was done in a hurry, (...) the second reason – inflation, the third reason – it is impossible to build overnight, and we, the Russian people, believe: “We need to be right tomorrow everything to be well”, there was not enough patience in order to withstand this whole story” (N. Evdokimova, 70 y.o., higher education, Executive Secretary of the Human Rights Council of St. Petersburg, in 1990s – deputy of the Legislative Assembly of Saint-Petersburg). Nevertheless, they did agree that speculations took place during the process of privatization, but those wrongdoings appeared to be unpredictable consequences of the privatization and were not targeted actions of government to deceive and “rob” people: “To a large extent, the way property ownership was distributed ... this was before the collapse of the USSR, when spontaneous privatization began. The one who stood close to the pie he got it. The reformers tried to achieve a more equal distribution of property, which, one might say, did not work out” (S. Vasiliev, 61 y.o., higher education, member of the board of the state corporation “Vnesheconombank”, in 1990s – deputy Minister of economy of the Russian Federation). Moreover, talking about hyperinflation that caused depreciation of people’s savings, the interviewees explained it with excessive money stamp in Soviet Union, that were not provided with corresponding commodity volumes, as soon as there was no market economy laws this trick was efficient, but once transition occurred and state was devoid of economy regulations tools, it immediately caused the enormous paces of inflation: “... and situations, like, this, for instance: literally, the woman had several thousand rubles and thought she was rich, and a year later it turned out that she could not buy anything, became a commonplace” (P. Filippov, 73 y.o. higher

education, public figure, in 1990s – member of President’s Analytical Center on socio-economic issues), whereas the government catastrophically lacked tools to curb it.

Transition to democracy

In the course of discussion of politics and the degree of success in democratic state building, nobody from respondents restrained his or her reasoning only to the period of 90s, tending to compare the situation during that period and the current status quo in that sphere. According to our research guide, this section is divided into several segments: one is devoted to the democracy introduction and facilitating of the regime, while another comprehends the questions of actual demand for freedom and what level of freedom people could enjoy. Taking into account volatility of the topics, we presume that the answers of interviewees are characterized by considerable degree of social group subjectivity, especially in the light of the fact that the questions they were asked, intentionally did not focus on particular historical events, but on the broader historical processes’ evaluation and interpretation. Therefore, informants inclined to stick to explanations delving into details of analyzing political culture of ordinary Russians and political elites along with their vision of freedom and power respectively.

Overall, answering the question about the quality of democracy in the 1990s most of respondents marked the events of September-October of 1993 (de-jure: Constitutional crisis, de-facto: dissolution of the parliament) as a point of no-return for Russian democracy, which began its revival during “Perestroika” in the end of the 80s and after 1993 incident, it entered the period of fading that has been continuing until nowadays: “The democratic elites’ fear of communistic revanche mixed with self-interest aspiration to power clouded their judgements and entailed disrespectful relation towards Supreme Soviet [Russian parliament in 1991-1993] that eventually ended up with the shooting at the White house with tank guns. I don’t reject that this parliament was conservative, stubborn, incompetent sometimes, but despite these qualities of legislature, Eltsin should not have solved the conflict through explicit

confrontation” (Y. Nesterov, 73 y.o., higher education, party functionary, in 1990s – deputy of State Duma). One more fateful event for Russian democracy that was denoted is the occurrence of Presidential elections of 1996 that are widely known for the unprecedented political campaign in support of the incumbent, Boris Eltsin, that proceeded with numerous wrongdoings and, allegedly, electoral fraud: *“They did everything, “Vote with the heart” [one of slogans of Eltsin’s electoral campaign in 1996]... and so on and so forth. As a result, we elected the poorly capable Boris Nikolayevich, who, indeed, was falling apart on the go. It was a hinged dummy. This should not have been done. It was not local, it was a global mistake: shooting and [rigged] elections”* (N. Evdokimova, 70 y.o., higher education, Executive Secretary of the human Rights Council of St. Petersburg, in 1990s – deputy of the Legislative Assembly of Saint-Petersburg). Eventually it was a dark sign for democratic procedures and institutions. In the opinions of interviewees, the two events are largely connected to the political culture of the elites that were in charge back then. First and foremost, one should understand that the new democratic elite was comprised of former Soviet “nomenklatura” (Eltsin himself was the former Politbureau candidate). Hence, despite his reputation as anti-Soviet democratic movement leader, he was still the carrier of Soviet political culture, which was characterized as *“inability to make any kind of organizations, except hierarchy of power vertical, moreover, the educated part of Russian society is essentially totalitarian in its approaches and attitudes. There is a universal social model “irremovable leader and tribe”. Therefore, the ruling part did not cope with its task and again began to build the usual vertically hierarchical society, because the educated class did not know how do that otherwise”* (S. Tsyplyaev, 63 y.o., higher education, Dean of the Faculty of Law at Institute of Management, RANEPa, ex-spokesman of the Russian President in Saint-Petersburg). Relying on this thesis the dissolution of parliament and following adoption of “personal” constitution on the referendum, alongside with fraud elections do seem to fit the logic of the person who employed democratic rhetoric to obtain power and later on used available tools to retain and it, notwithstanding to democratic procedures. Moreover, similar

logic guided many regional authorities and heads of other state bodies to sacrifice democracy in order to preserve power and its privileges, that together led to the curtailing of further reforms in democratic direction: *“As stated in the verses of Voloshin [the head of President’s Administration in 1999-2003], who always amazed me with his prophetic thought: “Not for the first time with dreams of freedom, we are building a new prison”* (S. Tsyplyaev, 63 y.o., higher education, Dean of the Faculty of Law at Institute of Management, RANEPa, ex-spokesman of the Russian President in Saint-Petersburg).

Concerning common citizens, respondents are convinced that one should not forget that in addition to state officials with Soviet mentality in charge, many of whom was “just colored in democratic colors”, there were dramatically more common citizens with Soviet legacy in form of the flawed and incomplete picture of freedom and democracy. To start with the former, the most crucial thing is that in the usual sense of Soviet person freedom was associated with West, as long as with economic prosperity and that was precisely the tragedy of Soviet person. Because the first thing he or her expected after liberalization is abundance of goods and services and opportunity to conduct idle lifestyle. It was extremely unpleasant surprise for to discover that genuine freedom demands responsibility and, in the first place, responsibility for his own fate: *“When he [the person] saw the social inequality in which he lived; when he got out of that limiter, for which he could not jump, got to the surface, the so-called freedom - he looks like, you know, like a deep-sea perch, which he was pulled out from a depth of two kilometers, and he, because he lived in the distance, internally the pressure was such that while he was being pulled out, his stomach was already throwing out. So it was with a Soviet man who lived for more than 60 years under conditions of paternalism, where his life was regulated from birth to death”* (Y. Rybakov, 77 y.o., partial higher education, member of Human Rights Council in Saint-Petersburg, in 1990s – deputy of the State Duma of two convocations). Those few who realized this maxim, started to extract benefits from prevailing conditions and most of respondents pointed to the image of the “chelnoky” (shuttles) who symbolized the dawn of Russian small business and entrepreneurship:

“Unfortunately... the vast majority of people was not among those young entrepreneurs, but they made up a part of those who were not paid for their work for months” (T. Barandova, 46 y.o., higher education, lecturer, in 1990s – assistant deputy of the State Duma). That undoubtedly contributed to the popular disappointment in the worth of freedom. With respect to this, early 2000s economic boom due to which most of Russian citizens, being satisfied with long-awaited growth of welfare, allowed new Russian leadership to launch gradual return back to authoritarian traditions and relationships.

Respondents outline the similar reason for frustration about democratic rule that is also connected with the level of well-being. Their argument is built upon the fact that the initial enthusiasm of people who persistently voted on various types of elections almost did not witness any positive consequences of their actions, the absence of which was rooted predominantly in the incredible weakness of state administrative and financial potential, apart from endless demagoguery from populists who sought the office: *“You see, in order for something to remain a democracy, you have to be that. Therefore, of course, it did not remain a democracy. (...) It moved in this direction. In the political direction, it moved very intensively; economically, it was even stronger, just almost collapsed, everything has been democratized in two days ... and the social sphere, in which there was a powerful collapse. For the Soviet person, the social sphere was the major one”* (T. Barandova, 46 y.o., higher education, lecturer, in 1990s – assistant deputy of the State Duma).

Criminality

This particular myth was confirmed by most of the informants, who agreed that the frequency and spreading of miscellaneous forms of criminal activities on various levels of societal hierarchy was perceptibly high: *“This was a big problem, as I mentioned earlier. If we are talking about ordinary people, they were afraid, because they could have been accidentally killed in some sort of scuffle. And when it comes to entrepreneurs consider an example: some entrepreneur is driving in an armored car on the University Embankment, he stops at a traffic*

light, a man with a grenade launcher approaches him, shoots and blows up his car. Here you are, please. But this, of course, those who had to [eliminate]. Or the vice-governor Manevich, who was killed from the roof with two shots. Or the murder of Galina Vasilyevna Starovoytova at her own house entrance. And sometimes random people got there by chance” (A. Sungurov, 67 y.o., higher education, head of humanitarian center “Strategy”, in 1990s – St. Petersburg City Council deputy). Nevertheless, they opposed the standpoint that it was inherent exclusively for the period of 1990s, instead all of them traced one of the sources of that phenomenon in the late Soviet Union: *“As soon as the transition to the market takes place, primary capital appears. In a significant part of these primary capital arose from those who were already illegally located: shadow businesses, shadow economy. For entrepreneurship they were imprisoned in Soviet times: if a person, for example, created an underground workshop for sewing jeans, he was considered a felon. He was put in jail, he could sit for five years. They were released, they began to engage in legal business, but the fact that they passed through prisons meant that they had great connections with the criminal world. Naturally, this one the criminal element quickly seized money and quickly seized law enforcement. They were called power entrepreneurs, that is, those entrepreneurs who were engaged not only legal business, but also the power. Formation of such a symbiosis: entrepreneurship and criminal activity – it was almost inevitable at that time”* (S. Vasiliev, 61 y.o., higher education, member of the board of the state corporation “Vnesheconombank”, in 1990s – Deputy Minister of economy of the Russian Federation). What is called “shadow economy”, the whole sector of Soviet economy, that prospered because of the eternal deficit that planned economy was not able to overcome. After the USSR collapse, so did the Soviet all-forbidding legal system and the wave of freedom literally allowed criminality to “go out of shadow” and employ even wider spectrum of methods of profit-making.

Another point made by the informants is that there was nothing especially surprising in the fact of crime level tangible upsurge. They stated that any political regime liberalization naturally leads to those such kind of social alterations,

specifically if we suppose that the scope of changes has a systematic character, as in the case of 1990s Russia: “...I had a conversation with Dutchman who said me that, guys, now you will have a crime raised up and it will crawl everywhere, because this is the period of primary capital accumulation, and you will not get away from Marx in this plan, and, of course, they will be use all the mechanisms that are possible.” (Y. Vdovin, 80 y.o., higher education, publicist, in 1990s – St. Petersburg City Council deputy). Criminals, due to their intra-organizational connections turn out to be the first ones who are capable to adapt to the new social and legal conditions and, thanks to this advantage, they could enjoy the benefits of the systematic chaos on the initial stages of fundamental liberalization that includes empty legal field, weakening of state administrative and law-enforcement capacities: “Of course, at that time there was still no legislation that would allow in fact to fight this. The prosecutor’s office made a helpless gesture and said: “And on the basis of what do we have to imprison this or that, when you still do not have such an article in the Criminal Code?” (Y. Rybakov, 77 y.o., partial higher education, member of Human Rights Council in Saint-Petersburg, in 1990s – deputy of the State Duma of two convocations). One of the respondents even proposed the idea that the essential proportion of criminal community in 1990s made up former law enforcement and military officers so-called “siloviki”, who painfully yearned about former imperial pride and did not associate their officer’s duty with democratic leaders, who were seen as “betrayers of Motherland”.

Still, there is one more reason, according to the interviewees’ insights, why pervasive criminality was not the peculiar feature of only 1990s period. They rejected the myth that new Russian government succeeded in tackling criminal elements in the early 2000s, since it imprisoned only few of them, while many of them were assimilated: “It’s hard to say that the whole criminal business was suppressed. Organized criminal groups simply merged with the state at a very high level, breaking through to higher floors” (S. Tsyplyaev, 63 y.o., higher education, Dean of the Faculty of Law at Institute of Management, RANEPa, ex-spokesman of the Russian President in Saint-

Petersburg). Moreover, in the contemporary Russia, the criminality brings drastically more harm than it did during 90s. The only cause why this fact does not yet recognized by people is that the “crimson jackets”, who had frightened whole districts and get involved in shootout with similar “thugs”, were replaced by “people in expensive business suits”, who collect tribute not from separate entrepreneurs, but from the people of the whole country and do it explicitly through various corruption practices which was not the commonplace in 1990s at all. The last point, though, could not have been taken for granted since it presented the self-evaluation by respondents of their own group.

Chechen wars

The inclusion of Chechen wars in the current thematical scope seems odd from the very beginning. While we discuss broad layers of historical timeline such as a transition from one political regime to another that include a multitude of processes, the Chechen wars are two solitary cases of events with distinct timing, seemingly too narrow to conduct a comprehensive analysis upon. Their frequency of appearance as one of the noticeable stamps of the 1990s does, however, put them in the same cognitive spot when a narrative about the period emerges. The exceptionally tragic aftermath of both events became one of the key accounts on why such placement occurs. Unlike the previous subsections, we can no longer perceive the group of informants as congenerous – the degree of involvement into the wars varies vastly between them, so separate narratives arise, though with similar structure. Thus, we analyze patterns in three distinguished cases: direct on-site involvement in the events of Chechen wars (or at least one of them), decision-making that could have impacted the course of wars and observation of inside political processes involved.

We begin with the narratives of respondents who experienced the wars directly. On-site involvement, such as diplomatic missions, usually corresponds with a more tremulous regard towards the topic and this case is no exception. The emotional memory which affects the responses plays a factor here

which can be seen from the style of language: *“the war was truly, truly felonious, I cannot name it otherwise... they turned it into a bloody massacre”* (N. Evdokimova, 70 y.o., higher education, Executive Secretary of the Human Rights Council of St. Petersburg, participated in human rights missions during the first Chechen war). All of the respondents here have expressed a similar attitude towards the purpose and course of the war – it could absolutely had been avoided and appeared unnecessary: *“... that it could have been avoided – absolutely. Moreover, we worked a lot within the framework of the Strategy Center in Chechnya in the late 2000s, when everything was more or less alright there. And the participants of the seminars, people who worked in the administration before, told me that the agreement on “delimitation of powers between Russia and Tatarstan”, successfully signed in 94, was written in Grozny. It was written to be signed by Eltsin. And Eltsin was completely fine with the agreement”* (A. Sungurov, 67 y.o., higher education, head of humanitarian center Strategy, participated in the human rights missions during the first Chechen war). In this context, the notion of “small victorious war” which was imposed by the higher authorities was brought up by two respondents: *“The situation, in which Eltsin started to believe that “small victorious war” can stop the separatism in the whole republic, was created artificially”* (Yuliy Rybakov, 77 y.o., partial higher education, member of Human Rights Council in Saint-Petersburg, participated in negotiations in Budennovck during the first Chechen war). We can conclude that the position of those who were directly involved in those wars, though holding official positions, is not much different from most of the common population, especially those that suffered from the consequences of military actions. Despite that, there are insights on the causal mechanisms behind the outbreak of the war which may be considered as contribution to the demythologization, such as the existence of “tight barrier” around president Eltsin which “tricked” him into the beginning of the first war: *“a president was tricked by a tight barrier around him which did not let him meet Dudaev”* (Yuliy Rybakov, 77 y.o., partial higher education, member of Human Rights Council

in Saint-Petersburg, participated in negotiations in Budennovck during the first Chechen war).

The narratives of the respondents who were involved in the decision-making are for the most part similar, though they contain *more straightforward responses*: *“At that time I was a member of the Presidential Council and I said: “I am against the Chechen war... Adamantly against!”* (P. Filippov, 73 y.o. higher education, public figure, participated in strategical decision-making regarding the first Chechen war in the Presidential Council). It appears that the character of their work ethic made them contemplate on a more deliberate approach to the war itself, though still condemning its emergence.

Surprisingly, those respondents, whom we can define as “inside observers”, witnessing the process of the decision-making but not engaging in it, departed from the two previous groups on one statement. Generally, they tended to imply that the war could not have been avoided, using more elusive phrasing as: *“The state is falling apart. Chechnya is declaring its independence. If we put ourselves in Eltsin’s shoes, it is hard to imagine other, politically available solutions of that problem”* (S. Tsyplyaev, 63 y.o., higher education, Dean of the Faculty of Law at Institute of Management, RANEPa, ex-spokesman of the Russian President in Saint-Petersburg). It is not our task to discern which perspective provides a more factual and feasible argument, though it is worth noting that the perception of “observers” could have been distorted by inability to affect the outcome of the war. In itself, the case of Chechen wars is by far the most complicated one in the context of demythologization since there are too many confounded groups involved, in which one perspective barely gives out a comprehensive contribution.

Conclusion

Discussed in this paper are results of work provided and the significance of present research findings for existing academic framework regarding research object (i.e. mythologization of the 1990s). We managed to collect comprehensive and extensive responses from political decision-makers of the 1990s and analyze those responses in all the eminent

thematical provisions that are connected to the mythologization of the period with the reference to the theoretical foundation. Although the research method itself (interview with several decision-makers of 90s) is not unique and does not stand strong by its own the given paper out of other works of its kind, what virtually does highlight the peculiarity of it is the research object. Meanwhile, major studies in the field examine opinions and insights of respondents towards specific issues of that time that attach them articulate historical orientation, the given research inextricably binds contemporary phenomenon, which is mythologization and its agents, with events that occurred in a period of time in the past. What is more, unlike the majority of papers on the issue of mythologization, the present work makes it possible to identify not only concrete features of the representation of 1990s in mass consciousness, but also to trace objective political processes behind it by means of collation of historical context with interviewees' insights that are also backed our theoretical grounds, the thing that many studies in the field lack chronically. It means that the contribution of this paper to the overall scope of knowledge on the issue of mythologization relates to the opportunity to explore broader range of political phenomena, utilizing the data obtained from informants.

One of the numerous possible illustrations of applications of inferences that we reach in the study of demythologization is the topic of reinforcing of myths about 1990s by current Russian government as an essential part of implicit state ideology, mentioned briefly in this paper. That could be seen from the perspective of Carr's and Ricoeur's theses on interpretation of national history for contemporary regime for the sake of its own legitimization as well. Thus, apart from the distinctive picture of findings concerning the prevalence, content and origins of myths about the 1990s, the present research could represent an interest as a source of experts' insights and data for studies of current Russian identity politics.

From what has been formulated, we can make out a coherent conclusion. The inside view on the political history of Russia in the 1990s reasonably contributes to the demythologization process by providing a historical perspective which emphasizes broader spectrum of causal mechanisms

of particular events as well as revealing favorable outcomes of those events, invisible from a scholar or observer outlook. Nonetheless, it is clear that the single group of narratives is not entirely sufficient to perform a massive achievement in the demythologization of the period as a whole, and sometimes even in specific cases, as we illustrated on the example of Chechen wars. On an expansive level, empirical research has to be conducted studying responses of multiple social and cultural groups. For that purpose, this paper might serve as a solid foundation.

References:

- A Period of Reforms in Russia – Myths and Reality / Ed. by G.V. Osipov. Moscow: ISPR RAS, 2014. 510 p.
- Actual Problems of Teaching History and Social Science in Schooling Institutions of Various Types: Collective Monography / Ed. by L.V. Alekseeva. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovck State University, 2016. 196 p.
- Alshenqeei, H.* Interviewing as a Data Collection Method: A Critical Review // *English Linguistics Research*, 2014, No. 1.
- Carr, E.H.* What is History? Penguin UK, 2018.
- Corn, M.G.* Russian Political Myths as Mythologizing of the Past // *Vestnik of Moscow State Art and Cultural University*, 2011, No. 5, pp. 117-122.
- Gorbatova, N.V.* Phenomenon of Mythology in Russia's Political Scene: the 90s: Thesis: cand. of political science: 23.00.02 / Natalia Valentinovna Gorbatova; RANEP. Saint Petersburg, 2004. 160 p.
- Goryeva, T.M.* Political Censorship in the USSR: 1917-1991. 2 ed. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2009.
- Iggers, G.* Review of History and Truth. In: *The American Political Science Review*. New York: State University of New York, 1966. P. 118.
- Levchenko, Y.* Neprikosnovennyj zapas, 2005, No. 2-3, pp. 40-41 – Review: The Past Is a Foreign Country. Lowenthal D.; transl. by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 624 p.
- Lukin, A.V.; Lukin, P.V.* Myths of Russia's Political Culture and Russian History // *Polis*, 2009, No. 2, pp. 147-162.
- Ricoeur, P.* History and Truth. Northwestern University Press, 1965.
- Ricoeur, P.* Memory, History, Forgetting. University of Chicago Press, 2004.
- Rudenko, Z.Y.* Stereotypes of Political Power in Russia // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, No. 3, pp. 265-268.
- Sogrin, V.V.* Political History of Modern Russia. 1985-2001: From Gorbachev to Putin. 4 ed. Moscow: Ves' Mir, 2001
- Timofeeva, O.* History and Truth Review // *Neprikosnovennyi Zapas*, 2005, No. 2-3.
- Vyazemskiy, Y.* Problem of Falsification of Russian History and the General Historical Education: Theoretical and Practical Aspects // *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2012, No. 1, pp. 28-43.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10040

ВНУТРЕННИЙ ВЗГЛЯД НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ РОССИИ 1990-х ГОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ

Илья Олегович Вяткин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Артем Владимирович Максимов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 августа 2019 <i>Принята к печати:</i> 10 января 2020</p>	<p>Аннотация: Целью данного исследования является обнаружение причин, почему период девяностых годов российской истории XX века окружен целой плеядой стереотипов, мифов, объединенных клише «лихие девяностые». Также в этой работе делается попытка проанализировать, насколько субъективны по своей природе наиболее распространенные из этих мифов.</p>
<p>Об авторах: <i>Вяткин И.О.</i>, студент образовательной программы «Политология и Мировая Политика», Департамент Прикладной Политологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения e-mail: iovyatkin@edu.hse.ru <i>Максимов А.В.</i>, студент образовательной программы «Политология и Мировая Политика», Департамент Прикладной Политологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения e-mail: avmaksimov_1@edu.hse.ru</p>	<p>В связи с этим, первую часть работы занимает обзор литературы, посвященной природе социальной «мифологизации» исторических событий, на основе которого делаются выводы о значимости субъективной трактовки прошлого («конструирования истории») как инструмента легитимизации настоящего, прежде всего политического. Кроме того, обзор обнаруживает ряд устойчивых исторических нарративов, ассоциирующихся с 1990-ми годами, эксплицитно и имплицитно циркулирующих в российском политическом дискурсе.</p> <p>Методологической основой работы выступают глубинные интервью с людьми, занимавшими посты в органах российской государственной власти в 1990-е. В результате проведения интервью, жизненные трудности, с которыми столкнулось большинство граждан на протяжении 1990-х годов, вкупе с использованием негативно окрашенного идеологического штампа «лихих 90-х» современным российским политическим режимом были отмечены информантами в качестве основных причин мифологизации. В свою очередь, при разборе конкретных мифологем, связанных с тем или иным событием или процессом, респонденты оказались едины во мнении, что все заявленные «мифы» являются упрощенными производными рецепции данных явлений обывателями, страдающими от недостаточного понимания глубины и комплексности происходившего. Отдельное внимание при этом обращается на субъективное сравнение качества жизни в 1990-е и в 2000-е годы.</p> <p>Делается вывод о том, что наличие квази-официальной позиции государства, поддерживающей обывательское представление о 1990-х, накладывает определенные ограничения на масштаб и интенсивность публичной дискуссии о роли 1990-х годов в истории российского государства, что определенно препятствует демифологизации данного периода в массовом сознании.</p>
<p>Ключевые слова: Российская политическая история; демифологизация; девяностые годы; политика памяти; идеология; реформы; общественное сознание</p>	

Для цитирования: Viatkin, Iliia O.; Maksimov, Artem V. Inside View on Political History of Russia in the 1990's as a Tool of Demythologization // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 112-129.

DOI: DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10040

For citation: Viatkin, Iliia O.; Maksimov, Artem V. Inside View on Political History of Russia in the 1990's as a Tool of Demythologization // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 112-129.

DOI: DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10040

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10041

ФРАНЦИЯ В АРКТИКЕ: В ПОИСКАХ «МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ»

Михаил Борисович Башкиров

*Северо-Восточный федеральный университет,
Якутск, Россия*

Марина Егоровна Антонова

*Университета Версаля Сен-Квентин-ан-Ивелин,
Версаль, Франция*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 декабря 2018 <i>Принята к печати:</i> 13 октября 2019</p>	<p>Аннотация: Арктическое направление не принадлежит к числу традиционных приоритетов французской внешней политики. Тем не менее в последние десятилетия Арктика прочно вошла в орбиту национальных интересов Парижа. Политический опыт, накопленный на антарктическом направлении, дает Франции основания считать себя «полярной нацией» и претендовать на статус «арктического актора». Ключевым тезисом национальной арктической стратегии «Великий вызов Арктики. Национальная дорожная карта Арктики» 2016 г. является поиск форм коллективного управления регионом, которые могли бы стать привлекательны для международного сообщества. Ближайшим партнером Франции на этом направлении является ЕС. При этом большинство членов Арктического совета не устраивает сценарии управления Арктикой, предлагаемые внерегиональными игроками. Сегодня найти новые формы взаимодействия в регионе представляет собой для Франции не простую задачу: за исключением деятельности в области ТНК, Париж не относится к числу первостепенных партнеров для арктических государств. Попытки превратить «субарктический» архипелаг Сен-Пьер и Микелон в плацдарм для гипотетической экспансии Франции в Арктику являются довольно маловероятными. Экологическая тематика играет важнейшую роль во французской политике в циркумполярном регионе. Глобальный характер экологических проблем, в особенности изменения климата, подчеркивается как в официальных документах, так и в заявлениях высших лиц Пятой республики. В ближайшей перспективе при Э. Макроне Франция намерена стать мировым лидером в области борьбы против глобального потепления. Кроме того, новый полярный посол Франции С. Руаяль имеет огромный опыт в решении экологических проблем и пользуется значительным авторитетом в этой области.</p>
<p>Об авторах: <i>Башкиров М.Б.</i>, к.и.н., доцент кафедры международных исследований, СВФУ e-mail: bashkiroffm@gmail.com <i>Антонова М.Е.</i>, магистрант, Университет Версаля Сен-Квентин-ан-Ивелин e-mail: akayuki@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Арктика; Арктический совет; Франция; Сеголен Руаяль; Мишель Рокар</p>	

Арктика не относится к числу перво-степенных приоритетов французской внешней политики. Будучи внерегиональной державой Франция, тем не менее, в полной мере позиционирует себя как «арктического актора» и «полярную нацию», ссылаясь на дипломатический опыт, приобретенный на антарктическом направлении. С первой половины XIX в. Франция регулярно осуществляла полярные и арктические экспедиции и, несомненно, внесла свой вклад в откры-

тие и исследование региона. На протяжении последних лет на арктическом направлении главной задачей для Франции стал поиск юридических оснований в сотрудничестве с приполярными государствами. В 2009 г. при президенте Н. Саркози внешнеполитическая активность Франции в Арктике обрела новые контуры: в рамках дипломатического ведомства была учреждена уникальная должность «полярного посла» (*Ambassadeur de France chargé des négociations internationales*

relatives aux pôles Arctique et Antarctique), которую вплоть до своей кончины в 2016 г. занимал бывший премьер-министр страны М. Рокар¹. Главным итогом работы М. Рокара стало принятие первой национальной программы освоения Арктики – “Великий вызов Арктики. Национальная дорожная карта Арктики” (*Le grand défi de l'Arctique. La feuille de route nationale sur l'Arctique*), реализовывать которую придется уже С. Руаяль.

В своей арктической стратегии французы отталкиваются от формулы «то, что происходит в Арктике, не остается в Арктике», иными словами, последствия изменений окружающей среды и климата, происходящие в циркумполярном регионе, в той или иной мере становятся чувствительны во всем мире. Еще в 2009 г. в известном экологическом «Законе Гренель 1» (*Grenelle de l'environnement (1)*) подчеркивалась значимость арктической проблематики, в связи с растущей доступностью Северного Ледовитого океана. Во многом экологическая риторика является краеугольным камнем французской политики в циркумполярном регионе. Глобальный характер экологических проблем подчеркивается как в официальных документах, так и в заявлениях высших лиц Пятой республики. Так, в 2015 г. на ассамблее «Арктического Круга» в Исландии Президент Ф. Олланд в очень темных красках говорил об угрозе глобального потепления и изменения климата на Севере. Также Олланд сделал громкое заявление об отказе Франции эксплуатировать большинство известных в Арктике ресурсов².

¹ Данный пост был создан в 2009 г. и принадлежит к числу так называемых «тематических постов», не связанных с конкретной страной. Такого рода дипломаты также относятся к Министерству иностранных дел. В большинстве их миссии связаны с конкретным направлением работы: посол по международным инвестициям, посол по правам человека, посол по миграционным вопросам, посол по кооперации в Индийском океане и т.д.

² Au pied d'un glacier islandais, Hollande craint “la disparition de l'Histoire” // *La Depeche*, 16.10.2015. Mode of access: <https://www.ladepeche.fr/article/2015/10/16/2199162-pied-glacier-islandais-hollande-craint-disparition-histoire.html>

Бизнес-интересы Пятой республики в Арктике

Наиболее четко интересы Парижа в Арктике выражены в области интернационализации транспортных путей, рыболовстве и импорте природного газа и тесно связаны с интересами французского бизнеса. Сегодня Арктика занимает важное место в деятельности целого ряда французских компаний: *Engie* (углеводороды), *EngieFabricom* (строительство платформ), *TechnipFMC* (подводная инженерия), *CGG* (геофизические услуги), *Bourbon Offshore Norway* (нефтяная инфраструктура), *FROM Nord u Euronor (рыболовство)*, *CMA-CGM* (морские перевозки). Но «львиная доля» французского присутствия в регионе приходится на крупнейший нефтегазовый концерн *Total*.

Концерн действует в рамках экологической и энергетической политики Парижа, отталкиваясь от принципов Парижского соглашения 2015 г. Компания полностью отказалась от добычи угля и постепенно снижает количество добываемой и перерабатываемой нефти. Еще в 2012 г. директор *Total* К. де Маржери заявил, что компания в связи с экологическими угрозами, отказывается от добычи нефти в Гренландии, так как это было бы катастрофой и концентрирует свои усилия на добыче природного газа в Арктике. В наибольшей мере *Total* присутствует в российском и норвежском арктических секторах.

В Норвегии *Total* работает с 1965 г. через дочернюю компанию *Total E&P Norge*. В среднем *Total* добывает около 239 тыс. баррелей нефтяного эквивалента в день, из которых 40% приходится на газ³. В норвежской Арктике компания ведет добычу газа в Баренцевом и Норвежском морях (например, месторождение Снёвит, Тириханс, Кристин и др). Большая часть импортируемого природного газа прибывает во Францию через Дюнкерк из южной Норвегии (Северное море) через газовый трубопровод *Franpipe*.

В российской Арктике находятся крупнейшие доказанные запасы из всех разведан-

³ Total E&P Norge AS Annual Report 2017. Mode of access: www.total.no/en/download/document/5766/8032

ных *Total* нефтегазовых месторождений, что на конец 2017 г. составило 21%⁴. Концерну принадлежат 18,9% акций ПАО «НОВАТЭК» и 20% в проекте «Ямал СПГ». В рамках проекта предполагается добыть 4,6 млрд баррелей нефтяного эквивалента. Сжиженный газ будет поставляться на рынки Европы и Азии в период летней навигации из порта Сабетта с помощью СПГ-танкеров ледового класса, которые будут курсировать через Северный морской путь. Летом 2017 г. грузовой «Кристоф де Маржери» совершил свой первый рейс по Севморпути из Мелькёя в город Порён (Южная Корея). Это был первый коммерческий рейс танкера такого типа без сопровождения. Кроме проекта «Ямал СПГ», *Total* владеет 49% прибыли от месторождения Термокарстовое, 49% АО «Тернефтегаз» (оператора месторождения Термокарстовое) и 20% в Хьяргинском месторождении, а также имеет долю в нескольких других месторождениях, принадлежащих ПАО «НОВАТЭК». В конце мая 2018 г. на Петербургском международном экономическом форуме *Total* в присутствии президентов обеих стран заключило новое соглашение с ПАО «НОВАТЭК» о приобретении 10% в новом проекте «Арктик СПГ2», который будет реализован на месторождении «Утреннее» (Саламановское).

В 2016 г. во Францию из России было импортировано 9441 млн. куб. м. природного газа и 12075 тыс. тонн нефтепродуктов⁵ (для сравнения из Норвегии – 19699 млн куб. м природного газа и 5314 тыс. тонн нефтепродуктов⁶). Отметим, что режим санкций, введенный против РФ государствами ЕС, не затронул интересы концерна в российской Арктике. Правительство Франции не ввело никаких ограничений на деятельность концерна, по всей видимости, учитывая стратегический характер этого направления.

Другая важная для Парижа область в Арктике – морские биоресурсы, а именно рыба. Повышение температуры мирового океана служит причиной миграции многих видов рыб в северные широты, что с одной стороны рассматривается во французской арктической стратегии как повод для беспокойства, с другой – как новая перспективная возможность. Так, из Норвегии в 2017 г. было импортировано 115 238 тонн рыбы стоимостью 763 млн евро (86% лососевые)⁷. Треска в 2017 г. экспортируется из Исландии, Норвегии и Дании, а минтай из США. А для гренландской компании *Royal Greenland* Франция стала главным рынком реализации обработанного гренландского палтуса⁸.

В канадской Арктике интересы французских компаний представлены несколько скромнее. Так, компания *Orano* участвует в проекте разведки месторождений урана в Нунавуте; *Voisgues et Colas* принимает участие в реновации аэропорта г. Икалуит; *Canarail* (дочерняя компания *Systra*) развивает железнодорожную структуру для железорудного предприятия на Баффиновой Земле. Туристическим бизнесом в канадской и российской Арктике занимаются крупная круизная компания *Ponant*, которая предлагает туры класса люкс в западную Гренландию, Исландию, Шпицберген, Российские Алеутские острова и Аляску, а также специализированные турагентства: *Grand Nord* и *Grand Large (GNGL) и 66° Nord*.

В целом, в отличие от большинства государств ЕС французский бизнес имеет относительно широкие интересы в регионе и заинтересован в увеличении своего присутствия в Арктике. Однако это не возможно без усиления французского присутствия в регионе и роста значения Франции в контексте международных отношений в Арктике.

⁴ E&PNorge AS Annual Report 2017. Mode of access: www.total.no/en/download/document/5766/8032

⁵ Le service de la donnée et des études statistiques (SDES) “Bilan Energetique France 2016”. Mode of access: <http://www.statistiques.developpement-durable.gouv.fr/publications/p/2764/1080/bilan-energetique-france-2016.html>

⁶ Eurostat. Energy. Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/energy/overview>

⁷ FranceAgriMer. Données et bilans Pêche: Commerce extérieur des produits de la pêche et de l'aquaculture 2017. Mode of access: <http://www.franceagrimer.fr/filiere-peche-et-aquaculture/Informations-economiques/Chiffres-et-bilans>

⁸ Annual Report Royal Greenland A/S, 2017. Mode of access: <https://www.royalgreenland.com/royal-greenland/sustainability/related-documents/>

Окно в Арктику

Найти новые формы взаимодействия в Арктическом регионе представляет для Франции не простую задачу: за исключением деятельности в области ТНК Париж не относится к числу первостепенных партнеров для арктических государств. Выражаясь метафорически, перед внешней политикой Франции стоит задача прорубить окно в Арктику. Одну из таких попыток в недавнем прошлом предпринял Ф. Олланд, пытаясь «приблизиться» к Арктике с помощью «субарктических» островов Сен-Пьер и Микелон. Действительно, географически наиболее приближенной к Арктике частью Франции являются острова Сен-Пьер и Микелон, лежащие в северо-западной части Атлантики. Архипелаг расположен к востоку от залива Святого Лаврентия, в непосредственной близости от канадской провинции Нью-Фаундленд и Лабрадор. Во Франции принято считать, что архипелаг относится к области «субарктики», хотя лежит на той же широте, что и Нант.

Уже в XVI в. французские рыболовы промышленяли у берегов Ньюфаунденда и Лабрадора. А в следующем столетии мехоторговцы и солдаты из Новой Франции (нынешний Квебек, Канада) по рекам добрались до берегов залива Джеймс и Гудзонова залива, где столкнулись с противодействием англичан в лице Компании Гудзонова залива. Еще в 1672 г. торговцы Новой Франции создали специальную «Северную компанию», но закрепиться на севере Канады на длительное время им так и не удалось. После подписания Парижского мирного договора (1763 г.) Франция лишилась всех своих владений в Северной Америке (за исключением островов Сен-Пьер и Микелон), а следовательно, и выхода в Арктический регион.

Сегодня архипелаг имеет статус заморского сообщества (*Collectivité d'outre-mer*; ранее заморский департамент), а его население немногим превышает 6000 человек. Главная отрасль местной экономики – добыча и переработка трески. Архипелаг обладает определенным потенциалом в области туризма, который до сих пор остается не задействованным. Экономика этого

форпоста ЕС в Северной Америке основана исключительно на рыболовстве: более половины бюджета сообщества поступает в виде дотаций Парижа. В 1992 г. между Францией и Канадой состоялся международный арбитражный суд по поводу разграничения акваторий, в результате решения суда исключительная экономическая зона Франции была сокращена. Это стало сильным ударом по рыболовной отрасли, последствия которого ощущаются на архипелаге и по сей день. В 2014 г. Комиссия ООН по разграничению континентальных шельфов приняла меморандум о расширении континентального шельфа островов, что предполагает пересмотр границ ИЭЗ, установленной в 1992 г. Однако стратегически пересмотр границ ИЭЗ не сможет кардинально повлиять на судьбу островов, так как океанское дно в этом районе не имеет ценных ресурсов⁹.

Для Франции острова имеют важное символическое значение. Архипелаг был открыт еще Ж. Картье, сегодня это единственная территория Франции в Северной Америке, сохранившаяся со времен Новой Франции. Визит Ф. Олланда на архипелаг в 2014 г., дал новый импульс дискуссии о будущем сообщества, которое могло бы быть связано с продвижением национальных интересов в Арктике. Президент Пятой республики представил жителями архипелага проект строительства на о. Сен-Пьер крупного логистического узла по перегрузке морских контейнеров¹⁰. Также архипелаг мог бы стать центром по оказанию различных (главным образом технических) услуг и логистической базой для предприятий, использующих французские технологии в Арктике. Кроме того, высказывались и куда более экзотичные идеи о создании «первой арктической базы дронов», «финансового

⁹ Union européenne et Arctique: pour une politique ambitieuse et étoffée. Rapport d'information n° 499, 2017 Mode of access: http://www.senat.fr/rap/r16-499/r16-499_mono.html#toc133

¹⁰ Saint-Pierre-et-Miquelon: un projet de grand port de transbordement, *Le Marin*, 23 décembre 2014. Mode of access: <http://www.lemarin.fr/secteurs-activites/shipping/20510-saint-pierre-et-miquelon-un-projet-de-grand-port-de-transbordement>

арктический центра» и базы для полярных старт-апов»¹¹.

Но такие варианты будущего о. Сен-Пьер и Микелон носит скорее утопический, чем прагматический характер. Прежде всего, близость архипелага к Арктике довольно иллюзорна: южная точка Гренландии лежит на расстоянии 1650 км, вход в Северо-Западный проход – на расстоянии 3230 км. Местный порт пока что не может принимать крупнотоннажные суда, так как глубина в прибрежной зоне составляет всего 9,5 метров (для сравнения в соседнем канадском Сен-Джоне – 11,8 м, а в Галифаксе – 16,8 м). Помимо этого, услуги по перегрузке контейнеров на региональные рейсы в США и Канаде оказывает множество гораздо более крупных и модернизированных морских портов. Чтобы стать полноценным конкурентом на этом рынке в инфраструктуру порта необходимо инвестировать не менее 300 млн евро¹². К тому же, помимо Галифакса и Сент-Джона, конкуренцию в ближайшем будущем могут составить и арктические порты – гренландский Нуук и канадский Белледун.

Арктическая политика Пятой республики в XXI веке

Еще в 2000 г. Французская Республика получила статус наблюдателя в Арктическом Совете (далее – АС) – важнейшим межправительственным форуме по вопросам Арктики. Также Пятая республика имеет статус наблюдателя в Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), форуме межгосударственного сотрудничества по вопросам, касающимся Баренц-региона. Кроме того, Франция принимает участие в работе Северного Измерения – совместного проекта ЕС, России, Норвегии и Ислан-

дии, Международной морской организации (ИМО), Международного комитета по арктическим наукам (IASC). Между тем именно в АС усилия французской дипломатии наиболее артикулированы.

В работе АС принимают участие постоянные участники – государства-члены совета и представители шести организаций коренных народов Арктики. К числу стран-участниц Совета принадлежат Россия, Канада, США, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания (Гренландия) и Исландия. Это единственный форум, объединяющий вместе все восемь приполярных государств и аборигенные организации. Совет был создан в 1996 г. и призван содействовать сотрудничеству между арктическими государствами, коренными сообществами и остальными жителями Арктики в решении общих проблем главным образом гуманитарного и экологического характера. АС не является международной организацией, не имеет программного бюджета, и его решения не носят юридически обязательный характер. Тем не менее, документы, принимаемые в рамках Министерских встреч Совета, оказывают заметное влияние на политику арктических государств.

Статус наблюдателя позволяет Франции участвовать в рабочих группах Совета, вносить проектные предложения и выступать на заседаниях вспомогательных органов. Три государства ЕС являются членами АС (Дания, Швеция, Финляндия) и восемь имеют статус наблюдателя: Франция, Германия, Польша, Испания, Нидерланды, Великобритания и Италия (9 международных межправительственных организаций и 11 международных неправительственных организаций). В отличие от Дании, неарктические государства ЕС не имеют территориальных претензий в регионе. Будучи наблюдателями совета, они автоматически признают суверенные права арктических государств в регионе и положения Иллулисатской декларации, объявившей Конвенцию ООН по морскому праву основным нормативным актом, действующим в Северном Ледовитом океане.

Франция в лице М. Рокара на протяжении последнего десятилетия регулярно выступала с критикой совета как в органи-

¹¹ Mered, M. François Hollande à Saint-Pierre-et-Miquelon: la France à la conquête de l'Arctique // *Figaro Vox*, 23 décembre 2014. Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/12/23/31001-20141223ARTFIG00312-francois-hollande-a-saint-pierre-et-miquelon-la-france-a-la-conquete-de-l-arctique.php>

¹² Lasserre, F. Saint-Pierre-et-Miquelon: tremplin de la France vers l'Arctique? // *Les Grands Dossiers de Diplomatie*, 2015, No. 27, pp. 22-23.

зационных, так и в политических аспектах. Резкое осуждение М. Рокара вызвало нежелание АС принимать в качестве наблюдателей Китай, Италию и Европейский союз. Более того Рокар не стеснялся называть деятельность совета «провальной» и «неэффективной», сравнивая организацию с «советом попечителей имущества»¹³. Другим постоянным объектом критики М. Рокара была политика Канады по утверждению своего суверенитета в Арктике во второй половине 2000-х гг.: так, полярный посол Франции заявлял, что политика страны кленового листа на севере носит «крайне суверенистский характер и практически не имеет под собой оснований»¹⁴. По мнению М. Рокара Канада не способна обеспечить наличие необходимой инфраструктуры в Северо-западном проходе (маяков, буев, спасательных вертолетов, точных карт и т. д.), а АС не способен выработать и зафиксировать обязательные правила для навигации по этому маршруту¹⁵. В свою очередь, Канада, защищая собственный суверенитет в арктических акваториях Северо-западного прохода, настаивала и продолжает настаивать на том, что «арктический вопрос» не требует серьезных изменений в структуре управления и правовых рамках.

При назначении М. Рокара на пост «полярного посла» не последнюю роль сыграл его опыт при составлении Мадридского протокола 1991 г. об охране окружающей среды Антарктики, ставшего неотъемлемой частью системы Договора об Антарктике (СДА). Благодаря Мадридскому протоколу Антарктика получила статус природного заповедника, где запрещена любая промышленная

деятельность. Традиционно считалось, что трансфер ряда элементов международно-правового статуса Антарктики на Арктику был бы выгоден Франции¹⁶. Согласно Договору 1959 г. в Антарктике установлена система международного управления над самим континентом, шельфом, островами и акваториями, южнее 60-й параллели. Именно поэтому идея объединить два полюса в фигуре «полярного посла» не была случайной. Но в сложившейся в последние годы ситуации антарктический опыт Франции и лично М. Рокара, фактически, оказался бесполезен, в чем открыто признавался и сам «полярный посол». По словам Рокара, проблемы рыболовства, углеводородов, сохранения биоразнообразия и судоходства в Арктике следует рассматривать не комплексно, а в рамках отдельных международных юридических институтов¹⁷.

С 2013 г. правительство Франции начало вести работу по выработке национальной арктической стратегии. Первым шагом в этом направлении стала координация работы по циркумполярным вопросам между четырьмя французскими ведомствами и несколькими государственными учреждениями под эгидой Министерства по делам Европы и внешних связей. Координатором группы стал М. Рокар¹⁸. Группа ориентировалась на решение четырех задач: выявление интересов Франции в арктическом регионе; усиление легитимности участия Франции в международных отношениях в Арктике; работа в области уравнивания национальных и общемировых интересов по организации

¹³ Rocard, Denis A. Michel: “l’Arctique est géré comme un syndic de propriété”. *Liberation*, 03.02.2013. Mode of access: http://www.liberation.fr/futurs/2013/02/03/michel-rocard-l-arctique-est-gere-comme-un-syndic-de-propriete_878996

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Shields, A. Visite de l’ancien premier ministre français – Arctique: la fin du “chacun chez soi” est inévitable, croit Michel Rocard // *Le Devoir*, 9.08.2011. Mode of access: <https://www.ledevoir.com/politique/canada/328997/visite-de-l-ancien-premier-ministre-francais-arctique-la-fin-du-chacun-chez-soi-est-inevitable-croit-michel-rocard>

¹⁶ Рубинский Ю.И. Стратегия Франции в Арктике // *Современная Европа*. 2012. №3. С. 19-28. [Rubinsky, Y.I. Strategia Francii v Arktike (Strategy of France in Arctic) // *Sovremennaya Evropa*, 2012, No. 3, pp. 19-28].

¹⁷ Rocard, Denis A. Michel: “l’Arctique est géré comme un syndic de propriété”. *Liberation*, 03.02.2013. Mode of access: http://www.liberation.fr/futurs/2013/02/03/michel-rocard-l-arctique-est-gere-comme-un-syndic-de-propriete_878996

¹⁸ Министерство обороны; Министерство экологии, устойчивого развития и энергетики, Министерство образования и науки, Министерство финансов; Полярный институт Поля-Эмиля Виктора, Национальная Гидрографическая Служба

управления Северным Ледовитым океаном; содействие охране уникальной и уязвимой морской среды на высоком уровне¹⁹. Результатом работы этой сети стало создание в 2016 г. национальной стратегии освоения Арктики «Великий вызов Арктики. Национальная дорожная карта Арктики» (*Le grand défi de l'Arctique. La feuille de route nationale sur l'Arctique*), представленной министром иностранных дел Ж.-М. Айро.

Ключевая идея стратегии сводится к тезису об усилении коллективного управления в Арктике и более активного участия в этих процессах международного сообщества в качестве противовеса «скромной деятельности» АС и ограниченному участию наблюдателей в организации. «Текущие процессы укрепления суверенитета прибрежных государств в их северных зонах (различные морские границы, расширение континентального шельфа, юридический статус полярных проливов, интересы национальной безопасности и т.д.) открывают для многих из них цели коллективного управления, которые, вероятно, заинтересуют международное сообщество»²⁰. В качестве примера возможности осуществления такого «коллективного управления» можно привести первый юридически обязывающий документ, принятый АС в гренландском Нууке в 2009 г., – Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Так за каждой из стран АС закреплена поисково-спасательная зона ответственности, но границы зон не обязательно совпадают с межгосударственными. Кроме того спасательный потенциал некоторых арктических государств, особенно, Канады и Дании не достаточно развит и требует серьезных финансовых вложений.

Важнейшим партнером Франции на арктическом направлении традиционно выступает ЕС, позиция которого во многом была сформирована под влиянием Парижа. Пятая республика поддерживала и поддерживает статус ЕС в качестве наблюдателя

в АС, указывая на совпадение стратегических приоритетов и вклада ЕС в научные исследования в Арктике. Но вплоть до сегодняшнего дня официально статус наблюдателя Евросоюза остается не согласованным. Против этого шага главным образом выступают Канада и Россия, указывающая на такие препятствия, как двойное представительство ЕС в форуме и введенные против РФ санкции. В свою очередь у Канады еще в 2009 г. возникли разногласия с ЕС по поводу запрета на ввоз и торговлю в Европе продуктов и меха тюленей. В наибольшей степени интересы Франции и ЕС пересекаются в таких областях как сохранение окружающей среды и морских экосистем; применения принципов международного права, в частности о свободе судоходства и праве на мирный проход судов; интеграция Арктической зоны в европейскую стратегию обеспечения энергетической безопасности; создание региональной рыбохозяйственной организации и региональная морская конвенция для Северного Ледовитого океана.

Корректировка курса

В июне 2017 г. министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан выдвинул на пост представителя Франции по вопросам Арктики и Антарктики С. Руаяль, бывшего кандидата на пост президента Франции и бывшего министр окружающей среды. Ранее С. Руаяль претендовала на пост главы агентства ООН по развитию, однако в итоге данную должность занял немец А. Штейнер. Уже после избрания Эммануэля Макрона на пост президента Франции в мае 2017 г. С. Руаяль рассчитывала продолжить свою работу на посту министра окружающей среды, однако этому, судя по всему, помешало политическое равновесие, установленное в новообразованном кабинете Э. Филиппа. Очевидно, что руководство Франции возлагает на С. Руаяль определенные надежды, так, например, она располагает в несколько раз более крупным бюджетом, чем было в распоряжении у М. Рокара (150 000 евро в год), что сразу же позволило ей увеличить штат своих сотрудников. Однако это назна-

¹⁹ *Le grand défi de l'Arctique. La feuille de route nationale sur l'Arctique*. 68 p. Mode of access: https://www.diplomatique.gouv.fr/IMG/pdf/frna_vf_17-06-web-bd_cle8b359f.pdf

²⁰ Ibid.

чение было воспринято положительно отнюдь не всеми французскими экспертами. Так, крупнейший специалист во Франции по Арктике Л. Майе (фактически, архитектор национальной арктической стратегии) неоднократно упрекал С. Руаяль в том, что Арктика для нее всего лишь разменная монета в вопросах потепления климата.

С. Руаяль принадлежит к числу политических тяжеловесов Франции. Вероятно, самый яркий эпизод ее политической биографии связан с президентской кампанией 2007 г., когда имя С. Руаяль стало известно во всем мире. В дальнейшем президентским амбициям С. Руаяль не суждено было реализоваться: в результате в 2012 г. на пост президента республики Социалистическая партия выдвинула гражданского супруга и отца четырех детей С. Руаяль Франсуа Олланда. В апреле 2014 г. С. Руаяль вступила в должность министра экологии, устойчивого развития и энергетики в правительстве М. Вальса. (В прошлом С. Руаяль уже занимала данный пост в течение непродолжительного времени: в социалистическом правительстве П. Береговуа в 1992-1993 гг.) В сменившем его в декабре 2016 г. правительстве К. Руаяль сохранила должность. Вопросы экологии играют очень большую роль во французской внутривластной повестке, наряду с социальными и экономическими проблемами. Прежде всего, это связано огромным значением, которое во Франции имеет атомная энергетика (до недавнего времени в стране действовало 58 атомных реакторов). Игнорировать этот фактор не может никто из ведущих политических сил. Так, например, одним из предвыборных обещаний Ф. Олланда в 2012 г. было введение политики денуклеаризации и сокращение атомной энергетики с 75% до 50% к 2025 г.

На посту министра экологии С. Руаяль выступала за концепцию «социальной экологии» и «зеленого развития» и была одним из инициаторов законопроекта о новой энергетической стратегии Франции до 2050 года (*LOI n° 2015-992 du 17 août 2015 relative à la transition énergétique pour la croissance verte*). Этот амбициозный проект вводил ряд важных мер по денуклеаризации страны и

проведению «энергетической перестройки». Самым важным пунктом закона стал полный отказ Франции от ядерной энергетики в течение 40 лет и сокращение доли ядерной энергетики с 75% до 50% к 2025 году. Помимо этого новая стратегия предполагала установку 7 млн станций для зарядки электромобилей, введение обязательных мер по теплоизоляции домов, а также сокращение к 2030 г. на 30% потребления ископаемых энергоресурсов и снижение энергопотребления к 2050 г. на 50%. Кроме того, С. Руаяль на данном посту отметила ряд громких заявлений. Так, в 2015 г. в одном из интервью она объявила бойкот компании *Nutella* в связи с использованием в ее продукции пальмового масла, что несет угрозу тропическим лесам. А в 2017 г. С. Руаяль отметила введение запрета на содержание в неволе дельфинов и касаток. Также в активе С. Руаяль на посту министра экологии есть ряд достижений в области «зеленого роста». В результате запущенного С. Руаяль процесса кооперации между государством и местными сообществами (*collectivités locales*) было подписано 550 договоров на создание источников возобновляемой энергии. Однако дальнейшая реализация этой инициативы столкнулась с рядом бюджетных и финансовых трудностей²¹.

На международном уровне экологическая тематика занимает значительное место во внешней политике Франции. Прежде всего, речь идет Конференции по климату в Париже (*COP21*), состоявшейся в 2015 г. Будучи министром экологии, устойчивого развития и энергетики, С. Руаяль вместе с Л. Фабиусом, министром иностранных дел и международного развития и А. Жирарден, госсекретарем по вопросам развития и франкофонии провела большую работу в подготовке и проведении конференции. Сегодня после выхода США из Парижского соглашения по климату, Э. Макрон заявляет о готовности Парижа стать мировым лидером

²¹ Royal, Ségolène. Une encombrante ambassadrice des pôles pour Nicolas Hulot // *Le Monde*, 12.01.2018. Mode of access: https://www.lemonde.fr/planete/article/2018/01/12/segolene-royal-une-encombrante-ambassadrice-des-poles-pour-nicolas-hulot_5240668_3244.html

в области борьбы с глобальным потеплением и развитием «зеленой» экономики²².

Уже сейчас можно сказать, что С. Руаяль на посту полярного посла будет стремиться к тому, чтобы максимально расширить повестку, не ограниваясь исключительно вопросами международных отношений в Арктике. В августе 2017 г. президент Франции Э. Макрон назначил С. Руаяль спецпредставителем в появившемся благодаря франко-индийской инициативе на COP21 Международного солнечного альянса (*Alliance solaire internationale*) – международной некоммерческой организации под сопрезидентством Франции и Индии. Главная задача альянса – совместное развитие солнечной энергетики, объединение финансовых и технологических усилий в этой области. Сегодня в состав альянса вошли 121 стран, расположенных вдоль экватора — между тропиками Рака и Козерога. К слову, вопросы возобновляемой энергетики занимают достаточно большой объем в работе С. Руаяль: в начале 2018 г. она приняла участие в Мировом энергетическом саммите (*Sommet mondial de l'énergie*) в Абу-Даби.

Сегодня для Франции в первую очередь важно стать арктическим актором в действительности, а не только на бумаге. При отсутствии прямого доступа в регион наиболее реальной возможностью для Пятой республики будет заявить о себе в качестве оппонента арктических государств, выступая с позиций защитника окружающей среды, о чем напрямую и заявляет С. Руаяль. «Арктика – это огромный дикий запад, вернее «дикий север». Мы все являемся свидетелями безумной гонки в разработке новых скважин. Американцы, норвежцы, русские уже это делают, Канада обзавидается этим. Франция может играть роль, чтобы оппонировать им»²³. Очевидно, что в вопросах со-

трудничества в Арктике экологическая тематика будет иметь для Франции в ближайшей перспективе наибольшее значение. Так, в октябре 2018 г. С. Руаяль приняла участие во встрече «Арктического круга» в Рейкьявике, где ее выступление свелось к трем тезисам: о запрете использования мазута, регулировании массового туризма и необходимости управления новыми маршрутами в Арктике для снижения экологических рисков.

Разумеется, такая позиция не будет противоречить интересам французского бизнеса и будет иметь точки соприкосновения с рядом европейских государств и ЕС. При этом Франция не исключает для себя партнерских взаимоотношений с государствами арктической пятерки, в том числе и с РФ, в которой интересы французской компании *Total* представлены достаточно широко. Неудачная попытка развития «субарктических» островов Сен-Пьер и Микелон, предпринятая при Ф. Олланде, не снизила интереса к арктической тематике со стороны Пятой республики. Сегодня нет оснований считать, что в ближайшей перспективе Сен-Пьер и Микелон станут для Франции и французского бизнеса плацдармом для гипотетической экспансии в Арктику. По всей видимости, мечты об «арктическом будущем» архипелага так и останутся мечтами.

Среди европейских государств, имеющих статус наблюдателя в АС, Франция во многом стоит особняком. Интересы Пятой республики касаются таких областей, как, добыча углеводородов, развитие судоходства, наука, проблемы экологии и даже безопасность, в то время как большинство европейских государств ограничиваются в основном научными интересами и доступом к рынку углеводородов²⁴. Кроме того, Францию отличает наличие национальной аркти-

²² McAuley, J. France's Macron Takes Lead in Climate Change Battle, with the U.S. Absent // *Washington Post*, 12.01.17. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/frances-macron-takes-lead-in-climate-change-battle-with-the-us-absent/2017/12/12/2da019aa-de88-11e7-b2e9-8c636f076c76_story.html?noredirect=on&utm_term=.18bd24848d01

²³ Royal, Ségolène. Une encombrante ambassadrice des pôles pour Nicolas Hulot // *Le Monde*,

12.01.2018. Mode of access: https://www.lemonde.fr/planete/article/2018/01/12/segolene-royal-une-encombrante-ambassadrice-des-poles-pour-nicolas-hulot_5240668_3244.html

²⁴ Антюшина Н.М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. 138 с. [Antushina, N.M. Arktika: novii format mejdunarodnogo sotrudnichestva (Arctic: a New Framework of the International Cooperation). Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of Europe RAS, 2014. 138 p.]

ческой стратегии, а внешнеполитические интересы страны охватывают максимально широкий круг вопросов. Тем не менее, позиция Франции в АС и по отношению к АС во многом является тупиковой. Попытка перенести антарктический опыт в Арктику оказалась безрезультатной. Очевидно, что большинство членов АС не устраивают сценарии управления Арктикой и, более того, всего будущего региона, предлагаемые внерегиональными игроками. Это относится как к европейским, так и азиатским государствам (КНР, Республике Корея, Японии). В то же время выходить из состава наблюдателей АС для Франции не имеет никакого смысла, так как единственной возможностью следовать собственным интересам в регионе остается путь диалога с членами АС как на двустороннем уровне, так и в многостороннем формате.

Литература:

Антошина Н.М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. 138 с.

Рубинский Ю.И. Стратегия Франции в Арктике // Современная Европа. 2012. № 3. С. 19-28.

Annual Report Royal Greenland A/S, 2017. Mode of access: <https://www.royalgreenland.com/royal-greenland/sustainability/related-documents/>

Lasserre, F. Saint-Pierre-et-Miquelon: tremplin de la France vers l'Arctique? // Les Grands Dossiers de Diplomatie, 2015, No. 27, pp. 22-23.

McAuley, J. France's Macron Takes Lead in Climate Change Battle, with the U.S. Absent // Washington Post, 12.01.17. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/frances-macron-takes-lead-in-climate-change-battle-with-the-us-absent/2017/12/12/2da019aad-e88-11e7-b2e9-8c636f076c76_story.html?noredirect=on&utm_term=.18bd24848d01

Mered, M. François Hollande à Saint-Pierre-et-Miquelon: la France à la conquête de l'Arctique // FigaroVox, 23 décembre 2014. Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/12/23/31001-20141223ARTFIG00312-francois-hollande-a-saint-pierre-et-miquelon-la-france-a-la-conquete-de-l-arctique.php>

Rocard, Denis A. Michel: "l'Arctique est géré comme un syndic de propriété". Liberation, 03.02.2013. Mode of access: http://www.liberation.fr/futurs/2013/02/03/michel-rocard-l-arctique-est-gere-comme-un-syndic-de-propriete_878996

Shields, A. Visite de l'ancien premier ministre français – Arctique: la fin du "chacun chez soi" est inévitable, croit Michel Rocard // Le Devoir, 9.08.2011. Mode of access: <https://www.ledevoir.com/politique/canada/328997/visite-de-l-ancien-premier-ministre-francais-arctique-la-fin-du-chacun-chez-soi-est-inevitable-croit-michel-rocard>

References:

Annual Report Royal Greenland A/S, 2017. Mode of access: <https://www.royalgreenland.com/royal-greenland/sustainability/related-documents/>

Antushina, N.M. Арктика: новый формат международного сотрудничества (Arctic: a New Framework of the International Cooperation). Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of Europe RAS, 2014. 138 p.

Lasserre, F. Saint-Pierre-et-Miquelon: tremplin de la France vers l'Arctique? // Les Grands Dossiers de Diplomatie, 2015, No. 27, pp. 22-23.

McAuley, J. France's Macron Takes Lead in Climate Change Battle, with the U.S. Absent // Washington Post, 12.01.17. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/frances-macron-takes-lead-in-climate-change-battle-with-the-us-absent/2017/12/12/2da019aad-e88-11e7-b2e9-8c636f076c76_story.html?noredirect=on&utm_term=.18bd24848d01

Mered, M. François Hollande à Saint-Pierre-et-Miquelon: la France à la conquête de l'Arctique // FigaroVox, 23 décembre 2014. Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/12/23/31001-20141223ARTFIG00312-francois-hollande-a-saint-pierre-et-miquelon-la-france-a-la-conquete-de-l-arctique.php>

Rocard, Denis A. Michel: "l'Arctique est géré comme un syndic de propriété". Liberation, 03.02.2013. Mode of access: http://www.liberation.fr/futurs/2013/02/03/michel-rocard-l-arctique-est-gere-comme-un-syndic-de-propriete_878996

Rubinsky, Y.I. Strategia Francii v Arktike (Strategy of France in Arctic) // *Sovremennaya Evropa*, 2012, No. 3, pp. 19-28.

Shields, A. Visite de l'ancien premier ministre français – Arctique: la fin du "chacun chez soi" est inévitable, croit Michel Rocard // Le Devoir, 9.08.2011. Mode of access: <https://www.ledevoir.com/politique/canada/328997/visite-de-l-ancien-premier-ministre-francais-arctique-la-fin-du-chacun-chez-soi-est-inevitable-croit-michel-rocard>

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10041

FRANCE IN THE ARCTIC: IN SEARCH OF “PLACES UNDER THE SUN”

Mikhail B. Bashkirov

*North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia*

Marina E. Antonova

*Université de Versailles Saint-Quentin-en-Yvelines,
Versailles, France*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 25.12.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 13.10.2019</p>	<p>Abstract: The Arctic is not the traditional priority of the French foreign policy, but in recent decades the Arctic has become a firm part of country's national interests. Political experience gained in the Antarctic region gives France grounds to consider itself as a “polar nation” and claim the status of an “Arctic actor”. The key message of the national Arctic strategy “The Great Challenge of the Arctic: national roadmap for the Arctic” of 2016 is an identification of forms of the collaborative governance, that can be appealing for the international community. The closest partner for France in this direction is the European Union. Scenarios of Arctic governance, proposed by non-regional players, are often unacceptable for most Members of the Arctic Council.</p> <p>Presently, it is challenging for France to find new forms of cooperation in the region: France is not among the primary partners for the Arctic states, except for the activities of transnational corporations. Efforts to turn the “subarctic” archipelago Saint-Pierre et Miquelon into a springboard for France's possible expansion in the Arctic is an unlikely event. Environmental topics play a crucial role in French politics in the circumpolar region. The global nature of environmental issues, especially climate change, is emphasised both in official documents and in statements of the highest authorities of the Fifth Republic. In the near future, under Emmanuel Macron's leadership, France intends to become a world leader in the fight against global warming. In addition, France's new polar ambassador Ségolène Royal has a vast experience in solving environmental problems and enjoys considerable authority in this field.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Mikhail B. Bashkirov,</i> Candidate of History, Associate Professor, Department of International Studies, NEFU</p> <p>e-mail: bashkiroffm@gmail.com</p> <p><i>Marina E. Antonova,</i> étudiante de maîtrise, Université de Versailles Saint-Quentin-en-Yvelines</p> <p>e-mail: akayuki@mail.ru</p>	
<p>Key words: Arctic; Arctic Council; France; Segolene Royal; Michel Rocard</p>	

Для цитирования: Башкиров М.Б., Антонова М.Е. Франция в Арктике: в поисках «места под солнцем» // *Сравнительная политика.* – 2020. – № 3. – С. 130-140.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10041

For citation: Bashkirov, Mikhail B.; Antonova, Marina E. Frantsiya v Arktike: v poiskakh «mesta pod solntsem» (France in the Arctic: in Search of “Places under the Sun”) // *Comparative Politics Russia,* 2020, No. 3, pp. 130-140.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10041

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10042

«СТАБИЛЬНОСТЬ» ВМЕСТО СТАБИЛЬНОСТИ: ПРОВАЛЫ И НЕУДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Кирилл Олегович Телин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 24 июня 2018 Принята к печати: 3 сентября 2019</p>	<p>Аннотация: В данной статье проводится исследование существующих в политическом поле представлений о «стабильности» как одном из ключевых пунктов официального властного дискурса. Имеющееся словоупотребление понятия сравнивается с научными представлениями о «стабильности», отраженными в отечественных и зарубежных исследовательских разработках. Автором делается вывод о несогласованности значения понятия «стабильности» в двух приведенных сферах и выделяются причины подобной смысловой дивергенции: заинтересованность политического истеблишмента в удобном для властной риторики размытом понятии, дефекты политического языка и паралич гражданского участия, в т.ч. со стороны академического сообщества, способного критиковать манипулятивные упражнения властных институтов в соответствии с подробно разработанными в общественных науках исследовательскими и оценочными процедурами.</p>
<p>Об авторе: научный сотрудник, кафедра государственной политики, Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: kirill.telin@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: стабильность; политический режим; дискурс; язык; политическая конкуренция</p>	

«Думаю, нет большего благословения для нации, чем стабильность эффективного правительства»
Антониу Салазар¹

Вынесенные в эпитафию слова, произнесенные правившим на протяжении 36 лет политическим лидером, были бы блестящим и абсолютно верным наблюдением, если бы не одно «но», доказывающее, что в осуждении аргументов *ad hominem*, как и предполагал Д. Уолтон², все же должны быть

¹ Salazar, A. Salazar Says. Lisbon: SNI, 1963.

² Уолтон Д. Аргументы ad hominem. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 141-142. [Uolton, D. Argumenty ad hominem (Arguments ad Hominem). Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye», 2002. Pp. 141-142.] «Если же предметом диалога является, скажем, этика, политика или биография, где свойства личности могут являться частью обсуждаемой темы, нельзя однозначно сказать, что мотивы пишущего совершенно не-

исключения. Дело в том, что их произнес человек, правление которого демонстрирует как немало ошибок на пути учреждения «стабильности», так и основные искажения в понимании самого этого понятия.

Цитата принадлежит А. Салазару, фактическому диктатору Португалии в 1932-1968 гг., основателю *Estado Novo*, «Нового государства», – режима, легко вписывавшегося в авторитарно-корпоративные тренды первой половины XX века, но с течением времени не раз демонстрировавшего многочисленные внутренние проблемы как минимум тем полутора миллионам португаль-

релевантны при определении силы аргумента. Если биограф исследует искренность воззрений Руссо на брак, выраженных в его философских работах, факты, касающиеся личных мотивов или поведения Руссо, имеют непосредственное отношение к делу и могут иметь большое значение для совершения выводов».

цев³, которые покинули страну, чтобы не стать заложниками архаичной экономики, не участвовать в колониальных войнах или не быть заключенными в концентрационный лагерь после работы политической полиции. «Стабильность эффективного правительства», отвергавшего избирательные права и открытость экономики в пользу консервативной изоляции⁴, закончилась для Португалии «революцией гвоздик», самым низким в Европе уровнем грамотности «нации» и непомерными расходами на бессмысленные военные интервенции.

В настоящей статье будет рассмотрено понятие «политической стабильности», к концу XX века ставшее универсальной ценностью и драйвером внутренней политики для руководства едва ли не всех государств мира, – при том, что нередко интерпретация этого понятия до сих пор расходится как с научными представлениями о нем, так и с позицией здравого смысла. В первой части статьи мы проведем краткий обзор имеющихся представлений о «политической стабильности», во второй представим вероятные причины отклонения прикладных оценок «стабильности» от научных концепций, а в третьей части наметим наиболее характерные препятствия на пути преодоления подобной дивергенции.

Рассвет стабильности

Сравнивая два современных друг другу режима Италии и Португалии, немецкий исследователь Я.-В. Мюллер указывает,

³ Baganha, M.I. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime // *e-JPH*, 2003, Vol. 1, No. 1, pp. 1-16. Mode of access: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf

⁴ Мендес В. К. Оправдание диктатуры? (диктатор Салазар в 1930 году и поэт Фернандо Пессоа в 1928 году) // Независимый филологический журнал. 2009. №100. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me9.html> [Mendes V. K. Opravdaniye diktatury? (diktator Salazar v 1930 godu i poet Fernando Pessoa v 1928 godu) (Justification of the Dictatorship? (Dictator Salazar in 1930 and Poet Fernando Pessoa in 1928)) // *Nezavisimyy filologicheskyy zhurnal*, 2009, No. 100.]

что в то время, когда «государство Муссолини бросало вызовы и мобилизовывало массы, Новое Государство Салазара всех расставило по местам и не позволяло с них сойти»⁵; наряду с важной характеристикой внутренней политики *Estado Nuovo*, это отражает еще и одну из распространенных иллюзий, отождествляющих «стабильность» с отсутствием изменений.

Нередко именно такой смысл вкладывается гражданами в понятие «стабильность»: так, например, Л.А. Паутова указывает, что значительную долю ассоциаций и когнитивных символов «стабильности» для россиян составляют понятия «равновесия», «постоянства», «покоя» и «неизменности»⁶. А.О. Ярославцева, уточняя, что в представлении россиян «стабильность» связана с отсутствием не любых, а преимущественно негативных изменений⁷, все же отмечает, что люди «отождествляют ее со спокойной, нормальной, предсказуемой жизнью». Этому пониманию вторят и некоторые научные публикации: В.Ф. Бондаренко и Е.В. Ефанова называют стабильность «идеальным состоянием отечественного социума, гаранти-

⁵ Мюллер Я.В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017. 398 с. [Myuller YA.V. Spory o demokratii: Politicheskkiye idei v Yevrope XX veka (Disputes about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. 2017. 398 p.]

⁶ Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология. 2004. №19. С. 32-65. [Pautova, L.A. Kompleksnyy podkhod k issledovaniyu sotsial'nogo predstavleniya o stabil'nosti (An Integrated Approach to the Study of Social Concepts of Stability) // *Sotsiologiya*, 2004, No. 19, pp. 32-65.]

⁷ Ярославцева А.О. Ключевые характеристики массового восприятия политической стабильности в современной России: может ли стабильность стать национальной идеей // Вестник РУДН: Серия «Политология». 2012. №1. С. 57-66 [Yaroslavtseva, A.O. Klyuchevyye kharakteristiki massovogo vospriyatiya politicheskoy stabil'nosti v sovremennoy Rossii: mozhnet li stabil'nost' stat' natsional'noy ideyey (Key Characteristics of the Mass Perception of Political Stability in Modern Russia: Can Stability Become a National Idea) // *Vestnik RUDN: Seriya «Politologiya»*, 2012, No. 1. pp. 57-66.]

рующим подлинный порядок и оптимальное мироустройство»⁸, А.В. Старцев отождествляет стабильность с нормальностью и с управляемостью⁹, а В.Н. Иванов описывает общетеоретическое содержание «стабильности», сравнивая ее с «неизменностью»¹⁰. Подобные экзерсисы с отождествлением закрепляют упрощенное восприятие стабильности как таковой, а неспособность академических исследований популяризовать более системный взгляд формирует крайне двусмысленную ситуацию: слово, охотно используемое большинством политиков, по-

нимается так плоско, что теряет связь с собственным исходным содержанием.

Важно отметить, что и в социальные исследования и политическую науку термин «стабильность» вошел лишь в XX веке, будучи заимствованным из естественнонаучных дисциплин¹¹, где его использование начинается много ранее. Распространенной (и общепринятой, к примеру, в этимологических словарях) является точка зрения, согласно которой первые упоминания «стабильности» в физических исследованиях датируются XV веком¹², однако аргентинский исследователь Л. Годой указывает, что «пионером» в этом отношении можно считать математика XIII в. Иордана Неморария¹³, чьи разработки и легли в основу более поздних трудов эпохи Возрождения. Упоминание этих хронологических обстоятельств не является попыткой перевести настоящую статью в формат исторического или семантического исследования; дело в том, что даже столь ранние естественно-научные разработки имеют прямое отношение к критике вульгаризации понятия «стабильности».

Уже в этих разработках представлена недопустимость отождествления стабильности как с неизменностью, так даже и с «равновесием», также нередко воспринимаемым как синоним «стабильности». Для физиков и других исследователей в области естественных наук (химиков, геологов, биологов) между «стабильным» и «нестабильным» равновесием есть фундаментальная разница: в первом случае система возвращается в равновесие, будучи выведенной из него под воздействием внешних сил, в

⁸ Бондаренко В.Ф., Ефанова Е.В. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. №4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 37-40. Режим доступа: http://sejournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf [Bondarenko, V.F.; Yefanova, Ye.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennoy Rossii: faktory, urovni, protivorechiya (Political Stability in Modern Russia: Factors, Levels, Contradictions) // *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2012, No. 4 (18), pp. 37-40.]

⁹ Старцев А.В. Стабильность в современной России: состояние и факторы динамики // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №1. С. 166-168. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stabilnost-v-sovremennoy-rossii-sostoyaniye-i-faktory-dinamiki> [Starsev, A.V. Stabil'nost' v sovremennoy Rossii: sostoyaniye i faktory i dinamiki (Stability in Modern Russia: State and Factors and Dynamics) // *Vestnik VGU, Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2010, No. 1, pp. 166-168.]

¹⁰ Иванов В.Н. Политическая социология. М.: Мысль. 2000 [Ivanov, V.N. Politicheskaya sotsiologiya (Political Sociology). Moscow: Mysl', 2000]; Матафонова Ю.А. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). Т. 2. С. 72-75. [Matafonova, Yu.A. Politicheskaya stabil'nost' i politicheskaya ustoychivost' v kontekste federativnoy sistemy (Political Stability and Political Stability in the Context of the Federal System) // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, No. 2 (62), Vol. 2, pp. 72-75.]

¹¹ Мюллер, Я.В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017. 398 с. [Myuller, Ya.V. Spory o demokratii: Politicheskkiye idei v Yevrope XX veka (Disputes about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. 2017. 398 p.]

¹² По мнению составителей словарей "Merriam Webster" etc.

¹³ Godoy, L.A. Structural Stability Concepts in Medieval and Renaissance Mechanics // *Latin American Journal of Solids and Structures*, 2011, No. 8, pp. 83-105. Mode of access: <http://www.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf>

последнем же баланс не восстанавливается даже при небольших возмущениях. Промежуточное состояние, в котором система достигает краткосрочного равновесия, устойчивого при небольших «вызовах», нередко называется метастабильным¹⁴.

Это означает, что «стабильной» является система, не просто способная к долговременному продолжению собственного существования, но обладающая достаточным адаптивным потенциалом для восстановления в ситуациях неопределенности и внешних возмущений. Этому естественно-научному по своей сути представлению соответствуют более сложные теории стабильности, имеющиеся в социальных науках.

Так, К. Даудинг и Р. Кимбер, определяя политическую стабильность как «*состояние политического субъекта, при котором он в состоянии сопротивляться непредвиденным обстоятельствам, угрожающим его существованию*»¹⁵, уточняют, что такого рода сопротивление не должно быть случайным (*non-accidental survival*)¹⁶. Долгосрочное существование некой системы или некоего порядка отнюдь не делает их по умолчанию «стабильными» – продолжительность их действительности может быть обеспечена, допустим, насильственными средствами¹⁷ или внешним патронажем более сильных политических или государственных игроков; о «стабильности» можно говорить лишь в условиях естественного сопротивления системы, вытекающей из ее собственных ресурсов и возможностей. К. Даудинг и

Р. Кимбер подчеркивают, что такое состояние невозможно представить без динамичных изменений, позволяющих реагировать на вызовы окружающей среды, и ключевым требованием «стабильности» является способность производить контролируемые, управляемые изменения, особо критичные в тех случаях, когда речь идет об ключевых, идентифицирующих параметрах (“*elements that need to provide continuity*”, “*elements that used to specify the system*”). И. Дрор писал, что ключевой элемент политического кризиса – это «немыслимость»¹⁸; предотвращение такой немыслимости, непредсказуемости действительности представляет собой важную часть курса на стабилизацию.

Г. Экстайн и Т. Гарр также отмечают, что продолжительное существование некой системы или явления может быть следствием череды «счастливых случайностей»¹⁹; для того же, чтобы вести разговор о «политической стабильности», к исследуемым отношениям или системе необходимо предъявить целый ряд требований. Г. Экстайн и Т. Гарр называют в числе таковых долгосрочную преемственность (*durability*), политическую включенность (*permeation*), экономическую эффективность и результативность (*efficiency & effectiveness*), легитимность (*legitimacy*), сопротивление внутренним конфликтам (*strife-avoidance*), а также параметр, который на русский язык можно перевести как «властность и авторитет» (*authority*)²⁰. Г. Экстайн также считается одним из наиболее ярких сторонников критерия «конгруэнтности», разработанного еще в трудах Г. Алмонда; в рамках исследования политической стабильности Х. Экстайн подразумевает под «конгруэнтностью» согласованность ценностных ориентаций и поведенческих установок политического и

¹⁴ См. лекции по молекулярной физике и термодинамике, механике сплошных сред и теории относительности. Режим доступа: http://files.lib.sfu-kras.ru/ebibl/umkd/u_course/Lekc/Part2/Glava5/5.06.htm

¹⁵ Dowding, K.; Kimber, R. The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*, 1983, Vol. 11, Iss. 3, pp. 229-243, 238-239.

¹⁶ Ibid, 241-242

¹⁷ Туровский Р.Ф. *Центр и регионы: проблемы политических отношений*. М.: Издательство ГУ-ВШЭ. 2006. 400 с. [Turovskiy, R.F. Tsentri regiony: problemy politicheskikh otnosheniy (Center and Regions: Problems of Political Relations). Moscow: Izdatel'stvo GU-VSHE. 2006. 400 p.]

¹⁸ Dror, Y. Beyond Uncertainty: Facing the Inconceivable // *Technological Forecasting and Social Change*, Amsterdam, 1999, Vol. 62, Issues 1-2. pp. 151-153.

¹⁹ Eckstein, H. *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway*. Princeton: Princeton University Press. 1966. Pp. 227-228.

²⁰ Zimmermann, E. *Political Violence, Crises and Revolutions (Theories and Research)*. Routledge. 1983. 810 p.

неполитического характера²¹. Стабильность объявляется зависимой от такого рода согласованности и становится проекцией соответствия между «паттернами» (поведенческими шаблонами) власти и общества, политических сил и их социального окружения²². Этот тезис был раскрыт и в работах С. Хантингтона, указывавшего, что «стабильность любого общества зависит от соотношения между уровнем политической активности населения и уровнем политической институционализации»²³.

У. Розенталь, который с соавторами (М. Чарльз, П. Харг, А. Бойн) также обращается к теме стабильности, выделяет шесть возможных ее трактовок²⁴, которые, как мы предполагаем, вполне могут сосуществовать и даже дополнять друг друга, а следовательно, не должны рассматриваться как перечень эквивалентных «достаточных критериев». Речь об отсутствии радикальных структурных изменений (1), способности к сохранению выбранного курса или имеющихся социальных норм (2), высоком уровне легитимности (3), качественной политической институционализации (4), ограничении внутреннего насилия при доминировании мирных форм урегулирования конфликтов (5), а также долговечность существования конкретной системы отношений (6). Можно заметить, что уже не первая концепция, подчеркивающая важность сдер-

живания насилия для стабилизации, все же не предлагает воспринимать этот критерий как единственный и достаточный; хорошо подчеркивает это обстоятельство Р. Йонг-а-Пин: «Несмотря на то, что исследования фокусируются на вопросах политического насилия (...), ни одно из них не полагает, что политическая нестабильность ограничивается этим единственным измерением»²⁵.

Российские исследователи также достаточно развернуто раскрывают содержание «политической стабильности». К числу ключевых теоретиков здесь можно отнести А.С. Макарычева, Р.Ф. Туровского и А.О. Ярославцева.

А.О. Ярославцева в совместной с В.Г. Ивановым работе выделяет такие подходы (которые опять же можно представить как отдельные критерии) к стабильности, как отсутствие политически мотивированного насилия (1), наличие прочного конституционного порядка (2), присутствие высокой легитимности (3), способность системы к управляемому и адаптивному воспроизводству (4), социально-экономическая эффективность (5) и устойчивость социально приемлемых поведенческих моделей (6). «Для сохранения стабильности существует ряд общих условий», – подчеркивают авторы, но вносят в собственное понимание исследуемого феномена еще одно дополнение, указывая, что «политическая стабильность является также важной политико-идеологической ценностью»²⁶. К этому замечанию мы вернемся в следующих разделах настоящей статьи.

²¹ «Congruence as a condition of broadly corresponding to something or being in agreement with it in essentials». См. Eckstein, H. Congruence Theory Explained. UC Irvine: Center for the Study of Democracy. 1997. Mode of access: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt2wb616g6/qt2wb616g6.pdf>

²² Rosenthal, U. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability. Alphen aan den Rijn, The Netherlands: Sijthoff & Noordhoff. 1978. P. 286.

²³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с. [Huntington, S. Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh (Political Order in Changing Societies). Moscow: Progress-Traditsiya. 2004. 480 p.]

²⁴ Hurwitz, L. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability / by U. Rosenthal // *American Political Science Review*, 1980, No. 74, pp. 269-270.

²⁵ Jong-A-Pin, R. On the Measurement of Political Instability and Its Impact on Economic Growth // Vol. SOM Research Reports, 06C05, University of Groningen, Groningen, 2006.

²⁶ Ярославцева А.О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. С. 11-44. [Yaroslavtseva, A.O. Politicheskaya stabil'nost': sovremennyye parametry i konnotatsii (Political Stability: Modern Parameters and Connotations) // Politicheskaya stabil'nost': novyye vyzovy, metodologicheskiye aspekty analiza i prognozirovaniya, regional'nyye issledovaniya. Moscow: RUDN. 2012. Pp. 11-44.]

Р.Ф. Туровский, подчеркивая, что принципиальная *«телеология стабильности политических систем является причиной для острой критики этой теории»*²⁷, все же отмечает, что стабильность является одним из требований к эффективной работе политических структур и государственных органов. В ряде учебных пособий по политологии, отмечает Р.Ф. Туровский, «способность обеспечить стабильность и порядок» является *«первым в списке критериев оценки политических систем»*; предлагая свою методику такой оценки, исследователь связывает стабильность с эффективностью и разделяет внутри комплексного показателя эффективности четыре кластера – легитимационный, общесистемный, режимный и акторный. Первый из них подразумевает оценку социальной поддержки имеющейся системы, второй – качество воспроизводства и развития имеющихся норм и институтов, третий – реализацию задач, выдвигаемых конкретным политическим режимом, и, наконец, четвертый кластер представляет возможность удовлетворения социальных, групповых или частных интересов в пределах имеющихся отношений. *«Поддержка со стороны общества, широких слоев населения, участвующих в разделении политического труда и добывающихся за счет этого реализации своих интересов, предполагает системную стабильность»*, – заключает там же Туровский.

А.С. Макарычев перечисляет не менее восьми предлагаемых в западной литературе критериев стабильности: отсутствие нелегитимного насилия (1), устойчивая преемственность правительственных структур (2); сохранение конституционного порядка (3); легитимность (4); отсутствие незапланированных структурных изменений (5); долговременный характер политического равновесия или баланса сил ключевых политических игроков (6); соответствие и инвер-

сия политической власти и общественных институтов (7), а также распространение общественно безопасных моделей поведения (8)²⁸. Исследователь отмечает, что стабильность представляет собой «многомерное понятие» и ее нельзя отождествлять с подавлением одной политической силой своих соперников и конкурентов.

Нетривиальную и более современную модель политической стабильности предлагает профессор Университета Боулинг Грин К. Вэлье. Его модель, которую он характеризует как «агентскую» (*agent-based*), позволяет *«различить три концепта политической стабильности – долговечность (durability), равновесие (balance) и стойкость (immunity)»*²⁹. Хорошо управляемое общество (этот термин Вэлье заимствует у Дж. Роулза) сочетает в себе высокую степень социального доверия и согласованного поведения граждан, низкий уровень краткосрочной изменчивости и сопротивление воздействию со стороны антисистемных сил. При этом «стойкость» Вэлье считает необходимым условием (*precondition*) для «долговечности» и «равновесия». К схожим выводам приходят и С.О. Ханссон и Г. Хелгессон – они выделяют в стабильности такие возможные ее интерпретации, как постоянство (*constancy*), надежность (*robustness*) и устойчивость (*resilience*)³⁰; «постоянство» Ханссон и Хелгессон определяют как сохранение системы или ее незначительное изменение в течение времени, «надежность» – как способность сохраняться под воздействием неблагоприятных внешних обстоятельств, а «устойчивость» – как способность возвращаться к равновесному состоянию под

²⁷ Туровский Р.Ф. *Центр и регионы: проблемы политических отношений*. М.: Издательство ГУ-ВШЭ. 2006. С. 29. [Turovskiy, R.F. *Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnosheniy* (Center and Regions: Problems of Political Relations). Moscow: Izdatel'stvo GU-VSHE. 2006. P. 29.]

²⁸ Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // *Полис*. 1998. №1. С. 149-157. [Makarychev, A.S. *Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokracji: metodologicheskiye podkhody i otsenki* (Stability and Instability in Democracy: Methodological Approaches and Assessments) // *Polis*, 1998, No. 1, pp.149-157.]

²⁹ Vallier, K. Three Concepts of Political Stability: An Agent-Based Model // *Social Philosophy and Policy*, Cambridge University Press, 2017, No. 34 (1), pp. 232-259.

³⁰ Hansson, S.O.; Helgesson, G. What Is Stability? // *Synthese*, 2003, No. 2, pp. 219-235.

воздействием таких обстоятельств. Авторы полагают, что «надежность» можно охарактеризовать как частный случай «устойчивости», а вот «постоянство» и «устойчивость» являются двумя не сводимыми друг к другу, а следовательно, представляющими разные стороны «стабильности» категориями.

А.С. Ахременко, в своем анализе использующий методологию математического моделирования, предлагает выделять в исследовании политической стабильности два основных подхода – «статический» и «динамический»³¹, первый из которых «предполагает количественную индексацию уровня стабильности» и характеризует ее «как функцию от нескольких признаков», а второй, рассматривая стабильность как динамичный процесс, делает акцент «на структурных характеристиках изменения системы во времени». При этом Ахременко указывает, что политическая стабильность, во-первых, является эмпирически ненаблюдаемой, а во-вторых, не имеет общепризнанного эталона измерения; сам профессор НИУ-ВШЭ предлагает обратиться к количественным разработкам наподобие *Data Envelopment Analysis (DEA)*.

В целом, характеризуя имеющиеся на сегодня наработки зарубежных и отечественных исследователей в области исследования политической стабильности, нельзя не отметить, что основные и наиболее признанные ее концепции предъявляют развернутые и сложно структурированные требования к системе, которую можно характеризовать как «стабильную». Это резко контрастирует с той вольностью, которая сопровождает проявления «авторитетного слова» зарубежных и отечественных политиков, охотно обращающихся к концепту с собственными интересами, совсем не похожими на научные.

³¹ Ахременко А.С. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. Политические исследования. 2009. №3. С. 105-112 [Akhremenko A.S. Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti (A Dynamic Approach to the Mathematical Modeling of Political Stability) // *Polis, Politicheskiye issledovaniya*, 2009, №3, pp. 105-112]

Пути нестабильности

Несмотря на представленные выше трактовки стабильности, известные в академической среде и довольно полно описывающие квалифицирующие требования для использования этого термина, значение «стабильности» в политической практике оказывается практически выхолощенным. Слово, выступающее в качестве одной из «узловых точек» авторитетной политической речи, превращается в «пустое» или «плавающее», как описывали его К. Леви-Стросс и Ж. Лакан³², «означающее без означаемого», чей смысл «состоит в том, чтобы продемонстрировать верховную власть субъекта над самим означающим, проделывая с ним что угодно, играя с ним с единственной целью уничтожить его»³³. В чем же причины такого положения дел? Можно выделить три ключевых момента.

Первая причина может быть обнаружена в собственно лингвистических, языковых обстоятельствах. В неблагоприятных условиях, когда адекватное описание наблюдаемой реальности отчего-то становится затрудненным, политикам свойственно обращаться либо к более расплывчатым и абстрактным выражениям³⁴, либо к архаичным формам, заимствованным, например, в недавнем прошлом³⁵, либо к т.н. экспрессивам – словам и

³² Lévi-Strauss, C. Introduction to the Work of Marcel Mauss. London. Routledge 1987.

³³ Лакан Ж. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / Пер с фр. А. Черноглазова. М.: Издательства «Гнозис», «Логос». 1999. 520 с. [Lakan, Zh. 'YA' v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (1954/55) ('I' in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis). Moscow: Izdatel'stva «Gnozis», «Logos». 1999. 520 p.]

³⁴ Лакан и политика: Беседа с Жаком-Аленом Миллером // Неприкосновенный запас. 2009. №5 (67). [Lakan i politika: Beseda s Zhakom-Alenom Millerom (Lacan and Politics: A Conversation with Jacques-Alain Miller) // *Neprikosnovennyy zapas*, 2009, No. 5 (67).]

³⁵ Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. №100 [Ushakin S. Byvsheye v upotreblenii: Postsovetskoye sostoyaniye kak forma afazii (Used: Post-Soviet State as a Form of Aphasia) // *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2009, No. 100]

высказываниям, в которых первоочередное значение имеет не смысловая, а эмоциональная и ценностная нагрузка³⁶.

Намеренную неопределенность – или, например, дополнительную метафоричность кризисных и предвыборных выступлений – анализируют такие авторы, как К. де Ландтсхеер и Д. Вертессен; они указывают, что «через метафоры, упрощение языка и использование приемов эмпатии политики готовят свою аудиторию к восприимчивости и действию»³⁷. Разворот в сторону устаревших, но привычных и устоявшихся категорий комментирует С. Ушакин, называющий такое состояние «афазией»: «Афазия проявляется как своего рода дискурсивный паралич (...) символическое производство, в котором дезинтеграция способности дискурсивного поля поддерживать адекватность взаимосвязи между означающими и означаемыми компенсируется разнообразными символическими замещениями и регрессиями к формам предыдущих периодов»³⁸. Наконец, обращение к экспрессивам и своеобразному «эмоциональному популизму» рассматривается в работах Дж. Сёрля и исследователей современного «популистского поворота»: первый указывает, что цель такого рода высказываний состоит «в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозици-

онального содержания»³⁹, а вторые замечают, что «апелляция к простоте и понятности предлагаемых мер, (...) использование готовности больших человеческих масс эмоционально реагировать»⁴⁰ маскирует переход политической конкуренции от программ и рациональных аргументов к «полной эмоции и символов метаполитической войне»⁴¹.

Таким образом, «стабильность» уже ввиду особенностей политического языка может превращаться в неопределенный с содержательной точки зрения инструмент манипуляции общественным мнением: этот термин многим кажется интуитивно понятным и даже очевидным, однако попытки его «считывания» и объяснения каждый раз оборачиваются неудачей. В ряду таких «плавающих означающих» исследуемый нами термин отнюдь не одинок: в современных социальных исследованиях схожим образом анализируется обращение к «традиции»⁴²

³⁶ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. С. 170-194. [Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov (Classification of Illocutionary Acts) / Dzh. R. Serl' // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vol. 17: Teoriya rechevykh aktov. Moscow: Progress. 1986. Pp. 170-194.]

³⁷ Vertessen, D.; De Landtsheer, C.A Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time / In J. Pikalo, T. Carver (Eds.), Politics, Language and Metaphor. London: Routledge. 2008. Pp. 271-285.

³⁸ Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009, №100 [Ushakin, S. Byvsheye v upotreblenii: Postsovetskoye sostoyaniye kak forma afazii (Used: Post-Soviet State as a Form of Aphasia) // Novoye literaturnoye obozreniye, 2009, No. 100.]

³⁹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. С. 170-194. [Serl', Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov (Classification of Illocutionary Acts) / Dzh. R. Serl' // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vol. 17: Teoriya rechevykh aktov. Moscow: Progress. 1986. Pp. 170-194.]

⁴⁰ Баранов Н.А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 3. С. 25-36. [Baranov, N.A. Vozrozhdeniye populizma: yevropeyskiy opyt i rossiyskiye praktiki (The Revival of Populism: European Experience and Russian Practices) // Vestnik SPbGU, 2015, Vol. 3, pp. 25-36.]

⁴¹ Бозоки А. Популизм как дискурс венгерских элит // Сравнительная политика. 2012. №3 (9). С. 162-184. [Bozoki, A. Populizm kak diskurs vengerskikh elit (Populism as a Discourse of Hungarian Elites) // Comparative Politics Russia, 2012, No. 3 (9), pp. 162-184.]

⁴² См., например: Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1 (8). С. 47-62. [Khobsbaum, E. Izobreteniye traditsiy (The Invention of Traditions) // Vestnik Yevrazii, 2000, No. 1 (8), pp. 47-62.] («Изобретенная традиция» — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценно-

или, например, к «ментальности» и «национальному характеру»⁴³ – эти термины активно используются в политической лексике без какого-либо прояснения их смысла или уточнения содержания. В этой части можно говорить даже не об «экспрессиве», а скорее о «репрезентативе» – используя неопределенные термины, при этом имеющие однозначную эмоциональную окраску, политик стремится скрыть ту реальность, с которой граждане могут столкнуться в повседневности, за вуалью воображаемого «дивного мира», версиями которой могут быть «золотой век», «эпоха стабильности» или «Америка, снова ставшая великой».

Вторую причину прикладных искажений словоупотребления «стабильности» составляет когнитивное обстоятельство, которое мы можем охарактеризовать как бес субъектность. Можно обратить внимание на тот факт, что использование «стабильности» в практической политике все чаще соседствует с отсутствием пояснения, о стабильности кого (или чего) идет речь, кто выступает агентом или, напротив, бенефициаром стабильности. Так, распространенным дополнением к «стабильности» выступают не вполне правомерно отождествляемые прилагательные «общественный», «социальный», «политический», «государственный» – каждый из этих случаев, вероятно, должен предполагать особую оптику рассмотрения «стабильности» *per se*, но этого не происходит. Она становится неким «автономным явлением», с которым происходит то же превращение, которое описывалось К. Лефором в отношении термина «народ»⁴⁴. Французский философ указывал на то, что вооб-

ражаемый «народ» может не иметь ничего общего с реальными людьми, образующими его; так и «стабильность» как широко употребляемый термин перестает нуждаться в обращении к чьему-либо эмпирическому опыту. Будучи направленной на «общество» в целом, она может быть оспорена и фальсифицирована огромным массивом частных примеров, при этом не наносящих ее риторическому использованию ровным счетом никакого ущерба: каждый из них объявляется «исключением», «отдельной проблемой» или «еще не решенным вопросом». Например, согласно текстам Послания Президента РФ Федеральному Собранию, «Россия стала политически и экономически стабильной страной» еще в 2004 году, но при этом даже в 2016 году указывается, что «стабилизация не означает автоматического перехода к устойчивому подъему», базовые проблемы экономики еще не разрешены, да и «*трудностей хватает*». Таким образом, «стабильность» охотно используется даже там, где ее существование довольно трудно доказать или проверить – используется как самобытный, автономный описательный ярлык, не связанный ни с кем конкретно и опирающийся на столь же абстрактные категории, как она сама.

Наконец, третья причина, на наш взгляд, может заключаться в том, что «стабильность» в ряде случаев начинает восприниматься не как *содержательное требование* к функционированию политической системы или деятельности органов государственной власти, а как *этическое условие* для них. Из цели или, как минимум, ориентира «стабильность» становится инструментом, причем инструментом едва ли не морально-нравственным, – она раскрывается через требования «не раскачивать лодку», «беречь согласие» и не «раскалывать общество» демократическими лозунгами⁴⁵. По данным, приводимым Л.А. Паутовой, 63% опрошенных россиян соглашались с утверждением «Наша страна нуждается в стабильности, это важнее, чем реформы и связанные с ними перемены», и только 30% считают, что «наша страна нуждается в переменах,

стей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение (...) Специфика «изобретенных» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна»).

⁴³ См., к примеру: Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. [Riker, P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе* (Memory, History, Oblivion). Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004]; Lloyd, G. *Demystifying Mentalities*. Cambridge University Press, 1990.

⁴⁴ Lefort, C. *Democracy and Political Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1988.

⁴⁵ Согласно текстам Послания Президента Федеральному Собранию РФ.

новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности»⁴⁶. Самое ценное здесь – не социологический раскол и противостояние одной трети респондентов двум другим; важнейшее обстоятельство заключается в имплицитном противопоставлении «стабильности» и «перемен», «стабильности» и «реформ». Такая постановка вопроса, конечно, может быть обозначена просто как «некорректная», однако мы полагаем, что подобная интерпретация гражданами термина «стабильность» является отражением специфического его понимания – как этической, нравственной, мировоззренческой предпосылки, а не как сложного процессуального требования.

Прощание с биполярным расстройством

Можно ли достигнуть эффективной конвергенции практического использования «стабильности» и теоретических концепций, посвященных ей? Несомненно, на пути объединения теории и практики имеются серьезные препятствия, и хотелось бы перечислить их, чтобы в дальнейшем общественный дискурс мог бы развиваться с учетом проблемных факторов и критических детерминант.

Первым из таких препятствий может быть сознательная незаинтересованность партийного или государственного истеблишмента в развитии имеющегося политического языка. Пока существующие формы (вне зависимости от их качества) способствуют эффективному достижению рейтинговых и легитимизирующих целей, нет и смысла от них отказываться; когда же, положим, структуральная конъюнктура ухудшается, конструктивная дискуссия становится последним, о чем думают «хромые утки». Как указывает уже процитированная нами Л.А. Паутова, стабильность «все активнее трансформируется в легитимную

⁴⁶ Паутова Л.А. Стабильность – наше кредо? // Россия в глобальной политике. 6 апреля 2017. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost--nashe-kredo-18660> [Pautova, L.A. 'Stabil'nost' – nashe kreda? (Is Stability our Credo?) // *Rossiya v global'noy politike*, 2017. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost--nashe-kredo-18660>]

смысловую схему, поскольку становится условием установления и оправдания социального порядка»⁴⁷; вопрос о том, насколько соответствует обсуждение «стабильности» реальному положению дел, не ставится, и при том весьма маловероятно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации остро необходимыми станут разоблачения «нестабильности».

В качестве примера можно привести использование лексемы «стабильность» в позднем Советском Союзе. «Под предлогом стабильности создавался застой работников на высоких постах...», – высказывался на XXVII съезде КПСС Н.А. Назарбаев⁴⁸; «...нас не должна размагничивать постоянная политическая стабильность в стране», – добавлял Б.Н. Ельцин⁴⁹. Острую актуальность этих реплик нивелирует единственное обстоятельство – эти столь знакомые по форме высказывания случились в 1986 году, когда «политическую стабильность советского общества, прогресс нашей страны», по словам Е.К. Лигачева, определяла «правильная социальная политика партии»⁵⁰. И партия, и страна через считанные годы прекратили свое существование; культ «стабильности», однако, оказался жизнеспособнее тех, кто ранее отвечал за правильное его применение.

Это замечание оказывается вдвойне актуальным в тех условиях, когда амбиции и устремления политиков не ограничиваются действиями других сил, таких, как общественные организации или академическое сообщество, которые при прочих условиях могли бы высказать альтернативные суждения по поводу стабильности и неста-

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. [В 3 т.]. Т. 1. М.: Политиздат. 1986. 320 с. Режим доступа: <http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit1.htm> [XXVII s'yezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union) / Stenograficheskiy otchet. Vol. 1. Moscow: Politizdat. 1986. 320 p. Mode of access: <http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit1.htm>]

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

бильности. Б. Буэно де Мескита и Дж. Даунс подчеркивают, что «широкий доступ к высшему образованию и профессиональной подготовке жизненно важен, если граждане собираются развивать свои навыки коммуникации, организации и политического представительства (...) развитое образование также способствует формированию обширного пула оппозиционных лидеров, тем самым увеличивая поддержку соперников правительства-инкумбента»⁵¹; в таких условиях неудивительно стремление авторитарных режимов ограничивать или подавлять инакомыслие, особенно в такой чувствительной для себя сфере, как язык и политическая риторика. Так, например, в КНР власти вполне открыто реализуют политику фильтрации интернет-трафика на основе тех или иных ключевых слов или фраз – целью цензуры объявляется недопущение распространения информации, дискредитирующей политиков и чиновников, но «отсеву» подвергаются не только сообщения СМИ, но даже и поисковые запросы (не говоря о контенте социальных сетей). Оппозиционные и критически настроенные акторы вынуждены обращаться к языку эвфемизмов, что влечет за собой если не деградацию, но «замораживание» имеющегося официального дискурса – при том, что возможности оспорить его почти повсеместную монополию у конкурентных игроков практически нет. В долгосрочном горизонте это, однако, лишь ослабляет позиции языка – как замечал П. Бурдьё, «только непрерывное творчество, которое рождается из безостановочных столкновений между разными авторитетами, (...) может обеспечить легитимному языку долговечность»⁵²; в ином случае язык гипернормализуется – его застылые формы становятся более предсказуемыми и громоздкими, легко

цитируемыми, но трудно считываемыми в части констатирующей их функции⁵³.

Для того, чтобы использование термина «стабильность» перестало быть одновременно общим местом и узлом неопределенности, желательное формирование конкуренции хотя бы в рамках делиберативных процедур и общественной дискуссии. Оспаривание «авторитетного слова» в публичной политике, в принципе, является нормальной позицией интеллектуальных кругов⁵⁴, и, хотя в условиях концентрации контроля в руках государства такие действия представляются затруднительными и рационально невыгодными, защита собственных интересов все равно остается возможной. Увы, сегодня достаточно популярно убеждение, будто цензура и прочие контрольно-надзорные практики, как и «внутреннее ограничение» публичной критики ради «покоя» и шмиттеанского тождества «своих», играют позитивную роль в развитии общества; исторический опыт, однако, показывает, что роль цензуры можно определить прямо противоположным образом⁵⁵.

⁵¹ Bueno de Mesquita Bruce, Downs George W. Development and Democracy // *Foreign Affairs*, 2005, Vol. 84, No. 5, pp. 77-86, 83.

⁵² Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. №2 (23). [Burd'yo, P. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka (On the Production and Reproduction of a Legitimate Language) // *Otechestvennyye zapiski*, 2005, No. 2 (23).]

⁵³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 604 с. [Yurchak, A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye (It was Forever until It Ended. The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 2014. 604 p.]

⁵⁴ См. позицию У. Эко: «интеллигентская функция состоит, наоборот, в том, чтобы выпячивать двусмысленности и освещать их». Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/_04.php; «задача интеллигентов — сеять сомнения, а не охотиться за истинами». Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/eco_nazad1.pdf.

⁵⁵ Рубцов А.В. Наука и власть // Отечественные записки. 2014. №1 (58). [Rubtsov, A.V. Nauka i vlast' (Science and Power) // *Otechestvennyye zapiski*, 2014, No. 1 (58)]; Аронсон О.В. Цензура как опыт: симптоматика и этика // «Index. Досье на цензуру». 2004. No. 20. [Aronson, O.V. Tsenzura kak opyt: simptomatika i etika (Censorship as an Experience: Symptomatology and Ethics) // «Index. Dos'ye na tsenzuru», 2004, No. 20.]; Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: монография. М.: Проспект. 2016. 252 с. [Kulikova, S.A. Konstitutsionnyy zapret

Потому, вероятно, вторым препятствием для адекватного использования «стабильности» в политической практике может выступать само состояние публичной сферы – в том, конечно, случае, если механизмы представительства и защиты интересов существуют в «зачаточной» или «витринной» версии. Стратегии «внеаходимости» (исключения себя из пространства официальных высказываний) и «башни из слоновой кости» (исключения себя из массовой повседневности) могут обладать безусловной привлекательностью в краткосрочном отношении, предоставляя индивидам возможность «вырваться» из пространства официального дискурса; с течением времени, однако, подобный исход оборачивается негативными последствиями для общества в целом – как писал Э. Бёрк, «когда плохие люди объединяются, хорошие тоже должны объединяться, иначе они падут один за другим»⁵⁶. Внеаходимость и «публики своих», о которых писал А. Юрчак применительно к советской эпохе, обернулись современными «коммуникативными барьерами»⁵⁷ – об этом пишет Ю. Гладарев, и «негативной революцией» («апатией, деполитизацией, меланхоличным дискурсом»), описанной

А. Магуном⁵⁸; новое российское общество столкнулось с парадоксальным для демократических форм распадом общественной сферы, недоступностью представительного участия⁵⁹, разрывом политических связей и «параличом катастрофизма»⁶⁰.

Еще одним следствием стал антагонизм общественно-политической дискуссии, ограничивающий какой-либо полезный эффект от высказывания номинально альтернативных мнений: конкурирующие позиции просто циркулируют в замкнутой среде, не пересекаясь друг с другом и даже не стремясь к такому взаимодействию. К. Санстейн называет такую конфигурацию публичного пространства «эхо-комнатами» (*echo chamber*)⁶¹ и, хотя подобное состояние характерно не только для России, в отечественных реалиях оно, тем не менее, существенно осложняет развитие гражданского общества, препятствуя как делиберативным практикам, так и агонистической⁶² конкуренции – они просто не могут сформироваться в условиях автоматического восприятия позиции, отличающейся от собственной, в качестве порочной, нелогичной и «неправильной». В свое время критики-диссиденты характеризовали со-

tzensury v Rossii: monografiya (Constitutional Prohibition of Censorship in Russia: Monograph). Moscow: Prospekt, 2016. 252 p.]

⁵⁶ Перевод: «When bad men combine, the good must associate; else they will fall, one by one». Режим доступа: <http://oll.libertyfund.org/titles/burke-select-works-of-edmund-burke-vol-1--5>

⁵⁷ Гладарев Б. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века // Российское общество в поисках публичного языка: вчера сегодня завтра / Под ред. Н. Вахтина, Б. Гладарева, Б. Фирсова. СПб.: Изд-во ЕУСПб. 2014. Режим доступа: https://eu.spb.ru/images/pnis/Gladarev_Opyty_preodoleniya_publichnoy_nemoty.pdf [Gladarev, B. Opyty preodoleniya «publichnoy nemoty»: analiz obshchestvennykh diskussiy v Rossii nachala XXI veka (Experience of Overcoming “Public Dumbness”: Analysis of Public Discussions in Russia at the Beginning of the XXI Century) // Rossiyskoye obshchestvo v poiskakh publichnogo yazyka: vchera segodnya zavtra / Ed. by: N. Vakhtina, B. Gladareva, B. Firsova. SPb.: Izd-vo YEUSPb, 2014.]

⁵⁸ Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008. 416 с. [Magun, A.V. Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub'yekta (Negative Revolution: Towards the Deconstruction of a Political Subject). SPb.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2008, 416 p.]

⁵⁹ От общественного к публичному / под редакцией О.В. Хархордина. СПб.: Европейский университет. 2011. С. 291. [Ot obshchestvennogo k publichnomu (From Public to Public) / Ed. by: O. V. Kharkhordina. SPb.: Yevropeiskii universitet, 2011. P. 291.]

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Sunstein, C.R. 2001. Echo Chambers: Bush v. Gore, Impeachment, and Beyond. Princeton, N.J.: Princeton University Press. Mode of access: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf>

⁶² Под «агонистичным» здесь подразумевается критерий, описанный Ш. Муфф в соответствующей работе «Агонистическая модель демократии»: перевод политического противоборства из антагонизма в конструктивное соперничество.

ветское общество шуткой-перефразом «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью»⁶³ – сегодня акценты окончательно сместились от Кафки к уже упоминавшемуся Фуко. «Механизму карательной власти в определенный момент потребовалась связка с природой преступления (...) ей пришлось удвоить деление на законные и незаконные поступки делением индивидов на нормальных и ненормальных», – писал Фуко⁶⁴; в современной России нетрудно заметить навязчивый поиск «нормальности» в противовес стигматизируемой «ненормальности». «Ненормальными» нарекаются ценности, распространенные на государственной периферии⁶⁵, широко распространенные архаичные культурные образцы⁶⁶, оппозиционные настроения⁶⁷ и многое другое⁶⁸; при

этом каждая сторона политической борьбы, не исключая, в частности, тех самых оппозиционеров, позиционирует себя именно в качестве «нормальной» и противостоящей Иным, «ненормальным».

* * *

Подводя итог проведенному исследованию, стоит сделать несколько заключительных замечаний, отражающих те цели и задачи, которые были обрисованы в начале статьи.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на широкое обращение к концепту «политической стабильности» в России и за рубежом, его политическое использование редко коррелирует с тем смыслом, который вкладывают в «стабильность» социальные исследователи. Если последние описывают «политическую стабильность» через сложные системы разнородных требований к функционированию государственных институтов или деятельности гражданских акторов, то политики и чиновники чаще подразумевают под стабильностью некий бессодержательный «экспрессив» или «репрезентатив», удобный им с точки зрения рейтинговых показателей и политических деклараций.

Мы выделили три причины такой дивергенции: проблемы с политическим языком или даже с коммуникацией как таковой (1), отчужденность граждан от представлений о себе как о субъектах политического действия (2) и намеренная морализация «стабильности» со стороны государственных и политических структур (3). Обсуждая обстоятельства, препятствующие конвергенции научных и обывательских представлений (т.е., иронично говоря, «стабилизации дискурса стабильности»), мы выделили незаинтересованность политиков в отказе от привычных форм взаимодействия с электоратом (а), дефекты публичного пространства, проиллюстрированные российским примером нарастающей апатии и разочарования в политике (б), а также раскол информационного поля на множество «эхокомнат» (в) – изолированных сегментов, за пределы знаний, представлений и установок которых индивиды не стремятся, предпочитая работать с «привычными» формами и образцами.

⁶³ Отсылка к «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

⁶⁴ Фуко М. Ненормальные. М.: «Наука». 2004. С. 112. [Fuko, M. Nenormal'nyye (Abnormal). Moscow, «Nauka», 2004. P.112.]

⁶⁵ Марченя П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. №2. С. 20-22. [Marchenya, P. Paradoxy mifologii «pravovogo nigilizma» v Rossii (Paradoxes of the Mythology of “Legal Nihilism” in Russia) // *Zakon i pravo*, 2006, No. 2, pp. 20-22.]

⁶⁶ Мартыанов В.С. Метаязык политической науки. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. 236 с. [Mart'yanov, V.S. Metayazyk politicheskoy nauki (Metalanguage of Political Science). Yekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 2003. 236 p.]

⁶⁷ Моргунова А.Б. Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. Т. 103. №1. С. 19-47. [Morgunova, A.B. Ideologii i strategii dominirovaniya v diskurse rossiyskogo i belorusskogo prezidentov (Ideologies and Dominance Strategies in the Discourse of the Russian and Belarusian Presidents) // *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, 2010, Vol. 103, №1, pp. 19-47.]

⁶⁸ Макарычев А.В. Российские олимпийские дискурсы: эффекты унификации и многообразия // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. №2 (88). С. 86-100. [Makarychev, A.V. Rossiyskiye olimpiyskiye diskursy: efekty unifikatsii i mnogoobraziya (Russian Olympic Discourses: Effects of Unification and Diversity) // *Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2013, No. 2(88), pp. 86-100.]

Без сомнения, было бы крайней наивностью утверждать, что возможно быстрое разрешение столь серьезных проблем. Тем не менее, китайская поговорка гласит, что «путь в тысячу ли начинается с одного шага», и, возможно, активизировавшаяся общественная дискуссия и стремление отстаивать профессиональное звание в публичном пространстве способствует оздоровлению политического дискурса и отказу общества от восприятия идейной манипуляции как чего-то само собой разумеющегося.

Литература:

Аронсон О.В. Цензура как опыт: симптоматика и этика // «Index. Досье на цензуру». 2004. No. 20.

Ахременко А.С. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. Политические исследования. 2009. №3. С. 105-112.

Баранов Н.А. Возрождение популизма: европейский опыт и российский практики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 3. С. 25-36.

Бозоки А. Популизм как дискурс венгерских элит // Сравнительная политика. 2012. №3 (9). С. 162-184.

Бондаренко В.Ф., Ефанова Е.В. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. №4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 37-40. Режим доступа: http://sejournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf

Бурдье П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. №2 (23).

Гладарев Б. Попыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века // Российское общество в поисках публичного языка: вчера сегодня завтра / Под ред. Н. Вахтина, Б. Гладарева, Б. Фирсова. СПб.: Изд-во ЕУСПб. 2014. Режим доступа: https://eu.spb.ru/images/pnis/Гладарев_Попыты_преодоления_публичной_немоты.pdf

Иванов В.Н. Политическая социология. М.: Мысль. 2000.

Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: монография. М.: Проспект. 2016. 252 с.

Лакан Ж. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / Пер с фр. А. Черноглазова. М.: Издательства «Гнозис», «Логос». 1999. 520 с.

Лакан и политика: Беседа с Жаком-Аленом Миллером // Неприкосновенный запас. 2009. №5 (67).

Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008. 416 с.

Макарычев А.В. Российские олимпийские дискурсы: эффекты унификации и многообразия // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. №2 (88). С. 86-100.

Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. №1. С. 149-157. [Мартыанов В.С. Метаязык политической науки. Екатеринбург: Изд-

во УрО РАН, 2003. 236 с. [Mart'yanov, V.S. Metaazyk politicheskoy nauki (Metalanguage of Political Science). Yekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 2003. 236 p.]

Марченя П. Парадоксы мифологии «правового ниглизма» в России // Закон и право. 2006. №2. С. 20-22.

Матафонова Ю.А. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). Т. 2. С. 72-75.

Мендес В.К. Оправдание диктатуры? (диктатор Салазар в 1930 году и поэт Фернандо Пессоа в 1928 году) // Независимый филологический журнал. 2009. №100. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me9.html>

Моргунова А.Б. Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. Т. 103. №1. С. 19-47.

Мюллер Я.В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017. 398 с.

Мюллер, Я.В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017. 398 с.

От общественного к публичному / под редакцией О.В. Хархордина. СПб.: Европейский университет. 2011.

Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология. 2004. №19. С. 32-65.

Паутова Л.А. Стабильность – наше кредо? // Россия в глобальной политике. 6 апреля 2017. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost--nashe-kredo-18660>

Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Рубцов А.В. Наука и власть // Отечественные записки. 2014. №1 (58).

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст]. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. С. 170-194.

Старцев А.В. Стабильность в современной России: состояние и факторы и динамики // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stabilnost-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-i-factory-dinamiki>

Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Издательство ГУ-ВШЭ. 2006. 400 с.

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. №100.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 480 с.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1 (8). С. 47-62.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 604 с.

Ярославцева А.О. Ключевые характеристики масового восприятия политической стабильности в современной России: может ли стабильность стать национальной идеей // Вестник РУДН: Серия «Политология». 2012. №1. С. 57-66

Ярославцева А.О. Политическая стабильность: временные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. С. 11-44.

Baganha, M.I. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime // *e-JPH*, 2003, Vol. 1, No. 1, pp. 1-16. Mode of access: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf

Bueno de Mesquita Bruce, Downs George W. Development and Democracy // *Foreign Affairs*, 2005, Vol. 84, No. 5.

Dowding, K.; Kimber, R. The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*, 1983, Vol. 11, Iss. 3.

Dror, Y. Beyond Uncertainty: Facing the Inconceivable // *Technological Forecasting and Social Change*, Amsterdam, 1999, Vol. 62, Issues 1-2.

Eckstein, H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton: Princeton University Press. 1966.

Godoy, L.A. Structural Stability Concepts in Medieval and Renaissance Mechanics // *Latin American Journal of Solids and Structures*, 2011, No. 8, pp. 83-105. Mode of access: <http://www.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf>

Hansson, S.O.; Helgesson, G. What Is Stability? // *Synthese*, 2003, No. 2, pp. 219-235.

Hurwitz, L. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability / by U. Rosenthal // *American Political Science Review*, 1980, No. 74.

Jong-A-Pin, R. On the Measurement of Political Instability and Its Impact on Economic Growth // Vol. SOM Research Reports, 06C05, University of Groningen, Groningen, 2006.

Lefort, C. Democracy and Political Theory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.

Lévi-Strauss, C. Introduction to the Work of Marcel Mauss. London. Routledge, 1987.

Rosenthal, U. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability. Alphen aan den Rijn, The Netherlands: Sijthoff & Noordhoff. 1978.

Salazar, A. Salazar Says. Lisbon: SNI, 1963.

Sunstein, C.R. 2001. Echo Chambers: Bush v. Gore, Impeachment, and Beyond. Princeton, N.J.: Princeton University Press. Mode of access: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf>

Vallier, K. Three Concepts of Political Stability: An Agent-Based Model // *Social Philosophy and Policy*, Cambridge University Press, 2017, No. 34 (1), pp. 232-259.

Vertessen, D.; De Landtsheer, C.A. Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time / In J. Pikalo, T. Carver (Eds.), *Politics, Language and Metaphor*. London: Routledge. 2008. Pp. 271-285.

Zimmermann, E. Political Violence, Crises and Revolutions (Theories and Research). Routledge. 1983. 810 p.

References:

Akhremenko A.S. Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti (A Dynamic Approach to the Mathematical Modeling of Political Stability) // *Polis, Politicheskiye issledovaniya*, 2009, №3, pp. 105-112.

Aronson, O.V. Tsenzura kak opyt: simptomatika i etika (Censorship as an Experience: Symptomatology and Ethics) // «Index. Dos'ye na tsenzuru», 2004, No. 20.

Baganha, M.I. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime // *e-JPH*, 2003, Vol. 1, No. 1, pp. 1-16. Mode of access: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf

Baranov, N.A. Vozrozhdeniye populizma: yevropeyskiy opyt i rossiyskiye praktiki (The Revival of Populism: European Experience and Russian Practices) // *Vestnik SPbGU*, 2015, Vol. 3, pp. 25-36.

Bondarenko, V.F.; Yefanova, Ye.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennoy Rossii: faktory, urovni, protivorechiya (Political Stability in Modern Russia: Factors, Levels, Contradictions) // *Istoricheskkiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2012, No. 4 (18), pp. 37-40.

Bozoki, A. Populizm kak diskurs vengerskikh elit (Populism as a Discourse of Hungarian Elites) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 3 (9), pp. 162-184.

Bueno de Mesquita Bruce, Downs George W. Development and Democracy // *Foreign Affairs*, 2005, Vol. 84, No. 5.

Burd'yo, P. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka (On the Production and Reproduction of a Legitimate Language) // *Otechestvennyye zapiski*, 2005, No. 2 (23).

Dowding, K.; Kimber, R. The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*, 1983, Vol. 11, Iss. 3.

Dror, Y. Beyond Uncertainty: Facing the Inconceivable // *Technological Forecasting and Social Change*, Amsterdam, 1999, Vol. 62, Issues 1-2.

Eckstein, H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton: Princeton University Press. 1966.

Gladarev, B. Opyty preodoleniya «publichnoy nemoty»: analiz obshchestvennykh diskussiy v Rossii nachala XXI veka (Experience of Overcoming «Public Dumbness»: Analysis of Public Discussions in Russia at the Beginning of the XXI Century) // *Rossiyskoye obshchestvo v poiskakh publichnogo yazyka: vchera segodnya zavtra / Ed. by: N. Vakhtina, B. Gladareva, B. Firsova. SPb.: Izd-vo YEUSPb*, 2014.

Godoy, L.A. Structural Stability Concepts in Medieval and Renaissance Mechanics // *Latin American Journal of Solids and Structures*, 2011, No. 8, pp. 83-105. Mode of access: <http://www.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf>

Hansson, S.O.; Helgesson, G. What Is Stability? // *Synthese*, 2003, No. 2, pp. 219-235.

Huntington, S. Politicheskyy poryadok v menyayushchikhnya obshchestvakh (Political Order in Changing Societies). Moscow: Progress-Traditsiya. 2004. 480 p.

Hurwitz, L. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability / by U. Rosenthal // *American Political Science Review*, 1980, No. 74.

Ivanov, V.N. Politicheskaya sotsiologiya (Political Sociology). Moscow: Mysl', 2000.

Jong-A-Pin, R. On the Measurement of Political Instability and Its Impact on Economic Growth // Vol. SOM Research Reports, 06C05, University of Groningen, Groningen, 2006.

Kulikova, S.A. Konstitutsionnyy zapret tsenzury v Rossii: monografiya (Constitutional Prohibition of Censorship in Russia: Monograph). Moscow: Prospekt, 2016. 252 p.

Lacan i politika: Beseda s Zhakom-Alenom Millerom (Lacan and Politics: A Conversation with Jacques-Alain Miller) // *Neprikosnovennyy zapas*, 2009, No. 5 (67).

Lacan, Zh. 'YA' v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (1954/55) ('I' in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis). Moscow: Izdatel'stva «Gnozis», "Logos". 1999. 520 p.

Lefort, C. Democracy and Political Theory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.

Lévi-Strauss, C. Introduction to the Work of Marcel Mauss. London. Routledge, 1987.

Magun, A.V. Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub'yekta (Negative Revolution: Towards the Deconstruction of a Political Subject). SPb.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2008, 416 p.

Makarychev, A.S. Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokratsii: metodologicheskiye podkhody i otsenki (Stability and Instability in Democracy: Methodological Approaches and Assessments) // *Polis*, 1998, No. 1, pp.149-157.

Makarychev, A.V. Rossiyskiye olimpiyskiye diskursy: efekty unifikatsii i mnogoobraziya (Russian Olympic Discourses: Effects of Unification and Diversity) // *Neprikosnovennyy zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2013, No. 2 (88), pp. 86-100.

Marchenya, P. Paradoksy mifologii «pravovogo nihilizma» v Rossii (Paradoxes of the Mythology of "Legal Nihilism" in Russia) // *Zakon i pravo*, 2006, No. 2.

Mart'yanov, V.S. Metayazyk politicheskoy nauki (Metalanguage of Political Science). Yekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 2003. 236 p.

Matafonova, Yu.A. Politicheskaya stabil'nost' i politicheskaya ustoychivost' v kontekste federativnoy sistemy (Political Stability and Political Stability in the Context of the Federal System) // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, No. 2 (62), Vol. 2, pp. 72-75.

Mendes V.K. Opravdaniye diktatury? (diktator Salazar v 1930 godu i poet Fernando Pessoa v 1928 godu) (Justification of the Dictatorship? (Dictator Salazar in 1930 and Poet Fernando Pessoa in 1928)) // *Nezavisimyy filologicheskyy zhurnal*, 2009, No. 100.

Morgunova, A.B. Ideologii i strategii dominirovaniya v diskurse rossiyskogo i belorusskogo prezidentov (Ideologies and Dominance Strategies in the Discourse of the Russian and Belarusian Presidents) // *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, 2010, Vol. 103, №1, pp. 19-47.

Myuller Ya.V. Spory o demokratsii: Politicheskkiye idei v Yevrope XX veka (Disputes about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. 2017. 398 p.

Myuller, Ya.V. Spory o demokratsii: Politicheskkiye idei v Yevrope XX veka (Disputes about Democracy: Political Ideas in Europe of the XX Century). Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. 2017. 398 p.

Ot obshchestvennogo k publichnomu (From Public to Public) / Ed. by: O. V. Kharkhordina. SPb.: Yevropeiskii universitet, 2011.

Pautova, L.A. Kompleksnyy podkhod k issledovaniyu sotsial'nogo predstavlenniya o stabil'nosti (An Integrated Approach to the Study of Social Concepts of Stability) // *Sotsiologiya*, 2004, No. 19, pp. 32-65.

Pautova, L.A. Stabil'nost' – nashe kredo? (Is Stability our Credo?) // *Rossiya v global'noy politike*, 2017. Mode

of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost-nashe-kredo-18660>

Riker, P. Pamyat', istoriya, zabveniyе (Memory, History, Oblivion). Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004]; Lloyd, G. Demystifying Mentalities. Cambridge University Press, 1990.

Rosenthal, U. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability. Alphen aan den Rijn, The Netherlands: Sijthoff & Noordhoff. 1978.

Rubtsov, A.V. Nauka i vlast' (Science and Power) // *Otechestvennyye zapiski*, 2014, No. 1 (58).]

Salazar, A. Salazar Says. Lisbon: SNI, 1963.

Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov (Classification of Illocutionary Acts) / Dzh. R. Serl' // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 17: Teoriya rechevykh aktov. Moscow: Progress. 1986. Pp. 170-194.

Startsev, A.V. Stabil'nost' v sovremennoy Rossii: sostoyaniye i faktory i dinamiki (Stability in Modern Russia: State and Factors and Dynamics) // *Vestnik VGU, Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2010, No. 1.

Sunstein, C.R. 2001. Echo Chambers: Bush v. Gore, Impeachment, and Beyond. Princeton, N.J.: Princeton University Press. Mode of access: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf>

Turovskiy, R.F. Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnosheniy (Center and Regions: Problems of Political Relations). Moscow: Izdatel'stvo GU-VSHE. 2006. 400 p.

Uolton, D. Argumenty ad hominem (Arguments ad Hominem). Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye», 2002.

Ushakin S. Byvsheye v upotreblenii: Postsovetskoye sostoyaniye kak forma afazii (Used: Post-Soviet State as a Form of Aphasia) // *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2009, No. 100.

Vallier, K. Three Concepts of Political Stability: An Agent-Based Model // *Social Philosophy and Policy*, Cambridge University Press, 2017, No. 34 (1), pp. 232-259.

Vertessen, D.; De Landtsheer, C.A. Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time / In J. Pikalo, T. Carver (Eds.), *Politics, Language and Metaphor*. London: Routledge. 2008. Pp. 271-285.

Yaroslavtseva, A.O. Klyuchevyye kharakteristiki massovogo vospriyatiya politicheskoy stabil'nosti v sovremennoy Rossii: mozhet li stabil'nost' stat' natsional'noy ideyey (Key Characteristics of the Mass Perception of Political Stability in Modern Russia: Can Stability Become a National Idea) // *Vestnik RUDN: Seriya «Politologiya»*, 2012, No. 1. pp. 57-66.

Yaroslavtseva, A.O. Politicheskaya stabil'nost': sovremennyye parametry i konnotatsii (Political Stability: Modern Parameters and Connotations) // *Politicheskaya stabil'nost': novyye vyzovy, metodologicheskiye aspekty analiza i prognozirovaniya, regional'nyye issledovaniya*. Moscow: RUDN. 2012. Pp. 11-44.

Yurchak, A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye (It was Forever until It Ended. The Last Soviet Generation). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 2014. 604 p.

Zimmermann, E. Political Violence, Crises and Revolutions (Theories and Research). Routledge. 1983. 810 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10042

“STABILITY” VERSUS STABILITY:
FAILS & LOSSES OF PUBLIC POLICY

Kirill O. Telin

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 24.06.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2019</p>	<p>Abstract: This essay is dedicated to the study of «stability» ideas, existing in the political sphere, as one of the key points of official power discourse. The existing usage of “stability” concept is compared with the scientific notions expressed in domestic and foreign research literature.</p> <p>The author makes a conclusion that the discrepancy between the meaning of «stability» in the two above-mentioned spheres and identifies reasons for such a semantic divergence: the concernment of the political establishment in blurred concepts convenient for power rhetoric (1), defects of the political language (2) paralysis of civic participation, incl. on the part of the academic community, capable to criticize the manipulative exercises of power institutions based on concepts elaborated in Social Sciences (3).</p>
<p>About the author: Research Fellow, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: kirill.telin@gmail.com</p>	
<p>Key words: stability; political regime; discourse; language; political competition</p>	

Для цитирования: Телин К.О. «Стабильность» вместо стабильности: провалы и неудачи государственной политики // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 141-157.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10042

For citation: Telin, Kirill O. «Stabil’nost’» vmesto stabil’nosti: provaly i neudachi gosudarstvennoy politiki (“Stability” versus Stability: Fails & Losses of Public Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 141-157.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10042

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10043

ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ БЮРОКРАТИИ НА ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Игорь Вячеславович Левакин

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 24 июля 2019 Принята к печати: 3 февраля 2020</p>	<p>Аннотация: В представленной статье исследуется проблема осуществления публичной власти посредством бюрократии. Задача поиска путей де-бюрократизации публичной власти (ограничения негативных проявлений, сферы деятельности и функций бюрократии) решается с помощью историко-компаративистской методологии. Исследование позволило выявить наличие сопоставимых свойств публичной власти и бюрократии, объяснить их сравнительные сходства и различия в «вертикальной плоскости» – анализу подвергнуты данные феномены разных временных периодов для обнаружения общих тенденций развития и причинно-следственных связей. Проблема осуществления публичной власти посредством бюрократии конкретизирована на материалах исследований управления в древних обществах, ранних государствах, государственном механизме буржуазных демократий. Особое внимание уделено альтернативной советской модели власти, которая в своем практическом воплощении привела к формированию в нашей стране командно-административной системы с господствующим «классом» номенклатуры. Выявлены основные характеристики публичной власти и бюрократии в постсоветском обществе. Выяснено, что трансформация публичной власти на новом этапе глобального социально-экономического развития может означать ее функциональную вовлеченность в международную систему выкачивания национальных ресурсов в интересах все более интернационализирующихся элит. Сделан вывод, согласно которому бюрократия и институты прямой и представительной демократии, самоуправления, контроля гражданского общества над государством являются прямыми конкурентами. Тем не менее, постиндустриальное общество открывает новые возможности для де-бюрократизации. Поэтому активные, волевые действия политических групп, целых слоев общества, направленные на борьбу за конституционные гарантии прав граждан на информацию, реальный доступ к образованию и, как взаимосвязанное следствие, осмысленную демократию – это сложный, но необходимый путь де-бюрократизации публичной власти</p>
<p>Об авторе: д.ю.н., профессор, кафедра публичного права, МГИМО МИД России e-mail: levakin@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: власть; управление; классовое общество; бюрократия; государство; гражданское общество; самоуправление; дебюрократизация; демократия</p>	

Бюрократия и публичная власть неотделимы, ибо публичная власть осуществляет себя в обществе посредством бюрократии¹.

¹ Необходимо разграничивать публичную деятельность (государственную, партийную, конфессиональную т.п.) на политическую и административную. Управление (администрирование) лежит вне политической сферы. В исключительных случаях политические лидеры обращаются напрямую к народу, минуя посредников – администрацию. О возможном апеллировании лидера (верховного правителя) непосредственно к народу, см.: Сурков В. Долгое государство Путина (О том, что здесь вообще происходит) // Независимая газета, №11, 11.02.2019. [Surkov, V. Dolgoe

В процессе управления социумом между лидерами публичной власти (политиками) и бюрократией (администрацией) с одной стороны, бюрократией (администрацией) и обществом (гражданами) с другой, возникают устойчивые связи, формальные и неформальные правила поведения, зависимости, которые с негативной коннотацией именуют

gosudarstvo Putina (O tom, chto zdes' voobshche proiskhodit) (Putin's Long State (about What Is Happening Here at all)) // *Nezavisimaia gazeta*, 11.02.2019, №11]. Не стоит забывать, что и народ известными способами может обратиться к верховной власти, минуя бюрократические механизмы.

бюрократизацией. Задача дебюрократизации публичной власти (ограничения негативных проявлений, сферы деятельности и функций бюрократии) нетривиальна и не имеет однозначного решения, но, безусловно, требует историко-компаративистских исследований. Для поиска адекватных мер дебюрократизации актуально рассмотрение бюрократии в качестве социальной страты или «класса», предложенное К. Марксом, Ф. Энгельсом и развитое в работах В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, М. Джиласа, М.С. Восленского и др.². Известная доктрина рациональной бюрократии, обоснованная в трудах М. Вебера и его последователей, а также прочие теории бюрократии используются в статье в качестве дополнительных, преодолевающих известную односторонность классово-теоретической теории³.

Публичная власть и бюрократия эво-

² К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» выделил такие характерные черты бюрократии: 1) корпорация; 2) специфические, частные интересы; 3) иерархия знаний; 4) тайна; 5) авторитет. К данным признакам необходимо добавить посредническую или отчуждающую функцию бюрократии по формуле: субъект управления – бюрократия – объект управления.

³ Все многообразие трактовок бюрократии, по существу, можно свести к следующим основным концепциям: Маркса; Вебера – Вильсона; «Имперской» («азиатской»); «Реалистической». Подробнее о концепциях бюрократии, см.: Кабашов С.Ю. Бюрократия. Теоретические концепции. – М.: ФЛИНТА, 2011. 220 с. [Kabashov, S.Iu. Biurokratiia. Teoreticheskie kontseptsii (Bureaucracy. Theoretical Concept). Moscow: FLINTA, 2011. 220 p.] Действительно: «Как последовательный антигосударственник, Маркс, естественно, не видит ничего хорошего и в современной ему форме государственного управления. (Кстати, в этом он очень близок к Бакунину и Кропоткину.) Но если принять такого рода критику за полный анализ, то остается непонятным, каким образом и почему современные бюрократические аппараты в разных странах не только не «рушатся под тяжестью собственных преступлений», но и достаточно успешно справляются с решением сложнейших проблем и к тому же пользуются довольно высоким авторитетом у граждан». Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века. М.: Дело, 2002. С. 20. [Obolonskii, A.V. Biurokratiia dlia XXI veka (Bureaucracy for the 21st Century). Moscow: Delo, 2002. P. 20.]

люционируют, проявляют все новые качества на значимых этапах (стадиях) своего исторического развития⁴. Общественные системы усложняются, их современные «операторы» – технократы, социальные менеджеры – будучи посредниками между субъектами и объектами управления, перехватывают полномочия избираемых политиков, зачастую цензурируют (одобряют, запрещают, корректируют) волеизъявление народа. Изучение генезиса публичной власти и бюрократии позволяет объяснить их сравнительные сходства и различия в разных временных периодах для обнаружения общих тенденций, причинно-следственных связей, а также сделать прогностические выводы относительно возможностей дебюрократизации публичной власти, в том числе применимые к современной российской действительности⁵.

Общественная власть без бюрократии в первобытном обществе. Потестарная

⁴ Считается, что одним из первых – еще в середине XVIII в. – в негативном аспекте проблеме осуществления публичной власти посредством бюрократии подметил французский экономист Винсан де Гурнэ. В дальнейшем данной социально-политической тематикой занимались выдающиеся мыслители: Г.В.Ф. Гегель, Д.С. Милль, А. де Токвиль, Г. Моска и многие др. См.: Кабашов С.Ю. Государственная служба: основные этапы развития как науки и профессии от Древнего мира до начала XX века. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 165-168. [Kabashov, S.Iu. Gosudarstvennaia sluzhba: osnovnye etapy razvitiia kak nauki i professii ot Drevnego mira do nachala XX veka (Public Service: the Main Stages of Development as a Science and Profession from the Ancient World to the Beginning of the XX Century). Moscow: INFRA-M, 2016. Pp. 165-168.]

⁵ Публичную власть в «широком смысле» осуществляет не только государство, но и созданные или признанные государством организации, реализовывающие публичные интересы, имеющие различные уровни автономии от государства в зависимости от типа деятельности. «Публичная власть возникает и существует в территориальном публичном коллективе. Публичная власть призвана действовать в интересах коллектива, эманацией которого является». Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. С. 20. [Chirkin, V.E. Publchnaia vlast' (Public Power). Moscow: Iurist", 2005. P. 20.]

власть распространялась на относительно эгалитарное первобытное общество. В то же время даже слабая специализация труда (физиологическая, половая), неразвитая структура первобытного социума и синкретичность социальных норм уже предполагали необходимое целенаправленное воздействие на поведение членов родоплеменных групп с естественной иерархией. Вожди, старейшины, шаманы выполняли определенные организаторские функции, повышающие возможности выживания соплеменников в условиях дикой природы и внутривидовой конкуренции. Мифы, ритуалы, обычаи закрепляли за «большими людьми» особое положение внутри первобытных сообществ, в том числе связанное с организацией различных промыслов, распределением добычи, аккумуляцией и распоряжением племенным имуществом и т.д. Однако в эпоху отсутствия сколь-нибудь значимого прибавочного продукта (данные археологии свидетельствуют, что в ряде мест Ближнего Востока переход к земледелию и скотоводству произошёл в IX-VII-м тыс. до н.э.), содержание аппарата управленцев было еще невозможно. Первобытная демократия предполагала избрание и отстранение потестарных лидеров; самоуправление, осуществляемое самими членами первобытных групп: «все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал»⁶. В то же время, нельзя идеалистически представлять первобытность в качестве «естественного состояния» равных. Биологическая природа власти основана на доминировании. Применительно к человеческому обществу этнологи говорят о наличии власти в первобытности, т.е. «о возможности влиять в нужном направлении, подавлять, принуждать и т.п.»⁷.

⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, М.: Политиздат, 1961. С. 98. [Engels, F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva (Origin of Family, Private Ownership and State) // K. Marx, F. Engels. Coch. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961. P. 98.]

⁷ Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшее образование, 2008. С. 21. [Kashanina, T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i

Публичная власть и бюрократия в зарождающемся классовом обществе. Выделение из первобытной демократии и самоуправления публичной власти длилось столетия (считается, что первые классовые сообщества – важнейшая предпосылка возникновения публичной власти – возникли в Шумерской и Египетской цивилизациях в IV тысячелетии до н. э.). Известные причины: поэтапное общественное разделение труда, возникновение частной собственности, антагонистических классов и др., привели к кризису управляемости обществом, «тогда народ идет к пророку просить себе царя, но чаще принимает в качестве царя первого смелого претендента на эту роль»⁸. Весьма вероятно, что «первые протобюрократии древности возникли там, где размер территории и подчиненное население превысили возможности прямого личного управления, т.е. вождество переросло в раннее государство»⁹. Как правило, военные вожди с дружинниками, реже – жрецы, возглавляют публичную власть, опираются на «ближний круг» соратников; обособленные от общества, они требуют постоянных источников содержания – налогов, и легального основания для их взимания – обязательного для данников закона, уже не выражающего волю всей родоплеменной организации. Так зарождается система администрации, она же бюрократия. «Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно,

prava (Origin of State and law). Moscow: Vysshee obrazovanie, 2008. P. 21.]

⁸ Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 221. [Mal'tsev, G.V. Ocherki istorii rannego prava i gosudarstva (Essays on the History of Early Law and the State). Moscow: Izd-vo RAGS, 2010. P. 221.]

⁹ Дерлугян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 218. [Derlug'ian, G. Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temu (How This World Works. Sketches on Macro-sociological Topics). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013. 176 p.]

даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность»¹⁰.

Публичная власть и бюрократия в древности. Уже первые города-государства Месопотамии (III тысячелетие до н. э.), государства древних цивилизаций (Индийской, Китайской) не могли обходиться без администрации. Древний Египет с его системой поливного земледелия и обширной государственной собственностью развил сложную систему бюрократии. Писцы (письменность – существенная культурная предпосылка возникновения бюрократии), будучи частью двора фараонов, освобождались от уплаты налогов и службы в армии, контролировали экономические отношения, вели соответствующее делопроизводство. Важнейшее место бюрократии в системе общественного разделения труда было обусловлено характером экономики Древнего Египта: от централизованного управления водными ресурсами зависела сама жизнь. В Древнем Китае централизованный административный аппарат (в том числе через его особую группу – евнухов), опираясь на подробное законодательство, управлял не только населением, но и, зачастую, манипулировал самим императором, оторванным от реального положения дел в государстве. В Античной Спарте сформировалась сложная бюрократическая иерархия, а первое постановление законодателя Ликурга касалось в том числе реформы государственного управления. Поздняя Римская империя (рубеж III и IV вв. н.э.) была во многом бюрократическим государством, строгое законодательство которой только усиливало произвол администраторов (коррупция, воровство на военных закупках и т.п.), что не в

последнюю очередь привело к ее падению. Свои особенности администрирования – М. Вебер рассматривал «патримониализм» в качестве добюрократической модели государственно управления – были в кочевых империях, восточных деспотиях и т.д.¹¹. Становление публичной власти и бюрократии в древности проистекало в различных формах, ее отразила известная дискуссия об условном приоритете «идеи управления» на Востоке и «идеи собственности» у европейских народов¹².

Церковная власть и бюрократия. Примерно с III века нашей эры самоуправляющиеся христианские общины начинают создавать органы публичной церковной власти. Профессиональные епископы, обладая особыми правами, обзаводятся клиром (церковным аппаратом), существующим на сборы, сначала добровольные, затем – обязательные. В то же время, «имея экстенсивные источники доходов, королевское правительство на протяжении Средневековья опиралось на услуги ... церковной бюрократии, высший персонал которой мог посвятить себя на постоянной основе делам гражданской администрации без того, чтобы выставлять финансовый счет государству, так как он уже получал большое жалованье от независимого церковного аппарата»¹³. Кроме того,

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, М.: Политиздат, 1961. С. 171. [Engels, F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva (Origin of Family, Private Ownership and State) // K. Marx, F. Engels. Coch. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961. P. 171.]

¹¹ Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. №2 (10). С. 150-165. [Weber, M. Traditsionnoe gospodstvo (Traditional Domination) // Prognosis, 2007, No. 2 (10), pp. 150-165.]

¹² Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. 352 с. [Morgan, L.G. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii (Ancient Society or the Study of the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization). Leningrad: In-t narodov Severa TsIK SSSR, 1935. 352 p.]

¹³ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2010. С. 28. [Anderson, P. Rodoslovnaia absoliutistskogo gosudarstva (The Genealogy of the Absolutist State). Moscow: Izdatel'skii dom «Territoria budushchego». 2010. P. 28.]

«до конца XI в. церковная юрисдикция – в широком смысле законодательной, исполнительной, а также судебной компетенции – не имела четких границ. Компетенция светских и церковных властей в значительной степени накладывалась друг на друга»¹⁴. Требования христианского канона в период доминирования папской власти распространялись не только на «людей церкви», но и на все население, включая светские власти христианского мира, что оправдывалось, например, доктриной «двух мечей», в которой церковь имеет приоритет (у императоров была своя интерпретация данной теории). Папская революция позволила развести духовную и светскую юрисдикции, размежевать функции церковной и королевской властей. Развитие церковной власти и бюрократии в восточной ветви христианства (православии) имело свои особенности. Среди них – традиционная близость или даже прямое включение в механизм абсолютистского государства, как это было во времена управления церковью Святейшим Правительствующим Синодом, высшим государственным органом церковно-административной власти в Российской империи, начиная с первой половины XVIII в.

Публичная власть и бюрократия в буржуазном обществе. Победа английской буржуазной революции во второй половине XVII в. обеспечила доступ к власти и государственному управлению представителей буржуазии. Согласно К. Марксу система администрации в буржуазном обществе функционирует в качестве орудия буржуазии, при помощи которого последняя заменяет прежнюю, иерархизированную, основанную на феодальных привилегиях систему власти на новую, централизованную и упорядоченную. «Бюрократия» есть *«государственный формализм»* гражданского общества¹⁵.

¹⁴ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: ИНФРА М – NORMA, 1998. С. 215. [Berman, G.Dzh. Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia (Western Tradition of Law: the Era of Formation). Moscow: INFRA M – NORMA, 1998. P. 215.]

¹⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 271. [Marx,

В.И. Ленин вообще полагал, что «бюрократия... и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение...»¹⁶. Категоричность приведенного высказывания В.И. Ленина основана на мысли, согласно которой публичная власть, чего никогда не было в предшествующие эпохи сословного общества, полностью концентрируется в руках профессиональной бюрократии, обслуживающей интересы собственников средств производства (фабрик, заменивших мануфактуры)¹⁷. Ф. Энгельс писал так: «...образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д.»¹⁸. Отсюда в буржуазном обществе помимо государственной и церковной администраций умножаются муниципальные, партийные, профсоюзные и прочие бюро-

К. К kritike gegelevskoi filosofii prava (To the Critique of Hegel's Philosophy of Right) // K. Marx, F. Engels. Soch. 2-e izd. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. P. 271.]

¹⁶ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 440. [Lenin, V.I. Ekonomicheskoe soderzhanie narodnichestva (Economic content of populism) / Poln. sobr. soch. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1967. P. 440.]

¹⁷ В России полицейский бюрократический порядок достиг своего апогея в эпоху абсолютизма (конец XVII – начало XX века). См.: Попов В. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года. Режим доступа: https://sociologica.hse.ru/data/2014/04/29/1322730905/SocOboz_13_1_04_Popov.pdf [Popov, V. Politseiskii poriadok epokhi absoliutizma v Rossii i prichiny ego krakha v khode Fevral'skoi revoliutsii 1917 goda (Police Order of an Era of Absolutism in Russia and the Reasons of Its Crash during the February Revolution of 1917). Mode of access: https://sociologica.hse.ru/data/2014/04/29/1322730905/SocOboz_13_1_04_Popov.pdf]

¹⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 286. [Engels, F. Anti-Dyuring (Anti-Dyuring) // K. Marx, F. Engels. Soch. Vol. 20. Moscow: Politizdat, 1961. P. 286.]

краты. Если с точки зрения М. Вебера и его последователей бюрократия обеспечивает рационально-легальный тип власти¹⁹, то, с точки зрения марксизма, администрация, включающая «абсолютные правительства с их свитой попов, школьных наставников, закорючлых юнкеров и бюрократов», воспринимается в качестве элемента системы эксплуатации, которую необходимо свергнуть революционным путем²⁰. Такой эксперимент был произведен в начале XX века в России.

Советская власть и бюрократия в СССР. Советская власть изначально опиралась на диктатуру пролетариата в лице вооруженных отрядов трудящихся, мыслимую в качестве способа перехода к обществу без классов и профессиональной бюрократии. В годы становления советского государства в качестве управленцев использовались члены революционных организаций, они же были комиссарами при старых «спецзах» из буржуазного аппарата. Теоретиками марксизма предполагалось, что переход к бесклассовому обществу будет сопровождаться сокращением, а затем – с отмиранием государства и построением коммунизма – полной ликвидацией бюрократии: «старый аппарат» – дело временное, «власть для народа» должна постепенно смениться властью самого народа, «чтобы все на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто не мог стать «бюрократом»²¹. На

практике оказалось, что государственный аппарат сломан не был, более того, он умножился и укрепился, со временем его кадры стали «решать все»²². К. Маркс оказался пророком, когда писал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать её»²³. Огосударствление средств производства в советской России (государственный капитализм) лишь усилило бюрократию и отчуждение народа от власти. Управленческий аппарат приобрел черты тоталитаризма в условиях, когда государство получило «право отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а ... революционное правосознание»²⁴. М. Вебер и его последователи предупреждали: «бюрократия выживет при любой форме собственности на средства производства»²⁵. Действительно, обюрокращивание советской власти привело к формированию в СССР

¹⁹ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с. [Weber, M. *Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii*. Vol. I. *Sotsiologiya (Economy and Society: Essays on Understanding Sociology)*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 445 p.]

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 452. [Marx, K.; Engels, F. *Manifest kommunisticheskoi partii (Communist Manifesto)* // K. Marx, F. Engels. *Soch. 2-e izd. T. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. P. 452.*]

²¹ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33, М.: Политиздат, 1969. С. 109. [Lenin, V.I. *Gosudarstvo i revoliutsiia (State and Revolution)* // *Poln. sobr. soch. Vol. 33. Moscow: Politizdat, 1969. P. 109.*]

²² Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года // Соч. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 61. [Stalin, I.V. *Rech' v Kremlevskom dvortse na vypuske akademikov Krasnoi Armii 4 maia 1935 goda (The Speech in the Kremlin Palace on Release of Academicians of the Red Army on May 4, 1935)* // *Soch. Vol. 14. Moscow: Izdatel'stvo «Pisatel'», 1997. P. 61.*]

²³ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 206. [Marx, K. *Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta (The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte)* // K. Marx, F. Engels. *Soch. 2-e izd. Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. P. 206.*]

²⁴ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо к Д.И. Курскому // Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 398. [Lenin, V.I. *O zadachakh Narkomiusta v usloviakh novoi ekonomicheskoi politiki. Pis'mo k D.I. Kurskomu (On the Tasks of the People's Commissariat of Justice in the New Economic Policy. Letter to D. I. Kursky)* // *Poln. sobr. soch. Vol. 44. Moscow: Politizdat, 1970. P. 398.*]

²⁵ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: УНИВЕРС, 1992. С. 528-529. [Aron, R. *Etapy razvitiia sotsiologicheskoi mysli (Stages of Development of Sociological Thought)*. Moscow: UNIVERS, 1992. Pp. 528-529.]

командно-административной системы и особого «класса» партийно-хозяйственной номенклатуры, заведших страну в экономический и идеологический тупик²⁶. Несменяемость власти, практическое отсутствие ротации высшей партийно-советской бюрократии привели к застою и краху системы реального социализма.

Власть бюрократии в постсоветском обществе. Революция конца XX в. в странах Восточной Европы и России была по своим лозунгам во многом антибюрократической (один из главных призывов – «долгой номенклатурные привилегии»). Однако сегодня является фактом, что произошедшими формационными переменами умело воспользовалась, именно и прежде всего, номенклатура²⁷. Партийная, советская, комсомольская, хозяйственная, профсоюзная бюрократия, действовавшая заодно с лидерами криминальных группировок 1990-х г., во многих постсоветских странах стала главным бенефициаром дележки общенародной собственности (приватизации), созданной во время насильственной коммунистической индустриализации: удалось «взять все, да и поделить». По своим последствиям данная революция – антикоммунистическая, антисоветская, демократическая и т.д. – вполне заслужила художественный эпитет «великая криминальная». Овладев полнотой власти (правотворческой, правоприменительной системами, исполнительными органами), коррумпированная бюрократия практически не опасалась привлечения к юридической ответственности. Путем выхолащивания демократических процедур создавались все новые организационно-нормативные предпосылки для формирования криминально-бюрократической системы, в том числе рекрутирования политического руководства из ее же рядов. Бюрократия получила возможность реализовывать стремление к самовластию, включающее произвольное распоря-

жение бюджетными средствами, и вполне достигла этой цели при отсутствии реальных механизмов демократического контроля²⁸.

Суверенная власть и бюрократия в глобальном мире. Глобальные социально-экономические процессы оказывают все более ослабляющее воздействие на национальные публичные власти. Суверенитеты национальных государств, главным признаком которых выступает верховенство и независимость государственной власти, испытывают давление со стороны единственной сверхдержавы XXI века (США), наднациональных органов (МВФ, ВТО, Всемирный банк и др.), транснациональных корпораций и прочих инициативных «игроков»²⁹. Новые прочтения концепции государственного суверенитета оправдывают жесткие – включая военные – меры против национальных властей, контролирующих страновые ресурсы; ограничение власти суверенных бюрократий осуществляется в том числе под прикрытием гуманитарных целей. Однако из этого вовсе не обязательно следует, что дело идет к формализации «мирового правительства», опирающегося на единую правовую систему, требующую соответствующего администрирования. Интересы глобальных элит – это уже не только и не столько политики, которые могут быть переизбраны населением – в их динамическом равновесии неопределенный отрезок истории вполне способна обслуживать уже существующая, приспособленная к процессу глобализации международная и страновая бюрократия все более независимая от национальных

²⁶ Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А.Прегер, 1961. 245 с. [Dzhilas, M. Novyi klass (New Class). New-York: Frederik A. Preger, 1961. 245 p.]

²⁷ Восленский М. Номенклатура. М: Захаров, 2005. 640 с. [Voslenskii, M. Nomenklatura (Nomenclature). Moscow: Zakharov, 2005. 640 p.]

²⁸ Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 480 с. [Mad'iar, B. Anatomia postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii (Anatomy of a Post-Communist Mafia State. In the Case of Hungary). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 480 p.]

²⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. 216 с. [Brzezinski, Z. Velikaia shakhmatnaia doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy) (The Grand Chessboard (the Domination of America and Its Geostrategic Imperatives)). Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1998. 216 p.]

властей, например, действующая в рамках требований наднационального законодательства. Такая трансформация публичной власти и бюрократии на новом этапе глобального социально-экономического развития может подразумевать их функциональную вовлеченность в международную систему выкачивания национальных ресурсов в интересах все более интернационализирующихся элит³⁰.

* * *

Проведенный краткий историко-компаративистский анализ проблемы осуществления публичной власти посредством бюрократии позволяет интерпретировать проблему дебюрократизации следующим образом.

Практически единственный значимый пример власти и управления без бюрократии – относительно эгалитарная первобытность (историческая или присутствующая у наших «современных предков», живущих вне государственной организации), при которой носителем власти выступает само общество. Первобытная демократия, реализуя аутентичные интересы сообществ, регулировалась нормами, не навязанными общинникам властью извне. В формировании особой системы администрации не было необходимости. Способом реализации власти было общественное самоуправление, сопряженное с доминированием потестарных лидеров. В качестве управляющих и управляемых, контролеров и контролируемых выступали сами члены первобытных групп: субъект и объект власти совпадали, поэтому она была непосредственно общественной, т. е. неотделенной от общества и непубличной³¹.

³⁰ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Изд-во *Алгоритм*, Изд-во Эксмо, 2006. 1622 с. [Kagarlitskii, B.Iu. *Marxizm: ne rekomendovano dlia obucheniia* (Marxism: not Recommended for Teaching). Moscow: Izd-vo *Algoritm*, Izd-vo *Eksmo*, 2006. 1622 p.]

³¹ Публично-властные институты образуют государственность. Институты подразделяются на правовой и силовой типы, и в зависимости от того, какой тип институтов доминирует, получается общество (социокультура, цивилизация) правового или потестарного типа.

Переход к организации общества с выделенной из него публичной властью занял значительный исторический отрезок (накапливался прибавочный продукт, возникали общественные классы, формировалось право). Обособившаяся публичная власть в лице властвующего субъекта (фараона, царя, верховного жреца и др.) в силу необходимости, обусловленной классовой борьбой и увеличением функционала, все чаще использовала в качестве посредника между собой и подвластным населением систему администрации (бюрократии). Доверенные лица были обязаны действовать в интересах суверена и под его же контролем, в том числе опираясь на закон. Уже в древности был сформирован «классический» набор мер по борьбе с недобросовестными бюрократами. До нас дошли исторические свидетельства борьбы со злоупотреблениями администрации в Государстве Птолемея (эллинистическом Египте), где правительство тщетно пыталось бороться с коррупционностью, беззаконием и произволом бюрократов «усилением контроля, повышением ответственности местных чиновников перед центральной властью, многочисленными предписаниями, запрещениями и разъяснениями»³².

В докапиталистической Европе система административного управления распространялась преимущественно на политическую сферу жизни, за влияние на которую, например в Средневековье, боролись светская и церковная власти. Церковная бюрократия зачастую осуществляла функции граждан-

См.: Четвернин В.А. Институциональная теория права. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf> [Chetvernin, V.A. *Institutsional'naia teoriia prava* (The Institutional Theory Is Right). Mode of access: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>]

³² Яруллин Р.Р. Система финансовых отношений на Древнем Востоке. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. 240 с. Режим доступа: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=6738> [Iarullin, R.R. *Sistema finansovykh otnoshenii na Drevnem Vostoke* (The System of the Financial Relations in the Ancient East). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniia, 2013. 240 p. Mode of access: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=6738>]

ской администрации. Контроль епископов над церковной бюрократией и светскими властями подкреплялся соответствующими правами, материальными средствами, господствующей религиозной идеологией. В сущности, ни одно крупное государство средневековой Европы не имело профессиональной бюрократии. На местах дела вершили феодальные сеньоры и городские магистраты, центральное управление находилось в руках королей и их титулованных приближенных, а королевские чиновники были немногочисленны и занимались в основном сбором налогов. Борьба с бюрократической анархией одним из первых попробовал Арман Жан дю Плесси, кардинал герцог де Ришелье. «Он не отменил продажу должностей и тем более право передачи их по наследству. Герцог де Ришелье создал то, чего во Франции никогда раньше не было, а именно вертикаль власти»³³.

Буржуазные революции разрушили сословную систему правления и конституировали власть народа³⁴. Между

субъектом управления (избранниками народа) и объектом управления (социально-экономическими общностями) формируется система профессиональной бюрократии, обязанная действовать на основании закона и во исполнение решений политических органов власти. Радикальное преобразование феодальной системы публичной власти было основано на «юридическом мировоззрении» буржуазии, где «место догмы божественного права заняло право человека, место церкви – государство»³⁵. Конституировался порядок, при котором представители народа создают справедливые законы, а правительство в лице бюрократии их исполняет; периодические свободные выборы корректируют недостатки системы управления. Отныне правовой закон должен был ограничивать саму политическую власть (концепция «правового государства») и способствовать формированию системы рациональной бюрократии³⁶.

³³ Ришелье стал активно назначать на места представителей центрального правительства – интендантов. Одновременно создавал аппарат самого правительства; сформировал штат государственных секретарей, при которых начали множиться канцелярии, по-французски бюро. В военном секретариате служили настоящие бюрократы, то есть работники, подчинявшиеся своему начальнику и не платившие за свои должности. Впрочем, и эти люди не были госчиновниками, потому что госсекретари платили им жалованье из собственных карманов. См.: Новиков К. Бюрократический централизм // Коммерсантъ Деньги. 2008. №8. С. 69. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/858089> [Novikov, K. Biurokraticheskii tsentralizm (Bureaucratic Centralism) // Kommersant' Den'gi, 2008, No. 8, p. 69. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/858089>]

³⁴ В абсолютных монархиях также произошли «управленческие» революции. «Золотым веком бюрократии в Российской Империи стал XIX век: аристократическая фронда в лице декабристов вынудила императора Николая I искать новую, отличную от дворянства опору государства в лице имперской бюрократии. В период правления Николая I престиж гражданской службы, малопопулярной в конце XVIII века, заметно возрос: «фрак» победил

«мундир». Именно в эпоху Николая I бюрократия заняла ведущие позиции в системе государственной власти, представ в качестве политической элиты государства (если понимать в качестве последней сообщество лиц, принимающих стратегически важные решения)». Гаман-Голутвина О.В. Бедный, бедный бюрократ! / Сайт МГИМО, 21.01.14. Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/246554/> [Gaman-Golutvina, O.V. Bednyi, bednyi biurokrat! (Poor, Poor Bureaucrat!) / MGIMO, 21.01.14. Mode of access: <https://mgimo.ru/about/news/experts/246554/>]

³⁵ Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, М.: Политиздат, 1961. С. 496. [Engels, F. Iuridicheskii sotsializm (Legal Socialism) // K. Marx, F. Engels. Soch. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961. P. 496.]

³⁶ Известна мысль Людвиг фон Мизеса: «бюрократия сама по себе не является ни плохой, ни хорошей. Это метод управления, который может применяться в различных сферах человеческой деятельности». См.: Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело» при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. 240 с. [Mizes, L. Biurokratiia. Zaplanirovannyi khaos. Antikapitalisticheskaiia mental'nost' (Bureaucracy. Planned Chaos. Anti-capitalist Mentality). Moscow: «Delo» pri uchastii izd-va «Catallaxy», 1993. 240 p.]; В то же время, нельзя не отметить определенную искусствен-

Развитое буржуазное общество предполагает наличие дифференцированной публичной власти (государственной, церковной, муниципальной и т.д.), осуществляющей управление не только государством, но и всем многообразием общественных сфер с использованием широкого спектра правовых и корпоративных норм. Государственной бюрократии «подставляют свое плечо» управленцы от гражданского общества, в том числе осуществляется их взаимный контроль: со стороны государства – через соответствующие его органы, со стороны гражданского общества – через СМИ и прочие заинтересованные группы. Для нивелирования отрицательных сторон деятельности бюрократии применяется широкий спектр антибюрократических мер: принятие законов, ослабляющих контроль чиновников над бизнесом, сокращение штата государственных и муниципальных служащих, введение показателей эффективности деятельности государственных органов и служащих, передача части государственных функций для исполнения бизнесу и т.д.³⁷ Кроме того, делаются попытки реформировать публичное управление через следующие основные стратегии: эффективность; маркетинг; ориентация на предоставление услуг; децентрализация; отделение политической составляющей; ответственность за результаты. Оценить результаты реформаторских усилий пока крайне сложно, по всей видимости «в XXI столетии «инстинкт реформирования»

ность построений теории «рациональной бюрократии». См.: Лаптева Л.Е. Кризис модели рациональной бюрократии в России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. №5. С. 27–35. [Lapteva, L.E. Krizis modeli ratsional'noi biurokratii v Rossii (Crisis of the Model of Rational Bureaucracy in Russia) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 11, Pravo, 2017, No. 5, pp. 27–35.]

³⁷ Например, см.: Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия / Под ред. А. Н. Шохина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 349 с. [Biznes i vlast' v Rossii: teoriia i praktika vzaimodeistviia / Ed. by A.N. Shokhin (Business and Power in Russia: Theory and Practice of Interaction). Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2011. 349 p.]

должен стать самой сутью практики государственного управления»³⁸.

Советская модель власти, будучи «надстройкой» системы государственного капитализма с элементами социализма, в своем практическом воплощении привела к формированию командно-административной системы, где «класс» бюрократии (партийно-хозяйственной номенклатуры) распоряжался государством в собственных узкогрупповых интересах. Уже Л. Троцкий пришел к выводу о господстве бюрократии: «В советской политической литературе можно нередко встретить обличения «бюрократизма», как некоторых дурных привычек мысли или приемов работы ... Но чего нельзя встретить совершенно, это исследований о бюрократии, как правящем слое ... Между тем она существует ... У нее есть специфическое сознание господствующего «класса»»³⁹. Попытки ограничить произвол правящего в советской России «класса» через механизмы народного, партийного контролей носили формальный характер. Разнообразные меры «борьбы с бюрократизмом» опирались на идеологические штампы, формализованные в уставах общественно-политических организаций, Моральном кодексе строителя коммунизма. Бюрократию считали не естественным следствием всеобщего огосударствления, а «родимым пятном» капитализма, следовательно, не могли выработать научно-обоснованных мер дебюрократизации.

Публичная власть в постсоветском обществе продолжает во многом осуществляться мимикрировавшей номенклатурой

³⁸ Кеттл Д. Глобальная революция в государственном управлении // Отечественные записки. 2014. №2. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/globalnaya-revoluciya-v-gosudarstvennom-upravlenii> [Kettl, D. Global'naiia revoliutsiia v gosudarstvennom upravlenii (A Global Revolution in Public Administration) // Otechestvennye zapiski, 2014, No. 2. Mode of access: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/globalnaya-revoluciya-v-gosudarstvennom-upravlenii>]

³⁹ Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: Т8RUGRAM, 2017. С. 134. [Trotsky, L.D. Predannaia revoliutsiia: Chto takoe SSSR i kuda on idet? (Devoted Revolution: What Is the USSR and Where It Goes?). Moscow: T8RUGRAM, 2017. P.134.]

советского периода, а теперь и ее прямыми наследниками. Симбиоз коррумпированной бюрократии и криминализованной буржуазии распоряжается огромными экономическими ресурсами нашей страны, – энтропия системы преодолевается за счет распродажи национальных богатств – углубляя пропасть отчуждения формального «источника власти» (народа) от самой власти. Исследование срачивания административных элит и бизнеса послужило основой для вывода: «границы публичной и частной сфер размыты либо вовсе отсутствуют. Власть и собственность зачастую неотделимы. Как бароны Средних веков, бюрократы в России используют данную им власть для контроля собственности; капиталисты меняют денежные знаки на власть, чтобы влиять на политику»⁴⁰. Контроль общества и Парламента над бюрократией всех уровней и сфер деятельности практически потерян из-за повсеместного использования господствующими элитами симулякров демократических процедур⁴¹. Административная реформа, одной из целей которой является дебиюкратизация, проводимая самой бюрократией, многим исследователям справедливо представляется нонсенсом⁴². Различные антибюрократические

меры (антикоррупционные, идеологические и т.п.) выглядят явным фейком. Например, в условиях, когда цели власти аморальны, негодным средством являются многочисленные профессиональные кодексы, кодексы этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих.

Современная международная система общественного разделения труда объективно повышает роль интернациональной бюрократии в целенаправленном распределении сокращающейся базы мировых ресурсов, концентрации капитала в руках транснациональных корпораций, финансово-промышленных групп и прочих наднациональных центров власти. Для этого, в том числе, ведется борьба эмансипировавшейся международной бюрократии против ядра национальной власти пока еще суверенных государств. Сегодня одно из главных противоречий в мире – это противоречие между транснациональной и национальными бюрократиями. Международная бюрократия, функционирующая в уже существующих межправительственных организациях, ограждает наднациональные организации от вмешательства со стороны национальных правительств. Например, реальность позволяет рассматривать «евробюрократов как часть транснационального правящего класса: европейская интеграция, как и в принципе региональная интеграция, способствует развитию процессов транснационализации общественных сфер, поскольку является инструментом концентрации ресурсов на наднациональном уровне»⁴³. Контроль над

⁴⁰ См.: Русская власть и бюрократическое государство: коллективная монография / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ч. 2. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2015. С. 142. [Russkaia vlast' i biurokraticheskoe gosudarstvo: kolektivnaia monografiia (Russian Power and Bureaucratic State: Collective Monograph) / Ed. V.P. Makarenko. Ch. 2. Rostov n/D: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2015. P. 142.]

⁴¹ Председатель российского Парламента буквально умоляет действительное руководство страны, хотя бы консультироваться с высшим представительным и законодательным органом при назначении членов Правительства. См.: Володин В.В. Живая Конституция развития // Парламентская газета, 17.07.2019. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.html> [Volodin, V.V. Zhivaia Konstitutsiia razvitiia (Living Constitution of Development) // Parlamentskaia gazeta, 17.07.2019. Mode of access: <https://www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.html>]

⁴² Именно поэтому административные реформы почти всегда рассматриваются как элементы более широких политических программ и проводятся в жизнь не бюро-

кратами, а политиками. См.: Клименко А.В. Механизмы нового государственного управления и модернизированной бюрократии в концепции административной реформы // Юридическая Россия, 02.05.2006. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1223342> [Klimenko, A.V. Mekhanizmu novogo gosudarstvennogo upravleniia i modernizirovannoi biurokratii v kontseptsii administrativnoi reform (The Mechanisms of New Public Management and the Streamline of the Bureaucracy in the Concept of Administrative Reform) // Iuridicheskaia Rossiia, 02.05.2006. Mode of access: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1223342>]

⁴³ Шебанова М.А. Международная бюрократия как слой транснациональных политиче-

интернациональной бюрократией классическими методами парламентского контроля или контроля со стороны гражданского общества практически невозможен, поэтому ограничение неподконтрольной сферы деятельности и функций международной бюрократии – вопрос выживания национальных бюрократий и публичной власти суверенных государств.

Бюрократизация публичной власти в любых известных истории сложных социальных системах неизбежна⁴⁴. Но вышесказанное не означает, что не существует методов дебюрократизации, ее новые возможности открывают информационные технологии, индустрия знаний и т.п.⁴⁵. Постиндустриальное

ских элит // Полис. Политические исследования. 2012. №1. С. 142. [Shebanova, M.A. *Mezhdunarodnaia biurokratiia kak sloi transnatsional'nykh politicheskikh elit* (International Bureaucracy as Layer of Transnational Political Elite) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2012, №1, p. 142.]

⁴⁴ «Власть над объектом управления подменяется властью над системой управления». См.: Айвазян М. Проблемы функционирования системы рациональной бюрократии и магнатско-исполнительский дуализм // *Неоэкономика*, 02.07.2013. Режим доступа: <http://neoeconomica.ru/article.php?id=255> [Aivazian, M. Problemy funktsionirovaniia sistemy ratsional'noi biurokratii i magnatsko-ispolnitel'skii dualizm (Problems of Functioning of the System of Rational Bureaucracy and Magnate-performing Dualism) // *Neoeconomika*, 02.07.2013. Mode of access: <http://neoeconomica.ru/article.php?id=255>]

⁴⁵ Об этом, см.: Дракер П. Следующая информационная революция // *Корпоративный менеджмент*, 24.08.1998. Режим доступа: <https://www.cfin.ru/chuvakhin/nir.shtml> [Draker, P. Sleduiushchaia informatsionnaia revoliutsiia (Next Information Revolution) // *Korporativnyi menedzhment*, 24.08.1998. Mode of access: <https://www.cfin.ru/chuvakhin/nir.shtml>]; Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства. М.: Прогресс, 2001. 533 с. [Osborn, D.; Plastrik, P. *Upravlenie bez biurokratov: Piat' strategii obnovleniia gosudarstva* (Management without Bureaucrats: Five Strategy of Updating of the State). Moscow: Progress, 2001. 533 p.] Необходимо учитывать, что: «общественные структуры не изменяются в одночасье, и иногда для того, чтобы революция полностью завершилась, требуется целое столетие.

общество для наибольшей эффективности функционирования предполагает не столько иерархию власти, сколько приоритет интеллекта и доступа к информации⁴⁶. Полная де-бюрократизация – дело отдаленного бесклассового общества, но уже сегодня необходимы активные, волевые действия политических групп, целых слоев общества, направленные на борьбу за конституционные гарантии прав граждан на информацию, реальный доступ к образованию и, как взаимосвязанное следствие, осмысленную демократию – это сложный, но необходимый путь дебюрократизации публичной власти⁴⁷. В сфере науки

Любое конкретное общество представляет собой сочетание многих различных социальных форм – отдельных экономических укладов, разных политических структур и т.п., – и именно поэтому необходим многогранный подход, способный рассмотреть общество с различных точек зрения, применить различные аналитические схемы. В качестве социальной системы постиндустриального общества не приходит «на смену» капитализму или социализму, но, подобно бюрократизации, пронизывает оба этих социальных типа». Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. С. 655-656. [Bell, D. *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo* (Future Post-industrial Society). Moscow: Academia, 2004. Pp. 655- 656.]

⁴⁶ Огромная и реальная опасность – использование информационных технологий для тотального контроля власти над каждым членом общества. См.: Галеон Д., Берган Б. Китайская «система социального рейтинга» будет определять ценность людей // *Иносми*, 20.02.2018. Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20180220/241513806.html> [Galeon, D.; Bergan, B. *Kitaiskaia «sistema sotsial'nogo reitinga» budet opredeliat' tsennost' liudei* (The Chinese System of Social Rating Will Determine the Value of People) // *Inosmi*, 20.02.2018. Mode of access: <https://inosmi.ru/social/20180220/241513806.html>]

⁴⁷ Разумеется, конституционализм не в состоянии окончательно победить бюрократизацию известных моделей публичной власти. «Бюрократия была, есть и останется, кто бы ни пришел во власть». Авакьян С.А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2014. №1. С. 65. [Avak'ian, S.A. *Konstitutsionalizm i biurokratizatsiia publichnoi vlasti* (Constitutionalism and Bureaucratization of Public Power) // *Vestnik Moskovskogo*

и образования необходима актуализация социальных теорий (представительного правления, либертариизма, анархизма, социальной кибернетики и др.), включающих идеи вытеснения субъектно-объектных отношений типа «власть-подчинение» для корректирования существующих и формирования новых концепций перехода к небюрократическим субъектно-субъектным отношениям самоуправления⁴⁸.

Литература:

Авакьян С.А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2014. № 1.

Айвазян М. Проблемы функционирования системы рациональной бюрократии и магнатско-исполнительский дуализм // Неоэкономика, 02.07.2013. Режим доступа: <http://neoeconomica.ru/article.php?id=255>

Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2010.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: УНИВЕРС, 1992.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998.

Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. 216 с.

universiteta. Seriiia 11, Pravo, 2014, No. 1, p. 65.]; О «цифровой» конституции в качестве элемента «цифровой» демократии подробнее, см.: Шахрай С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. Режим доступа: http://isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf [Shakhray, S.M. «Tsifrovaiia» Konstitutsiia. Sud'ba osnovnykh prav i svobod lichnosti v total'nom informatsionnom obshchestve (“Digital” Constitution. The Fate of Basic Rights and Personal Freedoms in Total Information Society). Mode of access: http://isprras.ru/pics/File/News/Doklad_20042018.pdf]

⁴⁸ «Радикальным средством борьбы с бюрократизмом является смена самого принципа организации власти и управления, а именно – переход на самоуправление. Однако такой переход возможен не в любых социальных условиях и не для всех властных систем. В этих случаях должна быть налажена устойчивая обратная связь субъекта власти и объекта». Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М.: Новый Юрист, 1999. С. 101. [Protasov, V.N. Teoriia prava i gosudarstva. Problemy teorii prava i gosudarstva (Theory of the Right and State. Problems of the Theory of the Right and State). Moscow.: Novyi Iurist, 1999. P. 101.]

Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия / Под. ред. А.Н. Шохина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 349 с.

Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 150-165.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.

Галеон Д., Берган Б. Китайская «система социального рейтинга» будет определять ценность людей // Иносми, 20.02.2018. Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20180220/241513806.html>

Гаман-Голутвина О.В. Бедный, бедный бюрократ! / Сайт МГИМО, 21.01.14. Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/246554/>

Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А.Прегер, 1961. 245 с.

Кабашов С.Ю. Бюрократия. Теоретические концепции. –М.: ФЛИНТА, 2011. 220 с.

Кабашов С.Ю. Государственная служба: основные этапы развития как науки и профессии от Древнего мира до начала XX века. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 165-168.

Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. 1622 с.

Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшее образование, 2008.

Кеттл Д. Глобальная революция в государственном управлении // Отечественные записки. 2014. № 2. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/globalnaya-revoluciya-v-gosudarstvennom-upravlenii>

Климченко А.В. Механизмы нового государственного управления и модернизированной бюрократии в концепции административной реформы // Юридическая Россия, 02.05.2006. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1223342>

Латтева Л.Е. Кризис модели рациональной бюрократии в России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 5. 27-35.

Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33, М.: Политиздат, 1969.

Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо к Д.И. Курскому // Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат, 1970.

Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Политиздат, 1967.

Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 480 с.

Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства. М.: Изд-во РАГС, 2010.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело» при участии изд-ва «Catalaxu», 1993 240 с.

Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. 352 с.

Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века. М.: Дело, 2002.

Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства. М.: Прогресс, 2001. 533 с.

Попов В. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года. Режим доступа: https://sociologica.hse.ru/data/2014/04/29/1322730905/SocOboz_13_1_04_Popov.pdf

Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М.: Новый Юрист, 1999.

Русская власть и бюрократическое государство: коллективная монография / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ч. 2. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2015.

Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года // Соч. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997.

Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: Т8RUGRAM, 2017.

Четвернин В.А. Институциональная теория права. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>

Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005.

Шебанова М.А. Международная бюрократия как слой транснациональных политических элит // Полис. Политические исследования. 2012. № 1.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, М.: Политиздат, 1961.

Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, М.: Политиздат, 1961.

Яруллин Р.Р. Система финансовых отношений на Древнем Востоке. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. 240 с. Режим доступа: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=6738>

References:

Aivazian, M. Problemy funkcionirovaniia sistemy ratsional'noi biurokratii i magnatsko-ispolnitel'skii dualism (Problems of Functioning of the System of Rational Bureaucracy and Magnate-performing Dualism) // Neoeconomika, 02.07.2013. Mode of access: <http://neoeconomika.ru/article.php?id=255>

Anderson, P. Rodoslovnaia absoliutistskogo gosudarstva (The Genealogy of the Absolutist State). Moscow: Izdatel'skii dom «Territoria budushchego». 2010.

Aron, R. Etapy razvitiia sotsiologicheskoi mysli (Stages of Development of Sociological Thought). Moscow: UNIVERS, 1992.

Avak'ian, S.A. Konstitutsionalizm i biurokratizatsiia publichnoi vlasti (Constitutionalism and Bureaucratization

of Public Power) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia II, Pravo, 2014, No. 1.

Berman, G. Dzh. Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia (Western Tradition of Law: the Era of Formation). Moscow: INFRA-M – NORMA, 1998.

Biznes i vlast' v Rossii: teoriia i praktika vzaimodeistviia / Ed. by A.N. Shokhin (Business and Power in Russia: Theory and Practice of Interaction). Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2011. 349 p.

Brzezinski, Z. Velikaia shakhmatnaia doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy) (The Grand Chessboard (the Domination of America and Its Geostrategic Imperatives)). Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1998. 216 p.

Chetvernin, V.A. Institutsional'naia teoriia prava (The Institutional Theory Is Right). Mode of access: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>

Chirkin, V.E. Publichnaia vlast' (Public Power). Moscow: Iurist", 2005.

Derlug'ian, G. Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy (How This World Works. Sketches on Macro-sociological Topics). Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013.

Dzhilas, M. Novyi klass (New Class). New-York: Frederik A. Preger, 1961. 245 p.

Engels, F. Iuridicheskii sotsializm (Legal Socialism) // K. Marx, F. Engels. Soch. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961.

Engels, F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva (Origin of Family, Private Ownership and State) // K. Marx, F. Engels. Coch. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961.

Galeon, D.; Bergan, B. Kitaiskaia «sistema sotsial'nogo reitinga» budet opredeliat' tsennost' liudei (The Chinese System of Social Rating Will Determine the Value of People) // Inosmi, 20.02.2018. Mode of access: <https://inosmi.ru/social/20180220/241513806.html>

Gaman-Golutvina, O.V. Bednyi, bednyi biurokrat! (Poor, Poor Bureaucrat!) / MGIMO, 21.01.14. Mode of access: <https://mgimo.ru/about/news/experts/246554/>

Iarullin, R.R. Sistema finansovykh otnoshenii na Drevnem Vostoke (The System of the Financial Relations in the Ancient East). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniia, 2013. 240 p. Mode of access: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=6738>

Kabashov, S.Iu. Biurokratiia. Teoreticheskie kontseptsii (Bureaucracy. Theoretical Concept). Moscow: FLINTA, 2011. 220 p.

Kabashov, S. Iu. Gosudarstvennaia sluzhba: osnovnye etapy razvitiia kak nauki i professii ot Drevnego mira do nachala XX veka (Public Service: the Main Stages of Development as a Science and Profession from the Ancient World to the Beginning of the XX Century). Moscow: INFRA-M, 2016. Pp. 165-168.

Kagarlitskii, B.Iu. Marxizm: ne rekomendovano dlia obucheniia (Marxism: not Recommended for Teaching). Moscow: Izd-vo Algoritm, Izd-vo Eksmo, 2006. 1622 p.

Kashanina, T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava (Origin of State and law). Moscow: Vysshee obrazovanie, 2008.

Kettl, D. Global'naia revoliutsiia v gosudarstvennom upravlenii (A Global Revolution in Public Administration) // Utechestvennye zapiski, 2014, No. 2. Mode of access: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/globalnaya-revolyuciya-v-gosudarstvennom-upravlenii>

Klimenko, A.V. Mekhanizmy novogo gosudarstvennogo upravleniia i modernizirovannoi biurokratii v kontseptsii administrativnoi reform (The Mechanisms of New Public Management and the Streamline of the Bureaucracy in the Concept of Administrative Reform) // *Iuridicheskaiia Rossiia*, 02.05.2006. Mode of access: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1223342>

Lapteva, L.E. Krizis modeli ratsional'noi biurokratii v Rossii (Crisis of the Model of Rational Bureaucracy in Russia) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 11, Pravo*, 2017, No. 5, pp. 27-35.

Lenin, V.I. Ekonomicheskoesoderzhanienarodnichestva (Economic content of populism) / Poln. sobr. soch. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1967.

Lenin, V.I. Gosudarstvo i revoliutsiia (State and Revolution) // Poln. sobr. soch. Vol. 33. Moscow: Politizdat, 1969.

Lenin, V.I. O zadachakh Narkomiusta v usloviakh novoi ekonomicheskoi politiki. Pis'mo k D.I. Kurskomu (On the Tasks of the People's Commissariat of Justice in the New Economic Policy. Letter to D. I. Kursky) // Poln. sobr. soch. Vol. 44. Moscow: Politizdat, 1970.

Mad'iar, B. Anatomiiia postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii (Anatomy of a Post-Communist Mafia State. In the Case of Hungary). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 480 p.

Mal'tsev, G.V. Ocherki istorii rannego prava i gosudarstva (Essays on the History of Early Law and the State). Moscow: Izd-vo RAGS, 2010.

Marx, K. K kritike gegelevskoi filosofii prava (To the Critique of Hegel's Philosophy of Right) // K. Marx, F. Engels. Soch. 2-e izd. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.

Marx, K. Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta (The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte) // K. Marx, F. Engels. Soch. 2-e izd. Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957.

Marx, K.; Engels, F. Manifest kommunisticheskoi partii (Communist Manifesto) // K. Marx, F. Engels. Soch. 2-e izd. T. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.

Mizes, L. Biurokratiia. Zaplanirovannyi khaos. Antikapitalisticheskaiia mental'nost' (Bureaucracy. Planned Chaos. Anti-capitalist Mentality). Moscow: «Delo» pri uchastii izd-va «Catallaxy», 1993. 240 p.

Morgan, L.G. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii (Ancient Society or the Study of the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization). Leningrad: In-t narodov Severa TsIK SSSR, 1935. 352 p.

Obolonskii, A.V. Biurokratiia dlia XXI veka (Bureaucracy for the 21st Century). Moscow: Delo, 2002.

Osborn, D.; Plastrik, P. Upravlenie bez biurokratov: Piat' strategii obnovleniia gosudarstva (Management without Bureaucrats: Five Strategy of Updating of the State). Moscow: Progress, 2001. 533 p.

Popov, V. Politseiskii poriadok epokhi absoliutizma v Rossii i prichiny ego krakha v khode Fevral'skoi revoliutsii 1917 goda (Police Order of an Era of Absolutism in Russia and the Reasons of Its Crash during the February Revolution of 1917). Mode of access: https://sociologica.hse.ru/data/2014/04/29/1322730905/SocOboz_13_1_04_Popov.pdf

Protasov, V.N. Teoriia prava i gosudarstva. Problemy teorii prava i gosudarstva (Theory of the Right and State).

Problems of the Theory of the Right and State). Moscow: Novyi Iurist, 1999.

Russkaia vlast' i biurokraticheskoe gosudarstvo: kollektivnaia monografiia (Russian Power and Bureaucratic State: Collective Monograph) / Ed. V.P. Makarenko. Ch. 2. Rostov n/D: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2015.

Shebanova, M.A. Mezhdunarodnaia biurokratiia kak sloi transnatsional'nykh politicheskikh elit (International Bureaucracy as Layer of Transnational Political Elite) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2012, No. 1.

Stalin, I.V. Rech' v Kremlevskom dvortse na vypuske akademikov Krasnoi Armii 4 maia 1935 goda (The Speech in the Kremlin Palace on Release of Academicians of the Red Army on May 4, 1935) // Soch. Vol. 14. Moscow: Izdatel'stvo «Pisatel'», 1997.

Trotsky, L.D. Predannaia revoliutsiia: Chto takoe SSSR i kuda on idet? (Devoted Revolution: What Is the USSR and Where It Goes?). Moscow: T8RUGRAM, 2017.

Voslenskii, M. Nomenklatura (Nomenclature). Moscow: Zakharov, 2005. 640 p.

Weber, M. Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii. Vol. I. Sotsiologiia (Economy and Society: Essays on Understanding Sociology). Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2016. 445 p.

Weber, M. Traditsionnoe gospodstvo (Traditional Domination) // *Prognosis*, 2007, No. 2(10), pp. 150-165.

HISTORICAL-COMPARATIVE ANALYSIS OF THE BUREAUCRACY AT THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF PUBLIC AUTHORITY

Igor V. Levakin

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 24.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 03.02.2020</p>	<p>Abstract: In the present article, the problem of public authority's realization by means of bureaucracy was investigated. The task of searching for ways of debureaucratization of public authority (restrictions of negative manifestations, areas of work and functions of bureaucracy) might be accomplished with a historical and comparative methodology. The research helped to identify the presence of comparable elements of public authority and bureaucracy; to explain their comparable similarities and differences in a "vertical plane" – the phenomena of different time periods in indication the general tendencies of progress and causality were analyzed. The problem of public authority's realization by means of bureaucracy was specified according to the materials of the researches of governance in ancient societies, early states, governmental machinery of bourgeois democracies. A special attention was given to an alternative Soviet power model that in practice had led to establishing a command and control system with a ruling "class" of nomenclature in our country. The general characteristics of public authority and bureaucracy in a post-Soviet society were identified. The research found that the transformation of public authority in the new phase of global social and economic development might mean its functional involvement in the international system of national resources' exhausting according to the interest of increasingly internationalizing elites. It was agreed that bureaucracy and institutes of direct and representative democracy, self-governance and control of civil society over the government are direct competitors. Nevertheless, post-industrial society provides new opportunities for debureaucratization. Therefore, the active and volitional actions of political groups as entire segments of society that are aimed at the struggle for the constitutional guarantees for rights to get information, a real access to education and a meaningful democracy, as a connected consequence represent a difficult, but necessary way to debureaucratization of public authority.</p>
<p>About the author: Dr. of Law, Professor, Department of Public Law, MGIMO University</p> <p>e-mail: levakin@yandex.ru</p>	
<p>Key words: authority; governance; class-based society; bureaucracy; government; civil society; self-governance; debureaucratization; democracy</p>	

Для цитирования: Левакин И.В. Историко-компаративистский анализ бюрократии на основных этапах развития публичной власти // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 158-173.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10043

For citation: Levakin, Igor V. Istoriko-komparativistskiy analiz byurokratii na osnovnykh etapakh razvitiya publichnoy vlasti (Historical-Comparative Analysis of the Bureaucracy at the Main Stages of Development of Public Authority) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 158-173.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10043

ETHNIC CONFLICTS IN NORTH CAUCASUS

Monalisha Acharjee

*Jawaharlal Nehru University,
New Delhi, India*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">03.11.2018</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">03.07.2019</p>	<p>Abstract: Ethnic conflicts are a challenge to the state as it impacts the foreign policy as well as the domestic politics of a nation. The region of North Caucasus has been the most unstable region among the Republics of the Russian Federation. The present article will analyse the causes of the rising tensions among the ethnic groups and the role of Russia in solving the problems in the region. It will further explain the drawbacks of the Russian authorities and will recommend policies which could bring a positive change in the conflict. The use of force would not be able to bring any change in the region rather it would be more fruitful if efforts are made to address the causes for the ethnic violence.</p>
<p>About the authors:</p> <p>PhD Research Scholar, Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University</p> <p>e-mail: monalishaacharjee20@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>North Caucasus; ethnicity; Russia; security; Islam; Chechnya; conflict</p>	

The end of cold war and the disintegration of the Soviet Union have resulted in an increase in the number of ethnic conflicts in the region. North Caucasus has been one such region in the Russian Federation where till date there has been continuous conflicts and instability challenging the security of the entire Russian territory.

The region of Caucasus in the Eurasian continent has been described as an element of 'the new world disorder'.¹ The reason behind this definition was the ethno-political conflicts and the warfare in the region. However out of the total eight civil conflicts in the region of the former Soviet Union five have occurred in the Caucasus region. For example the conflicts in the Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Abkhazia, the Prigorodniy Rayon of North Ossetia and Chechnya. These conflicts together have resulted into death of thousands of people and large number of refugees and internally displaced persons.

The region of North Caucasus has been defined by Thomas Wall as a region which

¹ Cornell, Svante. *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethno political Conflict in the Caucasus*. Taylor and Francis Group, London and New York, 2000.

has a vast density of languages anywhere on earth.² The geostrategic location of the North Caucasus has played an important role in the multi diversity of the ethnic group in the region. It was invaded by the Persian, Ottoman, Byzantine and Tsarist empires. North Caucasus has been inhabited by a large number of ethnic groups and thus it has been referred to as the "Mountain of Tongues".³ Alexander Rondeli has argued that the geopolitical location has led to loss for the Caucasian people rather than any benefit. Territories of the Caucasian people have been annexed; their population have been deported and suppressed violently. Caucasus has been an important communication route between Europe and Asia and is an important site for production and export of oil and gas resources from the Caspian Sea.⁴

² Wall, Thomas D. *The Caucasus: An Introduction*, Oxford University Press, 2010.

³ Catford, J.C, *Mountain of Tongues: The Languages of the Caucasus // Annual Review Of Anthropology*, 1997, Vol. 6, PP. 283-314.

⁴ Rondeli, Alexander. *The North Caucasus: A View from Tbilisi*, Turkish Political Quarterly, 2011.

Concept of ethnicity

An ethnic group can be defined as a set of people who share common language, religion, culture, race, territory or economic system. The concept of ethnicity is defined by various scholars. There is no one definition of ethnicity. For some “ethnicity” is understood in terms of ancestry for others it means physical attributes. Norman Yetman argues that ethnicity is matter of identity or a sense of belonging to a particular group.⁵ Ethnicity is subjective in the sense as it is a product of human mind and human sentiments. On the other hand it is defined as objective in the sense that it has objective characteristics as well as it is constructed by power relations and social forces. There are some who also argue that ethnicity is a combination of subjective perceptions based on some objective physical attributes such as culture, ancestry or national origin.

All over the world the importance or the identity based on ethnicity has been rising. Some of the evidences are the war in Yugoslavia has led to fragmentation of its territory, ethnic conflict in Northern Ireland, Quebec and other European countries despite several peace-making efforts in the Israeli Palestinian conflict the clash between the two groups remains continued. In India the ethnic collisions between Muslims, Hindus, Sikhs and other communities is a concerning issue. In Sri Lanka the conflict between the minority Tamils and the majority Sinhalese has resulted in death of thousands of people and many as refugees. In Rwanda ethnic clashes remain evident in 1994 between the majority Hutu and the minority Tutsi tribe.

Ethnic conflict is a world view phenomenon. It persists in every part of the world and has been a central feature of places where heterogeneous population live.⁶ At the beginning of the twenty first century the term ethnicity has replaced the terms “races” or “nations” which were used in the nineteenth century. The rise of multi-ethnic societies has brought the concept of ethnic conflict as separate from the generic “war”

fought between the nations.⁷ The shift from the generic war to the ethnic war was evident especially since the collapse of the multi ethnic Soviet Union and the homogenous Yugoslavia during the 1990s. In both the cases the ethnic conflicts resulted into violence and civil war.⁸

Different theories of ethnicity

Primordialist school. In this school ethnicity is understood as an ascribed identity or assigned status. It is something that is inherited from one’s ancestors. For example if your ancestors are Japanese then you are also Japanese because you inherit certain features from your forefathers. Thus, the proponents of this school argue that ethnicity is very deeply rooted, it is a primal bond to one’s ancestral bloodline. The primordialists argue that ethnicity relies on the concept of kinship between members of the ethnic group. Horowitz further supports this argument and state that the kinship is the factor that enables the ethnic groups to think in terms of family resemblances. The second argument of this school is that there is a demarcation between who is a member of ethnic group and who is not a member. Therefore, ethnicity is static, fixed and cannot be altered. Thus, if you are born a Japanese you will be forever a Japanese – the membership of an ethnic group cannot be changed.

The third argument is that ethnicity is determined by common ancestry. Thus, members of an ethnic group share similar biological and cultural origins. This school is called “primordialist” because it emphasises on the primordial factors such as lineage and cultural ties in determining ethnicity.⁹

Constructivist school. The origin of the Constructivist school could be determined since 1970s. The proponents of this school argue that ethnicity is socially constructed identity. In other words, ethnicity is created it is contrast to the argument by the primordialist that ethnicity is inherited. The next assumption of this philosophy is that ethnic boundaries

⁵ Yetman, Norman R., ed. *Majority and Minority: The Dynamics of Racial and Ethnic Relations*. 5th ed. Boston: Allyn and Bacon, 1991.

⁶ Horowitz, D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P. 57.

⁷ Center for Systemic Peace, 30 October 2006.

⁸ Smith, A. *Nationalism: Theory, Ideology, History*. Cambridge: Polity, 2011. PP. 54-55.

⁹ Berghe, Pierre L. van Berghe. *The Ethnic Phenomenon*, Greenwood Press: London, 1981.

are flexible and changeable. Lastly ethnicity is a dynamic entity which is determined and constructed by the society. Any change in the social environment of the society has an impact on the ethnic communities existing in the society. William Yancey explained ethnicity in terms of an “emergent phenomenon” which is created by the structural conditions. He further argues that industrialization process in the society has an impact on the development of ethnic identity of the communities.¹⁰

Instrumentalist school. The scholars in this school view ethnicity as an instrument or strategic tool for gaining resources. Anthony Smith in his work traces the origin of the instrumentalist view. According to him, this school evolved during the 1960s and 1970s in United States in the debate about (white) ethnic persistence in what was supposed to have an effective “melting pot”.¹¹

According to this theoretical framework people are affiliated to their ethnic groups till they are benefitted for being a member of the group. In other words, “ethnicity and race” are viewed as instrumental identities organized as means to particular ends. Instrumentalists claim that differences in ethnic groups are not the only cause for conflict rather ethnic conflict begins from difference in human relations and from the believe that some ethnic groups benefit from the disadvantage of the other. These inequalities among various groups lead to ethnic conflicts resulting in the instability in the region. The pioneers of these school Nathan Glazer and Daniel Moynihan state that ethnicity is like class and nationality which are ways for political mobilization for advancing group interests.¹²

Integrated approach. This approach is a combination of all the three school. In this they argue that ethnicity is socially constructed by ancestry as well as by the society. Max Weber

defines ethnic groups as “human groups that entertain a subjective belief in their common descent because of similarities of physical type or of customs or both because of memories of colonization or migration – in such a way that this belief is important for the continuation of the non-kinship communal relationships”.¹³ In some countries people are given the freedom to choose their ethnicity whereas in certain countries they are not. People are considered to be born into the ethnic group according to the rules set by the society.

Causes of ethnic conflict in North Caucasus

Ethnic conflicts are based on three factors such as religion and language, ethnic discrimination like political, social and economic and the third factor is the conscience people who write or speak their views on ethnicity through books newspapers and or any other form of social media. Ethnicity implies both structural (material) and cultural (subjective) features. Structural ethnicity refers to the relative location of the ethnic group in terms of its relation with the other social groups in the stratification of the society. On the other hand cultural, social and psychological sense of ethnicity refers to a feeling of belongingness to a particular group who share common cultural, linguistic, religious and national features.¹⁴

Security Dilemma

In the words of Vesna Pestic ethnic conflict is caused by the “fear of the future, lived through the past”.¹⁵ Barry P. Posen has for the first time used security dilemma in international relations with reference to ethnic conflict. Security dilemma occurs in a state of anarchy. In anarchy the states are dependent on the self-help system for their security. Thus, the groups maintain and expand their military capabilities. This could threaten others who start arming themselves

¹⁰ Yancey, William; Ericksen, Eugene P.; Juliani, Richard N. Emergent Ethnicity: A Review and Reformulation // *American Sociological Review*, 1976, Vol. 41, No. 3, Pp. 391-403.

¹¹ Smith, A. Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge: Polity, 2011. Pp. 54-55.

¹² Glazer, Nathan; Moynihan, Daniel Patrick. Ethnicity: Theory and Experience. Harvard University Press, 1975.

¹³ Weber, Max. *Wirtschaft und Gesellschaft* (Eng. Tr. Economy and Society). 1920.

¹⁴ Shibusani, T., et al. *Ethnic Stratification: A Comparative Approach*. Macmillan, 1965.

¹⁵ Pestic, V. Remarks on the Institute on Global Conflict and Cooperation (IGCC) Working Group on the International Spread and Management of Ethnic Conflict, October 1, 1994.

resulting in the arms race between the ethnic groups. The dilemma follows from the inability of the two sides to observe each other intentions. If the party would know that they are arming themselves only for defensive purposes and not to attack the other group. As Posen sums up his argument in the statement, “what one does to enhance one’s security causes reaction that, in the end, can make one less secure”.¹⁶ Lake and Rothchild have argued that ethnic conflict is caused by the collective fears for the future and not because of inter-ethnic differences, hatred for the other group or age-old rivalry. They state that as groups begins to fear for safety, strategic dilemmas arise that contain within them the potential for tremendous violence. As the security dilemma widens groups becomes apprehensive the state weakens and the conflict is more likely to occur.¹⁷ The fear of the future arises among the groups when the state is unable to arbitrate between groups or provide guarantees of protection for the groups. Barry Posen refers to this scenario as “emerging anarchy” and in this situation physical security becomes the foremost concern for the survival of ethnic groups.¹⁸

Territorial Demarcation

Since Soviet era there has been several times readjustment of the territory’s borders. For example, the division of the Union and Autonomous Republics into separate units, subdivisions of the Circassian people of the North Caucasus in the 1920s and 1930s. There were some cases in which different nationalities were merged into a single territorial unit as was evident in case of Kabardino-Balkaria in 1922. Further in 1936 the autonomous unit of Kabardino-Balkaria was promoted from Autonomous Oblasts to Autonomous Republics. On the other hand some of the autonomous units were even dissolved. For

example, in case of Checheno-Ingushetia ASSR in 1944 after the deportation of the entire ethnic group. The motive behind the alteration of the administrative boundaries was a reward for a particular national group in favour of the loyalty by the group to the state.¹⁹

On the contrary the intention of the government was to weaken a coalition or large ethnic group that either posed a threat to Russia’s domination of Soviet politics or had the objective of secession from USSR. For example in case of Circassians their territories were divided into new Soviet “nationalities” of Adygei, Cherkess and Kabardins or in cases the territory which belonged to other ethnic groups were added to their individual national units in order to dilute the population even further and keep them in constant competition over political and economic resources.

Historical Factor

Historical events in the region has an important impact on the memories of the ethnic groups. History not only tells about the events in the past but it also leaves many issues unanswered which are used as advantage by the leaders to be interpreted by them. In case of North Caucasus, the memories of the deportation in the minds of the ethnic groups had great significance in their lives. This experience among the groups had evolved a feeling of hatred for the Soviet authorities and sense of deprivation in comparison with other ethnic groups who were favoured by the Russians. The stories of ethnic groups and the miseries and brutalities experienced by them were told from one generation to another. This kept the flame of hatred keep blowing among the people for being ostracized by the Russian authorities from the territories. On the other hand, the groups who were not deported or the Russian communities had a sense of hatred for the deported groups as they were told that these groups had favoured the German to invade the Russian territories. The deportations of the specific ethnic groups were as a punishment to them for being disloyal to the Soviet authorities.

¹⁶ Posen, Barry P. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // *Survival*, 1993, Vol. 35(1), Pp. 27-47.

¹⁷ Lake, D.; Rothchild, D. Ethnic fears and Global Engagement: The International Spread and Management of Ethnic Conflict // *Institute on Global Conflict and Cooperation*, 1996, No. 20, Pp. 5-47.

¹⁸ Posen, Barry P. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // *Survival*, 1993, Vol. 35(1), Pp. 27-47.

¹⁹ Wixman, Ronald. Soviet Nationality Policy and Practice. Language Aspects of Ethnic Patterns and Processes. University of Chicago: Department of Geography, January 1980. Pp. 121-170.

Thus, the elders of the communities told the stories to their successors which was carried forward by the coming generations. The gross human rights violations by the Soviet authorities during the deportation were also mentioned in the history books.

Economic Factor

North Caucasus is Russia's leading agricultural region producing almost one quarter of all its annual agricultural output. North Caucasus Economic region along with Rostov Oblast accounts for 50% of Russia's vegetable oil, 42% of Russia's sugar 33% of Russia's wool, 25% of Russia's grain, 20% of Russia's vegetables and 15% of Russia's meat.²⁰ In spite of its pre-eminence as a center of agricultural output North Caucasus faces a severe economic crisis since the collapse of the Soviet Union. The main reason for the economic decline is the deteriorating population density. Prior to 1991 North Caucasus had the largest rural population in Russia with 43 percent of rural population living in the rural areas. Chechnya, Ingushetia, Dagestan and Karachaevo-Cherkessia had the highest ratio of rural to urban population in the region. During the Soviet period the high birth rate and the population density was used as a labour surplus in the North Caucasus. This surplus was used by the local authorities to avoid destabilizing levels of unemployment. With the disintegration of the Soviet Union the boundaries were permeable and encouraged people to migrate for work. As a result, working population migrated from the mountains to the lowlands and the urban centres. According to the 1989 Census one in four North Caucasians lived beyond the borders of their National Republics. With the dissolution of Soviet Union and deterioration of command economy left large number of unemployed in rural areas consequently increasing pressure on land and housing. Due to the asymmetrical population profile and corresponding low level of industrial development has led to the weakening of the economy of the seven North Caucasus republics making them largely dependent on the subsidies from the Centre. The major industries in the

North Caucasus region are mainly dominated by the mineral and raw material extraction and the production of oil and gas.

In case of Chechnya, prior to the attempt of secession from the Russian Federation Chechnya accounted for 50% of the total oil production in the region. It was also the centre of oil refining in the North Caucasus with the refinery in Grozny producing 90% of Russia's aviation engine oil. Prior to 1992 50-70% of the budget revenues of the republics came from direct federal subsidies and centralized bank credits with Chechnya, Ingushetia and Dagestan being the most heavily subsidized. By 1992 the industrial production in the region fell in different regions of the North Caucasus for example in North Ossetia it fell by 36 percent, in Chechnya by 30 percent, by 28 percent in Dagestan. By 1992, the industrial production in the North Caucasus by 23 percent and further in 1993 by 21.6 percent. The factor which further had a deteriorating impact on the economy was the average salaries of the working population in the North Caucasus declined to one third of the average for Russia on the other hand the prices of all commodities rose across the entire federation. By 1993 the entire economy of the region had collapsed and the impact on the economy of the region was as such 97 percent of the republican budget of Ingushetia came from the Russian federal government subsidies. These economic hardships in the region of the North Caucasus has been an important factor in enhancing the ethno-political conflict in the region.

Political Factor

Elections can have enormous influence on inter-group collaboration as well on the negative side and evolve the circumstances for conflict. In favourable circumstances an agreement on the rules of the political game, broad participation in the voting process and a promising economic environment election can promote stability. On the other hand, the multiparty systems and in an undemocratic countries election leads to violence in the state due to corruption and the inefficiency of the State to control it. There are cases when there are opportunities given for coalition with other parties as a result this coalition gives the minority parties to gain

²⁰ Hill, Fiona. Russia's Tinderbox / Conflict in the Caucasus and Its Implications for the Future of the Russian Federation, September 1995, Pp. 1-97.

power in the future and a chance to advance their individual and collective interests. However, in a multi ethnic state the impact of election can bring problems. In legislature where minority groups are represented there is a possibility that the minority groups would not be involved in the decision-making process as most of the resolutions would be passed by the majority voting. One of the ways to ensure the minimal representation of all ethnic groups in the society is to imbibe certain electoral rules which would ensure minimal representation of all ethnic groups in the society. There should be a proportional representation of all ethnic groups in the legislature. In case of elections in the Russian Duma in a chamber of 450 members half were represented on the basis of single member constituencies and half were represented on the basis of proportional representation.

Religious Factor

The next reason was the religious affiliation of the people in the region. Most of the people professed Islam in the North Caucasus region in contrast to the majority of the Russians following Orthodox Christianity. As Huntington terms it “clash of civilizations”²¹ according to him in the post-cold war era the main source of conflict would be cultural and religious identities of the people. In case of North Ossetia and Ingushetia one group is a follower of Christianity and the other is an ardent Muslim populated region. The objectives of the ethnic groups also includes demands for some religious favour from the authorities. In case of Chechnya the Wahhabi Islamic leaders from Saudi Arabia supported the demands of the Chechens for an independent state and later the demand was to establish an Islamic state in the region.

Feeling of Victimization

The Russians have hostile attitude towards the people from North Caucasus. This was evidence for example from 1992 to 1994 the authorities in the Moscow city had attacked the vendors and traders in the region from

North Caucasus on the pretext that they were responsible for the increasing crime since the collapse of USSR and thus expelled them from the Moscow city. The Moscow government uses the term “people of the Caucasian a nationality” in the official usage in order to refer to a person having his origin from Caucasus. Even though Caucasians are a group of people in the Caucasus region and not a single ethnic group. In Moscow the people from Caucasus were called by the name as “blacks”. These prejudices of the Russians towards the people from Caucasus have furthered a sense of deprivation and humiliation among the people who restore to violence against the Russian authorities.²² On the other hand there has been an equal hostile attitude against Moscow by the North Caucasian groups. The reason is the result of the historical legacy of struggle against incorporation into the Russian Empire in the 19th century and repression by the Bolsheviks and Soviet governments in the 20th century.

Foreign Influence

When an outside country tries to support an ethnic group in their claims and promote anti-Russian sentiments. Example of it was when Chechens were supported by the Wahabis in the Arab countries.

Migration of the Population

The other aspect to be kept in mind is the migration from the region “hot spots” due to conflicts in Chechnya, Dagestan and the region of Ingush- Ossetia conflict. The migration flow affects the economic and demographic situation in North Caucasus. The North Caucasus is characterised with high birth rate and a large younger population had a negative impact on the economy of the region as the working educated and professionally trained population of the region either migrated to other places for employment. At the same time the young people who stayed back in the region were influenced by the radical forms of Islam and joined the extremist’s groups.

The intensive migration processes have

²¹ Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. New York: Touchstone, 1997.

²² Kaplan F. *Moscow Cracks down on Outsiders: Police Take Advantage of State of Emergency to Drive Many Ethnic from City / The Boston Globe*, October 14, 1993.

restructured ethnic composition of the population as well as the economic pattern of the region. The inflow of immigrants from Dagestan in the steppe regions of Stavropol krai contributed to the spread of distant pasture cattle raising there, putting competitive pressure on other forms of farming and leading to the exhaustion of grazing areas and hayfields. Most of the ethnic conflicts in the region are due to the changing population dividend in the region putting pressure on the economic structure of the region.

Ethnic conflict in the North Caucasus region

Ingushetian and Ossetian conflict

The conflict between Ingushetia and Ossetian arose in 1992 in the district of Prigorodniy. Ingushetians are the indigenous Caucasian people who lived in the mountains but due to Russian coercion they had to shift from the mountains to the valleys and towns. Whereas the Ossetians were called as the ‘foothillers’ as they lived at lower altitudes in the plains or the hills. The other factor in the relation between the two groups is that the Ingush are the indigenous people of the Caucasus on the other hand the Ossetians are the ‘immigrants’ who had settled in the Caucasus in the sixth century AD.²³ They have a difference in language the Ossetians are more closely related to Persian and the Ingush are more familiar with the Caucasian language closely related to the Chechens. The difference in languages between the two communities resulted in lack of communication between the two groups even though they both used Kumyk a Turkic language. The difficulty in communication was one of the factors which further increased the tensions between the two groups. The other point of difference is on the basis of religion. The Ingush are the people who are mainly Sunni Muslims who have a strong Sufi influence particularly the Qadri tariqat. Most of the Ossetians are traditional Orthodox Christians and in the northern part of the region a minority of the Muslims also exist in Ossetia.

Thus throughout history the relations between the Ossetians and the Ingush were

neither brotherly nor as foes. It was the foreign involvement in the region that deteriorated the relations between the two groups. With the advancement of Russia in the region of North Caucasus the Ossetian supported the Russians and they became one the important allies of the Russians in the region.

During the Soviet era the Ossetians and the Ingush were part of the Gorskaya Republic. In 1924 this Republic was dissolved and the Ingush were allocated their autonomous oblast. At present this autonomous oblast has been a disputed territory. The distinction between the territorial claim of North Ossetia and Ingushetia has been very uncertain, the reason being that the border passed through Vladikavkaz it is a densely populated areas and is the present capital of North Ossetia but has a majority of Ingush living in the region.

The root cause of the problem began during the Second World War. In June 1946, the Chechen Ingush ASSR was abolished and distributed among its neighbours and the Ingush were deported to Central Asia and Siberia. During this period the important Prigorodniy Rayon of Vladikavkaz was handed over to North Ossetia. This region was significant for the Ingush as it comprised of half of the Ingushetia’s territory.²⁴ In January 1957 when the Chechen- Ingush ASSR was restored, the Prigorodniy Rayon remained within North Ossetia. When the Ingush were allowed to return during Khrushchev’s era they found Ossetians settled in their homeland. When the Ingush tried to restore their homes they were resented by the local Ossetians who were supported by the North Ossetian authorities. The North Ossetian authorities initiated every possible way to prevent the Ingush from returning to their residences. In the later years legal instruments were implemented to make it impossible for the Ingush to resettle in the region. Some of the measures were in the period between 1982 and 1990 decrees were issued to limit the movement of people by implementing compulsory “propiski(internal passports)” in the district of Prigorodniy.²⁵ Yet these decrees could

²³ Birch, Julian. *Ossetia: a Caucasian Bosnia in Microcosm* // *Central Asian Survey*, 1995, No. 1, Pp. 43-74.

²⁴ Nekrich, Alexandr. *The Punished Peoples: the Deportation and the Fate of the Soviet Minorities at the end of the Second World War*, New York: Norton and Co., 1978. P. 9.

²⁵ Cornell, Svante. *Small Nations and Great Powers a study of Ethnopolitical conflict in the Caucasus*.

not stop the Ingush from settling in their lands. They used both legal as well as illegal ways to occupy their land and by 1989 there were almost 33.000 Ingush were living in the North Ossetian ASSR out of which almost 17.500 had settled in Prigorodniy region. By this time the relations between the Ingush and the Ossetians had strained and sporadic violence on the basis of ethnic grounds had begun between the two communities.

According to the Human Rights Watch there was an arms race between the Ingush and Ossetians.²⁶ The Ingush bought arms from Chechnya and on the North Ossetia side they cited the war in the South Ossetia as a need for them to arm themselves. Even the Russian authorities also supplied arms to the North Ossetian. Thus it could be argued that the North Ossetia was in a better position than the Ingush as they had the support of the Republican administration. Tensions between the two communities had increased since the 1991 with the Ossetians blaming the Ingush for the violence and extremism on the other hand Ingush alleged that the paramilitary forces of Ossetia harassed and killed Ingushetians. The increasing power of the Ossetian paramilitary forces was responded by the Ingush in the Prigorodniy region constructed fences, armed themselves and even organized guards in the villages.

In October 1992 war occurred between the two communities. One of the reason was on October 20 a pipeline which transported gas from Russia to Armenia and Georgia passing from Prigorodniy was destroyed. On the same day in the settlement of Oktyabrskoye, a 12-year-old Ingush girl was trampled by a loaded personnel transporter from the North Ossetia.²⁷ The Ossetian justified the incident as a mere accident but when two more Ingush were killed the next day the Ingush had become suspicious. Thus, leading to conflict between the two communities in Yuzhniy leading to the death of six men.²⁸

Taylor and Francis: London, 2001.

²⁶ Human Rights Watch/Helsinki. Punished Peoples' of the Soviet Union: the Continuing Legacy of Stalin's Deportations. New York: Human Rights watch, 1991. Pp. 48-49.

²⁷ Tschernonnaja, Swetlana. Der Ossetisch-Inguschische Konflikt im Nordkaukasus / Osteuropa, August (8) 1995, P. 741.

²⁸ Izvestiya, 20 October 1992.

Chechnya

The cause of ethnic conflict can be traced back to the Stalin period when the entire ethnic group of Chechens were deported to Central Asia. The event is remembered as genocide in the minds of the Chechens which cannot be erased till date in the successors of the victimized Chechens. The Chechens also faced the problem of territorial demarcation and their land was occupied by other ethnic groups when they returned in 1957 after the Khrushchev's reforms. Gorbachev's glasnost and perestroika gave an opportunity to the Chechens to demand independence from the Russian federation. In 1994 the demand for independence by the Chechens took a violent turn and in 1994 they fought a violent war with the Russian authorities. The violence again erupted in 1999 but now the course of the war had changed. The territories of Chechnya were invaded by the foreign Islamist Wahhabi leaders. The earlier demands of the secessionists were now converted to the demand for the establishment of an Islamic state in the territory. The invasion of Islamic extremists in the region posed a security threat to the entire Russian Federation. The unemployed youth joined these extremist forces and carried out violence in the region. These terrorist activities were not confined to Chechnya it even spread to its neighbouring territories of Dagestan and Ingushetia. The ethnic conflict which began with aim of cession from Russia had now turned bloody resulting in the death of thousands. Suicide bombing, kidnapping, hijacking are forms of terrorist activities were involved in order to threaten the civilians. The Beslan tragedy was a one of the violent activities carried out by the extremists.

The Russian authorities used force to deal with the issue. On the Russian part they initiated "mob up" operations in the region. A mob up operation is that the authorities could arrest randomly anyone on the suspicion that he had links with the extremists.

North Western Caucasus

The region of west central part of the North Caucasus is inhabited by two different ethnic groups. The first group belongs to the indigenous Circassian people composed of the Adyge, the Kabardins and the Cherkess. The linguists divide the Circassian language into

two parts one which is spoken in the western part and the other which is spoken in the eastern part of the region. The western vernacular is spoken by the Adyghe and Cherkess whereas the eastern vernacular is spoken by the Kabardins.

The second group of people are the Karachais and the Balkars who live in the high valley of the central North Caucasus. They speak a dialect which is similar to Western family of the Turkic languages. The number of Karachais are double the number of Balkars.²⁹

Of all the Muslim Caucasian mountain people, the Kabardins were the ones who were the most pro-Russian and their feudal elite was co-opted to a great extent by the Russians during their conquest of the Caucasus.³⁰ On the other hand the Circassian are more anti-Russian in their attitude. Religion plays an important role in the lives of Karachai-Balkars in comparison to the Circassian. The reason behind the importance of Islam is the events in Second World War when the entire ethnic group of the Karachai-Balkars were exiled to Siberia and Central Asia.³¹

Since 1920s the region of North Western Caucasus has been divided into two independent units the Karachai-Cherkess and the Kabardino-Balkar republics. The Circassians live to the north and the Karachai-Balkars live towards southern portion. Both these ethnic groups lived peacefully in their units the problem arose by the policies of Stalin. Stalin initiated the policy of divide and rule with an aim to create two ethnically heterogeneous units. The northern boundaries of these units were drawn further north extending its boundaries to the Slavic populated regions mostly the Cossacks. The Cossacks have age old enmity with the Muslims. The relations between the Karachai-Balkars and the Circassian people have unstable relations

due to the fact that the Karachai-Balkars were the vassals of the Kabardin nobility from the fifteenth century. The Kabardins consider themselves superior due to their nobility on the other hand they consider Balkars as inferior and primitive.³² The Balkars area was not advanced due to the lack of education amongst them caused by the deportation during Stalin era. In this region also the Russia government used its policy of instilling a ally in the region. The role of ally was played by the Cossacks. In 1993 the Cossack units were made part of the Russian armed forces. The same year the tensions between Cossacks and Karachai-Cherkessia arose as the Cossacks were accused putting pig carcasses in the mosques. The Russian government had given the Cossacks the authority to patrol the streets at night.³³

The Karachais led a national movement called Jamagat with an aim for the division of their autonomous oblast in 1988. The Centre responded to the demand by raising the status of the region to an ASSR however the Karachais had a demand for a full territorial rehabilitation which they enjoyed from 1926 to 1943.³⁴

Demand of Lezgin for unification

The Lezgin are the successor of the Dagestani people. They lived in the Southern portion of Dagestan and some of them even lived in the Northern part of Azerbaijan in the region through which the Samar River flows.³⁵ According to the density of the population they are the fourth largest group after the ethnic groups of Avars, Dargins and Kumyks. There were no territorial problems till the First World War, however during the national delimitations of the early Soviet era there was still peace in the region even though Samur river was taken as a

²⁹ Bennigsen, Alexandre; Wimbush, S. Enders. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. London, Hurst, 1985. Pp. 190-200. See also: Smeets, Riëks. Circassia // *Central Asian Survey*, 1995, No. 1, PP. 107-125.

³⁰ Lemercier, Chantal. Quelquejey, Cooptation of the Elites of Kabarda and Dagestan in the Sixteenth Century / Marie Bennigsen Brozup (ed.) *The North Caucasus Barrier*. London, Hurst, 1992.

³¹ Bennigsen, Alexandre; Wimbush, S. Enders. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. London, Hurst, 1985. Pp. 190-200.

³² Arutionov, Sergei. Ethnicity and Conflict in the Caucasus. / Paper presented at a 1997 symposium of the Slavic Research Centre, Hokkaido University. P. 8.

³³ Pustilnik, Marina. Caucasian Stresses / Transition, 15 March 1995, PP. 16-18.

³⁴ Hill, Fiona. Russia's Tinderbox: Conflict in the north Caucasus and its Implications for the Future of the Russian Federation. Cambridge. Harvard University, JFK School.

³⁵ Matveeva, Anna; McCarthy, Clem. The Lezgins: A Situation Assessment / International Alert Report, May 1997.

border between the RSFSR and the Azeri SSR. There was still no problem as this boundary was not considered as an international boundary. The main agitation of the Lezgin started in 1991 as their territory was divided between two sovereign states of Russia and Azerbaijan. This was the result of the disintegration of the Soviet Union resulting in the independence of Azerbaijan. Earlier to the independence of Azerbaijan the border between the RSFSR and Azeri SSR had created no obstruction to the Lezgins.

It was in 1965 when the Lezgin demanded a territorial entity under the national organization headed by Dagestani writer, Iskander Kaziev. This organization protested against the assimilation policies towards the Lezgins and demanded for a unified territorial unit which would comprise of the territories of Dagestan and Azerbaijan. The main aim for the demand of the unified Lezgin entity was to enable the Lezgin freely practice their culture and traditions and would prevent assimilation. The Lezgins have denounced the policies of the Azerbaijan government in particular. The official figures of the Lezgins in the Azerbaijani documents account to around 180,000 on the other hand in reality some accounts show the number as much as 700, 000 Lezgins in Azerbaijan.³⁶

If we focus on the condition of the Lezgins in Azerbaijan in comparison to their position in Dagestan the Lezgins in Azerbaijan are in a better position with a better quality of education than those in Dagestan. The Lezgins have also integrated well in the society of the Azerbaijani leading to inter marriage of Lezgin and Azeris.³⁷ The Lezgins in Azerbaijan consider their existence of ethnic kin in Dagestan as of much importance. The Lezgins have been able to preserve their language and ethnic identity through the contacts with Dagestan on the other hand the Talysh, Tats and Kurds in Azerbaijan has lost relevance and subsumed their identity with the Azeris.³⁸ During the later phase of

the Gorbachev era Lezgins began to organize themselves politically and in July 1990 the Lezgin Democratic Union was formed in Union Sadval was formed in Southern Dagestan The demands of the Lezgin were not responded by the Russian government as a result they turned towards radical measures. However after the disintegration of the Soviet Union in December 1991 the All Nation Congress of the Lezgin people declared the creation of an independent state of Lezgistan which had incorporated territories of both Dagestan as well as Azerbaijan. By 1992 the relations between Russia and Azerbaijan deteriorated as a result Russia imposed stricter border controls on the Azeri border to an extent that the Lezgins crossing borders would have to apply for visas either way they were travelling. The main objective behind initiating visa was to put obstacles to contacts between the Lezgins living across the borders.

The Lezgins demonstrated on both the sides of the border with the help of Sadval. In response to these unrests there were meetings between the Azerbaijani, Russian and Dagestani governments. The government of Azerbaijan were threatened by the uprising of the Lezgins as it was facing a war period in the Karabakh it was not ready to fight another ethnic conflict on its territory. On the other hand Russia was also weary of the unrest on its southern border. The justification for the border control as given by the Russian government was that such a step was taken to prevent smuggling. Furthermore, the Azeris considered the Russian hand behind the demonstration by the Sadval with an intention to further destabilize Azerbaijan in order to force the country to accept the Russian military bases and border troops as had been done in case of Georgia.

In order to resolve the issue in October 1992 at as Sadval Congress in Makhachkala the Lezgins in Dagestan as well as the Lezgin in Azerbaijan had gathered to find a solution to movement policy. There were differences between the two the Lezgins in Azerbaijan was more radical than their Dagestani kin. They were ready to use arms if the Azerbaijani government did not accept their demands. On the other hand the Dagestani Lezgins were less militant and were more fearful of the ethnic

³⁶ Fuller, Elizabeth. *Caucasus: The Lezgin Campaign for Autonomy* / in RFE/RL Research Report, 16 October 1992. Pp. 30-32.

³⁷ Akiner, Shirin. *Islamic Peoples of the Soviet Union*. London, Kegan Paul, 1983.

³⁸ Cheterian, Vicken. *Les Milleet Une Guerres du Caucase / Le Monde Diplomatique*, August 1994.

conflict due to the fact that Dagestan comprised of multi ethnic groups and conflict in one would influence the other ethnic groups. For example a city called Derbent in the Southern Dagestan populated by Azeris, Lezgins, Tabasarans and Tats. In May 1994 the murder of several Lezgins in the region brought ethnic tension to the point of civil war.

There were explosions in Baku in March 1994 resulting in the death of twelve people and over 50 were injured. From the investigation it was found that Sadval were involved in the terrorist activities. Further it was found that there were connections between Armenian security services and Sadval. The Armenians aimed to stir ethnic conflict in Azerbaijan. Two years later two Sadval activists were sentenced death punishment and eleven of them were sentenced to prisonment for this act. In July Ramazanov who had become the leader of the Lezgin in Azerbaijan was arrested on the accusation that he had been organizing training camps for terrorist in Dagestan. On the other hand, in reaction to the detention of Ramazanov around 300 Lezgins captured four Azeri police officers on the Dagestani border with a demand for the release of Ramazanov. The Azeris responded to this action and on 14th July Ramazanov was released. The acceptance of demand of the Lezgins by the Azeris proved that Azerbaijan would avoid ethnic conflict at every cost.³⁹

Conflict of Kabardins and Balkars over land

The Parliament of Kabardino-Balkaria on June 28, 2011 passed a law on distant pastures. According to the law the large pastures land in the Balkar regions could not be privatised and can only be rented. The law was considered by the Balkar as a violation of their right to land and economic self-sufficiency and a number of federal laws. One of the laws which they cited as violated was the “Law on General Principles of Local self-Government in the Russian Federation”. This law gave the Balkars the right over lands adjacent to their settlement in mountain areas. There is not even a single enterprise in the territory of Balkaria. The main subsistence of the Balkars is from their gardens

or cattle breeding. Thus, this new law on pretext of distant pastures would deprive them of 80 percent of their territories.⁴⁰ Earlier also there were laws passed in order to curb the land which belonged to the Balkars. In 2005, new republican legislation certified that a significant part of the Balkar property to “inter- settlement lands” which would have put it under republican jurisdiction. The law was to transfer two large Balkar rural settlement populated by 15,000 people would be transferred to the capital city of Nalchik. The Balkars challenged both these decisions in the Constitutional Court in 2007.

These claims of Balkars are criticized by the Kabardins they argue that the Balkars claim of high altitude pasturages as 60 percent of the Balkars live in plains. The remaining 40 percent if gets the pasturages they would have access to half the territory where most of the natural resources are concentrated. The Kabardins argues that the real objective of the Balkars to gain as much as mountain property as possible with an aim of establishing their own ethnic territory and secede from the KBR as they attempted to do in November 1991. On the other hand the Kabardins want to keep the land public so that they can continue to use it independently of the Balkar municipalities.

These differences have failed to reach an agreement between the Balkars and the Kabardins. Any concession by the government to one community has an immediate protest on the other side. As a result the 2007 Constitutional Court decision was not implemented instead a conciliatory commission was set up which failed to reach an agreement. Since 2008 the interethnic relations has deteriorated between the two communities. Leading activists of both the groups were targeted resulting in violence in the region. Some of the evidences are in 2011 a Kabardin activist and leader of the group named Ibrahim Yaganov was twice attacked and beaten ruthlessly. On the Balkar side also several Balkar leaders had to face violence. Some of the incidents were twice a journalist Ruslan Buduyev was attacked; Balkar leaders Baydayev and Rakhayev cars were burned; a member of the Council of Elders of the Balkar

³⁹ Tension in Dagestan on Eve of Lezgin Congress // The Jamestown Monitor, 2 December 1997.

⁴⁰ Crisis Group Interview. Ismail Sabanchiyev, chair, Council of Elders of the Balkar people, Nalchik, Kabardino-Balkaria, December 2011.

people named Tamara Gereyeva was illegally arrested and her arm was also broken. Even the office of the Council of Elders was burned and the organization was closed in May 2010 by the orders of the Supreme Court of Kabardino-Balkaria.

Clashes in Stavropol Krai

This is the only region in the North Caucasus Federal District with a majority of the ethnic Russians. The Russians were asked to settle in the North Caucasus to replace the deported people during the 1940-1950s. But now there is an outflow of the Russians from the region due to security reason and socio-economic concerns. Tensions occur mainly in the region's eastern districts where local authorities try to contain the migration from neighbouring republics and in the urban centres of Mineralnye Vody and Stavropol. Those towns have the largest concentration of students from other North Caucasian republics while businessmen from the neighbouring republics purchase real estate and invest in local enterprise. Since 2007 to 2008 there has been continuous violence among interethnic groups mainly involving the youth. Many of these conflicts in the east are between local Nogays and Dargins, they had replaced the Russians in the region.

Recommendations to avoid ethnic conflict

The law should define "hate speech" and should hold accountable the people who use hate speech. Thus the media person educationist, activist or those involve in activist groups should refrain from the use of any such words which would invoke to the use of violence by the people.

There should be a propagation of political pluralism, ethnic and religious tolerance among the people. Different ways should be initiated in order to encourage people in the active participation of citizen in public affairs.

In order to combat the impact of role of Islamic leaders in the ethnic conflict a preventive approach should be followed rather than a punitive approach. Efforts should be made to address the causes of extremism rather than the consequences of extremism. There should be an analysis of the ways in which the Islamic extremists try to mobilise and recruit people in

their activities and the causes underlying the problems needs to be addressed.

The federal authorities should work more efficiently in the region. There should be a regular inspection of the civilian officials, politicians and experts who should spend time in the republics to assess needs engage in dialogue and explain policies. There should be a regular evaluation of federal programmes by assessing their relevance, effectiveness, impact, sustainability of the policies among the people.

The government should ensure that common cultural space is observed in all North Caucasus Republics. The religious people should be allowed to follow their religion on the other hand secular people should be given the freedom to ensure a secular life without any pressure from religious authorities.

In the post conflict regions, the government should take initiatives to maintain peace and stability. As in case of Prigorodny district there should be a joint collaboration between North Ossetian and Ingush scholars to look into the problems of internally displaced people, effective ways in implementing decisions and agreement taken on the issue.

Initiate ways to contribute to the positive development of students such as development of sports, organize debating clubs, essay competitions or cultural activities. The state should make efforts to provide formal employment or involve them in professional development after their secondary education so that they do not get attracted to the extremists. Further the representatives of the state should initiate ways to listen and try to solve the problems of the youth.

The authorities should keep a record of social media, internet or mobile phone technology which is mostly used by the youth. Ideological extremism is spread through these social media.

The institutions of governance should be accountable to the people. Effective public enquiry mechanisms should be implemented effective and transparent implementation of policies. Corruption should be minimized effective punishments for officials involved in it. In order to reduce corruption independent media, NGOS should be given the freedom to conduct surveys to monitor system operated

by Ministry of Regional Development. Performance ratings should be implemented to analyse the working of the Republics in comparison to others.

Investigation of all breach of law such as abduction, torture and implement justice as early as possible. The human rights activists should be allowed to monitor police and other law enforcement officials' activities and also the detention operations by the officials⁴¹.

Conclusion

Thus, North Caucasus remains an important region in the southern portion of Russian Federation. Stability in North Caucasus is crucial for the framing of the policies of Russia as stability or instability in this region affects the entire region. Russia's communications with the Transcaucasus and its objective to influence the three independent republics of the region depend on the stability in North Caucasus. Thus ethnic conflicts pose a security challenge and question the survival of Russia in its present territorial structure.

References:

- Akiner, Shirin.* Islamic Peoples of the Soviet Union. London, Kegan Paul, 1983.
- Arutunov, Sergei.* Ethnicity and Conflict in the Caucasus / Paper presented at a 1997 symposium of the Slavic Research Centre, Hokkaido University.
- Bennigsen, Alexandre; Wimbush, S.* Enders. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. London, Hurst, 1985. Pp. 190-200.
- Berghe, Pierre L. van Berghe.* The Ethnic Phenomenon, Greenwood Press: London, 1981.
- Birch, Julian.* Ossetia: a Caucasian Bosnia in Microcosm // *Central Asian Survey*, 1995, No. 1, pp. 43-74.
- Catford, J.C.* Mountain of Tongues: The Languages of the Caucasus // *Annual Review Of Anthropology*, 1997, Vol. 6, pp. 283-314.
- Cornell, Svante.* Small Nations and Great Powers: A Study of Ethno-political Conflict in the Caucasus. Taylor and Francis Group, London and New York, 2000.
- Glazer, Nathan; Moynihan, Daniel Patrick.* Ethnicity: Theory and Experience. Harvard University Press, 1975.
- Hill, Fiona.* Russia's Tinderbox / Conflict in the Caucasus and Its Implications for the Future of the Russian Federation, September 1995.
- Horowitz, D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.

Huntington, Samuel P. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. New York: Touchstone, 1997.

Kaplan F. Moscow Cracks down on Outsiders: Police Take Advantage of State of Emergency to Drive Many Ethnic from City / *The Boston Globe*, October 14, 1993.

Lake, D.; Rothchild, D. Ethnic fears and Global Engagement: The International Spread and Management of Ethnic Conflict // *Institute on Global Conflict and Cooperation*, 1996, No. 20, pp. 5-47.

Nekrich, Alexandr. The Punished Peoples: the Deportation and the Fate of the Soviet Minorities at the end of the Second World War, New York: Norton and Co., 1978.

Posen, Barry P. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // *Survival*, 1993, Vol. 35(1), pp. 27-47.

Shibutani, T., et al. Ethnic Stratification: A Comparative Approach. Macmillan, 1965.

Smeets, Rieks. Circassia // *Central Asian Survey*, 1995, No. 1.

Smith, A. Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge: Polity, 2011.

Tscherwonnaja, Swetlana. Der Ossetisch-Inguschische Konflikt im Nordkaukasus / *Osteuropa*, August (8) 1995.

Wall, Thomas D. The Caucasus: An Introduction, Oxford University Press, 2010.

Wixman, Ronald. Soviet Nationality Policy and Practice. Language Aspects of Ethnic Patterns and Processes. University of Chicago: Department of Geography, January 1980.

Yancey, William; Ericksen, Eugene P.; Juliani, Richard N. Emergent Ethnicity: A Review and Reformulation // *American Sociological Review*, 1976, Vol. 41, No. 3, pp. 391-403.

Yetman, Norman R., ed. Majority and Minority: The Dynamics of Racial and Ethnic Relations. 5th ed. Boston: Allyn and Bacon, 1991.

⁴¹ Report on "North Caucasus: views from within People's perspectives on peace and security", 2012 published in Saferworld.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Моналиша Ачарджи

*Университет имени Джавахарлала Неру,
Нью-Дели, Индия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 3 ноября 2018 <i>Принята к печати:</i> 3 июля 2019</p>	<p>Аннотация: Этнические конфликты являются вызовом для государства, поскольку они влияют как на внешнюю политику, так и на внутреннюю политику нации. Регион Северного Кавказа является наиболее нестабильным регионом среди республик Российской Федерации. В данной статье будут проанализированы причины роста напряженности среди этнических групп и роль государства в решении проблем в регионе. Анализируются недостатки государственной политики и предлагаются меры, способные привести к положительным изменениям. Применение силы не сможет привести к каким-либо изменениям в регионе; более конструктивны усилия по устранению причин этнического насилия.</p>
<p>Об авторах: PhD, научный сотрудник, Центр изучения России и Центральной Азии, Школа международных исследований, Университет имени Джавахарлала Неру e-mail: monalishaacharjee20@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Северный Кавказ; этнос; Россия; безопасность; ислам; Чечня; конфликт</p>	

Для цитирования: Acharjee, Monalisha. Ethnic Conflicts in North Caucasus // *Сравнительная политика.* – 2020. – № 3. – С. 174-187.

DOI: DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10044

For citation: Acharjee, Monalisha. Ethnic Conflicts in North Caucasus // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 3, pp. 174-187.

DOI: DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10044

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОНЛАЙН-ДИСКУССИЯ «УСКОЛЬЗАЮЩИЙ РЕГИОНАЛИЗМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»

В Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО 6 мая 2020 г. прошла международная онлайн-дискуссия на тему «Ускользающий регионализм Северо-Восточной Азии». Вступительный доклад к обсуждению сделал профессор Принстонского университета Гилберт Розман. Мероприятие и дискуссию проводил директор Центра профессор А.Д. Воскресенский.

6 мая 2020 г. профессор Принстонского университета Гилберт Розман по приглашению профессора А.Д. Воскресенского в рамках постоянного семинара выступил в Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО со вступительным докладом к обсуждению на тему «Ускользающий регионализм Северо-Восточной Азии». После вступительного доклада, который прошел с большим успехом, развернулась оживленная дискуссия, затрагивающая все аспекты регионализма в Северо-Восточной и Восточной Азии в целом. Участники обсудили содержательный смысл понятия регионализм, его основные характеристики – экономические, геостратегические, степень сформированной региональной идентичности; рассмотрели интересы России, КНДР, РК, КНР, США, Японии, эволюцию региональной ситуации, начиная с конца 1980-ых гг. и ее современное состояние. Особенно острая дискуссия развернулась по вопросу современных точек зрения сторон на развитие ситуации, а также по вопросу рассмотрения субрегиональной ситуации в макрорегиональном контексте. Также полемику вызвало экспертное мнение профессора Г. Розмана о том, что успех Китая по преодолению пандемии неизбежно усилит противоречия в китайско-американских отношениях, приведет к новой биполярности и усилению российско-китайского стратегического партнерства вплоть до постепенного попадания России в экономическую и политическую зависимость от Китая. В соответствии с другой точкой зрения, также выявившейся в ключевой части дискуссии, нарисованная профессором Г. Розманом картина развития событий не является неизбежной, поскольку все участники международных отношений понимают опасность возникновения новой холодной войны, ее губительного влияния для развития мировой экономики и будут предпринимать усилия для того, чтобы избежать такого варианта как менее желательного. Участники дискуссии согласились, что формирующийся Индо-Тихоокеанский регион может стать ареной геополитического соревнования, но это необязательно приведет к неразрешимым геополитическим противоречиям и открытым конфликтам.

В мероприятии приняли участие представители профессорско-преподавательского состава МГИМО и НИУ ВШЭ, а также магистранты и студенты обоих вузов из России, Китая и США.

Центр комплексного китаеведения и региональных проектов

In the Frameworks of the On-Line Academic Events Series of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGMO University: The World-Eurasia-China Agenda and Regional Problematique.

On-Line Discussion

May 6, 2020 18.00PM Moscow time; 11.00 AM NY time.

Why has regionalism in Northeast Asia proved elusive?

To be Discussed: 1) prerequisites of regionalism—geostrategic, economic, national identity; 2) trajectory of regionalism—declining or rising? 3) periodization of the post-cold war decades—key factors; 4) state of regionalism in 2020—views from China, the US, Russia, Japan, South Korea, North Korea.

Тема: Конференция Zoom Алексей Воскресенский

Время: 6 мая 2020 06:00 PM Москва

Идентификатор конференции: 892 8203 7580

Discussion bases:

Rozman, Gilbert. Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization, Cambridge: Cambridge university Press, 2017
Voskressenski, Alexei D. & Boglarka Koller (eds.) The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2017

Participants

Key Interventions by Gilbert Rozman, distinguished professor and international authority on Northeast Asian regionalism, a specialist in Russian, Chinese, Japanese and Korean Studies, the author of many books, former Musgrave Professor of Sociology at Princeton.

Abstract: In his introductory remarks Gil Rozman will paint a comprehensive picture of the pursuit of regionalism across Northeast Asia in the years following the end of the cold war. He identifies periods of regionalism (described profoundly in his famous book *Northeast Asia's Stunted Regionalism* and envisages the problems that slowed regionalism's advance he envisages strategies of four key countries – China, Japan, South Korea and Russia – emphasizing bilateral relations while keeping in mind the changing globalization. He emphasizes that only learning the lessons of the past will regionalism be placed on a stable footing.

Moderator: Professor Alexei D. Voskressenski, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Questions to be discussed:

1. What are the prerequisites of regionalism—geostrategic, economic, national identity or some others?
2. What was (and if still is) the challenge of the Northeast Asia Region?
3. Is the Northeast Asia Region a key to the processes in the Greater East Asia?
4. What are the changes in the region and the world since 2000?
5. What is the logic (key factors) in the periodization of the post-cold war regionalism proposed by Gil Rozman? What is the logic of international debate about regionalism in the past decades?
6. What are lessons for constructing regionalism in Northeast Asia?
7. What may be alternatives to regionalisms? How to assess them?
8. How is China's international identity changing? Is it among the key factors in the region? What maybe consequences of this changing China's identity for international community?
9. How the international order may change after COVID-19? How this transformation may influence the USA, China, Europe, Russia and other countries and their versions of regionalism?
10. How European, US or China political economy perception of regionalism may influence the possibility of the future economic growth in the world and in Eurasia?

**ОНЛАЙН-СЕМИНАР
«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИНДОНЕЗИИ
В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОКО ВИДОДО»**

30 апреля в онлайн-формате прошел научно-практический семинар, организованный Центром АСЕАН совместно с Центром Хабиби (Индонезия).

Семинар был посвящён обсуждению внешнеполитических приоритетов и практики действующего президента Индонезии Джоко Видодо по итогам первых пяти лет его пребывания у власти (2014-2019). С докладом на эту тему выступил Ахмад Ибрагим Альмутаки, руководитель программы изучения АСЕАН в джакартском Центре Хабиби (Habibie Center, основан в 1998 г. Бахаруддином Юсуфом Хабиби, третьим президентом Республики Индонезия). В обсуждении доклада приняли участие директор Центра АСЕАН В.В. Сумский, старший научный сотрудник Центра изучения ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН А.В. Попов, а также студенты бакалавриата и магистратуры, изучающие индонезийский язык. Модератором дискуссии выступила Е.В. Колдунова, заместитель декана факультета МО по магистерским программам, ведущий эксперт Центра АСЕАН.

В своём выступлении Ахмад Ибрагим Альмутаки обозначил ряд стилистических и содержательных отличий между внешнеполитическими подходами Джоко Видодо и его предшественника на посту президента Индонезии – Сусило Бамбанга Юдойоно (2004-2014). Он также обратил внимание на те моменты внутреннего развития страны (в частности, на попытки парламентариев активнее влиять на выработку официальной позиции по международным вопросам), с которыми не может не считаться глава государства. Оценивая нынешнее состояние российско-индонезийских отношений, докладчик пояснил, какие факторы препятствуют, с его точки зрения, их более динамичному развитию.

Судя по реакции слушателей – прежде всего, студентов – доклад был воспринят с большим интересом. Вопросы, заданные индонезийскому эксперту, касались планов переноса столицы государства из Джакарты в юго-восточную часть острова Калимантан; места АСЕАН в системе международных связей Индонезии; перспектив реализации совместных российско-индонезийских проектов, и др. Участники семинара выразили заинтересованность в том, чтобы подобные обмены мнениями приобрели устойчивый характер.

**Центр АСЕАН
МГИМО МИД России**

**ЛЕКЦИЯ ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА
ДЖОНА ХОПКИНСА ГЭЙ КРИСТОФЕРСЕН**

В Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО прошла онлайн лекция профессора американо-китайского Нанкинского центра Университета Джона Хопкинса Гэй Кристоферсен на тему «Международные отношения КНР на локальном уровне». Мероприятие и дискуссию проводил директор Центра профессор А.Д. Воскресенский.

Профессор американо-китайского Нанкинского центра Университета Джона Хопкинса Гэй Кристоферсен по приглашению директора Центра профессора А.Д. Воскресенского в рамках постоянного семинара прочла открытую онлайн лекцию в Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО 28 апреля 2020 г. на тему «Международные отношения КНР на локальном уровне». После лекции, которая прошла с большим успехом, развернулась оживленная дискуссия, затрагивающая международные отношения Китая по периметру его границ, в особенности на границах с Россией, Вьетнамом и Бирмой. В мероприятии приняли участие представители профессорско-преподавательского состава МГИМО, журналисты, магистранты и студенты.

Online lecture and discussion.

China's Foreign Relations at the Local Level.

28.04.2020 21.00 PM Moscow time; 11.00 AM California time

In the Frameworks of the On-Line Academic Events Series of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGMO University:

The World-Eurasia-China Agenda and Regional Problematique.

Introductory remarks: *Alexei D. Voskressenski*, Professor and Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects

Introductory lecture delivered by:

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University, Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Abstract:

China's provincial foreign relations include economics, trade, FDI, migration, ecology, epidemics, ethnic minorities, family relations, and security. Although the central government in Beijing manages China's foreign relations, local governments have discretionary administrative authority in numerous areas. Interesting topics on local level relations: the historical roots of China's border relations, the evolving nature of center-local governance issues, theories of subnational government's practice of international relations, and comparison of China's border provinces' foreign relations among different provinces.

Literature for discussion:

<http://www.theasanforum.org/sino-russian-local-relations-heihe-and-blagoveshchensk/>

Alexei D. Voskressenski. "China's Relations with Russia" in: *China and the World*. Ed. by David Shambaugh. Oxford & N.Y.: Oxford University Press, 2020

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ НАУЧНЫЙ КОНТАКТ

15 мая 2020 г. в Южном федеральном университете состоялось 34 заседание постоянного теоретического семинара «Русская мысль и политика». На этот раз оно проводилось в онлайн-режиме. В семинаре приняли участие ученые России (ЮФУ и МГИМО МИД России) и Украины (Луганский национальный университет им. Т.Г. Шевченко). На семинаре было заслушано два доклада: «Донбасский конфликт: социологическая интерпретация» (проф. И.Ф. Кононов) и «Практическое применение методов политического анализа в мировом комплексном регионоведении: прогнозирование влияния пандемий на становление и эволюцию региональных порядков» (проф. А.Д. Воскресенский)².

В дискуссии проф. Г.В. Драч (ЮФУ) отметил актуальность состоявшегося семинара и его общую положительную направленность на достижение взаимопонимания заинтересованных сторон (Украины и России). Однако, в отличие от первого докладчика, он перенёс акцент на внутренние истоки проблем, приведших к силовому противостоянию. Требуется детальный анализ внутренних и внешних сил, участвующих в «игре» на украинском поле. Концепция мирового комплексного регионоведения позволяет изучать изменение геополитической конфигурации, определяющей специфику экономических и политических процессов на мировых осях «центры-полупериферии-периферии».

Проф. В.В. Вольчик (ЮФУ) проанализировал различия между экономикой, социальной структурой и политическими процессами в современных Китае и Индии. Доц. А.А. Кириллов (ЮФУ) рассмотрел гипотезу И. Кононова, С. Хобты, С. Шудло (сформулирована в 2007-2008 гг.). Украинские коллеги указывали на два проекта – Донбасса (как истока формирования современной украинской нации) и Галиции (как воплощения этнической лояльности). Авторы полагали, что оба проекта могут быть приемлемыми в определенных условиях, но в пределах одной страны их нельзя реализовать одновременно. Значит, проблемное поле обсуждения является более широким, чем обозначенная в первом докладе тема конфликта на территории Донбасса.

В заключение модератор проф. В.П. Макаренко поставил вопрос о необходимости совместной работы российских и украинских ученых над эпистемологическими, онтологическими и аксиологическими проблемами современных войн. Ученые ЮФУ разработали оригинальные концепции бюрократии, оппозиции, легитимности, власти, распада и воспроизводства империй, политического

цинизма, сравнительного анализа идеологических систем современности, политической концептологии и пр. Опубликованы циклы монографий, установлены постоянные связи с украинскими коллегами, головными институтами РАН, проводятся совместные исследования, выходят периодические издания. Этот потенциал можно использовать при превращении ЮФУ в постоянную дискуссионную площадку для обсуждения взаимосвязанных российско-украинских и глобальных проблем, которые упускаются из виду при конъюнктурном подходе к политическим и социальным процессам. Еще более важен совместный нелицеприятный анализ накопленных политических ошибок и поиск альтернатив.

Украинский коллега поддержал это предложение.

Г.В. Драч, А.А. Кириллов, В.П. Макаренко³

¹ См.: Кононов И.Ф. Донбасс: лаборатория войны, место социальной катастрофы // Социс. 2019. № 7. С. 152-163.

² См. Воскресенский А.Д. (отв. ред.) Мировое комплексное регионоведение. М: Магистр: ИНФРА-М, 2019.

³ Г.В. Драч – д.ф.н., проф., н.рук. Института философии и социально-политических наук ЮФУ; А.А. Кириллов – к.ф.н., доц. ИФиСПН ЮФУ; В.П. Макаренко – д.полит.н., д.ф.н., проф., заслуж. деятель науки РФ, акад. Нац. акад. пед. наук Украины, г.н.с., рук. Центра политической концептологии ИФиСПН ЮФУ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР
И ПРЕЗЕНТАЦИЯ МОНОГРАФИИ
«ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ
И ЗАПАДОМ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВСЕ ЕЩЕ
ОТНОШЕНИЯ?» В ЦЕНТРЕ КОМПЛЕКСНОГО
КИТАЕВЕДЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ПРОЕКТОВ МГИМО**

*In the Frameworks of the On-Line Academic Events
Series of the Centre for Comprehensive Chinese Studies
and Regional Projects, MGIMO University:
The World-Eurasia-China Agenda and Regional
Problematic.*

On-Line Discussion and Book Launch.

В Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО в рамках методологического семинара «Мир-Евразия-Китай и региональная проблематика» 13 мая 2020 г. прошел международный семинар «Взаимоотношения между Востоком и Западом: Действительно ли международные отношения все еще отношения?», на котором была презентована монография заслуженного национального профессора, профессора политических наук Тайваньского Национального университета и университета Сунь Ятсена Ши Чиюя «Китай и теория международных отношений: баланс взаимоотношений».

Проф. Ши Чиюй выступил со вступительной презентацией основных идей своей книги, обосновав концепцию «воображаемого государства» в китайской политической мысли и постулировав возможность включения этой концепции в глобальную теорию международных отношений. Он подробно проанализировал конфуцианскую концепцию государства в сравнении с западными концепциями государства Локка и Гобса и раскрыл проблему «национализации» в Китае современной теории международных отношений.

В роли модератора и основного дискуссионного участника на международном семинаре выступил профессор А.Д. Воскресенский. В последующем диспуте и развернувшейся вокруг него оживленной дискуссии обсуждались проблемы «национализации» теории МО, современного состояния конфликтных противоречий между США и Китаем и перспективы его урегулирования, а также перспективы использования национального теоретического опыта в построении действительно международной теории МО.

**RELATIONS EAST AND WEST:
IS INTERNATIONAL RELATIONS STILL RELATIONAL?
THE BOOK LAUNCH DISCUSSION ON CHINA AND
INTERNATIONAL THEORY**

Key Presenter

Chih-yu Shih, Chair Professor and University Chair Professor at National Taiwan University

Key intervention abstract:

A parallel to the state-of-nature imagination in the history of Chinese political thought that can contribute to international theory is discussed explaining what would a Confucian state of nature be like, in comparison with the Hobbesian or the Lockean states of nature. After that the presenter explains how the relation turn in Anglophone international studies interrogates the constitution of state identity by relation. In the conclusion how the binary of Western and Chinese international relations functional / irrelevant / detrimental to theorization of international relations in general is explained.

Moderator and Discussant: Professor Alexei D. Voskressenski, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Questions discussed:

1. How to make a relational critique of US-China rivalry?
2. How contemporary international relations defy relational necessities in general?
3. What is the quest for relational solutions to international rivalries?
4. What may be a plausible post-Western IR theory?
5. What may be a plausible Chinese IR theory?
6. What may be a plausible Western IR theory?

Discussion base:

Chih-yu Shih (ed.) (2019) *China and International Theory: The Balance of Relationships*. London: Routledge, 2019

Alexei D. Voskressenski (2003) *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations*. London & New York: RoutledgeCurzon

Alexei D. Voskressenski (2017) *Non-Western Theories of International Relations*. Springer Global: Palgrave-Macmillan

Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller (eds.) *Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Rowman & Littlefield / Lexington: Lanham, Boulder, New York, London, 2019

**ЗАСЕДАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»**

1 мая состоялось заседание редакционной коллегии журнала «Сравнительная политика», в котором приняли участие главный редактор, заместитель главного редактора и ответственные секретари.

Коллеги обсудили вышедшие и готовящиеся к выпуску номера, обрисовали будущие проекты, которые будут реализованы на базе журнала, наметили планы расширенного заседания редакционного совета, а также подняли вопрос присутствия журнала в международных базах цитирования.